

ISSN 2221-2558

Научно-практический центр проблем укрепления
законности и правопорядка Генеральной прокуратуры
Республики Беларусь

Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции

Сборник научных трудов

Основан в 2009 году

Выпуск 8

Минск
РИПО
2015

УДК 34(476)(082)

Рекомендовано к изданию

Ученым советом Научно-практического центра проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь

Сборник научных трудов «Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции» включен в Перечень научных изданий Республики Беларусь, рекомендованных ВАК для опубликования результатов диссертационных исследований по юридическим наукам.

© Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь, 2015

© Оформление. УО «Республиканский институт профессионального образования», 2015

**СОСТАВ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА СБОРНИКА НАУЧНЫХ
ТРУДОВ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОГО ЦЕНТРА ПРОБЛЕМ
УКРЕПЛЕНИЯ ЗАКОННОСТИ И ПРАВОПОРЯДКА ГЕНЕРАЛЬНОЙ
ПРОКУРАТУРЫ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**

Конюк Александр Владимирович – Генеральный прокурор Республики Беларусь, государственный советник юстиции 1 класса.

Бибилко Валентина Николаевна – профессор кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора юридического факультета Белорусского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

Василевич Григорий Алексеевич – заведующий кафедрой конституционного права юридического факультета Белорусского государственного университета, Заслуженный юрист Республики Беларусь, доктор юридических наук, профессор.

Данилевич Анатолий Александрович – заведующий кафедрой уголовного процесса и прокурорского надзора юридического факультета Белорусского государственного университета, Заслуженный юрист Республики Беларусь, кандидат юридических наук, профессор.

Мартинovich Изабелла Ивановна – профессор кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора юридического факультета Белорусского государственного университета, Заслуженный юрист Республики Беларусь, доктор юридических наук, профессор.

Семашко Елена Валентиновна – заведующий кафедрой конституционного и административного права Академии управления при Президенте Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

Функ Ян Иосифович – Председатель Международного арбитражного (третейского) суда при Белорусской торгово-промышленной палате, доктор юридических наук, профессор.

Шостак Михаил Александрович – профессор кафедры уголовного процесса Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь, Заслуженный юрист Республики Беларусь, кандидат юридических наук.

Эсмантович Ирина Игоревна – декан юридического факультета Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины, кандидат исторических наук, доцент.

Редакционная коллегия

Хомич Владимир Михайлович – директор ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», Заслуженный юрист Республики Беларусь, доктор юридических наук, профессор – председатель.

Бабий Николай Алексеевич – заместитель директора ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент – заместитель председателя.

Гучок Александр Евгеньевич – заместитель директора ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», доктор юридических наук, доцент.

Марчук Василий Васильевич – начальник отдела проблем эффективности прокурорского надзора, совершенствования правоприменительной практики и законодательства ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент.

Сащенко Павел Иванович – начальник отдела криминологического прогнозирования основных тенденций, динамики и структуры организованной преступности и коррупции ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», кандидат юридических наук.

Сидоренко Дарья Олеговна – ведущий специалист отдела криминологического мониторинга законодательства и криминологической экспертизы проектов правовых актов ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь» – технический редактор.

Солтанович Андрей Владимирович – начальник отдела криминологического мониторинга законодательства и криминологической экспертизы проектов правовых актов ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент – ответственный секретарь.

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ КРИМИНОЛОГИИ

Хомич В.М.

К вопросу о состоянии и совершенствовании правового регулирования социальной адаптации лиц, отбывших наказание в виде лишения свободы	9
---	---

Аккулев А.Ш.

О критериях определения положительных степеней поведения по Уголовно-исполнительному Кодексу Республики Казахстан	26
---	----

Бурый В.Е.

К вопросу о понимании сущности пенитенциарной криминологии.....	31
---	----

Катушонок О.В.

Уровни виктимологической профилактики насилия в семье.....	38
--	----

Куница Е.В.

К вопросу о перспективах применения экспериментального метода в криминологических исследованиях	44
---	----

Русецкий О.В.

Факторы развития криминальной ситуации в сетевом обществе	50
---	----

ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ СРЕДСТВ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Бородулькина Е.С.

Проблемы юридического критерия освобождения от наказания в случае психического расстройства (заболевания) в уголовном законодательстве Республики Беларусь	61
--	----

Глухова О.В.

Способы заранее не обещанного укрывательства преступлений: классификация и особенности квалификации	68
---	----

Дубко М.А.

Проблемные аспекты определения конструктивных признаков неправомерного завладения компьютерной информацией.....	76
---	----

Карабанова Е.Н.

Совершенствование уголовно-правовых средств борьбы с многообъектными посягательствами на интересы правосудия	82
--	----

Кузьменкова С.В.	
Особенности ареста как изоляционной меры наказания.....	89
Куприенко И.М.	
Карательные и социально-направленные элементы наказания в виде общественных работ	96
Лосев В.В.	
Злоупотребление служебными полномочиями как базовое (родовое) понятие умышленных преступлений должностных лиц	100
Маратаев Н.В.	
Уголовная ответственность за служебный подлог: некоторые особенности состава преступления	108
Марчук В.В.	
О понимании и интерпретации иной личной заинтересованности при рассмотрении уголовных дел о преступлениях против интересов службы.....	117
Новик О.О.	
Отграничение совокупности преступлений от смежных понятий уголовного права	128
Семьянов А.С.	
Особенности объекта заражения вирусом иммунодефицита человека (ст. 157 Уголовного Кодекса Республики Беларусь)	136
Суховаров К.С.	
Правовое поле защиты прав и свобод граждан в белорусских законах.....	143
Топорикова О.О.	
Компаративистский анализ мер уголовно-правового противодействия сексуальным домогательствам детей с использованием сети интернет в странах общего права	148
Шакель Н.В.	
Ответственность за действия в социальных сетях (комментарии, лайки, репосты).....	159
Швед Н.А.	
О начале уголовно-правовой охраны жизни человека	165

ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Дехтярев Е.В.

Наложение ареста на имущество юридического лица при расследовании преступлений: проблемы правоприменения..... 173

Зайцева Л.Л.

Условия освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим 179

Нефедов С.Н.

Байесовский подход к оценке доказательств и стандартизация вербальных формулировок выводов эксперта 187

Савчук Т.А.

Согласительный порядок принятия решения о применении мер пресечения в уголовном процессе: международные стандарты и национальное законодательство 195

Сенько А.С.

Проблематика уголовно-процессуального обеспечения института досудебного соглашения о сотрудничестве 201

Солтанович А.В., Скалкович М.А.

Проверка не вступивших в законную силу судебных решений по уголовным делам в Республике Беларусь: состояние и перспективы 210

ПРОБЛЕМЫ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА

Винокуров А.Ю.

О некоторых вопросах, связанных с привлечением к административной ответственности сотрудников следственного комитета Российской Федерации 218

Гавриленко А.В.

Актуальные направления совершенствования работы органов прокуратуры Республики Беларусь с обращениями граждан и юридических лиц 226

Какителашвили М.М.

Современные технологии в деятельности органов российской прокуратуры по обеспечению законности правовых актов 233

Протасевич А.В., Игнатюк А.З.

Взаимодействие органов прокуратуры с институтами гражданского общества в сфере противодействия коррупции 240

Скобелев В.П.

Проблемные вопросы участия прокурора в гражданском процессе 247

***КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАСКРЫТИЯ И
РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ***

Гучок А.Я.

Відслідковування як об'єкт криміналістичних досліджень 255

Ковган Ж.И.

Организационно-правовые вопросы назначения финансово-экономической экспертизы 261

Федончук М.В.

Криминалистическая оценка проектов нормативных правовых актов (нормативных правовых актов) 269

***МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ БОРЬБЫ
С ПРАВОНАРУШЕНИЯМИ***

Тимченко А.В.

Усовершенствование методов расследования экологических преступлений: практика в ЕС и США 276

***НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЕ РАЗРАБОТКИ НАУЧНО-
ПРАКТИЧЕСКОГО ЦЕНТРА ПРОБЛЕМ УКРЕПЛЕНИЯ ЗАКОННОСТИ И
ПРАВООРЯДКА ГЕНЕРАЛЬНОЙ ПРОКУРАТУРЫ РЕСПУБЛИКИ
БЕЛАРУСЬ***

Солтанович А.В.

Осуществление прокурорского надзора за законностью соединения и выделения уголовных дел 282

Наши авторы 295

Требования к оформлению материалов статей 298

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ КРИМИНОЛОГИИ

К ВОПРОСУ О СОСТОЯНИИ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ ЛИЦ, ОТБЫВШИХ НАКАЗАНИЕ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Хомич В.М.

Вводные положения о социальной адаптации лиц, отбывших наказание в виде лишения свободы

В подавляющем своем числе осужденные после отбытия лишения свободы сталкиваются с некоторыми очень реальными трудностями возвращения в условиях свободы к нормальной жизнедеятельности и становятся небезопасными для общества, особенно когда они освобождаются без соответствующей подготовки, наблюдения или поддержки.

Никакая стратегия предупреждения преступности не будет полной без эффективных мер, которые должны быть направлены на решение проблемы социальной адаптации таких осужденных. Очевидно, следует принять во внимание факт, что государственная безопасность не может быть гарантирована в ситуации, когда значительное количество преступлений совершаются людьми, которые уже столкнулись с уголовными санкциями, но не отказались от совершения повторных преступлений. Уровень уголовно-правового рецидива заведомо высок (более 47 %); криминологический рецидив превысил 50 %. В структуре рецидива **около 50%** относится к так называемому **пенитенциарному рецидиву**, то есть лиц, отбывавших наказание в виде лишения свободы и имеющих судимость на момент совершения повторного преступления. Большинство из них не смогли в силу различных причин после отбытия лишения свободы успешно интегрироваться в сообщество и опять были осуждены к лишению свободы. Это очевидная проблема для многих государств. Она и вынудила мировое сообщество к серьезному переосмыслению значимости лишения свободы как самой жесткой карательной реакции на преступление в контексте общей стратегии предупреждения преступности, особенно учитывая огромные социальные издержки, которые идут на финансирование пенитенциарной системы, и ее негативное влияние на распространение криминальной субкультуры. Поэтому во многих странах, начиная с 80-х годов 19 века, предпринимаются и реализуются (в разных формах и в разной степени) программы социальной адаптации (реинтеграции) осужденных, побывавших в местах лишения свободы.

В тех обществах, где имеются достаточные государственные (прежде всего, финансовые) и социальные организационные ресурсы, которые могут быть мобилизованы в процесс социальной адаптации преступников в

сообщество, эта деятельность поддается более или менее эффективному управлению и правовой регламентации, являясь существенным компонентом уголовно-исполнительной деятельности и уголовного судопроизводства. Однако в большинстве стран с малым и средним доходом программы социальной адаптации все еще плохо развиты. Тем не менее, сегодня многие государства признают важность этого фундаментального аспекта предупреждения преступности и продолжают развивать функцию социальной адаптации преступника как часть системы уголовного правосудия [1, с. 16–28.].

Республика Беларусь не является в указанном аспекте исключением. Более того, с точки зрения правовой институционализации, имеется достаточно хорошо сбалансированная и функционально-ориентированная система институтов правового регулирования и форм реализации уголовной ответственности, позволяющая при должной организационной мобилизации имеющихся ресурсов государственных органов, учреждений и организаций существенно повысить эффективность процесса социальной адаптации лиц, отбывших лишение свободы. Сказав это, необходимо, однако, признать, что функция социальной адаптации (реинтеграции) **является частью уголовного правосудия** и его целью, особенно в отношении человека, чья жизнь, уверенность в себе, самодостаточность, общественные отношения и место в сообществе были глубоко нарушены периодом заключения. Чем дольше люди содержатся под стражей, тем более сильна их связь с преступными группами и их идентификация с преступными ценностями, тем больше ухудшение в их семейных и общественных отношениях и больше трудностей, с которыми они неизменно сталкиваются, когда возвращаются к сообществу.

По мнению экспертов, не следует откладывать решение обозначенных проблем на будущее. Существует вариативная система практических инструментариев, разработанных Управлением Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности (UNODC), которые предназначены для того, чтобы помочь государствам с различным уровнем социального развития в актуализации и повышении эффективности реализации функции социальной адаптации преступников в системе уголовного судопроизводства [2].

В этой связи при анализе проблем социальной адаптации лиц, отбывших наказание в виде лишения свободы, с учетом имеющейся инфраструктуры органов и учреждений, вовлеченных в этот процесс, а также ограниченного ресурса инвестирования в программное обеспечение мер по адаптации осужденных, основное внимание обращено на **компонент управления** социальной адаптацией (реинтеграцией) осужденных в сообщество. Это управление должно быть частью всесторонней стратегии предупреждения преступности, совместимо с международными стандартами, которые рассматривают успешную социальную адаптацию преступников в сообщество **как основную цель процесса уголовного судопроизводства.**

Оно (**управление**) должно осуществляться со стороны уполномоченного органа^{*} по системе административно-координационного взаимодействия всех субъектов, вовлеченных в соответствии с действующим законодательством в процесс социальной адаптации осужденных, отбывших наказание в виде лишения свободы, и отвечать **следующим требованиям**:

а) процесс социальной адаптации осужденных должен осуществляться в период нахождения лица, отбывшего наказание, в режиме осуждения (судимости). Он должен охватывать как период нахождения осужденного в исправительных учреждениях, так и период судимости после отбытия наказания – вплоть до ее погашения или снятия;

б) включать деятельность всей имеющейся инфраструктуры государственных и негосударственных органов, которые в соответствии с действующим законодательством уполномочены и обязаны оказывать осужденным соответствующую поддержку;

в) процесс социальной адаптации осужденных должен осуществляться на плановой и программной основе с учетом криминологической характеристики контингента лиц, отбывающих лишение свободы, их социальной ориентации на жительство, работу в определенном регионе, по определенной профессии с учетом социально-ориентированных потребностей;

г) проводиться преимущественно на договорной основе с формированием блока оказываемой осужденному помощи и его обязательств по ориентации на правопослушное поведение и его подтверждение, то есть осуществляться на принципах probation (испытания)[†].

Система государственных органов и организаций, общественных объединений, включенных в процесс социальной адаптации осужденных

В соответствии с ч. 2 ст. 2 Закона Республики Беларусь от 4 января 2014 г. «Об основах деятельности по профилактике правонарушений» **профилактика** правонарушений при ведении уголовного и административного процессов, исполнении наказания и иных мер уголовной ответственности осуществляется в соответствии с **другими**

^{*} В Китае создано Бюро Реинтеграции Преступника с соответствующим аппаратом служащих, в Австралии программное управление возвращением преступника в общество являются функцией исправительных учреждений, в Сингапуре введена функция «чиновника по реинтеграции» в рамках тюремной службы с мандатом работать в тесном сотрудничестве с общинными организациями.

[†] Это наиболее приемлемая форма программного управления процессом социальной адаптации лиц, отбывших наказание в виде лишения свободы, в том числе условно-досрочно освобожденных от отбывания данного наказания, поскольку она персонифицировано ориентирована на самововлечение осужденного в процесс позитивной социальной реинтеграции в сообщество, учитывает его заинтересованность и самоответственность в этом.

законодательными актами. Таким образом, Закон выводит функцию социальной адаптации осужденных как существенный элемент предупреждения и профилактики рецидива из сферы своего правового регулирования. В принципе, это положение Закона является правильным, поскольку социальная адаптация осужденных, отбывших наказание, должна рассматриваться как часть системы уголовного судопроизводства, формироваться и осуществляться **в рамках уголовно-правовых и уголовно-исполнительных правоотношений.**

Правовой основой социальной адаптации осужденных должен стать специальный Закон, который в комплексном виде синтезировал бы в единстве систему органов и общественных объединений, а также мер, процедур и собственно мероприятий социально-адаптационного характера, осуществляемых **в формате уголовного правосудия в отношении осужденных, отбывающих и отбывших наказание в виде лишения свободы.**

В свою очередь, упомянутый Закон об основах профилактики в ст. 19 все же предопределяет систему этих органов, ориентируя их задачи в профилактической деятельности.

Так, органы внутренних дел обеспечивают контроль за прибытием граждан, освобожденных из исправительных учреждений, к избранному месту жительства, а местные исполнительные и распорядительные органы принимают меры по обеспечению жилыми помещениями и трудоустройству таких граждан *(реализуют регистрационно-контрольную функцию в обеспечении социальной адаптации).*

Местные исполнительные и распорядительные органы в порядке, установленном законодательством, оказывают поддержку организациям и индивидуальным предпринимателям, предоставляющим рабочие места для трудоустройства граждан, освобожденных из исправительных учреждений, исправительных учреждений открытого типа, арестных домов.

Порядок организации и финансирования мероприятий по трудоустройству граждан, освобожденных из исправительных учреждений, в том числе частичной компенсации затрат по оплате труда таких лиц, определяется Советом Министров Республики Беларусь.

В систему органов, вовлекаемых в реализацию мероприятий по профилактике и социальной адаптации, включены органы и учреждения здравоохранения, органы и учреждения образования, органы и учреждения Министерства труда и социальной защиты, учреждения социального обслуживания, советы общественных пунктов охраны правопорядка, добровольные дружины, общественные объединения и иные организации.

Перечисленные государственные органы и их образования, а также общественные объединения – не более как институциональная основа для выстраивания взаимодействующей системы управления социальной адаптацией осужденных, отбывших наказание. Управляющую надстройку всей этой деятельности следует искать или создавать в системе уголовно-исполнительной деятельности, которая является частью уголовного

судопроизводства, его социально-ориентированной функцией эффективного применения наказания.

Социальная адаптация относится к процессу интеграции человека в социальном и в психологическом отношении в какую-либо социальную среду. В области предупреждения преступности и уголовного судопроизводства этот термин относится к различным формам воздействия и программам, предназначенных для осужденных, чтобы препятствовать их повторному вовлечению в преступное поведение или уменьшить вероятность такого поведения. Поэтому меры социальной реинтеграции являются **своего рода попытками** различных компонентов системы правосудия в сотрудничестве с общественными объединениями, неправительственными организациями, учебными заведениями, сообществами и семьей преступников поддержать успешную социальную интеграцию этих людей из-за опасности совершения ими преступления после освобождения из пенитенциарных учреждений.

Они включают комплекс воспитательно-исправительных, образовательных, профессионально-ориентационных, материально-восстановительных программ, осуществляемых до освобождения (в исправительном учреждении), при условно-досрочном освобождении, а также после отбытия лишения свободы в течение срока судимости.

Таким образом, в структурно-функциональном отношении комплекс мероприятий социально-адаптационного характера включает **две стадии их реализации:**

а) программы и мероприятия, предлагаемые **в самом институциональном учреждении места лишения свободы** до освобождения, чтобы помочь осужденным максимально быть готовым беспрепятственно преодолевать трудности социальной реинтеграции, не используя криминальный опыт. Эти мероприятия, как правило, обращаются к факторам риска, связанным с преступным поведением. Это необходимо, чтобы нейтрализовать психологические установки криминогенного свойства в поведении осужденного, привить ему необходимые навыки и интересы законопослушного поведения в независимой жизни, а также подготовить его профессионально и целенаправленно к освобождению и возвращению в общество в качестве востребованного гражданина. Желательно, чтобы этот этап социальной адаптации (разумеется, при согласии освобождаемого) завершался программным соглашением об оказании необходимой помощи освобождаемому осужденному в случае соответствующего его поведения;

б) программы и мероприятия, основанные на деятельности уполномоченных государственных органов и общественных социальных образований, иногда являющиеся частью схемы условного освобождения, чтобы облегчить социальную реинтеграцию преступников после их освобождения. Эти мероприятия социальной адаптации (вторая стадия) основаны на реализации некоторых форм наблюдения (контроля, надзора) со стороны уполномоченных органов, а также различных формах поддержки и помощи преступникам, иногда также их семьям.

Некоторые из этих мероприятий, осуществляемых после освобождения, фактически начинаются в период, когда осужденные все еще находятся в пенитенциарном учреждении. Особенно это практикуется по программам условно-досрочного освобождения. Однако должного правового и организационного механизма управления деятельностью по социальной адаптации осужденных, отбывших лишение свободы, и его программно-планового обеспечения (сопровождения) не создано в Республике Беларусь. Нуждаются в изменении в указанном контексте и элементы режимного регулирования порядка отбывания наказания в виде лишения свободы. Это подтверждается анализом нормативного правового регулирования указанного контекста уголовно-исполнительной деятельности.

Так, в УИК Республики Беларусь заложена норма, регулирующая полномочия Департамента исполнения наказаний МВД Республики Беларусь (далее – ДИН) и его структурных подразделений (далее – исправительные учреждения) в вопросах оказания социально-адаптационной помощи освобожденным из мест лишения свободы. Кроме того, соответствующие отношения урегулированы: Инструкцией о порядке оказания администрацией учреждения уголовно-исполнительной системы Министерства внутренних дел Республики Беларусь помощи осужденным к ограничению свободы с направлением в исправительное учреждение открытого типа или к лишению свободы в трудовом и бытовом устройстве, утвержденной постановлением МВД Республики Беларусь от 15 января 2014 г. № 15; Инструкцией о порядке взаимодействия органов по труду, занятости и социальной защите, территориальных органов внутренних дел и администраций исправительных учреждений уголовно-исполнительной системы, утвержденной совместным постановлением Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь, Министерства внутренних дел Республики Беларусь от 30 марта 2012 г. № 47/93; Инструкцией о порядке организации и проведения воспитательной работы с осужденными к наказаниям в виде ареста и лишения свободы, утвержденной приказом Министерства внутренних дел Республики Беларусь от 30 декабря 2013 г. № 572. Однако **предметно-целевой механизм управления** социальной адаптацией лиц, освобождаемых из мест лишения свободы, этими правовыми документами не устанавливается и не предусматривается.

С целью оказания социально-адаптационной помощи осужденным администрации исправительных учреждений (далее – ИУ) действительно взаимодействуют с органами внутренних дел (далее – ОВД) и органами по труду, занятости и социальной защите, исполнительными и распорядительными органами по вопросам, относящимся к их компетенции. Некоторые мероприятия разъяснительного характера по подготовке осужденных к освобождению начинаются с момента их прибытия в исправительное учреждение, **но они лишены целевой ясности и предметности.**

Согласно УИК более или менее определенная работа администрации исправительного учреждения по подготовке осужденного к освобождению

начинается **за три месяца до освобождения** путем обмена информацией с ОВД и органами по труду, занятости и социальной защиты о необходимости оказания помощи осужденному в трудовом и бытовом устройстве и контроля за его прибытием.

Что касается прибывших для отбывания наказания, то с ними на протяжении всего периода лишения свободы в основном проводится **разъяснительная работа**, в том числе по тематике, направленной на формирование перспектив дальнейшего жизнеустройства после освобождения. Конечно, выясняется их образ жизни до осуждения, осуществляется их вовлечение в образовательную, трудовую деятельность в рамках тех возможностей, которые имеются в исправительном учреждении.

Повышение профессионального уровня осужденных осуществляется в профессионально-технических училищах (далее – ПТУ), расположенных на территории исправительных учреждений. Так, в течение 2013–2014 учебного года в четырнадцать ПТУ в системе ДИН прошли профессиональное обучение 2344 осужденных по 28 рабочим специальностям. Ежегодно на собственном производстве исправительных учреждений проходят профессиональную подготовку более 3000 осужденных. Однако вопрос о том, как профессиональная подготовка увязана с намерением осужденных найти востребованную работу по месту жительства после освобождения с учетом региональных потребностей в рабочих ресурсах, остается открытым и непонятным в контексте успешной трудовой адаптации освобождаемых осужденных.

Реально целевых мероприятий по социальной адаптации осужденных после отбытия лишения свободы в деятельности исправительных учреждений не просматривается, или они сводятся к общему информационному воспитательному воздействию и к общей ориентационной помощи. Исправительные учреждения не обеспечивают и не задают необходимой программы социальной адаптации осужденных, покидающих места лишения свободы. По этой причине после освобождения лиц из мест лишения свободы в отношении их осуществляются контрольно-регистрационные процедуры и стандартизированные мероприятия общего характера по оказанию необходимой материальной помощи, а также помощь в трудоустройстве, как правило, без предварительного учета социальной ориентации осужденного на определенное место жительства и получение необходимой работы с учетом квалификации. Работа предлагается по принципу: *выбирай из того, что есть; не устраивает, иди и ищи сам* – на основе имеющихся вакантных рабочих мест в избранном для проживания регионе. Вследствие этого осужденные, в большинстве случаев, отказываются от услуг по трудоустройству, получают установленный пакет материальной помощи и прекращают всякое контролируемое сотрудничество с уполномоченными органами, если они не относятся к той категории осужденных, **за которыми осуществляется превентивный надзор или профилактическое наблюдение**. Обусловлено это тем, что профессиональная подготовка осужденного не ориентирована на желание

осужденного работать по определенной профессии с учетом планируемого места жительства после освобождения, равно как и на потребности данного региона в соответствующих трудовых ресурсах.

В большинстве стран мира, где выстраивается более или менее четкая программа деятельности по социальной адаптации, уже с момента прибытия осужденного в пенитенциарное учреждение четко выстраивается программа воспитательной, образовательной и трудовой терапии на принципах реальной возможности того региона, куда осужденный намерен вернуться после отбытия наказания. В этом направлении и корректируется образовательная и профессиональная подготовка осужденного в местах лишения свободы. Поэтому, в основном, уже на момент освобождения осужденного из пенитенциарного учреждения четко определяются параметры по организации личной (семейной), трудовой, бытовой жизни по избранному месту проживания освобожденного. Обычно указанная информация содержится в **заключении**, которое готовится на каждого осужденного и направляется в соответствующий орган уголовно-исполнительной системы – как правило, в службу пробации, которая организует учетный, профилактический и социально-адаптационный контроль за выполнением осужденным установленных стандартов социальной адаптации. Осужденному гарантируется стандартизированный пакет помощи в социальной адаптации **на условиях соглашения**, заключаемого между уполномоченным органом по социальной адаптации и осужденным. Такие соглашения заключаются, как правило, лишь при согласии осужденного. При этом уполномоченный орган, осуществляющий социальную адаптацию осужденных после отбытия ими наказания, находится в режиме постоянного взаимодействия на персонифицированной основе с администрацией пенитенциарного учреждения, где соответствующий осужденный отбывает наказание в виде лишения свободы, с учетом его предполагаемого места жительства после освобождения. Пока такой уровень координационного управления системой социальной адаптации в республике не создан, имеются лишь отдельные фрагменты этой деятельности, которая осуществляется на ситуационной основе.

Таким образом, социально-адаптационная функция вплетена в систему профилактики, которая, в свою очередь, пока не имеет четкого механизма управления и перманентного осуществления. Из анализа нормативных правовых актов следует, что компоненты социальной адаптации сводятся к следующему:

- ОВД обеспечивают контроль за прибытием граждан, освобожденных из ИУ, ИУОТ, арестных домов, к избранному месту жительства;
- далее уголовно-исполнительные инспекции осуществляют регистрационно-учетный и **профилактический контроль** за данной категорией осужденных. *Профилактический контроль за осужденными, освобожденными из исправительных учреждений, уголовно-исполнительные инспекции проводят совместно с территориальными органами внутренних*

дел;

- местные исполнительные и распорядительные органы принимают меры по обеспечению жилыми помещениями и трудоустройству граждан, освобожденных из ИУ, ИУОТ, арестных домов, а также граждан, вернувшихся из специальных учебно-воспитательных учреждений и специальных лечебно-воспитательных учреждений.

Система профилактического контроля за осужденными, освобожденными из исправительных учреждений, **имеет три уровня режимного наполнения:**

- профилактическое наблюдение, которое в соответствии со ст. 81 УК в течение срока судимости в обязательном порядке осуществляется за осужденными за тяжкое или особо тяжкое преступление после освобождения из исправительных учреждений;

- превентивный надзор, который в соответствии со ст. 80 УК устанавливается за рецидиво-опасной категорией осужденных после отбытия лишения свободы;

- профилактический контроль за иными категориями осужденных, отбывших лишение свободы, в основном осуществляется в виде учетно-регистрационного контроля и общей профилактики.

Наличие надлежащего **профилактического контроля** за осужденными, отбывшими лишение свободы, – важный элемент в системе обеспечения деятельности субъектов, принимающих участие в социальной адаптации осужденных. Общеизвестно, что криминогенными факторами, сводящими к нулевому результату устремления осужденного вернуться к нормальной жизни после освобождения из исправительного учреждения, **являются статус судимого, изначальная бытовая неустроенность, отсутствие работы, пьянство.** Какие меры, кем и каким образом предпринимаются, чтобы нейтрализовать указанные факторы, неясно.

Анализ принятых программ и запланированных мероприятий по профилактике рецидивной преступности показал, что они бессодержательны, дублируют положения нормативных правовых актов и должностные обязанности сотрудников ОВД, работников комитетов по труду, занятости и социальной защите и иных лиц.

Исполнительные и распорядительные органы не организуют никаких мероприятий, направленных на адаптацию лиц, освободившихся из мест лишения свободы. Данная работа не имеет организационной инициативы, системности и стабильности, выполняется ситуационно ОВД, работниками службы социальной защиты и др. при решении отдельных вопросов трудоустройства таких граждан, обеспечения их местом жительства, как правило, после их личного обращения.

Роль суда в определении программного обеспечения процесса социальной адаптации осужденных, отбывших наказание в виде лишения свободы

Суды должны принимать участие в определении и коррекции программ социальной адаптации осужденных, освобождаемых из исправительных

учреждений. Сегодня это общепринятый международно-правовой стандарт. Вопрос заключается в объеме социальных полномочий судов соучаствовать в формировании персонифицированных программ социальной адаптации осужденных. Например, в отношении несовершеннолетних основы таких программ закладываются уже при рассмотрении уголовного дела. Собственно в этом и состоит основной компонент ювенального судопроизводства. В традиционном уголовном судопроизводстве указанную функцию суды наиболее полно и отчетливо реализуют в рамках института условно-досрочного освобождения от наказания в виде лишения свободы. Что касается лиц, освобождаемых из исправительных учреждений по отбытии срока наказания, то возможности суда воздействовать на процесс социальной адаптации осужденных здесь ограничены и могут проявляться в установлении, дифференциации, продлении, изменении и отмене различных по режиму форм постпенитенциарного контроля (разумеется, если таковой контроль предусмотрен законодательными актами. Например, УК Республики Беларусь предусматривает такие виды постпенитенциарного контроля как профилактическое наблюдение и превентивный надзор).

В Республике Беларусь в отличие от Российской Федерации и Республики Казахстан **взаимодействие** судов с органами, исполняющими наказание, по организации социальной адаптации лиц, освобождаемых *условно-досрочно* из исправительных учреждений, реализуется в **формате контрольно-процессуального правосудия**, но не в формате **восстановительно-контрольного**. Именно *восстановительное*, или, как его еще называют, *восстановительно-реинтеграционное правосудие*, является той частью уголовного судопроизводства, которая и выражает контекст и полноту функции социальной адаптации лиц, освобождаемых из мест лишения свободы, роль и значимость суда в ее реализации.

В основе *восстановительно-реинтеграционного правосудия* лежит тот неопровержимый факт, что осужденный сам перед судом должен доказать свою готовность исправления без продолжения отбывания наказания в виде лишения свободы, разумеется, при **соблюдении установленных законом базовых оснований применения условно-досрочного освобождения**. Общепринятым стандартом в реализации указанных требований является то, что сам осужденный обращается в суд с ходатайством об условно-досрочном освобождении. Делает это осужденный **через администрацию учреждения**, которая обязана направить ходатайство в суд, если нет очевидных препятствий, установленных УИК, для рассмотрения вопроса об условно-досрочном освобождении. К числу таковых следует отнести, например: нахождение осужденного на облегченных условиях содержания; осуществление совместно со службой социальной адаптации ИУ комплекса стандартных подготовительных мероприятий, обеспечивающих возможность дальнейшей ресоциализации без изоляции от общества (в условиях контролируемой свободы); отсутствие взысканий. Только при соблюдении указанных условий администрация может направить ходатайство осужденного в суд. Одновременно администрация прилагает к

ходатайству собственное заключение о возможности условно-досрочного освобождения. В самом общем виде такой порядок возбуждения производства об условно-досрочном освобождении установлен в большинстве постсоветских государств. Оппоненты введения такого порядка исходят из того, что, поскольку воспитательное воздействие на осужденных – это задача исправительных учреждений, то они и должны инициировать рассмотрение вопросов, связанных с досрочной интеграцией лиц, отбывающих лишение свободы, в общество посредством их условно-досрочного освобождения от отбывания данного наказания. Действительно, непосредственно функцию социальной адаптации лиц, отбывающих и отбывших наказание, суды не осуществляют. Однако, принимая решение об условно-досрочном освобождении конкретного осужденного, суды фактически определяют (должны определять) условия (программу желаемой социальной реинтеграции освобождаемого в сообщество), в которых будет происходить социальная деятельность осужденного в период неотбытой части наказания и после.

За последние 5 лет наблюдается тенденция снижения применения института условно-досрочного освобождения, в том числе из мест лишения свободы, что в определенной степени связано с критикой сложившейся практики применения данного института, формализованными и достаточно неопределенными критериями оценки состояния доказанности «исправления», слабым уровнем обеспеченности условно-досрочного освобождения мероприятиями социально-адаптационного характера. Вследствие этого наблюдается относительно высокий уровень рецидива (**более 10 %** в течение неотбытой части наказания *(за последние четыре года он снизился)* и еще **более 10 %** в течение срока судимости после истечения указанной части срока наказания).

Ожидаемая реакция на такие тенденции в уголовной политике состоит в том, что осужденный практически не воспринимает либо вообще игнорирует всякую информацию, направленную на формирование готовности вести правопослушный образ жизни как во время отбывания наказания, так и в условиях свободы (после отбытия наказания). Об этом свидетельствует и возрастающий массив дисциплинарной практики. В итоге, усилия исправительных учреждений освобождать из мест лишения свободы осужденных, ориентированных на законопослушный образ жизни, сводятся к минимуму.

Таким образом, комиссия исправительного учреждения как бы подменяет собой судебный орган и тем самым лишает осужденного права на судебное рассмотрение вопроса его досрочного освобождения из мест лишения свободы.

Сложившаяся практика применения к осужденным института условно-досрочного освобождения, с одной стороны, возлагает на администрацию ИУ обязанность в полном объеме обеспечивать проведение

ресоциализационных (исправительно-адаптационных) мероприятий, в том числе достаточных для применения условно-досрочного освобождения, а с другой – обязывает принимать решение о целесообразности условно-досрочного освобождения осужденного. Фактически администрация учреждения сама оценивает эффективность своей работы по применению к осужденному основных средств исправления. Так, при принятии администрацией ИУ решения о нецелесообразности условно-досрочного освобождения осужденного соответствующие материалы в суд не направляются. Соответственно, осужденный лишается права оспорить решение администрации исправительного учреждения путем представления доказательств и гарантий того, что его исправление будет обеспечено без дальнейшего отбывания наказания. При этом роль осужденного в процессе доказывания формирования у него готовности к ведению правопослушного образа жизни практически не проявляется. Отсюда у осужденных, как правило, крайне низка мотивация к принятию реальных активных мер для доказывания своего исправления по специальным программам социально-адаптационного характера, включение которых и их выполнение уже в период отбывания лишения свободы позволило бы осужденному претендовать на условно-досрочное освобождение от дальнейшего отбывания лишения свободы

Малопродуктивными являются позиция законодателя и складывающаяся практика, которые исходят из того, что условно-досрочное освобождение допускается, если осужденный **доказал свое исправление**, и что комиссия ИУ по итогам периодических аттестаций способна с объективной достоверностью констатировать таковое. В условиях отбывания лишения свободы осужденный не может это доказать ни примерным поведением, ни честным отношением к труду, поскольку все это осуществляется в условиях принудительной изоляции и в режиме принуждения. Это своего **рода маркеры**, которые могут сигнализировать о возможности включения осужденного в систему целевых мероприятий ресоциализационного характера, в том числе в плане условно-досрочного освобождения от наказания. В ходе выполнения этих мероприятий осужденный должен доказать и подтвердить, что для его исправления он не нуждается в полном отбывании назначенного наказания и он готов это подтвердить на свободе в течение неотбытой части наказания. Такая формула основания условно-досрочного освобождения конкретна и определена, широко применяется в законодательстве большинства государств, в том числе в России и Казахстане. Так, ст. 79 УК РФ и ст. 72 УК РК в указанном контексте устанавливают следующее: ***«осужденный подлежит условно-досрочному освобождению, если судом будет признано, что для своего исправления он не нуждается в полном отбывании назначенного судом наказания»*** [3, с. 72-78].

В соответствии с правовой конструкцией уголовной ответственности, установленной в УК Беларуси, применение наказания является одной из форм ее реализации. Поэтому условно-досрочное освобождение от полного

отбывания назначенного наказания не означает освобождение осужденного от несения бремени уголовной ответственности. Она продолжается в форме условного неприменения неотбытой части назначенного наказания. Продолжается и реализация целей уголовной ответственности (цель исправления и предупреждения), но в формате более благоприятных условий для социальной самоадаптации освобожденного от отбывания наказания осужденного.

Поэтому применение условно-досрочного освобождения с учетом принципов и требований процесса социальной адаптации должно выстраиваться на заявительном принципе, предусматривающем активное участие осужденного в процессе доказывания перед судом своего исправления. Это позволит создать условия для повышения мотивации осужденных к исправлению, а также исключить факты применения институтов досрочного освобождения к лицам, приспособившимся к отбыванию наказания (то есть демонстрирующим внешние признаки исправления). При этом права осужденных будут соблюдены, так как решение об условно-досрочном освобождении будет приниматься независимым судом. В целях исключения массового направления осужденными заявлений о применении к ним условно-досрочного освобождения, а следовательно, загруженности судов заявительный принцип должен действовать только в отношении осужденных, не имеющих взысканий в течение года.

Введение эффективных механизмов осуществления социально-адаптационных мероприятий во время отбывания лишения свободы при стимулировании к этому осужденных и их активном и заинтересованном участии предполагает введение в закон также следующих нормативных правовых позиций:

- **исключить применение институтов условно-досрочного освобождения и замены неотбытой части наказания на более мягкое наказание в отношении всех наказаний, за исключением лишения свободы;**

- **реорганизовать режим отбывания лишения в пределах каждого вида исправительной колонии на трех уровнях режимного содержания осужденных – на обычных, облегченных и строгих условиях отбывания наказания, как это предусмотрено ст. 87 УИК РФ. В связи с этим необходимо отказаться от так называемого института перевода осужденных на улучшенные условия содержания. Право на условно-досрочное освобождение осужденный может реализовать, находясь на облегченных условиях содержания;**

- **обычные условия содержания являются основными, куда помещаются все осужденные, прибывшие для отбывания наказания в соответствующий вид исправительной колонии. Перевод осужденных на облегченные или строгие условия содержания должен быть строго регламентирован, и в основе такого перевода должны лежать уровень соблюдения или несоблюдения осужденным правил поведения осужденных в местах лишения свободы. Вместе с тем, перевод осужденных на**

облегченные условия содержания должен осуществляться на основе **дополнительных критериев**, связанных с оценкой мотивации осужденного на его активное участие в ресоциализационных мероприятиях и программах социально-адаптационного характера, в том числе посредством принятия инициативных мер по возмещению вреда, причиненного преступлением;

- внедрить в практику деятельности исправительных учреждений систему психологического мониторинга при переводе осужденных на облегченные условия содержания, особенно в отношении лиц, совершивших тяжкие насильственные и насильственно-корыстные преступления;

- на постоянной основе осуществлять криминологическое прогнозирование поведения осужденных, претендующих на условно-досрочно освобождение, позволяющее по специальной методике определять три уровня сохраняющихся рисков совершения условно-досрочно освобожденным преступления в течение неотбытой части наказания;

- расширить перечень обязывающих мер, которые могут возлагаться судом на осужденного при условно-досрочном освобождении, возможно, не делать его исчерпывающим.

Предложения и рекомендации

Анализ состояния и функционирования системы социальной адаптации осужденных, освобождаемых из исправительных учреждений, показал, что в республике пока не состоялось организационно и нормативно институциональное оформление деятельности уполномоченных и ответственных органов (субъектов), реализующих данную функцию на программно-целевом управлении и взаимодействии.

Нет комплексного законодательного акта, синтезирующего полномочия всех субъектов, вовлекаемых в деятельность по социальной адаптации, на основе формирования организационного центра координации, управления, программно-криминологического и социального планирования обеспечения этой деятельности. Имеющиеся фрагменты правового регулирования социальной адаптации осужденных касаются лишь общих компетенционных вопросов участия (соучастия) соответствующих государственных органов, местных исполнительных и распорядительных органов, иных организаций. Характер взаимодействия органов уголовно-исполнительной системы с государственными органами и иными организациями, вовлекаемыми в процесс социальной адаптации, регулируется ведомственными актами. Нет должного взаимодействия и координации в осуществлении социальной адаптации и между органами уголовно-исполнительной деятельности в системе МВД.

В этой связи предлагается следующее:

1. Разработать и принять Закон Республики Беларусь «О социальной адаптации лиц, освобожденных из мест лишения свободы».

2. При разработке проекта Закона исходить из следующих концептуальных положений и требований к предмету, содержанию и целям правового регулирования:

а) **социальная адаптация** – управляемый и регулируемый комплекс осуществления правовых, криминологических, социально-психологических, медико-реабилитационных, социально-экономических, социально-организационных и иных мер (программ) содействия и помощи, осуществляемых в отношении лиц, освобожденных из мест лишения свободы, с целью их позитивной ресоциализации в обществе и предупреждения рецидива;

б) **процесс социальной адаптации** осужденных должен осуществляться как неотъемлемая часть и цель уголовного судопроизводства и распространяться как на период нахождения осужденного в исправительном учреждении, так и на период после отбытия наказания – вплоть до погашения или снятия судимости;

в) **механизм управления** процессом социальной адаптации устанавливается и регламентируется на принципах **синтезирующего взаимодействия и координации** деятельности всей имеющейся инфраструктуры государственных и негосударственных органов, учреждений и организаций, которые в соответствии с действующим законодательством уполномочены (обязаны или могут) оказывать осужденным соответствующую поддержку в социальной адаптации;

г) **процесс социальной адаптации** осужденных должен осуществляться на планово-программной основе, то есть с учетом криминологической характеристики контингента лиц, отбывающих лишение свободы, их социальной ориентации на жительство, работу в определенном регионе, по определенной профессии с учетом социально-ориентированных потребностей общества. Проводиться, по возможности, на договорной основе с формированием блока оказываемой осужденному помощи, его обязательств по ориентации на правопослушное поведение и его подтверждение, то есть осуществляться на принципах испытания и контроля;

д) **базовый (основной) центр (компонент) управления** процессом социальной адаптацией осужденных, освобождаемых из исправительных учреждений, должен быть сформирован в уголовно-исполнительной системе посредством реорганизации имеющейся инфраструктуры органов управления уголовно-исполнительной деятельностью (объединение УНИД и ДИН в Департамент исполнения наказаний и социальной адаптации осужденных), в рамках которого должен быть создан центр (служба) социальной адаптации. Провести необходимую реорганизацию управления уголовно-исполнительной деятельностью на областном и районном уровне, а также в системе управления исправительным учреждением, создав в каждом учреждении службу социальной адаптации.

3. Возложить на службу социальной адаптации на республиканском, областном и районном уровне:

- программно-целевое управление и планирование процесса социальной адаптации;
- обеспечение взаимодействия с государственными органами, местными исполнительными и распорядительными органами, иными социальными учреждениями и организациями, уполномоченными в соответствии с действующим законодательством принимать меры содействия социальной адаптации осужденных;
- обеспечение взаимодействия между исправительными учреждениями, региональными уголовно-исполнительными органами и органами внутренних дел, осуществляющими функцию профилактического контроля и социальной адаптации осужденных, освобожденных из исправительных учреждений.

4. Применение условно-досрочного освобождения с учетом принципов и требований процесса социальной адаптации должно строиться на заявительном принципе, предусматривающем активное участие осужденного в процессе доказывания перед судом своего исправления. Это позволит создать условия для повышения мотивации осужденных к исправлению, а также исключить факты применения института условно-досрочного освобождения к лицам, приспособившимся к отбыванию наказания (то есть демонстрирующим внешние признаки исправления).

5. В целях исключения массового направления осужденными ходатайств (заявлений) о применении условно-досрочного освобождения заявительный принцип **должен действовать** только в отношении осужденных, не имеющих взысканий и осуществивших при содействии администрации исправительного учреждения комплекс подготовительных мероприятий, необходимых для обеспечения его успешной социальной адаптации в условиях свободы.

6. Введение эффективных правовых механизмов осуществления социально-адаптационных мероприятий во время отбывания лишения свободы и стимулирование осужденных к участию в них, в том числе посредством права на условно-досрочное освобождение, предполагает введение в УК и УИК следующих нормативных правовых позиций:

- **исключить применение** институтов условно-досрочного освобождения и замены неотбытой части наказания на более мягкое наказание в отношении всех наказаний, за исключением лишения свободы;
- **части 2 статей 91 и 119 УК** (с внесением соответствующих изменений в УИК) изложить в следующей редакции: «Условно-досрочное освобождение от наказания может быть применено к осужденному лишь при его примерном поведении и добросовестном отношении к труду, учебе (профессиональной подготовке), доказывающим, что для своего исправления он не нуждается в полном отбывании назначенного судом наказания».
- **реорганизовать** режим отбывания лишения в пределах каждого вида исправительной колонии на трех уровнях режимного содержания

осужденных – **на обычных, облегченных и строгих условиях** отбывания наказания, как это предусмотрено ст. 87 УИК РФ. В связи с этим необходимо отказаться от так называемого института **перевода осужденных на улучшенные условия содержания**. Право на условно-досрочное освобождение осужденный может реализовать, находясь на облегченных условиях содержания и не имея взысканий.

- **внедрить** в практику деятельности исправительных учреждений систему психологического мониторинга при переводе осужденных на облегченные условия содержания, особенно в отношении лиц, совершивших тяжкие насильственные и насильственно-корыстные преступления;

- **на постоянной основе осуществлять** криминологическое прогнозирование поведения осужденных, претендующих на условно-досрочно освобождение свободы, по специальной методике (*методика разработана НПЦ Генеральной прокуратуры*), позволяющей определять три уровня сохраняющихся рисков совершения условно-досрочно освобожденным преступления в течение неотбытой части наказания. Это позволит скорректировать позицию суда в части возложения на освобождаемое лицо обязанностей режимно-ограничительного и исправительно-испытательного характера на период неотбытой части наказания;

- **расширить** перечень обязывающих мер, которые могут возлагаться судом на осужденного при условно-досрочном освобождении.

Список цитированных источников

1. Introductory Handbook on the Prevention of Recidivism and Social Reintegration of Offenders / Criminal justice handbook series United Nations. – New York, 2012. – 160 p.
2. Tools and Publications [Electronic resource]// UNODOC. – Mode of access: <http://unodc.org/unodc/en/justice-and-prison-reform/tools.html?ref=%20menu%20side>. – Date of access: 20.09.2015.
3. Макарова, О.В. Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания и его применение / О.В. Макарова // Журнал российского права. – 2014. – № 10. – С. 72-78.

Дата поступления статьи – 22.09.2015.

В статье рассматриваются актуальные вопросы становления и реформирования института социальной адаптации лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы. На основе анализа состояния и функционирования системы социальной адаптации осужденных, освобождаемых из исправительных учреждений, показано, что в республике пока не состоялось организационно и нормативно институциональное оформление деятельности уполномоченных и ответственных органов (субъектов), реализующих данную функцию по программно-целевому управлению и взаимодействию. Вносятся конкретные предложения по правовому и организационному совершенствованию системы социальной адаптации осужденных.

The urgent questions of formation and reforming of the institute of social adaptation of the persons who are serving time in the form of imprisonment are considered in the article. On the basis of the analysis of condition and functioning of the system of social adaptation of the condemned, released from correctional facilities, is shown that organizational and standard institutional registration of activity of the authorized and responsible bodies (parties) implementing given function on a programme-oriented management and interaction has not taken place in the republic yet. Specific proposals on legal and organizational enhancement of the system of social adaptation of the condemned are brought about.

О КРИТЕРИЯХ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОЛОЖИТЕЛЬНЫХ СТЕПЕНЕЙ ПОВЕДЕНИЯ ПО УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОМУ КОДЕКСУ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Аккулев А.Ш.

В статье 95 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Казахстан от 5 июля 2014 г. № 234-VЗРК (далее – УИК РК) законодатель закрепил положительные степени поведения лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, которые определяются на основании следующих критериев:

1) первая положительная степень поведения фиксируется при наличии не менее одного поощрения и отсутствии взысканий в течение более трех месяцев отбывания осужденным наказания;

2) последующая (вторая) положительная степень поведения дается при условии участия осужденного в самодеятельной (добровольной) организации осужденных и отсутствии взысканий в течение более шести месяцев отбывания осужденным наказания;

3) третья положительная степень поведения определяется при наличии второй положительной степени поведения и отсутствии взысканий в течение более одного года отбывания осужденным наказания.

Через призму степеней поведения определяется и степень исправления осужденных, что в свою очередь самым непосредственным образом влияет на их правовое положение, объем прав и ограничений. Так, в соответствии с п. 2 ст. 95 УИК РК степень поведения осужденного является основанием для: изменения вида учреждения, в котором он отбывает наказание в виде лишения свободы; изменения условий отбывания наказания в учреждении – расширения прав либо установления правоограничений.

В целом, следует признать чрезвычайную сложность установления как степеней поведения, так и степеней исправления на основе оценки поведения осужденного посредством указанного правового алгоритма оценки осужденного. Наличие или отсутствие поощрений и взысканий не является безусловным объективным отражением морально-психологического портрета осужденного. Более того, в специфических условиях лишения свободы, поступок осужденного, повлекший его

поощрение либо взыскание, может вызвать не только совершенно противоположную моральную оценку со стороны осужденных и администрации, но и по внутреннему своему наполнению в сложившейся ситуации не всегда объективно отражается в мере взыскания или поощрения.

Анализ предложенных положительных степеней поведения и их критериев вызывает ряд вопросов, которые, на наш взгляд, позволяют подвергнуть сомнению некоторые положения рассматриваемой новеллы.

Так, насколько целесообразно устанавливать необходимость наличия у осужденного одного или нескольких поощрений для получения им положительной степени поведения?

На первый взгляд, все логично. Однако законодатель предписывает применять меры поощрения в подавляющем своем большинстве на основе размытых оснований. Например, за хорошее поведение, добросовестное отношение к труду, учебе, активное участие в работе добровольных образований и воспитательных мероприятиях (ст. 128 УИК РК). Что значит хорошее поведение, добросовестное отношение или активное участие в контексте возможности получения поощрения? Каковы критерии этих оснований? И каковы временные рамки таких действий, достаточно ли одного активного позитивного действия или это должна быть череда неких активных действий? Наконец, сколько их должно быть и в какой промежуток времени? Также необходимо учитывать, что правом применения поощрения наделены только начальники учреждений и его заместители (ст. 133 УИК РК), которые, как правило, решение о применении мер поощрения принимают на основании представлений нижестоящих должностных лиц учреждения. Последние же, в свою очередь, решение о поощрении принимают исходя из своего собственного понимания этих оснований.

Кроме того, анализ ст.ст. 128 и 129 УИК РК позволяет сделать вывод, что поощрения могут (а не должны) применяться, то есть они могут быть применены или не применены в зависимости от усмотрения руководства учреждения. Не следует забывать, что в учреждениях существует жесткая соподчиненность и иерархичность, и нижестоящие должностные лица, прежде чем вносить официальное представление о поощрении согласуют его предварительно неофициально с руководством. В этом смысле осужденный становится практически полным заложником «доброй воли» должностных лиц, основанной на их субъективном мнении, поскольку оно не может быть оценено ясными объективными критериями. Иными словами, говорить о единообразном, объективном определении рассматриваемых оснований поощрения крайне сложно и, как следствие, не исключены нарушения принципа справедливости, приобретающего в условиях мест лишения свободы ключевое значение и, прежде всего, с точки зрения так называемого исправления осужденного.

Хорошо, когда осужденный позитивно активный, имеет некие способности, таланты, активно и добровольно участвует в различных

самодеятельных организациях, например, поет, рисует, играет на музыкальном инструменте и т.п. или добросовестно трудится на оплачиваемой работе. Однако следует исходить из того, что подавляющая масса осужденных не обладают особыми талантами и далеко не все стремятся участвовать в самодеятельных организациях. Более того, большинство осужденных работают все-таки в режиме принуждения. По сути это ничем особым не выделяющаяся большая часть осужденных, которая просто «тихо» отбывает наказание, стараясь ничем особым не выделяться. И это, на наш взгляд, совершенно нормальная ситуация. Даже в свободном обществе подавляющее число граждан годами живут, добросовестно выполняют свой гражданский, профессиональный и иной долг и не имеют поощрений. Более того, считают безнравственным жить и работать ради того, чтобы добиваться поощрений и наград.

Как нам представляется, законодатель, связывая возможность получения осужденным положительной степени поведения с обязательным наличием у него поощрения, ставит его перед жестким выбором: «хочешь изменить в положительную сторону свое правовое положение – получи документально закреплённое поощрение и даже не одно». Правильно ли это? Насколько это способствует позитивному изменению сознания осужденного? Как уже отмечалось, речь идет, прежде всего, о довольно специфическом, крайне сложном психологическом климате, существующем в учреждениях. Не секрет, что в местах лишения свободы идет постоянное, не видимое стороннему наблюдателю, противостояние, а порой и открытое противоборство между администрацией и отрицательно настроенной частью осужденных [1, с. 17-32.].

Для подтверждения сошлемся на следующие данные:

В 2002 г. в расчете на 1000 осужденных было совершено 475 нарушений, из них злостных – 96; в 2003 г. – 517/104; в 2012 г. – 478/115; в 2013 г. – 449/98; 2014 г. – 386/92.

Возбуждено уголовных дел:

по ст. 361 УК РК (Дезорганизация нормальной деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества) – в 2002 г. – 9, в 2003 г. – 6, в 2012 г. – 13, в 2013 г. – 10, в 2014 г. – 9;

по ст. 360 УК РК (Злостное неповиновение требованиям администрации уголовно-исполнительного учреждения) – в 2002 г. – 244, в 2003 г. – 231, в 2012 г. – 103, в 2013 г. – 145, в 2014 г. – 207.

Совершено:

актов членовредительства (количество членовредительств и лиц в них участвовавших): в 2002 г. – 35/212, в 2003 г. – 47/219, в 2012 г. – 355/448, в 2013 г. – 313/474, 2014 г. – 261/325;

суицидов в 2002 г. – 24, в 2003 г. – 51, в 2012 г. – 41, в 2013 г. – 44, 2014 г. – 36. [1].

Как видно, за последние двенадцать лет каких-либо существенных позитивных изменений во внутриучрежденческом психологическом климате

не произошло и это при том, что число лиц, в них содержащихся значительно уменьшилось.

При этом большая часть осужденных, сами того не желая, оказываются втянутыми в эти сложные отношения, и не просто напрямую каждодневно соприкасаются с ними, а вынуждены соответствовать сложившейся культуре внутриучрежденческих отношений. В такой ситуации жесткая зависимость изменения степени поведения от наличия поощрения, с одной стороны, имеет большие шансы превратить поощрение в инструмент давления со стороны администрации, а, с другой, заставляет осужденного искать, добиваться этих поощрений. Полагаем, и то и другое не будет способствовать действительному «исправлению» осужденного, и послужит еще одним основанием для коррупционных проявлений в исправительных учреждениях, что будет девальвировать данный институт.

Между тем, важно, чтобы осужденный просто не совершал нарушений, и чем дольше, тем лучше. Это автоматически предполагает, что он добросовестно выполняет свои обязанности, соблюдает правила внутреннего распорядка, общежития и т.д., то есть, как мы полагаем, осужденный должен стремиться не совершать нарушений, а не получать поощрения. На наш взгляд, это принципиально различные как по своему внутреннему психологическому содержанию, так и по внешнему проявлению основания. Если внешне основания поощрения размыты, по сути, отданы на откуп субъективному мнению должностных лиц, то основания наказания хоть и разнообразны, но достаточно четко прописаны. Нарушение либо есть, либо нет и они видны со стороны, в этом смысле при применении взыскания риск нарушить принцип справедливости несравненно ниже, чем при применении поощрения.

Учитывая вышеизложенное, полагаем, что при определении положительных степеней поведения за основу следует брать не наличие поощрений, а отсутствие взысканий за определенный период времени. Например, для первой положительной степени поведения отсутствие взысканий в течение 12 месяцев, а для второй положительной степени поведения наличие первой положительной степени поведения и отсутствие взысканий еще в течение 6 месяцев, для третьей положительной степени поведения наличие второй положительной степени поведения и отсутствие взысканий еще в течение 6 месяцев.

Согласно требованию закона, для получения положительной степени поведения осужденному нельзя иметь взыскания в течение определенного времени и более. Между тем, совершенно непонятно, что значит «и более»? О каком временном отрезке идет речь? Подобное, не конкретизированное установление возможного времени получения взыскания создает неопределенность и предоставляет широкую возможность для злоупотребления.

Кроме того, для получения второй и третьей положительных степеней поведения осужденный обязательно должен участвовать в самодеятельной организации. Между тем, это противоречит принципу добровольности

участия осужденного в такого рода организациях (ст.126 УИК РК) и является правом, а не обязанностью осужденного (ст. 104 УИК РК). Более того, введя такой критерий в качестве определения степени исправления, мы получили еще одну дефиницию, не отражающую истинное состояние дел в местах лишения свободы, которое приведет к искажению реальных процессов, происходящих не только в сознании осужденных, но и в работе администрации.

Не следует забывать, что речь идет о самодеятельных организациях внутри исправительных учреждений, где, зачастую, даже самые, на первый взгляд, позитивные намерения приводят совершенно к иным результатам. В данном случае мы по факту рискуем получить еще один дополнительный инструмент давления на осужденных и обратный эффект, когда можно будет говорить об изворотливости, приспособлении, но не о позитивном изменении сознания осужденных. Это, с одной стороны, а с другой, самими осужденными не все самодеятельные организации воспринимаются однозначно. Если с участием в организациях, ориентированных на разные спортивные и художественные направления (пение, рисование и т.п.) вопросов, как правило, не возникает, то участие в так называемом совете правопорядка (СПП) – это уже большой вопрос. Исторически СПП создавались и функционируют для поддержания правопорядка внутри учреждения и зачастую выступают противовесом отрицательно настроенной части осужденных. То есть, по сути, являются дополнительным и активным инструментом, используемым администрацией в противостоянии криминогенно запущенной части осужденных. Вопрос об участии осужденных в СПП вызывал и вызывает неоднозначную реакцию у специалистов в плане критерия определения степени исправления [3, с. 100-105]. Были периоды, когда руководство органов исполнения наказания отказывались от СПП.

В этой связи, считаем, что закрепленные законодателем критерии определения положительных степеней поведения не отражают объективное состояние дел в исправительных учреждениях. Они не могут стимулировать осужденных к адекватному позитивному изменению сознания. Предлагается оставить только один критерий – отсутствие взысканий за точно определенный период времени отбывания наказания. При этом необходимо предусмотреть обязательное определение очередной положительной степени поведения при отсутствии взысканий за прошедший период отбывания наказания. Такие основания как хорошее поведение, добросовестное отношение к труду, участие в самодеятельной организации и т.д. оставить, но только в качестве оснований для возможного применения поощрений. Меры поощрения, характеризуя в целом положительно осужденного, должны выступать в качестве дополнительных факторов при определении положительной степени поведения.

Следует обратить внимание на коллизионность п. 1 ст. 129 УИК РК, согласно которому поощрения применяются к осужденным, имеющим первую и последующие положительные степени поведения. Таким образом,

чтобы получить любое, даже самое минимальное поощрение необходимо иметь начальную, первую положительную степень поведения. Тогда возникает вопрос, как получить эту самую первую положительную степени поведения, если для этого необходимо получить вначале поощрение или даже несколько поощрений?

Список цитированных источников

1. Старков, О.В. Криминальная субкультура: спецкурс / О.В. Старков. – М.: Волтерс Клувер, 2010. – 240 с.
2. Приложение 1 к приказу КУИС МЮ РК от 24 июня 2008 года № 55-ОД, с изменениями, внесенными приказом КУИС МЮ РК №121-ОД от 30.12.2008 г.
3. Хомич, В.М. Криминологическое прогнозирование поведения осужденных, досрочно освобождаемых из мест лишения свободы (Научно-методические рекомендации по прогнозированию пенитенциарного рецидива преступлений) / В.М. Хомич, В.Е. Бурый; Науч.-практ центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Респ. Беларусь. – Минск: БГУФК, 2014. – 108 с.

Дата поступления статьи – 12.09.2015.

Статья посвящена рассмотрению критериев, определяющих положительные степени поведения осужденных, содержащихся в местах лишения свободы. Данные критерии и степени поведения осужденных впервые закреплены законодателем в Уголовно-исполнительном Кодексе Республики Казахстан от 5 июля 2014 г. Вместе с тем, анализ предложенных положительных степеней поведения и их критериев вызывает ряд вопросов, которые позволяют оспорить те или иные положения рассматриваемой новеллы. Автором предложено свое видение критериев положительных степеней поведения осужденных.

The article is sanctified to consideration of criteria, determining the degree of positive behavior of convict, contained in the places of imprisonment. These criteria, as well as degrees of behavior of convict first envisaged by a legislator in new Criminally-executive Code of the Republic of Kazakhstan from July, 5 2014. At the same time, the analysis of offered positive degrees of behavior and their criteria causes some questions that give an opportunity to contest one or another positions of the examined short story. The author suggested the vision criteria of positive powers of conduct condemned.

К ВОПРОСУ О ПОНИМАНИИ СУЩНОСТИ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ КРИМИНОЛОГИИ

Бурый В.Е.

Особенностью пенитенциарной криминологии (далее – ПК) является то, что она изучает преступность в связи с деятельностью органов и учреждений по исполнению наказаний и разрабатывает меры борьбы с ней. Это именно преступное (криминологическое), а не какое-нибудь иное опасное социальное явление. Следовательно, ПК необходимо считать частью науки криминологии,

а не самостоятельной наукой. Однако даже в этом качестве ПК обладает своим предметом – совокупностью явлений, которые изучает только она и эта совокупность свойственна только ей, а не иной части криминологии или другой науке.

С учетом изложенного, предмет ПК можно определить следующим образом: преступность (совокупность совершенных преступлений) осужденных и представителей администрации учреждений и органов, исполняющих наказания, но только в связи с деятельностью этих учреждений и органов; причины преступности осужденных и представителей администрации; личность виновных в совершении преступлений осужденных и представителей администрации исправительных учреждений (далее – ИУ), их преступное поведение (мотивы и механизмы); основные направления, меры и методы предупреждения и профилактики преступлений как в пенитенциарный, так и в постпенитенциарный периоды (прежде всего применительно к досрочно освобожденным осужденным) [1, с. 7–9; 2, с. 271–274].

Преступность осужденных и представителей администрации ИУ должна быть названа пенитенциарной, а виновные в совершении преступлений в связи с деятельностью учреждений и органов, исполняющих наказания, – пенитенциарными преступниками. Структура предмета ПК повторяет структуру предмета криминологии в целом. Преступления осужденных и представителей администрации ИУ могут быть названы пенитенциарными в широком смысле слова, а в узком – только преступления осужденных, но не всех, а лишенных свободы. Те, кто отбывает наказание без изоляции от общества, живут в обычных условиях, их преступное поведение не связано с выходом из этих условий и не имеет специфических пенитенциарных черт.

Следовательно, пенитенциарными преступниками в широком смысле слова могут быть названы и осужденные (к лишению свободы и без него), и представители администрации ИУ, а в узком – лица, отбывающие наказание в ИУ.

Закономерен вопрос о том, почему эту отрасль криминологии следует называть пенитенциарной, а не исправительной, наказательной, уголовно-исполнительной, тюремной и т.д. Дело в том, что термин «пенитенциарный» принадлежит к числу международных (от лат. «poenitentarius» – покаянный, исправительный), а мы боремся с преступностью и исполняем уголовные наказания в соответствии с международными нормами, правилами и рекомендациями, закрепленными в действующем уголовно-исполнительном белорусском законодательстве [3, с. 81–83].

ПК имеет Общую и Особенную части. Общая часть изучает: общие проблемы преступности в связи с деятельностью учреждений и органов, исполняющих наказания (т.е. состояние, динамику, структуру и коэффициенты пенитенциарной преступности в целом); причины пенитенциарной преступности, в первую очередь в местах лишения свободы (среди них можно выделить такую сугубо специфическую причину, как тюремная субкультура); личность пенитенциарного преступника, прежде

всего осужденных в местах лишения свободы (среди них можно выделить, с одной стороны, несовершеннолетних осужденных, а с другой – многократно судимых, совершивших преступление при рецидиве); мотивы и механизмы преступного поведения пенитенциарных преступников (в первую очередь – в местах лишения свободы); общую концепцию профилактики пенитенциарных преступлений, в т.ч. основные направления, меры, методы и формы предупреждения и профилактики названных преступлений (прежде всего – в местах лишения свободы).

Особенная часть ПК может включать в себя изучение: насильственной, корыстной и корыстно-насильственной преступности осужденных (в первую очередь – в местах лишения свободы); преступности представителей администрации ИУ и органов, исполняющих наказания, которая в основном носит корыстный (с высоким уровнем латентности) характер.

Каждую из этих подструктур можно разбить еще на части, например, насильственную преступность осужденных в местах лишения свободы можно разделить на группу «убийства» и на группу «иные насильственные преступления». Иначе говоря, пенитенциарные преступления раскрываются и в своей совокупности (как сложное, противоречивое, массовое, негативное, социальное явление), и в отдельных видах и группах.

Какие бы подструктуры ни характеризовали ПК, какой бы спецификой ни отличались ее объект и предмет, она не является самостоятельной наукой, а только частью криминологии. Именно в ней ПК берет общие теоретические идеи и концепции о природе, причинах преступности и преступного поведения, личности преступника, формах и методах борьбы с пенитенциарной преступностью. Например, личность пенитенциарного преступника может рассматриваться лишь как разновидность или отдельный тип личности преступника. Не зная криминологии в целом, невозможно понять ПК.

Приведенные подструктуры Общей и Особенной части ПК составляют ее структуру. Преступления совершаются практически во всех сферах бытия и деятельности человека, поэтому и выделяются такие виды преступности, как сельская, городская или бытовая (семейно-бытовая), и соответствующие им криминологические исследования. Научным изучением охвачена преступность в армии, промышленности, строительстве, среди молодежи и в иных сферах. Пенитенциарная преступность значительно отличается от всех других видов преступности именно тем, что исполнителями выступают наиболее опасные преступники (поскольку они лишены свободы) и в весьма специфической обстановке. Условия службы в армии тоже отличаются определенной спецификой, но она совсем другого рода.

Для понимания пенитенциарной преступности, ее причин и природы, личности преступника (осужденного или представителя администрации ИУ) и мотивов его поведения недостаточно быть ученым-правоведом или правоприменителем. Криминолог-пенитенциарист должен владеть знаниями не только по уголовному и уголовно-исполнительному праву, уголовному процессу, но и по пенитенциарной психологии и педагогике, психиатрии и

социологии, иметь практический опыт работы в уголовно-исполнительной системе [4, с. 121–124; 5, с. 108–109].

Замкнутость, однополость и принудительная изоляция создают особую психологическую и нравственную атмосферу в ИУ. Здесь люди вплотную приближены друг к другу, общаются между собой не фрагментарно, а постоянно, сфера производства и сфера быта практически слиты, поскольку в них живут и действуют одни и те же лица. В их субкультуре постоянно присутствует грубость, жестокость, бестактность, цинизм, ложь, двуличие, несамокритичность и самооправдание. В эту атмосферу вольно, а чаще невольно втягиваются представители администрации ИУ, поскольку они ежедневно общаются с ними и непроизвольно могут перенимать их взгляды, манеры, ценности (часто возникает вопрос о профессиональной деформации сотрудников ИУ). Как следствие, осужденные и сотрудники нередко образуют единую психологическую общность, но при этом представители администрации ИУ сохраняют автономность, особенно в отношении к закону, иначе они не смогли бы выполнять свои служебные обязанности. Вот почему проблема профилактики их нравственно-психологического заражения тюремной субкультурой остается весьма актуальной.

Особенности общения людей в тюремных сообществах со всей остротой ставят проблему социально-психологических, а не только индивидуально-психологических исследований в таких сообществах. Это предполагает изучение формальных и, в первую очередь, неформальных социальных малых групп, отношений между группами и отдельными лицами, между осужденными и администрацией ИУ в целом, ценностных ориентации отдельных групп, иерархии этих ценностей и иерархии самих групп. Без изучения данных факторов невозможно понять природу и причины пенитенциарной преступности и иных антиобщественных, а также социально одобряемых явлений в местах лишения свободы.

Таким образом, ПК резко отличается от всех других видов криминологических исследований. Нельзя забывать, что пенитенциарная преступность всегда рецидивная, свидетельствующая о низкой ресоциализационной и предупредительно-профилактической деятельности учреждений уголовно-исполнительной системы. Преступность же представителей администрации ИУ и органов, исполняющих наказания, самым отрицательным образом характеризует всю правоохранительную систему как часть государства.

Пенитенциарная преступность «моложе» преступности в целом, поскольку ИУ исторически возникли позже того, как стали совершаться преступления. Люди в глубокой древности реагировали на преступников иначе: изгоняли из рода (племени) или убивали. В криминологической литературе происхождение преступности нередко связывается с периодом возникновения государства, права, социальным, имущественным и классовым расслоением общества. Представляется это заблуждением, отголоском вульгарного материализма, свойственного марксизму-ленинизму, теоретики которого считали: если преступности не было до возникновения государства и

права, то ее не будет и в коммунистическом будущем, когда государство и право исчезнут.

На самом деле преступления совершались всегда, они были и останутся вечным спутником человечества, как болезни и смерть. Об этом красноречиво свидетельствуют научные изыскания этнологов и антропологов. Преступность свойственна всякому обществу.

Характер пенитенциарной преступности, как и преступности вообще, подвержен существенным переменам в зависимости от изменения социальных условий. Так, современная пенитенциарная преступность в Республике Беларусь претерпела глубокие трансформации по сравнению с той, которая существовала в послереволюционный и советский периоды.

Таким образом изменчива вся преступность, в том числе пенитенциарная. Следовательно, одна из задач криминологии – вовремя определить изменения и их причины, а если они носят негативный характер, предпринять меры для их блокирования.

Преступность в целом весьма многообразна, что ее отличает от преступности при исполнении наказаний и изменяет содержание, масштабы и цели ПК по сравнению с общей криминологией. Но это не упрощает задач первой, если учесть специфику тех преступлений, которые совершаются в местах лишения свободы, личность пенитенциарных преступников, всю тюремную субкультуру. Тюремная субкультура весьма активна и агрессивна, она уже давно не удовлетворяется рамками уголовно-исполнительной системы и выходит в свободное общество. Она находит свое выражение в усвоении тюремного жаргона, отдельных норм и ценностей пенитенциарного сообщества. Как следствие, указанная субкультура должна быть объектом исследования не только пенитенциарной криминологии, но и общей криминологии, в т.ч. юридической психологии, педагогики, социологии, медицины. Однако ПК должна уделять ей первостепенное внимание по той причине, что она является прежде всего именно пенитенциарной [6, с. 101].

Следует отметить, что использование понятия «личность преступника» не должно было вызывать протестов теоретиков, если понимать этот термин, как и всякий другой научный термин, как нечто относительное, абстракцию и модель, содержание которого может меняться в ходе дальнейших научных исследований. Личность преступника – это вполне определенный социальный и психологический тип, соединивший в себе абстрактные, но наиболее характерные для преступников криминологические черты. Личность преступника является таким же типом, как, например, тип студента, тип ученого, тип учителя [7, с. 67].

Другое дело – понятие «преступная личность», которое представляет собой определение человека, постоянно совершающего преступления, живущего за счет их совершения, ни во что не ставящего жизнь, здоровье, достоинство, честь и собственность других людей. Таким термином нужно обозначать наиболее опасных преступников. Тем не менее среди осужденных и даже среди тех из них, которые совершили новое преступление в период отбывания наказания, далеко не каждый является преступной личностью.

Полагаем, что такие личности составляют меньшинство, имеющее тенденцию к росту по мере ужесточения порядка и условий отбывания наказания в местах лишения свободы.

Среди совершивших преступления в местах лишения свободы могут встречаться отдельные типы преступников, как и среди преступников вообще, но среди первых большое значение имеет то, какое место занимает данный человек в иерархии осужденных. Это сравнительно редко встречается в обычной жизни, и пенитенциарная криминология обязательно должна этот фактор учитывать. Можно утверждать, что и для ПК весьма важна типология осужденных, преступающих Закон как в пенитенциарный период, так и лиц досрочно освобожденных из ИУ.

Учитывая вышеуказанное, с позиций таких наук, как уголовное, уголовно-исполнительное право, криминология, юридическая психология и педагогика, в качестве наиболее оптимальной и охватывающей все категории осужденных в ИУ можно предложить, основанную на характере мотивационной и преступной направленности личности, следующую типологию осужденных к лишению свободы: корыстные (первый тип); насильственно-криминогенные (второй тип); насильственно-хулиганствующие (третий тип); корыстно-насильственные (четвертый тип); служебно-корыстные (пятый тип); случайные (шестой тип); осужденные, с устойчивой комплексно криминальной направленностью личности, допускающие рецидив (корыстный, насильственный, корыстно-насильственный) – седьмой тип; несовершеннолетние (корыстные, насильственные, корыстно-насильственные) – восьмой тип.

Следует отметить, что существенной особенностью пенитенциарной криминологии является то, что исследование природы и причин преступного поведения осужденных, лишенных свободы, а также личности пенитенциарных преступников и разработка предупредительно-профилактических мер по сравнению с общекриминологическими научными изысканиями представляются технически и организационно менее сложными.

В пенитенциарной предупредительной деятельности важно учитывать не только иерархические структуры мест лишения свободы и их субкультуру, не только индивидуальные особенности каждого, но и их судьбы, особенности социального положения до лишения свободы, всю криминологическую обстановку в данном ИУ.

Большое значение для предупреждения пенитенциарных преступлений имеют материальные условия содержания осужденных. Это включает в себя организацию питания; наличие спальных помещений и мест проведения досуга; создание условий для трудовой деятельности и предоставление возможности получения (повышения) образования и общения с родными и близкими; медицинское обеспечение; защиту от насилия со стороны других осужденных и администрации ИУ. Немалое значение имеет атрибутика и символика следственных изоляторов, колоний и тюрем, их внутренний вид, стиль отношений преступников между собой и с администрацией ИУ.

Следует также отметить, что анализ предмета пенитенциарной криминологии, используемых ею подходов и методов показывает, что это

наука междисциплинарная, то есть тесно связанная с другими науками (прежде всего юридическими и социально-психологическими): уголовным правом, уголовно-исполнительным правом, уголовным процессом, медициной (психиатрией, психотерапией, наркологией, токсикологией), юридической (пенитенциарной) психологией и педагогикой, социологией и др.

Таким образом, с учетом вышеуказанного, следует отметить, что значимость для отечественной криминологии (в целом) и правоохранительной системы Республики Беларусь (в частности) развития и становления отечественной пенитенциарной криминологической науки трудно недооценить, учитывая предмет ее изучения, задачи и функции. Однако, к сожалению, развитие этой специфической подотрасли криминологии в Республике Беларусь объективно затруднено, поскольку в стране ученых-пенитенциаристов можно пересчитать по пальцам двух рук: Хомич В.М., Ананич В.А., Пастушеня А.Н., Бурый В.Е., Стуканов В.Г. и др.

Список цитированных источников

1. Хомич, В.М. Криминологическое прогнозирование поведения осужденных, досрочно освобождаемых из мест лишения свободы (Научно-методические рекомендации по прогнозированию пенитенциарного рецидива преступлений) / В.М. Хомич, В.Е. Бурый : Науч.-практ. центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Респ. Беларусь. – Минск : БГУФК, 2014. – 108 с.
2. Хомич, В.М. Отчет национального эксперта в области применения уголовных санкций / В.М. Хомич // Рекомендации по более широкому применению международных стандартов в области прав человека в процессе отправления правосудия в Республике Беларусь ((Программа разв. ООН (ПРООН)). – Мн. : Рэйплац, 2009. – С. 265-292.
3. Ананич, В.А. Предупреждение рецидивной преступности: монография / В.А. Ананич, С.Ю. Часнок. – Минск.: Акад. Респ. Беларусь, 2008. – 99 с.
4. Пастушеня, А.Н. Криминогенная сущность личности преступника: методология познания и психологическая концепция : монография / А.Н. Пастушеня. – Минск: Акад. МВД Респ. Беларусь, 1998. – 207 с.
5. Бурый, В.Е. Ресоциализация и социальная адаптация осужденных к лишению свободы : монография / В.Е. Бурый ; М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Могилевский высший колледж Министерства внутренних дел Республики Беларусь». – Могилев : Могилев. высш. колледж МВД Респ. Беларусь, 2014. – 172 с.
6. Бурый, В.Е. Понятие и сущность криминологического прогноза преступности в местах лишения свободы / В.Е. Бурый // Право.by. – 2013. – № 5. – С. 99–102.
7. Стуканов, В.Г. Исправительная педагогика: учеб. пособие / Стуканов В.Г. – Мн. : АкМВД Респ. Беларусь, 2013. – 395 с.

Дата поступления статьи – 24.08.2015.

Правоприменительная практика убедительно показывает, что пенитенциарный рецидив в общей структуре рецидивной преступности имеет значительный удельный вес – не менее 25 %. Вместе с тем, данная проблема, к сожалению, до сих пор не получила должного внимания как со стороны правоприменителей, так и со стороны науки. В настоящее время в Республике Беларусь только начинает развиваться пенитенциарная криминология, одной из задач которой является предупреждение и профилактика преступности осужденных как в пенитенциарный, так и в постпенитенциарный периоды.

В статье рассматриваются сущность и основное предназначение пенитенциарной криминологии как составной части криминологической науки.

Law enforcement practice convincingly shows that the penitentiary recidivism in the overall criminal recidivism has a significant proportion – not less than 25%. However, unfortunately, the problem still have not received due attention from both law enforcers and the science. Currently, in the Republic of Belarus the penitentiary criminology is only beginning to develop and one of its tasks is to prevent crime among convicts in penitentiary and post-penitentiary periods. The article deals with the essence and the main purpose of the penitentiary criminology as part of criminological science.

УРОВНИ ВИКТИМОЛОГИЧЕСКОЙ ПРОФИЛАКТИКИ НАСИЛИЯ В СЕМЬЕ

Катушонок О.В.

Виктимологическая профилактика преступлений, как и традиционная профилактика, имеет сложную структуру, осуществляется различными субъектами, на различных уровнях, в различных видах и формах, в отношении разных объектов, на ранней и непосредственной стадиях проявления виктимного поведения и свойств личности [1, с. 19].

В рамках виктимологической профилактики насильственной преступности в семье в зависимости от целевых групп следует выделять три уровня профилактических мероприятий.

На общем уровне виктимологической профилактики (первичная профилактика) предполагается широкая целевая аудитория, включающая в себя все население страны, то есть деятельность субъектов направлена в целом на предупреждение насилия в семье.

Задачей данного уровня профилактики насилия в семье является формирование ненасильственной, неагрессивной модели поведения, обучение молодежи ненасильственным способам разрешения возникающих конфликтных ситуаций.

Целевое назначение обще виктимологической профилактики состоит в воздействии на потенциальных жертв любого насилия в семье (криминального и некриминального), их выявлении, а также нейтрализация или устранение детерминант механизма ее виктимизации в сфере семейных отношений. Решению задачи данного уровня может способствовать эффективное использование средств массовой информации в целях правовой пропаганды и правового воспитания граждан. Подросткам необходимо овладевать знаниями, умениями, навыками, позволяющими строить и поддерживать гармоничные отношения в семье. Это могут быть различного рода лекции, дискуссии, проводимые как в школах, так и средних специальных и высших учебных заведениях. В дошкольных учреждениях эффективным средством педагогического и правового просвещения является аглядная агитация, включающая использование тематических папок,

буклетов и памяток родителям («Защите ребенка», «Каждый имеет право», «Основные формы насилия в семье» и др.), а также создание правового уголка, содержащего основные нормативные правовые документы по защите прав ребенка. Широкая правовая информированность граждан о насилии в семье возможна посредством изготовления памяток и информационных стендов, проведения лекториев и семинаров с населением.

В качестве основных мер обще виктимологической профилактики следует рассматривать государственную политику помощи малообеспеченным семьям, оказание им социальной поддержки, развитие института приемной семьи, сокращение уровня безработицы, поскольку тем самым блокируются факторы конфликтно-агрессивного поведения в семье.

Следует согласиться с А.И. Морчевым, что на данном уровне формы, методы, способы общесоциального характера криминологической и виктимологической профилактики совпадают [2, с. 20]. В связи с чем, большое значение может иметь и православное просвещение. Введение в школьную программу курсов по православной педагогике, повышение духовного уровня педагогов, а следовательно, и детей, а также сотрудников реабилитационных центров, что позволит обеспечить целостность педагогической профилактики насилия в семье. Так, в Российской Федерации уже предприняты определенные шаги к духовному просвещению школьников. В составе учебного курса «Основы религиозных культур и светской этики», который уже стал обязательным для всех школ, введен предмет «Основы православной культуры».

Проведение профилактических мероприятий на специально-виктимологическом уровне (вторичная профилактика) предполагает работу с конкретными семьями. Деятельность субъектов направлена на прекращение развития насилия в конкретных семьях, предупреждение последствий семейного насилия, а также их возможного рецидива.

Целью вторичной профилактики является нейтрализация либо уменьшение виктимности реальной жертвы внутрисемейного насилия.

Чтобы осуществлять должным образом виктимологическую профилактику на данном уровне, по мнению М.В. Молчановой, необходимо, прежде всего, выявлять в учебных заведениях детей, испытывающих симптомы ненадлежащего обращения в семье. Индикаторами такого обращения с детьми могут быть агрессивность или, наоборот, подавленность; безнадзорность; ухудшение успеваемости; ухудшение здоровья; физические признаки (ссадины, кровоподтеки и т.д.). , а также соответствующая информация из других источников [2, с. 11].

Тем не менее, отсутствие данных индикаторов не может стопроцентно свидетельствовать об отсутствии насилия над ребенком, поскольку. формы воздействия, не носящие характер уголовно либо административно-наказуемых, обладают высоким уровнем латентности и выявить их без помощи и желания самих жертв практически невозможно.

Кроме того, социальные педагоги, психологи школ направляют свою деятельность, как правило, на работу с неблагоприятными семьями, в

которых факты насилия в отношении различных членов семьи уже неоднократно имели место. При этом не затронуты вниманием семьи, в целом характеризующиеся положительно, однако не защищенные от семейного насилия.

В целях выявления подобных семей и оказания помощи жертвам возможно проведение анкетирования среди школьников и создание на этой основе Банка данных семей. Наполнение Банка данных информацией возможно также путем получения сведений от участковых инспекторов милиции, руководителей организаций, где работают родители, учреждений здравоохранения и других органов. Создание подобного Банка данных позволит своевременно выявлять социально-неблагополучные семьи и оказывать им действенную помощь.

Конечно, в сфере предупреждения внутрисемейного насилия на специально-виктимологическом уровне многое зависит от профессиональной подготовленности лиц, ее осуществляющих, от их готовности эффективно воздействовать на кризисные ситуации в семье на основе воспроизводства собственного уровня правовой квалификации и культуры. В связи с чем, необходимо оптимизировать подготовку и переподготовку кадров юристов-криминологов, социальных работников, воспитателей и психологов, специализирующихся в области предупреждения семейного насилия по указанным социальным и квалификационным стандартам.

Считаем целесообразным в целях правового просвещения в области семейного насилия, предупреждения и ответственности за него введение в высших и средних специальных учебных заведениях спецкурса «Основы семейной криминологии».

Третий уровень профилактики представляет комплекс реабилитационных мер для пострадавших от семейного насилия.

Выявление в семье неблагоприятных условий, способствующих совершению внутрисемейного насилия, невозможно без вмешательства в личную жизнь человека, что нередко влечет негативную реакцию с его стороны. Для положительного и неконфликтного воздействия на такие условия необходимы профессиональные умения и навыки, наконец, высококвалифицированные специалисты в области семейных отношений, обладающие знаниями психологии и педагогики. К сожалению, подобных специалистов в республике недостаточно. В этой связи представляется целесообразным создание в милиции общественной безопасности специализированных подразделений, занимающихся непосредственно предупреждением насилия в семье, а также сети специальных служб комплексного характера, основной функцией которых должно стать выявление потенциальных жертв насилия в семье и их индивидуально-виктимологическая профилактика.

В Республике Беларусь для осуществления виктимологической профилактики на индивидуальном уровне созданы специальные центры помощи, в структуру которых входят отделения социальной адаптации и

реабилитации. К числу таких учреждений относятся и территориальные центры социального обслуживания населения, на базе которых действуют «кризисные комнаты». По данным Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь функционирует 105 кризисных комнат (на 1 января 2013 года их было 50, на 1 января 2014 года – 74). В Брестской области создано 5 кризисных комнат, Витебской — 22, Гомельской — 14, Гродненской — 11, Могилевской — 21, Минской области — 23, в городе Минске — 1. Количество обращений в кризисные комнаты постепенно растет. В прошлом году таких обращений по республике насчитывалось 175, из них 130 – по случаям домашнего насилия.

Деятельность указанных учреждений направлена на оказание гражданам, оказавшимся в трудной жизненной ситуации, содействия в восстановлении способности к жизнедеятельности в социальной среде. Кризисные комнаты предоставляют собой временный приют гражданам, находящимся в трудной жизненной ситуации, в том числе пострадавшим от домашнего насилия. Жертвы домашнего насилия, обратившиеся в «кризисные комнаты» могут получить психологическую, социальную, юридическую и другие виды помощи. Такая помощь пострадавшим оказывается бесплатно, однако само пребывание в кризисной комнате осуществляется за счет собственных средств.

В ходе проведенного социологического исследования было установлено, что не все пострадавшие от семейного насилия желают обращаться в «кризисные комнаты» за помощью. Люди боятся за свою безопасность, не желают, чтобы о фактах насилия узнали родственники либо знакомые, не верят, что специалисты смогут им помочь в кризисной ситуации. Тем не менее, при обращении в «кризисные комнаты» при желании можно сохранить конфиденциальность; работники окажут квалифицированную психологическую и юридическую помощь, при необходимости составят требуемые документы.

Наше исследование показало, что граждане не осведомлены об основных направлениях деятельности и возможностях подобного рода центров поддержки. Территориальные центры социального обслуживания должны уделять больше внимания распространению наглядной информации о деятельности «кризисных комнат» посредством использования местных СМИ, сети Интернет, изготовления и распространения буклетов, листовок, проведения лекций и семинаров и др.

Имеются и другие проблемы в деятельности «кризисных комнат», препятствующие росту доверия населения к подобного рода учреждениям. Так, несмотря на то, что в республике уже действует более 100 комнат, до сих пор нет единого Положения, регулирующего их деятельность. В целях установления единого стандарта деятельности «кризисных комнат» следовало бы утвердить «Положение о деятельности «кризисных комнат» при территориальных центрах социального обслуживания населения» на уровне министерства. В нем следует четко сформулировать задачи и порядок деятельности «кризисных комнат», поводы и основания для помещения в

жертв семейного насилия, взаимные права и обязанности сторон, взаимодействие с другими органами (внутренних дел, здравоохранения, образования), финансирование.

По общему правилу территориальные центры действуют по заявительному принципу, поскольку жертвы семейного насилия могут быть помещены в «кризисную комнату» только после письменного обращения. Но при надлежащем взаимодействии данных органов с органами внутренних дел, здравоохранения, управлением по труду, занятости и социальной защите жертвы семейного насилия могут быть помещены в «кризисную комнату» по направлению одного из указанных органов.

В ходе проведенного исследования И.Л.Федчуком было установлено, что наибольшее число (71 процент) правонарушений в семейно-бытовой сфере совершается в период с 16 до 24 часов [3, с. 11]. Также высока доля семейных конфликтов, заканчивающихся применением насилия, и в выходные дни. Однако в вечернее и ночное время, а также в выходные и праздничные дни территориальные центры обслуживания населения не работают, что влечет невозможность жертв семейного насилия обратиться за защитой в «кризисные комнаты». В этой связи считаем необходимым введение в «кризисных комнатах» должности дежурных специалистов для возможности оказания помощи жертвам внутрисемейного насилия в ночное и вечернее время, в праздничные и выходные дни.

В настоящее время в Республике Беларусь потенциал кризисных комнат используется недостаточно. Тем не менее, мировая практика свидетельствует, что создание приютов-убежищ для жертв семейного насилия выступает важным звеном в системе мер обеспечения социально-правовой помощи данной категории лиц. Деятельность подобного рода центров помощи особо актуальна для профилактики уголовно-ненаказуемого насилия, которое впоследствии может привести к трагедии. В этой связи представляется целесообразным дальнейшее совершенствование деятельности «кризисных комнат». В частности, это предполагает:

- разработку и принятие Положения о деятельности «кризисных комнат» при территориальных центрах социального обслуживания населения;
- повышение информированности населения о существовании, основных направлениях деятельности и возможностях «кризисных комнат»;
- налаживание взаимодействия с различными органами (внутренних дел, здравоохранения, образования и др.) по выявлению и направлению жертв семейного насилия в «кризисные комнаты»;
- работу в «кризисных комнатах» дежурных специалистов для возможности оказания помощи жертвам насилия в семье в ночное и вечернее время, в праздничные и выходные дни;
- работу специалистов «кризисных комнат» с семейными агрессорами и др.

Для информационного обеспечения деятельности органов внутренних дел в области осуществления индивидуальной виктимологической профилактики насилия в семейно-бытовой сфере в отделах внутренних дел

работают «телефоны доверия». В 2012 г. на базе международного общественного объединения «Гендерные перспективы» в рамках проекта международной технической помощи («Повышение национального потенциала государства по противодействию домашнему насилию в Республике Беларусь») была открыта общенациональная горячая линия для пострадавших от домашнего насилия – 8-801-100-8-801 .

Преодоление и пресечение насилия в семье на данном уровне предполагает также и виктимологическую защиту и помощь жертвам преступлений. Для обеспечения такой защиты, а также оказания жертвам действенной помощи и поддержки после совершения в отношении них актов насилия большое значение может иметь специальный законодательный акт, регулирующий общественные отношения в области защиты от насилия в семье. К сожалению, идея законодательного регулирования основ профилактики насильственной преступности в семье, а также защиты и реабилитации жертв такого насилия еще не получила своего системного закрепления не только в нашем государстве, но и в большинстве других стран. Тем не менее, во многих странах уже приняты специальные законы о защите жертв от насилия в семейно-бытовых отношениях. В Японии в 2001 году был принят Закон «О предотвращении супружеского насилия и защите жертв такого насилия», в Украине с 20 марта 2002 г. вступил в действие Закон «О предупреждении насилия в семье». При разработке соответствующих законодательных актов по защите жертв от семейного насилия следует обращать особое внимание на Модельное законодательство ООН о насилии в семье, которое обобщает мировой опыт борьбы с проявлением насилия в семье.

Таким образом, в целях повышения эффективности виктимологических мер по предупреждению совершения насилия против членов семьи необходимо:

- изменение традиционного подхода работников органов внутренних дел и других правоприменительных органов, ориентированного на потенциальных правонарушителей и оставляющего за ее рамками предупредительное воздействие на потенциальных потерпевших;
- совершенствование правовых мер, направленных на предупреждение насилия в семье и защиту жертв насилия (в том числе, принятие закона о защите жертв насилия в семье);
- в целях выявления социально-неблагополучных семей создание в школах Банка данных семей;
- оптимизировать подготовку и переподготовку кадров юристов-криминологов, социальных работников, воспитателей и психологов, специализирующихся в области предупреждения семейного насилия;
- активизировать деятельность «кризисных комнат», приютов и убежищ для лиц, пострадавших от семейного насилия;
- эффективное использование средств массовой информации, правовой пропаганды и правового воспитания граждан.

Список цитированных источников

1. Джахбаров, Ю.А. Криминологическая характеристика и профилактика преступлений на виктимологической основе : автореф. ... дис. канд. юрид. наук : 12.00.08 / Ю.А.Джахбаров. – Рязань, 2004. – 27 с.
2. Морчев, И.А. Виктимологические аспекты предупреждения насильственных преступлений, совершаемых в семье : автореф. ... дис. канд. юрид. наук : 12.00.08 / И.А. Морчев. – Краснодар, 2009. – 25 с.
3. Молчанова, М. В. Внутрисемейное преступное насилие в отношении несовершеннолетних: Причины, тенденции, противодействие : автореф. ... дис. канд. юрид. наук: 12.00.08 / М. В. Молчанова. – СПб, 2004. – 24 с.
4. Федчук, И.Л. Административно-правовые средства противодействия правонарушениям, совершаемым в сфере семейно-бытовых отношений : автореф. ... дис. канд. юрид. наук : 12.00.08 / И.Л.Федчук. – Минск, 26 с.

Дата поступления статьи – 28.07.2015.

В настоящее время в сфере борьбы с внутрисемейным насилием большее внимание уделяется специально-криминологической профилактике. В то же время и виктимологическая профилактика данного вида насилия также имеет большое значение. Однако работе с жертвами не уделяется должного внимания. Правильно организованное выявление и изучение потенциальных потерпевших является важным звеном в борьбе с внутрисемейным насилием. Виктимологическая профилактика осуществляется на различных уровнях в зависимости от целевой группы. Можно выделить три уровня виктимологической профилактики насилия в семье. В статье анализируются данные уровни, выделяются проблемы в деятельности некоторых субъектов при осуществлении работы с жертвами внутрисемейного насилия. Автор приводит отдельные рекомендации для повышения эффективности виктимологической профилактики на каждом из уровней.

At present more attention is paid to specially-criminological prevention to combat family violence. At the same time victimological prevention of this type of violence is also of great importance. However, victims are not given adequate attention. Properly organized revealing and studying of potential victims is an important link in the struggle against intrafamily violence. Victimological prevention is carried out at different levels, depending on the target group. It is possible to distinguish three levels of victimological prevention of family violence. These levels are analysed, as well as the problems in the activity of some persons during their realisation of work with the victims of intra family violence. The author gives some recommendations how to improve the effectiveness of victimological prevention at each level.

К ВОПРОСУ О ПЕРСПЕКТИВАХ ПРИМЕНЕНИЯ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО МЕТОДА В КРИМИНОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Куница Е.В.

По мере поступательного развития науки криминологии происходит закономерное увеличение объемов криминологических исследований, что, в

свою очередь, актуализирует вопрос о методике таких исследований. Для глубокого изучения преступности исследователь должен располагать определенными средствами, которые предоставляют возможность познать это сложное социальное явление.

В общем смысле метод исследования представляет собой сложную совокупность разнообразных тактических, методических приемов, средств, обеспечивающих эффективность познания изучаемого явления. При этом каждая наука вырабатывает методику применения конкретного метода с учетом специфики исследования в пределах своего предмета. Таким образом, методы криминологического исследования находятся в тесной связи с методологией науки и обусловлены ею. При этом метод никогда не бывает абсолютно произвольным, поскольку он определяется характером исследуемого объекта [1; с. 5].

В социальных исследованиях применяются разнообразные методы сбора информации: наблюдение, эксперимент, опрос, анализ и др. Большинство из них носят междисциплинарный характер и находят широкое применение в различных естественных и общественных науках (социологии, педагогике, социальной психологии и др.). Однако применение отдельных методов приобретает свою специфику, которая обуславливается предметом конкретной науки и характером решения исследовательских задач. Так, специфика изучаемого криминологией предмета, ее теория накладывают достаточно выраженный отпечаток на практику любого междисциплинарного метода исследования, применяемого при изучении проблем преступности.

Комплексный подход к изучению проблем криминологии требует применения разнообразных методов исследования. Дальнейшее повышение теоретического уровня криминологических исследований влечет за собой необходимость расширения круга применяемых методов, их разновидностей, изменения характера сочетаний используемых методов.

Экспериментальный метод относится к группе методов, дающих возможность исследователю непосредственно воспринимать те или иные явления общественной жизни. Пожалуй, ни один из методов исследования, применяемых при изучении явлений и процессов общественной жизни, не вызывает в литературе столько споров, как метод социального эксперимента. Вопрос об эксперименте в социальных исследованиях, и особенно в криминологии, всегда был остро дискуссионным [2; с. 54].

Ряд авторов отстаивают научную позицию, согласно которой криминологии эксперимент вообще недоступен (В.В. Быков, М.Н. Руткевич, Г.М. Андреева). По мнению В.В. Быкова, в неэкспериментальных науках, которые изучают отдельные компоненты строения общества, возможны процедуры исследования, близкие по своему характеру к экспериментальным методам. Однако, следует учитывать, что даже в этих отраслях науки невозможно создание ситуации, однотипной с

экспериментом в естествознании. Это обусловлено тем, что в объект познания неэкспериментальных наук входит человек [3; с. 164]. Поскольку отдельную группу людей нельзя полностью изолировать от общества, сама возможность проведения эксперимента в социальной области, согласно данной точке зрения, является делом для социальных наук почти недоступным.

Иные авторы, признавая большие возможности эксперимента, рассматривают его как некую дань моде и стараются предостеречь от широкого применения в исследовательских целях [4; с. 134].

Довольно многочисленная часть криминологов усматривают определенные возможности применения эксперимента при исследовании причин преступности (В.Н. Кудрявцев, М.И. Ковалев). Согласно этой позиции, эксперимент в криминологии возможен лишь в позитивном направлении (например, при разработке организационных мер предупреждения преступлений, при совершенствовании форм и методов правового воспитания, и т.д.), т.е. когда эксперимент, позволяя получить необходимую информацию, которую нельзя добыть другими способами, не создает экспериментальных криминогенных условий и ситуаций [5; с. 245].

Всесторонне исследовав проблему социального эксперимента в криминологии, Н.П. Косоплечев пришел к обоснованному выводу о возможности и необходимости его применения, но при соблюдении определенных правил [2; с. 54].

Следует согласиться с Н.П. Косоплечевым также в том, что высказывая категоричные суждения о невозможности или крайней ограниченности применения эксперимента в криминологическом исследовании большинство авторов исходят из состояния развития криминологии на текущий момент, не анализируют потенциальные возможности применения эксперимента при разработке различных криминологических проблем, а также не обращаются к опыту применения эксперимента в смежных отраслях права и других социальных науках.

В то же время необходимо признать существование объективных ограничений для использования экспериментального метода в сфере криминологических исследований. В криминологии область эксперимента ограничена в двух отношениях. С одной стороны, недопустимо провоцировать преступление. Исследователь не освобождается от уголовной ответственности за соучастие в преступлении в роли подстрекателя, пособника или ином качестве. С другой стороны, меры по борьбе с преступностью должны базироваться на законе, общепринятых нормах морали и не нарушать прав и свобод, законных интересов человека и гражданина, национальных и религиозных чувств [2; с. 55].

Применение эксперимента должно исключаться в случаях, если могут наступить отрицательные последствия: ущемление интересов личности или причинение ущерба определенным общественным отношениям. К примеру, недопустимо экспериментальное создание обстоятельств, способствующих совершению преступлений или неблагоприятному формированию личности.

Однако некоторые оговорки относительно ограничения сферы применения эксперимента не снижают его значения для разработки актуальных криминологических проблем.

В общетеоретическом смысле эксперимент представляет собой такой метод исследования, при котором сохраняются постоянными условия бытия явления (константы) и на этом фоне изменяют одно из условий (переменную). Исследователь наблюдает, как изменяется явление при изменении переменной. На основании этих изменений выявляется наличие или отсутствие зависимости между объектом исследования и переменной. Обязательным требованием к условиям проведения эксперимента является наличие единственной переменной и неизменность остальных условий. В противном случае невозможно однозначно интерпретировать результаты эксперимента: останется неясным, что повлекло изменение изучаемого объекта – изменение первой переменной или второй, или их обеих.

Таким образом, под экспериментом понимается такой метод исследования, при котором происходит последовательная фиксация и контроль над состоянием объекта, изменяющимся под воздействием некоторых факторов, управляемых экспериментатором [6; с. 22].

Применительно к предмету криминологии понятие криминологический эксперимент можно определить как заранее обусловленную в определенных пределах общественную деятельность в рамках закона и с соблюдением моральных норм с целью проверки гипотез о причинах и условиях совершения правонарушений и об оптимальных мерах их предупреждения для выработки эффективных форм и методов профилактики правонарушений и ее правового регулирования.

Таким образом, криминологический эксперимент выступает как средство получения криминологической информации (криминологических фактов); проверки теоретических положений о причинах преступности и мерах ее предупреждения; проверки достоверности выводов и научных рекомендаций, направленных на предупреждение преступлений и иных правонарушений, совершенствование правового регулирования этой деятельности; установления эффективности новых форм и методов профилактики правонарушений; внедрения достижений криминологии в практику предупреждения правонарушений.

Экспериментальный метод исследования может применяться в криминологии в случае, когда исследователь предлагает ввести новые формы и методы предупреждения преступлений, осуществить или внедрить новую систему профилактики правонарушений в условиях региона, микросреды и т.д., проверить в процессе эксперимента новое решение проблемы организации предупреждения правонарушений.

Важнейшим направлением нейтрализации внутренних источников угроз национальной безопасности на современном этапе Концепция национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденная Указом Президента Республики Беларусь от 09.11.2010 № 575, называет комплексное совершенствование процессов предупреждения и борьбы с

преступностью [7]. Указанное обстоятельство в значительной мере актуализирует дальнейшие разработки проблем предупреждения преступлений, устранения причин и условий, способствующих совершению правонарушений, а также остро ставит вопрос об эффективности тех или иных форм и методов профилактики правонарушений. Экспериментальная проверка полученных результатов, входящая в исследовательский процесс в качестве составной части, является одним из способов, позволяющих исследователю судить о достоверности выводов и их практической применимости.

Между тем, практика криминологических исследований свидетельствует о том, что рекомендации, вытекающие из результатов исследований, как правило, экспериментальной проверке не подвергаются. Это приводит к тому, что отдельные рекомендации, не увязанные с существующей системой профилактики или недостаточно научно обоснованные, не находят практического применения. В то же время поспешное внедрение новых форм профилактики без экспериментальной проверки может привести к тому, что усилия и средства будут потрачены на малоэффективные формирования, ибо одни и те же формы и методы профилактики могут действовать неодинаково в различных условиях: в большом коллективе и в малом, в городе и сельской местности и т.д.

Представляется, что все инновационные формы и методы профилактики правонарушений должны подвергаться изучению и обобщению с последующей экспериментальной проверкой, и только с учетом результатов эксперимента следует решать вопрос об их внедрении в повсеместную практику.

В этой связи для проверки выдвинутой гипотезы о причинах и условиях, способствующих совершению правонарушений, нет необходимости опытным путем воссоздать негативную обстановку, которая наносила бы ущерб общественным отношениям и интересам личности. Выявить влияние тех или иных негативных факторов на преступность можно путем создания позитивных условий, исключающих возможность возникновения криминогенной ситуации.

Введение позитивных факторов, исключая факторы негативные или противодействующих им, позволяет исследователю выявить степень влияния последних на совершение преступлений, следовательно, установить причины и условия, способствующие их совершению. Так, для выявления влияния на преступность микросреды, характера жилищных условий, возможна постановка эксперимента на базе вновь возводимых микрорайонов. При изучении влияния социальных условий на преступность могут быть использованы различные мероприятия социального характера (например, запланированное строительство комплекса спортивных сооружений). В частности, ранее уже были проведены исследования социальной эффективности спорта в предупреждении правонарушений среди подростков, которые позволили сделать аргументированный вывод об

эффективности спортивной деятельности в перевоспитании и исправлении несовершеннолетних правонарушителей [8].

В этом смысле криминологический эксперимент имеет направленность на нейтрализацию негативного воздействия определенных явлений на преступность. Тем самым функция эксперимента в криминологическом исследовании является позитивной и носит направленный гуманистический характер.

Возможна также экспериментальная проверка эффективности форм и методов деятельности вновь возникающих добровольных общественных организаций, занимающихся предупреждением правонарушений. Историческим прецедентом использования эксперимента при выработке методов и форм участия общественности в профилактике правонарушений является создание товарищеских судов в трудовых коллективах. После анализа результатов проводившегося в течение нескольких лет эксперимента в 1929 году было принято Положение о товарищеских судах. Экспериментальную проверку прошла такая форма общественного самоуправления как добровольные народные дружины.

В области исправительно-трудовых отношений в советское время был проведен ряд экспериментальных работ, направленных на совершенствование системы перевоспитания и исправления лиц, совершивших преступления (о направлении в колонии-поселения лиц, осужденных за неосторожные преступления; о предоставлении краткосрочных отпусков по исключительным обстоятельствам некоторым категориям осужденных, отбывающих наказание в местах лишения свободы) [9; с. 36].

Еще одним перспективным направлением использования рассматриваемого метода является познание некоторых глобальных криминологических проблем. Одной из таких проблем является правосознание, регулятивная функция которого поддается научному изучению преимущественно экспериментальным путем. Этой цели служит, в частности, метод вербального эксперимента, в котором испытуемые осуществляют оценку и выбор различных вариантов правового поведения, принимают решение и обосновывают свою программу действий в динамически развивающейся ситуации конфликта различных ценностей, в набор которых включаются правовые ценности.

Применительно к исследованию отдельных видов преступлений криминологический эксперимент может быть использован как при изучении причин совершения преступлений, так и при разработке мер их предупреждения.

Следует признать, что не все криминологические явления могут быть подвергнуты экспериментальному изучению, однако это обстоятельство не исключает необходимость и перспективность поиска путей использования эксперимента в развивающейся науке, поскольку проведение экспериментальных исследований в значительной мере способно обеспечить высокую научность исследований, достоверность и обоснованность

выводов, а также способствовать восприятию практикой результатов научного поиска.

Список цитированных источников

1. Сивчиц О.М. Методы и формы научного познания / О.М. Сивчиц. - М., 1972. – 126 с.
2. Криминология. Учебник для юридических вузов / А.И. Долгова [и др.]; под общ. ред. А.И. Долговой. – М., 1997. – 784 с.
3. Быков В.В. Методы наук / В.В. Быков. - М., 1974. - 346 с.
4. Раббот Б.С. Гносеологические проблемы социального эксперимента. Социальное планирование / Б.С. Работ. - М., 1970. - 268 с.
5. Криминология: Учебник / В.Н. Кудрявцев [и др.]; под ред. В.Н. Кудрявцева, В.Е. Эминова. – 2-е изд. – М., 1999. – 678 с.
6. Винокур А.В. Социальный эксперимент / А.В. Винокур, Р.В. Рывкина. - Новосибирск, 1968. - 312 с.
7. Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь: Указ Президента Респ. Беларусь, 09 нояб. 2010 г., № 575 // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.
8. Игнатенко В.И. Проблемы социальной эффективности спорта в предупреждении правонарушений среди подростков: автореф. дисс. канд. юридич. наук / В.И. Игнатенко. – Свердловск, 1973. – 26 с.
9. Шмаров И.В. Социологический эксперимент в практике исправительно-трудовых учреждений / И.В. Шмаров // Советское государство и право. – 1966. - № 10.

Дата поступления статьи – 11.09.2015.

Статья посвящена вопросам применения экспериментального метода в криминологических исследованиях. Рассматриваются существующие в криминологической литературе позиции различных авторов относительно возможности и необходимости использования криминологического эксперимента, проводится анализ современных и перспективных направлений применения экспериментального метода.

The article is devoted to the application of the experimental method in criminological research. We consider the existing position in the criminological literature by various authors regarding the possibility and need for criminological experiment, we also carry out the analysis of the current and future directions of application of the experimental method.

ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ КРИМИНАЛЬНОЙ СИТУАЦИИ В СЕТЕВОМ ОБЩЕСТВЕ

Русецкий О.В.

В настоящее время деятельность человека в Интернете стала актуальным предметом исследования философов, социологов, психологов,

историков, лингвистов, культурологов, педагогов, маркетологов, политологов и других специалистов.

Вне зависимости от предметного содержания конкретных исследований ученые в значительной мере сходятся в определении сущностных характеристик Интернета, рассматриваемого в качестве *интенсивно и экспансивно развивающейся социотехнической системы*. Интернет вместе с современными цифровыми технологиями опирается на традиционные знаковые системы и способствует их усложнению и преобразованию. В свою очередь постоянно усложняющиеся знаки и семиотические системы, как и результаты нового для человечества уровня массового межличностного взаимодействия, способствуют развитию и трансформации высших психических функций человека. Это является существенным стимулом процесса развития и преобразования культуры в целом. Культурная сфера современной молодежи уже перенасыщена относящимися к компьютерам и к Интернету символами, текстами, изображениями, поведенческими стереотипами, метафорами, способами традиционного и нетрадиционного применения новой техники и т.д. С другой стороны в настоящее время даже не соприкасающиеся с компьютерами люди испытывают ежедневное воздействие технологий (например, когда воспринимают подготовленные с помощью компьютерной анимации изображения). Динамика качественного развития информационных технологий, их всепроникаемость и незаменимость дают основания утверждать, что современный мир подвержен тенденции переустройства всей социальной организации, называемой философами формированием «сетевого общества» [1].

Исследование указанных процессов в криминологическом ракурсе позволяет выделить особенности их протекания, играющие значимую роль в детерминации противоправного поведения – факторы развития криминальной ситуации. В их числе наиболее важными представляются следующие.

1. Воздействие информационных технологий на детей

По мнению психологов, развитие сознания у детей, применяющих компьютеры с самого раннего возраста, отличается от сверстников, получающих доступ к ним в более поздний период. В результате того, что компьютеры демонстрируют свойства, которые дети считают характерными для живых существ (компьютер «понимает» команды, «подчиняется», «умеет решать задачи», в играх не проигрывает — стало быть, «хитрит» и «обманывает»), так и для неживых (сделан из металла и пластика, включен в розетку и т.п.) у детей развивается представление о компьютере как о чем-то промежуточном между живой и неживой природой («вроде живого» или «как бы живой») [2]. Удовлетворение познавательных и развлекательных потребностей, яркая и контролируемая «реальность» компьютерного мира создает у детей привязанность к данной форме деятельности, впоследствии играющую немалую роль в формировании зависимости от электронных «гаджетов». При недостатке внимания со стороны родителей, реальных и

позитивных контактов со сверстниками и другими людьми компьютер становится «другом», навсегда получая статус незаменимого спутника жизни, которому всегда можно доверять. В дальнейшем, культура (в виде кинофильмов, отношения к компьютерам взрослых, сценариев компьютерных игр и т.д.) ориентирует подростков, как следует воспринимать компьютеры, однако в полной мере такое адекватное восприятие доступно только квалифицированным специалистам в области информационных технологий.

С криминологической точки зрения здесь важными являются аспекты, связанные с формированием внутренней оценки компьютера как источника положительных эмоций и априори достоверной и полезной информации («друг»). Данные установки, действующие на этапе вовлечения несовершеннолетних в процесс бурного сетевого общения и получения Интернет информации, являются условиями соответствующего виктимного поведения подростков.

Следует также отметить, что в современном мире среди детей и подростков немало тех, кто проявляет незаурядную заинтересованность в новых технологиях и демонстрирует знания и умения, превосходящие знания и умения окружающих их взрослых, не исключая учителей. Не имея в силу данного обстоятельства возможности опереться в изучении средств информатики на помощь и подсказки со стороны компетентного консультанта, не удовлетворяясь методом проб и ошибок, дети все чаще находят удаленных консультантов посредством Интернета. Такими консультантами могут быть и взрослые. Тем самым формируются референтные группы, состоящие из детей и подростков разного возраста и из взрослых, компетентных в конкретных (в том числе незаконных) способах применения компьютеров и Интернета.

Высокий рейтинг Интернета в молодежной среде, модность использования широких возможностей социальных сетей способствуют глобальной информатизации досуговой и иных сфер жизнедеятельности современной молодежи, рассматривающей лиц, не включенных в процесс межсетевого взаимодействия, как девиантов. Это является благоприятной почвой для формирования личностных установок, приоритетно направленных на популяризацию и идеализацию собственного образа в представлениях других, построения неразрывно связанных с виртуальным пространством Интернета жизненных стратегий подростков. Последние предполагают не только позитивные направления использования информационных технологий (например, распространение наркотиков в Интернете экономически мотивированными молодыми людьми, рассматривающими подобную деятельность как бизнес с серьезными доходами).

2. Востребованность виртуальных технологий

По мнению исследователей, человеческая активность в Интернете подчинена удовлетворению трех основных видов потребностей: коммуникативной, познавательной и игровой [3]. Этим видам активности

сопутствуют и другие виды деятельности, в том числе связанные с изменением идентичности (социальной роли) и даже состояний сознания.

Замещение реальности виртуальными аналогами рассматривается современными исследователями как стремительно развивающийся массовый культурный феномен. Технические системы виртуальной реальности (видеопроекторы, компьютеры, датчики, экраны, шлемы, перчатки, специальные программы) становятся все более востребованными в современном мире, как в плане обучения различным профессиональным навыкам, так и в сфере досуга и развлечений.

Компьютерная (игровая или коммуникативная) виртуальная реальности имеют в качестве общей основы определенный принцип их построения: вся полнота физической и социальной реальности редуцируется до набора отобранных признаков. Освоить такую редуцированную реальность и осмысленно действовать в ней проще, чем в реальной жизни, в том числе потому, что *система последствий (социальной ответственности) за проявления активности в этих условиях в большинстве случаев отсутствует или не в полной мере функциональна* (например, убийство в компьютерной игре, свободное общение в социальных сетях под вымышленным именем и др.). Этим может быть частично объяснено массовое «бегство» в игровую либо иную виртуальную реальность. При этом *современная игровая (как и коммуникативная) виртуальная реальность, бурно развиваясь, уже практически не уступает по своей сложности и многогранности жизненным ситуациям.*

Соотношение между искусственной и обыденной реальностями весьма сложно. Психологические механизмы перехода и переноса навыков и поведенческих стереотипов из одного вида реальности в другой являются сложными, многосторонними и *требующими тщательного изучения.* Однако уже сейчас установлено, что равноправие и одновременное сосуществование в сознании мира обыденной и искусственно построенной с помощью компьютеров реальности способствует возникновению у человека (особенно в детском возрасте) *иллюзорного чувства реальности.* Игроки современных групповых ролевых игр различного содержания иной раз полагают, что наиболее полнокровная жизнь ожидает их в игровой — для них «истинной» реальности, а вот реальность повседневная — это нечто вроде отбывания наказания в малопонятной, унылой и безрадостной среде [4]. При этом подавляющее *большинство таких компьютерных игр в различной степени связаны с проявлением насилия.*

С криминологической точки зрения рассмотренный процесс «виртуализации» сознания населения играет немаловажную роль в формировании ценностно-целевого комплекса внутренних поведенческих установок детей и подростков, ориентирующего их действия не только в информационном, но и в жизненном (реальном) пространстве. В связи с этим *дальнейшее развитие виртуальных технологий и особенно востребованных подростками игр и коммуникативных ресурсов должно быть связано с опосредованным внедрением элементов существующего в*

реальности социально-правового контроля, предусматривающего обязательность наступления последствий в результате каких-либо действий, а также ответственность за свои осознанные либо необдуманые поступки. Примерами такого опосредованного внедрения могут быть компьютерные игры, в которых в результате применения насилия или противоправных действий существенно снижается игровой статус либо посредством 5 (6,7) D технологий игроку передается «вся правда» о соответствующих реальных событиях, а также социальные сети, требующие полной (биометрической) идентификации участников.

3. Индивидуальная зависимость от интернета

Современные исследователи в области психологии, медицины и социологии отмечают тенденцию к выработке более широкого представления об индивидуальных зависимостях. Наряду с традиционными или химическими (алкоголизм, потребление наркотиков) все чаще упоминаются поведенческие психологические зависимости, среди которых выделяется зависимость от Интернета [5]. Специалисты определяют ряд поведенческих характеристик, которые относятся к этому феномену (или синдрому). Так, у интернет-зависимых отмечаются неспособность и активное нежелание отвлечься даже на короткое время от работы в Интернете; досада и раздражение, возникающие при вынужденных отвлечениях, и навязчивые размышления об Интернете в такие периоды; стремление проводить за работой в Интернете все увеличивающиеся отрезки времени и неспособность спланировать время окончания конкретного сеанса работы; побуждение тратить на обеспечение работы в Интернете все больше денег; готовность лгать друзьям и членам семьи, преуменьшая длительность и частоту работы в Интернете; способность и склонность забывать при работе в Интернете о домашних делах, учебе или служебных обязанностях, важных личных и деловых встречах; стремление освободиться на время работы в Интернете от ранее возникнувших чувства вины или беспомощности, от состояний тревоги или депрессии, обретение ощущения эмоционального подъема и своеобразной эйфории; нежелание принимать критику подобного образа жизни со стороны близких; готовность мириться с разрушением семьи, потерей друзей и круга общения из-за поглощенности Интернетом; пренебрежение собственным здоровьем и, в частности, резкое сокращение длительности сна в связи с систематическим посещением Интернета в ночное время; избегание физической активности или стремление сократить ее, оправдываемое необходимостью выполнения срочной работы, связанной с применением Интернета; пренебрежение личной гигиеной из-за стремления проводить все без остатка «личное» время в Интернете; постоянное «забывание» о еде, готовности удовлетворяться случайной и однообразной пищей, поглощаемой нерегулярно и не отрываясь от компьютера, злоупотребление кофе и другими тонизирующими средствами; и др.

Структурно и содержательно зависимость от Интернета включает в различной степени выраженные у индивида разновидности поведения,

которые обычно относят к данному феномену: пристрастие к работе с компьютером (программированию или другим видам деятельности); привязанность к опосредствованным Интернетом азартным и иным онлайн-играм; электронный шопинг (аукционы или покупки в Интернет-магазинах); зависимость от социальных применений Интернета (общение в социальных сетях, чатах, конференциях); зависимость от «киберсекса» (сайтов, игр и чатов сексуальной тематики).

По результатам исследований психологов интернет-зависимые охарактеризованы как обладающие высоким уровнем абстрактного мышления и уверенные в себе индивидуалисты, чувствительные и эмоционально реагирующие на других людей, настороженные и не проявляющие конформного поведения. Они адаптируются к длительным периодам относительной изоляции и способны довольствоваться лишь опосредствованными контактами с другими людьми. Некоторые из них склонны гипертрофированно (резко негативно или, наоборот, с пылким одобрением) реагировать на слова удаленных собеседников — с таким накалом эмоций, который не поощряется или табуируется в более традиционных формах общения («лицом к лицу») [6].

Среди причин возникновения зависимости от Интернета выделяются: недостаточно развитый социальный интеллект (эмоциональность, контактность, понимание собеседника, эмпатийность, умение слушать, доверительность, готовность и умение «раскрыться» в беседе); затрудненность осуществления контроля в других жизненных сферах, особенно в социальных отношениях; неудачи в реальной жизни; неудовлетворенное стремление к самоуважению и получению положительных эмоций; необходимость позитивной интеллектуальной стимуляции, которая не достигается социальной или спортивной активностью; негативное внутреннее восприятие физического мира как обыденного и ограниченного; и др. Для формирования зависимости имеют значение доступность и непрерывность Интернета, стимулирующая роль содержащейся в Сети информации и ее интенсивность, возможность анонимности, расторможенности и возрастающей доступности действий.

Зависимость от Интернета формируется последовательно: на первой стадии происходит знакомство с Интернетом и заинтересованность новыми возможностями, на второй Интернет замещает значимые стороны жизни, на третьей можно говорить о возникшей устойчивой зависимости.

В криминологии различные формы зависимости рассматриваются как функциональное нарушение типовой и, как правило, социально приемлемой модели поведения человека. В данном ракурсе основной негативной чертой зависимых лиц является риск криминальных действий, направленных на достижение обусловленной зависимостью цели (например, похищение средств для приобретения наркотиков, пользования Интернетом и др.). Личностные (психологические) причины возникновения зависимости от Интернета имеют много общего с детерминантами иных форм девиантности, в том числе преступности (неудовлетворенность условиями реальной жизни,

стремление избежать социального контроля и др.). Кроме того, ряд специалистов-психологов солидарны в том, что информационные технологии усиливают вероятность проявления уже имеющихся видов зависимости и психических заболеваний, а также порождают новые (например, селфимания). Последствия зависимости от Интернета в значительной мере влияют на процесс социализации несовершеннолетних. Так, в случаях зависимости родителей объективно снижается степень их участия в воспитании ребенка, если зависимы дети – уровень усвоения ими социальных (в том числе правовых) норм поведения и межличностного взаимодействия.

4. Трансформация социального устройства

Всеобщность, массовость и бурное развитие информационных технологий являются глобальными факторами трансформации современной социальной реальности. Фундаментальные последствия революции в информационных технологиях проявляются в том, что в новых условиях культура, психология, социальная жизнь и экономика формируются под воздействием техники и электроники, особенно компьютеров и коммуникаций, производственный процесс более не является основным решающим фактором перемен, влияющим на нравы, социальный строй и ценности общества [7].

По мнению автора концепции «сетевого общества» Мануэля Кастельса, охватывающей практически все области человеческой деятельности, для современного мира характерна динамичная экспансия новой специфической формы социальной организации, в которой благодаря новым технологическим условиям, генерирование, обработка и передача информации становятся основными источниками производительности и власти. Кастельс рассматривает сетевое общество как формирующуюся сегодня в глобальном масштабе социальную структуру, важнейшей чертой которого выступает даже не доминирование информации или знания, а изменение направления их использования, в результате чего главную роль в жизни людей обретают глобальные, сетевые структуры, вытесняющие прежние формы личной и вещной зависимости [8].

В числе основных особенностей новой социальной организации выделяются: динамичность, открытость, постоянное обновление конфигурации доминирующих социальных процессов и функций, глобализация, мобильность и адаптивность социальных институтов, в том числе направленных на моментальную обработку ценностей и общественных настроений, и другие. В данных условиях сближение социальной эволюции с информационными технологиями создает основу для осуществления новейших видов деятельности, которые пронизывают всю общественную структуру. Труд становится все более индивидуализированным с точки зрения возможностей работников, условий труда, заинтересованности в нем и перспектив на будущее. При этом в рамках комплексных, глобальных сетей, которые взаимодействуют друг с другом, производственные процессы объединяются в одно целое.

Информация в основном распространяется через диверсифицированную, всеобъемлющую систему средств информации и сетевой межличностной коммуникации, и поэтому политическая игра все чаще и чаще разыгрывается в этом виртуальном пространстве. Лидерство становится персонализированным, а путь к власти лежит через создание имиджа [9].

Философы констатируют, что в современном мире на глубоком уровне происходит преобразование материальных основ общества, организованных вокруг пронизанного потоками информации пространства и где время сохраняет свое значение только в отношении второстепенных функций и конкретных процессов. Общество сетевых структур, выступая в качестве нового социального порядка, большинству людей все чаще и чаще видится как метасоциальный беспорядок, как автоматизированная, произвольная последовательность событий, следующая неконтролируемой логике рынка, технологий, геополитических факторов или биологической детерминанты [10]. Это негативно отражается на мировоззрении индивидуумов, мотивирует отстранение от реальности, неуверенность в будущем, порождает анархические настроения, деформирует упорядоченную систему личностных установок в целом.

Помимо этого, для криминологической оценки происходящих изменений важным является то, что эффективность традиционных (существующих) средств и методов превентивной антикриминальной деятельности в условиях новой социальной организации объективно снижается. Это заметно уже сейчас. В числе причин преступности среди несовершеннолетних специалистами регулярно декларируется неконтролируемый поток интернет информации различного содержания, дезориентирующий подростков, негативно влияющий на их ценности и жизненные принципы. Правовое просвещение несовершеннолетних, их идеологическое воспитание, антинаркотическая пропаганда и иные мероприятия предупредительной деятельности не достигают требуемого результата в силу неэффективности методов реализации, неадекватности их потребностям современной молодежи. Большинство механизмов социально-правового контроля преступности теряют свою функциональность ввиду исключения значительной части молодежи из реальной жизни на продолжительные периоды времени. При этом с развитием информационных технологий, вовлечением в опосредованную Интернетом деятельность все большего числа людей эти процессы будут развиваться все возрастающими темпами.

Таким образом, анализируя значимые с криминологической точки зрения особенности распространения информационных технологий, можно прогнозировать существенные изменения в развитии характеристик криминальной ситуации. В качестве основных тенденций в ближайший период времени следует обозначить трансформацию (информатизацию, кибернетизацию) средств и способов совершения традиционных преступлений (хищений, посягательств на половую неприкосновенность, террористической и экстремисткой деятельности и др.), а также появление

новых составов уголовно-наказуемых деяний (размещение незаконного контента в электронных СМИ, виртуальное хулиганство и др.). В отдаленной перспективе следует говорить о качественных изменениях структуры преступности, связанных с рассмотренным выше влиянием процессов развития информационных технологий на детерминацию противоправного поведения, прежде всего среди несовершеннолетних и молодежи. Суть данных изменений сводится к увеличению доли преступлений, мотивированных корыстными и хулиганскими побуждениями, снижению насильственных и коррупционных уголовно наказуемых деяний.

К основным мерам предупреждения негативного влияния рассмотренных выше процессов в организационном плане следует отнести создание специализированных структур предупредительной деятельности – электронных субъектов профилактики (программы-контроллеры, электронные обучающие и просвещающие средства, межгосударственные и национальные сетевые инспекторы и органы). В правовом поле требуется совершенствование правил использования информационных технологий, закрепление механизмов ответственности за общественно опасное поведение в информационном пространстве. Техническое обеспечение профилактики правонарушений, базируясь на достижениях криминалистики, должно быть неразрывно связано с развитием информационных технологий. При этом обязательность криминалистического сопровождения научно-технического прогресса (биометрические программы-идентификаторы пользователей информационных систем, электронные средства защиты имущества, программы и средства сопровождения жизнедеятельности лиц группы виктимного риска и др.) может быть закреплена в международных правовых актах.

Но главным в данном ракурсе представляется концептуальная переориентация организационных основ профилактики правонарушений в плане изменения приоритетности применения ее основных средств, реструктуризации и качественного перепрофилирования работы субъектов профилактики. Деятельность по устранению причин и условий преступности, осуществляемая с учетом изменений в системе ее детерминации, должна в полной мере использовать включенность индивидуумов в виртуальный мир информационных технологий, значимость этой «реальности» для профилируемых лиц. Правовое воспитание, контроль поведения, ответственность за противоправные действия и иные средства превентивного воздействия должны быть органично «имплантированы» в систему сетевого взаимодействия новой социальной организации. В противном случае динамичное развитие информационных технологий может вызвать криминогенные последствия, масштаб которых в современных условиях не предсказуем.

Список цитированных источников

1. Кастельс М. Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под редакцией В. Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. 640 с.
2. А.Е. Войскунский. Интернет - новая область исследований в психологической науке/ [Электронный ресурс]. – 2015. – Режим доступа: [http:// Psychology OnLine.Net/](http://Psychology OnLine.Net/). – Дата доступа: 09.08.2015
3. Войскунский А.Е., Феномен зависимости от Интернета // Гуманитарные исследования в Интернете / Под ред. А.Е. Войскунского. М, 2000. С 100-131.
4. А.Е. Войскунский. Интернет - новая область исследований в психологической науке/ [Электронный ресурс]. – 2015. – Режим доступа: [http:// Psychology OnLine.Net/](http://Psychology OnLine.Net/). – Дата доступа: 09.08.2015
5. Войскунский А. Е. Исследования Интернета в психологии // Интернет и российское общество / Под ред. И. Семенова. М.. 2002 С 235-250
6. Войскунский А.Е. Психологические исследования феномена Интернет-аддикции // Тезисы докладов 2-й Российской конференции по экологической психологии. М.: Экопсицентр РОСС. 2000 С. 251-253
7. Кастельс М. Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под редакцией В. Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. 640 с.
8. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество, культура / Пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
9. Кастельс М., Киселева Э. Россия и сетевое общество // Россия в конце XX века: Тез. докл. Междунар. конф. М., 1998. С. 36–48
10. Кастельс М. Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под редакцией В. Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. 640 с.

Дата поступления статьи – 14.09.2015.

Динамическое развитие информационных технологий, их всепроникаемость и незаменимость для современного общества являются основой для серьезных культурных изменений, качественной трансформации всей социальной организации процесса жизнедеятельности человечества. Это, безусловно, отражается на системе детерминант противоправного и иного девиантного поведения.

В статье с криминологической точки зрения оцениваются современные тенденции развития информационных технологий, рассматриваются вопросы влияния Интернета на социализацию детей, образ жизни и групповое сознание молодежи, выделяются соответствующие детерминанты криминализации и виктимизации несовершеннолетних. На основании анализа формирующихся в современном мире факторов влияния на криминальную ситуацию, дан прогноз ее развития на ближайший и отдаленный периоды времени, высказаны концептуальные и организационно-правовые предложения по совершенствованию превентивной антикриминальной деятельности.

The dynamic development of information technologies, their importance to modern society are the basis for major cultural changes, qualitative transformation of the entire social organization process of vital activity of mankind. It certainly affects the system determinants of wrongful and other deviant behavior. In the article from the standpoint of criminology is assessed current trends in the development of information

technology, is discussed the impact of the Internet on the socialization of children, lifestyle and group consciousness of youth, and also is separated out determinants of criminalization and victimization of minors. The article gives the forecast of development of a criminal situation for the nearest and remote periods of time as well as conceptual and organizational legal offers on perfection of preventive anticriminal activity. It is made on the basis of the analysis of the factors influenced on the criminal situation in today's world.

ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ СРЕДСТВ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОГО КРИТЕРИЯ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ НАКАЗАНИЯ В СЛУЧАЕ ПСИХИЧЕСКОГО РАССТРОЙСТВА (ЗАБОЛЕВАНИЯ) В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Бородулькина Е.С.

Часть 1 ст. 92 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) предусматривает возможность освобождения от наказания в случае психического расстройства (заболевания). Проведенное нами исследование позволяет заключить, что существующая в уголовном законодательстве регламентация данного вида освобождения от наказания имеет ряд недостатков, которые существенным образом влияют на эффективность правового регулирования отношений в данной сфере. Несовершенство положений, закрепляющих психическое расстройство в качестве основания освобождения от наказания и, как следствие этого несовершенства – ошибки, возникающие в правоприменительной практике, потенциально представляют серьезную угрозу для общественной безопасности: после освобождения лиц, страдающих психическими аномалиями и патологиями, сохраняется высокий риск совершения ими общественно опасных деяний.

В качестве одной из проблем законодательного регулирования освобождения от наказания в случае психического расстройства (заболевания) можно выделить особенности конструкции юридического критерия. Данный вопрос будет являться предметом проводимого исследования.

Отдельные уголовно-правовые и процессуальные аспекты освобождения от наказания по заболеванию поднимались отечественными учеными А.П. Дербиным, А.А. Сосновским, В.М. Хомичем, В.Б. Шабановым и др. Более предметно указанная проблема нашла свое отражение в трудах Э.Ю. Аскерова, Г.В. Назаренко, Б.А. Спасенникова, Ю.М. Ткачевского, В.С. Трахтерова и других российских и украинских авторов.

Методологической основой исследования являются такие общенаучные приемы познания, как индукция и дедукция, анализ и синтез, сравнение и др., а также частноправовые методы – формально-юридический, сравнительно-правовой, системно-правовой.

В соответствии с ч. 1 ст. 92 УК «лицо, заболевшее после вынесения приговора психическим расстройством (заболеванием), лишаящим его возможности сознавать фактический характер и значение своих действий

или руководить ими, освобождается судом от отбывания наказания. Такому лицу суд может назначить принудительную меру безопасности и лечения».

Можно обратить внимание, что данная норма не предоставляет суду возможность усмотрения: строго закрепляется обязанность освободить лицо, у которого после вынесения приговора наступило психическое расстройство (заболевание), лишаящее его возможности сознавать фактический характер и значение своих действий или руководить ими. Мы находим такое законодательное решение вполне обоснованным, поскольку, во-первых, в современных условиях тюремного стационара коррекция тяжелых психических расстройств неосуществима, а, во-вторых, в связи с серьезными дефектами сознания и поведения таких лиц реализация наказания и достижение его целей невозможны.

Иного мнения придерживаются Б.А. Спасенников и Э.Ю. Аскеров. Так, Б.А. Спасенников настаивает на том, чтобы не связывать развитие хронического психического расстройства с обязательным и безусловным освобождением от уголовного наказания, поскольку утрата способности к осознанно волевой регуляции поведения может быть весьма непродолжительной [1, с. 128]. Занимая схожую позицию, Э.Ю. Аскеров также полагает, что суд вправе, но не обязан освобождать лицо от дальнейшего отбывания наказания, объясняя это тем, что даже при хроническом психическом расстройстве его проявления динамичны в силу закономерностей течения психического расстройства, могут возникать многолетние «светлые промежутки», которые не препятствуют исполнению наказания [2, с. 98].

Оппонируя указанным авторам, отметим, что заболевания, которые могут являться основанием освобождения от наказания в случае психического расстройства (заболевания), носят тяжелый характер и являются органическими психическими расстройствами (например, болезнь Альцгеймера и др.), а также тяжелыми расстройствами поведения и тяжелыми эмоциональными расстройствами детского или подросткового возраста, исключающими возможность терапевтической коррекции. Если в таком состоянии и возможны «светлые промежутки», то возвращение такого лица в места лишения свободы будет являться серьезной психотравмирующей ситуацией, которая негативно скажется на психическом состоянии осужденного и сведет на «нет» проведенное ранее лечение. Более того, это может создавать затруднения для отбывания наказания иными лицами, находящимися в местах лишения свободы. На наш взгляд, эффективным «предохранительным механизмом», который позволяет существенно снизить потенциальную опасность освобождаемых психически нездоровых лиц, являются назначаемые принудительные меры безопасности и лечения.

Анализ ч. 1 ст. 92 УК дает основания выделить два основных критерия – медицинский и юридический, в соответствии с которыми лицо освобождается от наказания в связи с психическим расстройством (заболеванием). Медицинский критерий выражается в наступлении

конкретного психического расстройства (заболевания). Исчерпывающий перечень психических расстройств (заболеваний), при наличии которых лицо может быть освобождено от отбывания наказания (далее – перечень), содержится в Приложении к постановлению Министерства внутренних дел Республики Беларусь и Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 16 февраля 2011 г. № 54/15.

Однако уголовно-правовое значение психическая патология приобретает при наличии юридического критерия [3, с. 220], предполагающего, что при одних и тех же психических аномалиях возможен различный уровень и характер их проявления [4, с. 29].

Юридический критерий можно рассматривать как обобщенную характеристику клинических данных о расстройствах психики, но с точки зрения их влияния на психические процессы, задействованные в саморегуляции [5, с. 245]. Иногда в научной литературе данный критерий называют «уголовно-исполнительной (пенитенциарной) недееспособностью» – неспособностью лица, совершившего преступление, понимать происходящее в период исполнения наказания и отбывать назначенное наказание вследствие расстройства психической деятельности [6, с. 61].

Обозначенный критерий включает в себя два признака: интеллектуальный и волевой. Согласно ч. 1 ст. 92 УК интеллектуальный признак указывает на расстройство сознания, в силу которого лицо лишено возможности осознавать фактический характер и значение своих действий. В данном случае речь идет о таком поражении интеллекта лица, когда оно не способно понимать настоящего содержания своего поведения, осмысливать в достаточной мере свои поступки.

Если обратиться к толковому словарю, то «фактический» определяется как «отражающий действительное состояние чего-нибудь» [7, с. 736]. При этом обычно непонимание лицом содержания фактической стороны своего действия связывается с непониманием им причинной связи между совершаемым деянием и наступающими последствиями [8, с. 354]. Т.Б. Дмитриевой данный признак раскрывается как «невозможность отражать в сознании в системе культурных значений содержание преимущественно операционного состава этих действий, понимая их как определенные способы и средства для достижения социально значимых целей собственной деятельности с учетом социальных норм, правил, установлений, технологических предписаний и возможностей» [5, с. 245].

Противником интеллектуального критерия в существующем виде является Ю.М. Ткачевский, указывающий на то, что лицо не лишается возможности осознания «фактического характера» своих действий. Ученый приводит пример, что даже в том случае, если лицо страдает хроническим тяжелым расстройством, оно может понимать, что если горящую спичку положить на бумагу, то она загорится ярким светом, и будет «тепло и весело». Однако, по мнению Ю.М. Ткачевского, такое лицо не сможет

осознать общественную опасность своих действий [9, с. 45]. Полагаем не согласиться с таким выводом ученого, поскольку речь все же идет не только о том, что лицо осознает фактический характер действий, но также имеет возможность осознавать их значение. В рассматриваемом примере понимание того, что будет «тепло» – это осознание фактического характера действий, а осознание возможности причинения вреда – осознание значения своих действий. В исследуемой нами ситуации, психически нездоровый осужденный не будет осознавать значение и содержание ограничений, применяемых к нему, а также причин, по которым они применяются.

Другим свойством юридического критерия, как уже отмечалось, является волевой признак, который заключается в невозможности лица руководить своими действиями. В данной ситуации лицо, у которого наступило психическое расстройство, осознает и содержание, и причину лишений или ограничений прав и свобод, носящих как карательный, так и лечебный характер. Освобождается такое лицо от лишений или ограничений прав и свобод карательного характера в связи с отсутствием у него воли, то есть его деяния не имеют волевого элемента, чтобы признать их актом человеческого поведения [10, с. 58].

Для признания наличия юридического критерия достаточно установления одного из признаков: интеллектуального или волевого. Если хотя бы один из этих признаков присутствует, то освобождение психически больного лица является обязанностью суда, причем оно освобождается независимо от характера и тяжести преступления, личности осужденного и его поведения.

Самую обширную дискуссию в научных кругах вызывает то, что юридический критерий освобождения от наказания в случае психического расстройства (заболевания) во многом повторяет формулу невменяемости. При этом если белорусский законодатель в некоторой степени видоизменил формулировку, исключив из нее признак «осознание общественной опасности», то редакция ч. 1 ст. 81 Уголовного кодекса Российской Федерации, указывающая, что «...психическое расстройство, лишаящее его возможности осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими» [11], не позволяет установить, о каком действии идет речь: о том, за которое лицо было осуждено, либо о нынешнем состоянии осужденного.

Анализ судебных материалов показал, что сходство формулировок невменяемости и ненаказуемости приводит к смешению на практике категорий «не подлежит уголовной ответственности», «освобождается от уголовной ответственности» и «освобождается от уголовного наказания». Так, в некоторых постановлениях ошибочно указывается на освобождение от уголовной ответственности, хотя лицо заболело психическим расстройством после вынесения обвинительного приговора, то есть освобождается от наказания.

Таким образом, проанализировав мнения о достоинствах и недостатках существующего в законодательстве юридического критерия освобождения

от наказания в случае психического расстройства (заболевания), представляется необходимым провести обсуждение по следующим обстоятельствам: существует ли возможность упразднения юридического критерия, и в случае признания отсутствия такой вероятности, каким образом его можно скорректировать.

Обращаясь к вопросу об упразднении юридического критерия, отметим, что сторонники этой идеи указывают на возможность его «поглощения» медицинским критерием, поскольку заболевания, перечисленные в Перечне, предполагают серьезные психопатологические и (или) поведенческие проявления, при которых нарушается способность правильной оценки больным происходящего вокруг. Например, такой позиции придерживается В.С. Трахтеров, отмечающий, что юридический критерий следует «опустить», так как в случае хронического заболевания неспособность нести наказание настолько очевидна, что любой критерий, кроме медицинского, видится излишним. По мнению ученого, только длительная душевная болезнь преступника вызывает последствия уголовно-правового характера – неприменение наказания и обращение вместо него к мерам медицинским [12, с. 139].

На наш взгляд, такая позиция вызывает ряд замечаний. Во-первых, не каждая ситуация настолько «очевидна», как об этом пишет В.С. Трахтеров, и не любой диагноз отражает признаки юридического критерия. Более того, на практике могут возникать спорные случаи, представляющие трудности для судебно-психиатрической оценки и диагностики, и тогда особая роль будет принадлежать именно юридическому критерию, определяемому по признакам, отличным от клинических.

Во-вторых, юридический критерий, как нам представляется, первичен по отношению к медицинскому и тесно связан с ним. Предпосылки для установления юридического критерия возникают ранее, чем диагностируется медицинский критерий, когда еще в исправительном учреждении осужденный начинает проявлять признаки неадекватного поведения, затрудняющие или делающие невозможным процесс дальнейшего отбывания наказания. Такое лицо для наблюдения и лечения направляется в психиатрическое отделение УДИН МВД Республики Беларусь. Если состояние больного за время лечения осталось без существенной динамики и больному установлен диагноз из Перечня, то он направляется в отдел стационарных судебно-психиатрических экспертиз лиц со строгим наблюдением для решения вопроса о возможности дальнейшего отбывания наказания в местах лишения свободы.

Еще одним доводом в пользу сохранения юридического критерия является то, что окончательное решение об освобождении от наказания в случае психического расстройства (заболевания) принимает суд, однако неясно, чем он будет руководствоваться, если в ч. 1 ст. 92 УК сохранится лишь медицинский критерий. По сути, его роль будет сводиться к дублированию заключения судебно-психиатрической экспертизы (далее – СПЭ).

Изложенное дает основание для следующего вывода: аннулирование юридического критерия в ч. 1 ст. 92 УК нецелесообразно. Однако существующая формулировка также не позволяет определить необходимые содержательные характеристики интеллектуально-волевого поведения лица. Наш вывод дополнительно подтверждается проведенным анализом судебных материалов Центрального суда г. Минска, показавшим, что юридический критерий в существующей в законодательстве трактовке не находит своей оценки у психиатров, проводящих СПЭ, а также у специальной врачебной комиссии и суда.

Полагаем, что при освобождении от наказания в случае психического расстройства (заболевания) суд, прежде всего, должен прийти к выводу, что у лица присутствует такая степень (глубина) тяжести болезненных нарушений психики, которая не позволяет ему реально отбывать назначенное наказание. Причинами того, что психическое расстройство препятствует отбыванию наказания, могут быть неспособность лица «адекватно реагировать на правовое воздействие при назначении судом наказания и исполнение наказания соответствующими учреждениями» [13, с. 139], «понимать значение установленного порядка исполнения и отбывания наказания (режима) и исполнять его требования» [14]. В данном случае «препятствование отбыванию наказания» выступает обобщающим понятием для обозначенных компонентов. Данный тезис согласуется с правоприменительной практикой, так как изучение актов СПЭ показало, что экспертиза в обязательном порядке дает ответ на вопрос о том, может ли лицо по своему психическому состоянию отбывать наказание в виде лишения свободы.

На наш взгляд, суд, с учетом акта СПЭ, а также позиции представителей исправительного учреждения и прокурора должен принимать окончательное решение о том, препятствует ли психическое расстройство (заболевание) отбыванию наказания. При этом в ч. 1 ст. 92 УК достаточно отразить «препятствование отбыванию наказания» в качестве юридического критерия, а Пленуму Верховного Суда Республики Беларусь необходимо более подробно разъяснить его содержание. Заметим, ранее мы уже указывали на необходимость принятия соответствующего постановления, которое бы обобщило практику применения ст. 92 УК [15, с. 229].

Таким образом, в процессе проведенного исследования нами было выявлено одно из возможных направлений корректировки ч. 1 ст. 92 УК, связанное с несовершенством законодательного регулирования юридического критерия освобождения от наказания в случае психического расстройства (заболевания). Установлено, что содержащийся в ч. 1 ст. 92 УК юридический критерий, во многом повторяющий формулу невменяемости, излишне «перегружает норму», а также приводит к правоприменительным проблемам, которые связаны со смешением понятий о невменяемости и ненаказуемости, с освобождением от наказания и освобождением от уголовной ответственности. Для освобождения от наказания в связи с

психическим расстройством (заболеванием) не имеет значения, может ли лицо осознавать фактический характер и значение своих действий, либо руководить ими. Юридический критерий освобождения от наказания в случае психического расстройства (заболевания) должен содержать указание на неспособность лица отбывать наказание, то есть достаточным будет установить, что лицо страдает тяжелым психическим расстройством, препятствующим отбыванию наказания.

Список цитированных источников

1. Спасенников, Б.А. Принудительные меры медицинского характера (Теория, уголовно-правовое регулирование, практика) : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Б.А. Спасенников. – Архангельск, 2004. – 368 л..
2. Аскеров, Э.Ю. Уголовно-правовые проблемы освобождения от наказания: дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Э.Ю. Аскеров. – М., 2005. – 156 л.
3. Уголовное право. Общая часть: учебник для бакалавров / Ю.В. Грачева [и др.]; под ред. А.И. Чучаева. – М. : Проспект, 2015. – 448 с.
4. Михеев, Р.И. Проблемы вменяемости, вины и уголовной ответственности (Теория и практика): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Р.И. Михеев ; НИИ проблем укрепления законности и правопорядка Генер. прокуратуры Рос. Федерации. – Москва, 1995. – 70 с.
5. Психиатрия: национальное руководство / Т.Б. Дмитриева [и др.]. – М. : ГЭОТАР-Медиа, 2011. – 1000 с.
6. Назаренко, Г.В. Принудительные меры медицинского характера: учеб. пособие / Г.В. Назаренко. – М. : Дело, 2003. – 176 с.
7. Ожегов, С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов ; под ред. Н.Ю. Шведовой. – М., 1986. – 750 с.
8. Российское уголовное право: курс лекций / А.В. Наумов. – В 3 т. – М. : Волтерс Клувер, 2007. – Т. 3. – 736 с.
9. Ткачевский, Ю.М. Освобождение от наказания в связи с болезнью / Ю.М. Ткачевский // Законодательство. – 2000. – № 10. – С. 52–61.
10. Михайлов, К.В. Теоретическое основание и законодательный порядок освобождения от наказания в связи с болезнью / К.В. Михайлов // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. – 2008. – №2 (102). – С. 56–59.
11. Уголовный Кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: от 13 июня 1996 г., № 63-ФЗ: принят Гос. Думой 24 мая 1996 г.: одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 г.: в ред. Федер. закона от 13.07.2015.) // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2015.
12. Трахтеров, В.С. Вменяемость и невменяемость в уголовном праве. Исторический очерк: учеб. пособие / В.С. Трахтеров. – Харьков : Изд-во Укр. юрид. акад., 1992. – 84 с.
13. Назаренко, Г.В. Уголовно-релевантные психические состояния субъекта преступления и лиц, совершивших общественно опасные деяния : дис. ... докт. юрид. наук : 12.00.08 / Г.В. Назаренко. – М., 2001. – 287 л.
14. Организация психиатрической помощи и эпидемиология: предложения по внесению изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://psychiatr.ru/download/1798?view=1&name=Предложения+в+УК_РПЖ_4_2014-1.pdf. – Дата доступа: 28.07.2015.
15. Актуальные проблемы совершенствования уголовного законодательства Республики Беларусь на современном этапе / О.И. Бахур [и др.] ; под ред. Д.В. Шаблинской. – Минск : Белпринт, 2015. – 276 с.

Дата поступления статьи – 15.09.2015.

В статье рассматриваются проблемы законодательного регулирования освобождения от уголовного наказания в случае психического расстройства (заболевания). В частности, выявлено и обосновано несовершенство конструкции юридического критерия данного вида освобождения от наказания, во многом безосновательно повторяющего формулу невменяемости. Уделяется внимание не только анализу существующих научных публикаций по заявленной проблеме, но и правоприменительной практике, убедительно подтверждающей выводы автора настоящего исследования. На основе проведенного исследования предлагаются направления совершенствования части 1 статьи 92 Уголовного кодекса Республики Беларусь.

The article discusses the problems of legislative regulation of exemption from criminal sanctions in the case of mental disorder (illness). In particular, it identified and justified by the imperfection of the legal structure of this type of test exemption from punishment, largely groundless repeating the formula of insanity. Attention is paid not only to the analysis of existing scientific publications on the stated problem, but also to the law enforcement strongly supporting the conclusions of the author of this study. The ways of improving Part 1 of Article 92 of the Criminal Code are suggested in compliance with the research.

СПОСОБЫ ЗАРАНЕЕ НЕ ОБЕЩАННОГО УКРЫВАТЕЛЬСТВА ПРЕСТУПЛЕНИЙ: КЛАССИФИКАЦИЯ И ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ

Глухова О.В.

Понятие заранее не обещанного укрывательства в ч. 1 ст. 405 УК звучит как «заранее не обещанное укрывательство лица, совершившего тяжкое преступление, либо орудий и средств совершения этого преступления, следов преступления или предметов, добытых преступным путем». Как видно, укрывательство может выразиться в сокрытии преступника, орудий и средств совершения преступления, следов преступления, предметов, добытых преступным путем. Способы укрывательства могут быть самыми разнообразными. На наш взгляд, обосновано их деление на физические и интеллектуальные.

Вместе с тем противники интеллектуального укрывательства ссылаются на то, что:

1. Укрывательство – действия только физические «по смыслу закона», так называемое интеллектуальное сокрытие не охватывается составом рассматриваемого преступления [1, с. 76], исходя «из филологического значения понятия укрывательства» [2, с. 104], «из описания состава этого преступления в законе и практического его осуществления» [3, с. 48].

2. Интеллектуальное укрывательство не имеет самостоятельного уголовно-правового значения, оно либо вовсе не наказуемо, либо наказуемо при определенных условиях как отдельное преступление против правосудия [4, с. 89].

Можно, однако, привести примеры интеллектуальных действий по сокрытию преступления, которые не охватываются составами других преступлений против правосудия и должны квалифицироваться по ст. 405 УК: предоставление ложных сведений во время опросов и проведения оперативно-розыскных мероприятий; предупреждение преступника о предстоящем его задержании; дача советов преступнику о том, где и как «безопаснее» укрыться, укрыть орудия и средства совершения преступления, следы преступления либо предметы, добытые преступным путем; сообщение преступнику, как ведется розыск, изготовлен ли фоторобот, похож ли он на оригинал, где он размещен, какие обнаружены следы преступления и т.д.

В понятии укрывательства акцент делается лишь на указание активной формы поведения лица, без уточнения ее конкретных проявлений – физических или интеллектуальных. Закон не дает оснований для ограничительного толкования состава укрывательства, а конструкция нормы об ответственности за укрывательство допускает его совершение как физически, так и интеллектуально [5, с. 140; 6, с. 56].

Итак, укрывательство является преступлением, совершаемым действием, независимо от его конкретного проявления – в виде физических актов или интеллектуальной помощи преступнику в уклонении от уголовного преследования. Возможны ситуации перерастания интеллектуального укрывательства в физическое или их одновременное присутствие в деянии одного лица, поэтому данная классификация для квалификации в целом безразлична и не нуждается в законодательном закреплении.

В связи с многообразием способов заранее не обещанного укрывательства возникают вопросы его отграничения от иных составов преступлений. А.В. Зарубин в этой связи различает: 1) простое укрывательство, не имеющее самостоятельного уголовно-правового значения и квалифицируемое по ст. 405 УК; 2) укрывательство, способ которого имеет самостоятельное уголовно-правовое значение, или квалифицированное укрывательство. К квалифицированным способам укрывательства относятся те, чье наличие из-за повышенной степени общественной опасности оказывает конструирующее значение на состав конкретного преступления или является обстоятельством, отягчающим либо смягчающим ответственность по статьям, содержащим данные способы [7, с. 119-123]. И.А. Бушуев условно называл специальными видами укрывательства: заведомо ложный донос, заведомо ложное показание, приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем, привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности, вынесение заведомо неправосудного приговора, отказ от дачи показаний и заключения,

понуждение к даче показаний или заключения [8, с. 80]. Данные составы преступлений и в других источниках называются «специальными видами» или «конкретными разновидностями укрывательства» [9, с. 344].

Большинство исследователей едины в том, что, поскольку названные преступления выделены законодателем в самостоятельные составы, совершение такого рода действий даже с целью скрыть преступление или преступника исключает ответственность за укрывательство и должно квалифицироваться только по статье Особенной части УК, предусматривающей ответственность за соответствующие преступления [9, с. 345; 10, с. 15; 11, с. 219; 12, с. 23].

Однако есть и другие предложения. Г. Виттенберг и П. Панченко устанавливают наличие совокупности статей, предусматривающих ответственность за укрывательство и иное преступление против правосудия (идеальная совокупность) в тех случаях, когда их цели (сокрытие преступления) совпадают [13, с. 17].

С точки зрения Б.Т. Разгильдиева, если избранный способ укрывательства менее общественно опасен, чем само укрывательство, то деяние лица следует квалифицировать только по ст. 405 УК; если же преступление по своей опасности равнозначно укрывательству или превышает его, то правовую оценку следует давать не только укрывательству, но и преступлению, посредством которого оно совершено [6, с. 60-62]. По мнению А.П. Козлова, в таких случаях имеет место конкуренция норм [14, с. 97]. Поскольку в специальной норме обязательно должны быть все черты (признаки) общей нормы, дача ложных показаний, ложный донос и т.п. и укрывательство не могут вступить в конкуренцию как общая и специальная нормы [6, с. 56-57].

Заведомо ложные показания свидетеля или потерпевшего либо заведомо ложное заключение эксперта, заведомо неправильный перевод, привлечение к уголовной ответственности заведомо невиновного, вынесение заведомо неправосудного приговора, решения, определения или постановления, отказ свидетеля или потерпевшего от дачи показаний или отказ эксперта от дачи заключения отличаются от укрывательства и по субъекту преступления. Если субъект укрывательства – общий, то для остальных составов характерны специальные субъекты в зависимости от специфики совершаемого деяния.

Цель сокрытия преступления может быть присуща и другим преступлениям против правосудия. То, что эти деяния, как и укрывательство, препятствуют выявлению и расследованию преступлений, не делает их укрывательством, а говорит лишь об общем объекте посягательства. Так как в данных ситуациях совершаются разнородные деяния, предусмотренные различными статьями УК и не находящиеся в соотношении общей и специальной норм, они должны оцениваться самостоятельно.

Самооговор в самостоятельный состав преступления не выделен. М.Х. Хабибуллин относил самооговор либо к заведомо ложному доносу (если ложное самообвинение в совершении преступления совершается путем

«явки с повинной» или подачи заявления в судебно-следственные органы), либо к даче заведомо ложных показаний (когда самооговор происходит в процессе допроса лица на предварительном или судебном следствии) [15, с. 42]. Думается, что при наличии в деянии признаков обоих преступлений самооговор также должен квалифицироваться по совокупности укрывательства и названных преступлений.

Такая же квалификация должна иметь место и в ситуациях, когда избран способ укрывательства, образующий состав преступления, предусмотренного иными главами УК, к примеру, если виновный укрывает такие предметы, хранение которых само по себе преступно (огнестрельного оружия, наркотических средств и т.д.).

Очевидна необходимость дополнительной квалификации по признакам ст. 172 УК, когда взрослый укрыватель возбуждает разными способами решимость несовершеннолетнего участвовать в сокрытии тяжкого или особо тяжкого преступления.

Доля укрывательства убийств составила около 66,7 % от общего числа изученных нами уголовных дел. В таких ситуациях сокрытие следов преступления преимущественно выражается в различных действиях с телом потерпевшего – его захоронение, перемещение в другое место, утопление и др. Среди способов укрывательства убийства имеются и такие, которые связаны с обезображением трупа (с целью затруднить опознание), расчленением, сожжением. Здесь требуется квалификация совершенных действий по совокупности стст. 405 и 347 УК за надругательство над трупом.

К сожалению, в судебной практике видим иной подход. Так, гр-н Х., достоверно зная о том, что К. и В. совершили разбой группой лиц, по просьбе В. помог перенести похищенную сумку в указанное им место, получив часть похищенных денег, а также уничтожил путем сожжения паспорт, принадлежавший потерпевшему и похищенный в результате разбоя. Содеянное было оценено судом по ч. 2 ст. 377 УК [16], хотя следователь, предъявляя обвинение по ч. 2 ст. 377 УК, указал, что Х. «с целью сокрытия следов преступления, путем сожжения уничтожил открыто похищенный и являющийся официальным документом паспорт». На наш взгляд, налицо совокупность ч. 2 ст. 405 УК (укрывательство особо тяжкого преступления) и ч. 2 ст. 377 УК (уничтожение официального документа).

Однако, из общего правила квалификации укрывательства по совокупности с другими преступлениями имеются исключения. Первое фактически сделано для состава торговли людьми. В диспозиции ч. 1 ст. 181 УК в качестве одного из альтернативных способов совершения торговли людьми названо укрывательство человека, совершенное в целях эксплуатации. Укрывательство человека при этом не делится на заранее обещанное и заранее не обещанное, хотя В. Лаевский умолчание о местонахождении потерпевшего, а также сокрытие преступника, следов, орудий или средств совершенного преступления, если они не были обещаны заранее, к укрывательству в контексте понятия торговли людьми не относит

[17, с. 15]. С учетом предложенного толкования в ст. 181 УК следует прямо указать на то, что способом торговли людьми является только заранее обещанное укрывательство потерпевшего.

Не может быть совокупности укрывательства и приобретения либо сбыта материальных ценностей, заведомо добытых преступным путем (ст. 236 УК), и легализации («отмывания») средств, полученных преступным путем (ст. 235 УК).

Среди общих черт преступлений, запрещенных стст. 236 и 405 УК, выделяются следующие:

1) деяния общественно опасны в связи с совершением другим лицом какого-либо преступления, объективно способствуют его сокрытию;

2) совершаются уже после окончания основного преступления без заранее данного обещания;

3) действия осуществляются в отношении имущества, добытого преступным путем;

4) действия совершаются умышленно [18, с. 7; 19, с. 15; 20, с. 42-43];

5) по конструкции объективной стороны имеют формальный состав;

6) совпадают деяния, составляющие объективную сторону этих преступлений.

Если внимательно ознакомиться с характеристикой объективной стороны этих деяний в литературе, можно прийти к выводу, что они по большей части представляют одни и те же действия. М.А. Шнейдер относил к заранее не обещанному укрывательству участие в реализации похищенного имущества другим лицом [21, с. 60]. По мнению А.И. Чучаева, укрывательство представляет собой сокрытие предметов, добытых преступным путем, а равно приобретение и сбыт таких предметов; с целью укрывательства преступления предметы, добытые преступным путем, могут быть либо сокрыты, либо реализованы, при этом не имеет значения, указанные предметы проданы другому лицу или их приобрел сам укрыватель [1, с. 76].

Самой сложной проблемой представляется правовая оценка хранения имущества, приобретенного преступным путем. Несомненно, что без этого действия невозможно совершить ни одно из рассматриваемых преступлений. По сути своей хранение в обоих случаях означает нахождение предметов у лица, тем более что в ст. 236 УК нет указания на цель последующего сбыта материальных ценностей, заведомо добытых преступным путем. То же можно сказать и о приобретении либо сбыте предмета преступлений. Ведь приобретение предполагает любые способы принятия имущества в свое владение или собственность, а не только их покупку. Тяжело представить действия по сокрытию предметов, добытых преступным путем, без их предварительной передачи укрывателю. Даже если имущество будет уничтожено, до этого оно должно быть получено укрывателем, т.е. фактически приобретено им. Сбыт также не следует сводить лишь к продаже материальных ценностей, он может заключаться в отчуждении имущества любым путем, в том числе безвозмездно.

Итак, какой-либо существенной специфики в деянии, запрещенном ст. 236 УК, по сравнению с укрывательством не видится. Не принципиален для разграничения преступлений и тот факт, что укрывательство наказуемо только в случаях, когда совершается в отношении тяжких или особо тяжких преступлений, а приобретение или сбыт предметов, добытых преступным путем, влечет ответственность во всех случаях. Неоднократно высказывались и встречаются в настоящее время предложения о расширении круга деяний, укрывательство которых должно быть наказуемо.

Исследователи заявляют о разнице в целях данных преступлений. Для заранее не обещанного укрывательства якобы характерно наличие у субъекта цели, направленной на сокрытие преступления или преступника. Субъект, приобретающий или сбывающий преступно добытое имущество, как правило, преследует корыстную цель. Возразить против этого можно тем, что, во-первых, в диспозициях стст. 236 и 405 УК нет указания на цели как обязательный признак соответствующих преступлений. Во-вторых, при совершении преступления, предусмотренного ст. 236 УК, не всегда преследуется цель извлечения материальной выгоды. Укрыватель же может получать определенное вознаграждение за свои действия.

Таким образом, приобретение либо сбыт материальных ценностей, заведомо добытых преступным путем, следует считать разновидностью (способом) укрывательства. Какой-либо существенной специфики по сравнению с укрывательством в этом составе не усматривается. Действующие редакции стст. 236 и 405 УК надо рассматривать соответственно как специальную и общую нормы. Поэтому недопустима квалификация данных деяний по совокупности. Не может быть и совокупности преступления, предусмотренного ст. 236 УК, с недонесением о преступлении (ст. 406 УК), которое является неотъемлемой частью укрывательства, а значит, и приобретения либо сбыта имущества, заведомо добытого преступным путем, как его вида.

О совокупности можно говорить, когда действия лица не ограничиваются приобретением, хранением или сбытом материальных ценностей, заведомо добытых преступным путем, а сопровождаются и иными деяниями по сокрытию преступления. Например, гр-н К., зная о похищении автомобиля, помог совершившему хищение гр-ну Б. его разобрать за плату, взял для личного пользования насос и домкрат, находившиеся в автомобиле, и помог отбуксировать его кузов на свалку. Суд установил в присвоении виновным части похищенного имущества признаки его приобретения и хранения (ч. 1 ст. 236 УК), а в остальных действиях – укрывательства (ч. 1 ст. 405 УК) [22].

Разновидностью укрывательства стоит считать и легализацию («отмывание») средств, полученных преступным путем. В ч. 1 ст. 235 УК легализация определена как совершение финансовых операций со средствами, полученными заведомо преступным путем, для придания правомерного вида владению, пользованию и (или) распоряжению указанными средствами в целях утаивания или искажения происхождения,

местонахождения, размещения, движения или действительной принадлежности указанных средств. Следовательно, в составе легализации цель сокрытия предмета, добытого преступным путем, выражена вполне определенно и составляет суть, направленность преступления. Поэтому если в конкретном случае налицо признаки и легализации, и укрывательства, то применяется ст. 235 УК.

Таким образом, для способов заранее не обещанного укрывательства преступлений характерно:

- 1) укрывательство совершается лишь активными действиями, которые могут носить физический или интеллектуальный характер;
- 2) исчерпывающий перечень способов укрывательства составить невозможно, в норме уголовного закона он должен быть открытым;
- 3) если укрывательство преступления совершается способом, который сам по себе содержит признаки другого преступления, содеянное подлежит квалификации по совокупности преступлений;
- 4) совокупности преступлений не образуют заранее не обещанное укрывательство и легализация («отмывание») средств, полученных преступным путем (ст. 235 УК) или приобретение либо сбыт материальных ценностей, заведомо добытых преступным путем (ст. 236 УК), являющиеся его разновидностями; совокупность возможна, лишь когда действия лица не ограничиваются приобретением, хранением или сбытом материальных ценностей, заведомо добытых преступным путем, либо легализацией соответствующих средств, а сопровождаются и иными деяниями по сокрытию преступления;
- 5) следует прямо указать в норме ч. 1 ст. 181 УК на то, что способом торговли людьми является только заранее обещанное укрывательство потерпевшего.

Список цитированных источников

1. Чучаев, А.И. Преступления против правосудия. Научно-практический комментарий / А.И. Чучаев. – Ульяновск : Дом печати, 1997. – 80 с.
2. Баймурзин, Г. Ответственность за прикосновенность к преступлению / Г. Баймурзин. – Алма-Ата : Наука, 1968. – 188 с.
3. Хакимов, И.Х. Ответственность за прикосновенность к хищению социалистического имущества / И.Х. Хакимов. – Ташкент : Фан, 1982. – 124 с.
4. Рашковская, Ш.С. Преступления против правосудия : учеб. пособие / Ш.С. Рашковская. – М. : ВЮЗИ, 1978. – 104 с.
5. Кашапов, Р.М. Уголовно-правовые средства, обеспечивающие раскрытие и расследование преступлений : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Р.М. Кашапов. – Хабаровск, 2000. – 218 л.
6. Разгильдиев, Б.Т. Уголовно-правовые проблемы прикосновенности к преступлению / Б.Т. Разгильдиев. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1981. – 111 с.
7. Зарубин, А.В. Уголовно-правовое регулирование прикосновенности к преступлению : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / А.В. Зарубин. – Тюмень, 2004. – 212 с.
8. Бушуев, И.А. Ответственность за укрывательство преступлений и недоносительство / И.А. Бушуев. – М. : Юрид. лит., 1965. – 138 с.

9. Трайнин, А.Н. Избранные труды / сост., вступ. ст. Н.Ф. Кузнецовой. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004. – 898 с.
10. Радунцева, Н.Г. Уголовная ответственность за заранее не обещанное укрывательство : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Н.Г. Радунцева. – М., 1980. – 19 с.
11. Гришаев, П.И. Соучастие по советскому уголовному праву / П.И. Гришаев, Г.А. Кригер. – М. : Госюриздат, 1959. – 256 с.
12. Алексеев, Б. Ответственность за укрывательство преступлений и недонесение о них / Б. Алексеев // Советская юстиция. – 1962. – № 20. – С. 22–25.
13. Виттенберг, Г. Прикосновенность к преступлению по советскому уголовному праву : учеб. пособие / Г. Виттенберг, П. Панченко. – Иркутск : Иркутский гос. ун-т им. А.А. Жданова, 1976. – 50 с.
14. Козлов, А.П. Соучастие: традиции и реальность / А.П. Козлов. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2001. – 362 с.
15. Хабибуллин, М.Х. Ответственность за укрывательство преступлений и недоносительство по советскому уголовному праву / М.Х. Хабибуллин. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1984. – 136 с.
16. Архив Брестского областного суда за 2004 г. – Уголовное дело № 2/8.
17. Лаевский, В. Противодействие торговле людьми: некоторые вопросы квалификации преступлений / В. Лаевский // Судовы веснік. – 2006. – № 3. – С. 14–18.
18. Коржанский, Н.И. Ответственность за приобретение, хранение и сбыт имущества, добытого преступным путем : учеб. пособие / Н.И. Коржанский. – Волгоград : Изд-во «Волгоградская Правда», Высш. следствен. школа МВД СССР, 1971. – 87 с.
19. Иваник, Н.П. Уголовно-правовая борьба с приобретением или сбытом имущества, заведомо добытого преступным путем : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Н.П. Иваник. – Саратов, 1967. – 18 с.
20. Макаров, А.Д. Несообщение о преступлении или преступнике как вид прикосновенности к преступлению: в свете совершенствования уголовного законодательства / А.Д. Макаров // Закон и право. – 2004. – № 9. – С. 43–47.
21. Шнейдер, М.А. Соучастие в преступлении. Советское уголовное право. Часть общая. Выпуск 11 / М.А. Шнейдер. – М. : ВЮЗИ, 1962. – 68 с.
22. Архив суда Московского района г. Бреста за 2004 г. – Уголовное дело № 1/752.

Дата поступления статьи – 12.09.2015.

В статье дана уголовно-правовая характеристика способов совершения заранее не обещанного укрывательства преступлений (ст. 405 Уголовного кодекса Республики Беларусь – УК). Обосновывается возможность совершения данного преступления не только физическими, но и интеллектуальными способами. На основе анализа мнений исследователей и практики применения нормы ст. 405 УК формулируются правила квалификации заранее не обещанного укрывательства по совокупности с иными преступлениями, когда способ совершения укрывательства имеет самостоятельное уголовно-правовое значение и запрещен другими статьями уголовного закона. Как разновидности укрывательства рассматриваются приобретение либо сбыт материальных ценностей, заведомо добытых преступным путем (ст. 236 УК), и легализация («отмывание») средств, полученных преступным путем (ст. 235 УК). Соответственно, исключается совокупность этих преступлений.

Criminally-legal characteristic of methods of non-promised crime concealment (article 405 of Criminal Code of the Republic of Belarus) is given in the article. The possibility of commission of this crime not only by physical but also intellectual

methods is grounded. The rules of qualification of non-promised crime concealment on the totality with other crimes are formulated on the basis of the analysis of researchers' opinions and the practice of application of article 405 of the Criminal Code of the Republic of Belarus while the method of crime concealment has independent criminal value and is forbidden by other articles of the criminal law. The acquisition or sale of material values obtained by criminal way (article 236 of Criminal Code of the Republic of Belarus) and legalization ("laundering") of facilities got by criminal way (article 235 of Criminal Code of the Republic of Belarus) are examined as varieties of crime concealment. Accordingly, the totality of these crimes is eliminated.

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ КОНСТРУКТИВНЫХ ПРИЗНАКОВ НЕПРАВОМЕРНОГО ЗАВЛАДЕНИЯ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИЕЙ

Дубко М.А.

Насыщенность диспозиции ст. 352 УК специальными техническими терминами, оценочный характер общественно опасных последствий и недостаточная исследованность иных признаков состава данного преступления, отсутствие обобщения судебной практики по уголовным делам о преступлениях против информационной безопасности в совокупности создают трудности при юридической оценке и расследовании общественно опасных деяний, подпадающих под признаки неправомерного завладения компьютерной информацией.

В составе неправомерного завладения компьютерной информацией предмет преступления является обязательным признаком. Проблемы в правоприменительной практике связаны, прежде всего, с тем, что, несмотря на важность точного формализованного представления о сущности и свойствах компьютерной информации как предмета преступления, на законодательном уровне так и не появилось определения данного термина [1, с. 14]. Н.Ф. Ахраменка указывает, что не является предметом преступлений, предусмотренных ст.ст. 349-352 УК, общедоступная информация, в том числе получаемая посредством использования сети Интернет [2, с. 815]. Такой же позиции придерживаются и некоторые другие ученые, относя к предмету компьютерного преступления компьютерную информацию, охраняемую законом (государственные секреты, служебная тайна и др.) [3, с. 8], конфиденциальные сведения [4, с. 63], информацию ограниченного распространения [5, с. 10].

Однако полагаем возможным согласиться лишь в части с данным тезисом. Так, информация, относящаяся в соответствии с Законом Республики Беларусь от 10 ноября 2008 года «Об информации, информатизации и защите информации» (далее - Закон) к общедоступной, может храниться в компьютерной системе, сети, на машинном носителе и передаваться с использованием средств компьютерной связи. Иных признаков предмета неправомерного завладения компьютерной

информацией диспозиция ст. 352 УК не содержит. Также заметим, что информация, перечисленная в ст. 16 Закона, отнесена к общедоступной информации не по причине отсутствия значимости и ценности данной информации, а наоборот, исключительной ее важности для общества и граждан, и неправомерное завладение ею может нарушить гарантированное ст. 34 Конституции Республики Беларусь право граждан на получение информации и привести к значительному ущемлению прав и законных интересов государственных органов, организаций и учреждений.

На основании изложенного полагаем, что относительно установленного законодательством правового режима информации предметом неправомерного завладения компьютерной информацией может выступать:

информация, распространение и (или) предоставление которой ограничено, полученная в нарушение положений Закона и иных законодательных актов;

общедоступная информация при нарушении лицом установленного ст.ст. 21-22¹ Закона порядка получения такой информации.

При определении компьютерной информации считаем необходимым использовать, с одной стороны, более общие формулировки, а с другой – однозначно и полно характеризующие определяемый предмет, что позволит «разгрузить» диспозиции статей специальными терминами, не имеющими легального определения. Так, представляется, что термин «машинный носитель» охватывает все средства хранения информации в компьютере или их системе, а обобщенный термин «средства компьютерной связи» – все возможные средства передачи компьютерной информации. Под компьютером в статьях гл. 31 УК предлагается понимать любые технические устройства, предназначенные для хранения, обработки и передачи компьютерной информации, в том числе мобильные устройства (смартфоны), планшеты и др.

Исходя из вышеизложенного, предлагается включить в гл. 31 УК примечание, которое бы содержало следующее определение термина «компьютерная информация» – данные, хранящиеся на машинном носителе, обрабатываемые компьютером либо передаваемые с помощью средств компьютерной связи и доступные для обработки компьютером.

Состав неправомерного завладения компьютерной информацией образует повлекшее причинение существенного вреда завладение компьютерной информацией любым из перечисленных в диспозиции ст. 352 УК способов: несанкционированное копирование, иное неправомерное завладение компьютерной информацией, перехват компьютерной информации.

В ст. 352 УК нет указания на то, каким образом и в каком объеме должно быть произведено *копирование*, поэтому для признания деяния преступлением не обязательно, чтобы исходная компьютерная информация копировалась в полном объеме. Сам факт вызова или просмотра компьютерной информации состава рассматриваемого преступления не

образует. Одним из спорных вопросов при определении копирования компьютерной информации как признака преступления является автоматическое копирование компьютерной информации в оперативную память компьютера, которое предшествует выводу информации на экран монитора компьютера [7, с. 48], что, по мнению А.Н. Лепехина, образует состав преступления, предусмотренного ст. 352 УК [15, с.33]. Полагаем, что привлечение к ответственности в таком случае не будет соответствовать принципу субъективного вменения, а само деяние не обладает присущей преступлению степенью общественной опасности, поэтому такое копирование должно оставаться за рамками уголовного закона.

Запечатление компьютерной информации в памяти человека – «специфическом носителе охраняемых информационных ресурсов» [6, с. 24] при визуальном восприятии компьютерной информации не будет являться переносом информации на другой материальный носитель. В то же время запоминание компьютерной информации при визуальном доступе к ней с последующим закреплением в любой материальной форме такой информации (на бумажном носителе, введения в компьютер), на наш взгляд, можно отнести к копированию.

Исходя из вышеизложенного, при определении объективной стороны рассматриваемого состава преступления к *несанкционированному копированию* компьютерной информации необходимо относить активные действия лица, направленные на изготовление копии (копий) содержания компьютерной информации и связанные с переносом (запечатлением) компьютерной информации на другой материальный носитель, когда лицо не имеет права на получение данной информации, либо обладает таким правом, но нарушает установленный порядок получения информации.

Термин «завладение» используется в УК главным образом при определении признаков хищения (п. 1 примечаний к гл. 24 УК, примечание к ст. 294 УК и др.), под которым понимается способ хищения имущества, сопряженный как с изъятием его у собственника (кража, грабеж), так и не связанный с изъятием имущества из правомерного владения (присвоение и растрата) [2, с. 442]. Не связанное с изъятием завладение компьютерной информацией у собственника (владельца), полагаем, возможно только посредством копирования компьютерной информации. Поэтому термин «иное завладение», используемый в диспозиции ст. 352 УК, должен рассматриваться как способ завладения, связанный исключительно с изъятием компьютерной информации у собственника (владельца).

Полагаем, что *иное неправомерное завладение* компьютерной информацией при отсутствии признаков копирования может быть осуществлено следующими способами:

завладение непосредственно компьютерной информацией, связанное с ее изъятием у собственника (обладателя) в свою пользу либо пользу других лиц, или так называемое «хищение информации»;

завладение компьютерной информацией путем противоправного завладения материальным носителем, на котором хранится компьютерная информация;

завладение компьютерной информацией с согласия собственника (обладателя) информации, но против его воли, или «вымогательство информации».

Последний из перечисленных способов завладения компьютерной информацией, безусловно, обладает значительно большей степенью общественной опасности, нежели другие. Так, наряду с отношениями, устанавливающим порядок получения компьютерной информации, отношениям по поводу владения, распоряжения и пользования данной информацией, такими действиями вред причиняется личной свободе, здоровью человека. В этой связи целесообразно рассмотреть вопрос дополнения гл. 31 УК ст. 352¹ УК, предусматривающей уголовную ответственность за принуждение к передаче компьютерной информации.

Отметим, что ч. 2 ст. 289 модельного Уголовного кодекса государств-участников СНГ предусматривает уголовную ответственность за данное деяние [8]. Подобные нормы имеются в уголовном законодательстве Республики Казахстан (ст. 209 УК Республики Казахстан), Республики Армения (ч. 2 ст. 254 УК Республики Армения), Республики Таджикистан (ч. 2 ст. 301 УК Республики Таджикистан). Внесение данных изменений в УК также будет содействовать требованиям унификации и гармонизации национального законодательства с законодательством государств-участников Евразийского экономического сообщества, Содружества Независимых Государств как одной из целей Концепции совершенствования законодательства Республики Беларусь [9].

С учетом необходимости эффективного применения правовой нормы к неограниченному числу конкретных правовых ситуаций законодатель в конструкции диспозиции ст. 352 УК использовал оценочную категорию «существенный вред», тем самым сделав перечень общественно опасных последствий открытым [10, с. 71]. Применительно к иным составам преступлений в случае нематериального характера последствий наукой и практикой выработан примерный перечень последствий, которые могут быть отнесены к существенному вреду. Вместе с тем, проявления существенного вреда не являются универсальными и по отношению к неправомерному завладению компьютерной информацией они имеют свои особенности.

Проблема определения размера имущественного вреда, который необходимо признавать существенным при неправомерном завладении компьютерной информацией, не получила однозначного разрешения в законодательстве и доктрине уголовного права. Так, Н.Ф. Ахраменка, делая отсылку к ст. 349 УК, к существенному вреду в ст. 352 УК относит материальный ущерб в 250 и более базовых величин [2]. Однако причинение ущерба в 250 и более базовых величин применительно к преступлениям против собственности является одним из квалифицирующих признаков (ч. 3

ст. 205, ч. 3 ст. 206, ч. 3 ст. 209 УК). Российский законодатель в ст. 272 УК Российской Федерации («Неправомерный доступ к компьютерной информации») причинение ущерба в крупном размере включил в ч. 2 и с наступлением таких последствий связывает повышенную ответственность.

В.В. Лосев указывает, что применительно к преступлениям против информационной безопасности логично применить положения п. 3 примечаний к гл. 24 УК [12, с. 24] и признавать существенным вредом материальный ущерб в значительном размере, то есть на сумму, в сорок и более раз превышающую размер базовой величины, установленный на момент совершения преступления [13, с. 18]. Отметим, что авторы комментария к УК 2003 г. придерживались аналогичной позиции [14], которая также подтверждается примерами из следственной практики, приведенными А.Н. Лепехиным [15, с. 35].

В этой связи стоит признать обоснованным мнение ученых и практиков о необходимости закрепления количественной характеристики существенного вреда, который может выражаться в рублевом эквиваленте [16, с. 30]. Полагаем возможным включить соответствующие нормы в примечаниях к гл. 31 УК по аналогии с примечаниями к гл. 24 УК, дифференцировав необходимый размер материального вреда (ущерба), признаваемый существенным, в зависимости от того, юридическому или физическому лицу причинен вред.

Единственным обязательным признаком субъективной стороны рассматриваемого состава преступления является вина. Как утверждает В.В. Лосев, по субъективной стороне неправомерное завладение компьютерной информацией является умышленным преступлением (деяние совершается с прямым умыслом, а к последствию виновный относится как с прямым, так и с косвенным), поскольку в законе не содержится указания на возможность неосторожной формы вины по отношению к этому последствию [13, с. 19]. В то же время, в белорусской уголовно-правовой науке преобладающим является мнение о том, что с субъективной стороны преступление, предусмотренное ст. 352 УК, может быть совершено как умышленно, так и по неосторожности, при том, что сами действия лицо совершает умышленно [2, с. 822], а форму и вид вины определяет психическое отношение лица к наступившим последствиям. Одновременно при уголовно-правовой характеристике схожей по конструкции ст. 179 УК, предусматривающей ответственность за незаконное собирание сведений о частной жизни, повлекшее причинение вреда правам, свободам и законным интересам потерпевшего, указывается, что данное преступление характеризуется исключительно умышленной виной.

По этому поводу И.О. Грунтов указывает, что конструкции составов преступлений, субъективная сторона которых характеризуется как умыслом, так и неосторожностью, не должны использоваться в УК, и с учетом требования принципа личной виновной ответственности за деяния, посягающие на одинаковый объект и имеющие сходную объективную сторону, но отличающиеся формой вины (умысел и неосторожность),

уголовная ответственность должна предусматриваться в разных уголовно-правовых нормах [17, с. 144-145].

Соглашаясь, что уголовно-наказуемым должно считаться как умышленное причинение существенного вреда, так и неосторожное, полагаем необходимым сделать соответствующую оговорку, а именно дополнить ст. 352 УК после слова «повлекшее» словами «умышленно или по неосторожности». Подобная редакция нормы исключит произвольное ее применение в данной части, будет содействовать обязательному установлению данного признака органом, ведущим уголовный процесс, и как следствие индивидуализации и справедливости привлечения виновного в уголовной ответственности с учетом его психического отношения к наступившим общественно опасным последствиям, а также решать иные вопросы, имеющие юридическое значение.

На основании изложенного можем сделать вывод, что вопросы уголовной ответственности за преступления против информационной безопасности, и в частности, неправомерное завладение компьютерной информацией, сохраняют свою актуальность, а редакции норм гл. 31 УК требуют пересмотра с учетом результатов теоретических исследований и практики их применения.

Список цитированных источников

1. Капырюлин, А.Н. Преступления в сфере компьютерной информации: уголовно-правовые и криминологические аспекты: автореф. дисс...к.ю.н.: 12.00.08 / А.Н. Капырюлин – Тамбов, 2007 – 24 с.
2. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н.Ф. Ахраменка [и др.]; под ред. А.В. Баркова, В.М. Хомича. – 2-е изд., с изм. и доп. – Минск: ГИУСТ БГУ, 2010. – 1064 с.
3. Расулев, А.К. Компьютерные преступления: уголовно-правовые и криминологические аспекты: автореф. дисс...к.ю.н.: 12.00.08 / А.К. Расулев. – Ташкент, 2006. – 27 с.
4. Ястребов, Д.А. Объект и предмет неправомерного доступа к компьютерной информации / Д.А. Ястребов, С.А. Чернышов // Закон и право, 2007. - № 8 – С. 62-63
5. Сало, И.А. Преступные действия с компьютерной информацией ограниченного распространения: автореф. дисс...к.ю.н.: 12.00.08 / И.А. Сало. – М., 2011 – 24 с.
6. Букалорова, Л.А. Уголовно-правовая охрана официального информационного оборота / Л.А. Букалорова – М.: Юрлитинформ, 2006 – С. 24
7. Ястребов, Д.А. Уголовная ответственность за неправомерный доступ к компьютерной информации / Д.А. Ястребов // Закон и право, №5 - 2007 - С. 48-49
8. Модельный Уголовный кодекс государств-участников СНГ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cisatc.org/135/154/241>. – Дата доступа: 10.08.2015
9. О Концепции совершенствования законодательства Республики Беларусь: Указ Президента Республики Беларусь от 10.04.2002 № 205 // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 25.04.2002, № 46, 1/3636
10. Швед (Сивицкая), Н.А. Признаки объективной стороны несанкционированного доступа к компьютерной информации / Н.А. Швед // Судовы веснік, 2007. - № 3 – С. 69-72

11. Петрова, О.В. Возмещение вреда, причиненного незаконными действиями органа, ведущего уголовный процесс / О.В. Петрова // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2015.
12. Преступления против информационной безопасности: методические рекомендации по курсу «Уголовное право. Особенная часть» / В.В. Лосев: Брест. гос. ун-т им. А.С. Пушкина. – Брест.: БрГУ, 2000. – 44 с.
13. Лосев, В.В. Уголовно-правовой анализ преступлений против информационной безопасности / В.В. Лосев // Судовы веснік. – 2003. - № 4 – С.18-22
14. Комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь: Н.Ф. Ахраменка, Н.А. Бабий, А.В. Барков и др.; Под общ. ред. А.В. Баркова. - Мн.: Тесей, 2003. - 1200 с.
15. Лепехин, А.Н. Расследование преступлений против информационной безопасности: теоретико-правовые и прикладные аспекты: монография / А.Н. Лепехин. – Мн.: Тесей, 2008. – 176 с.
16. Гончарова, Г. К вопросу о значении понятия существенного вреда по делам о преступлениях против интересов службы / Г. Гончарова // Законность и правопорядок. – 2011. - № 3 (19) – С. 30-34
17. Грунтов, И.О. Принцип личной виновной ответственности в уголовном законодательстве / И.О. Грунтов. - Мн.: Тесей, 2012. - 366 с.

Дата поступления статьи – 15.09.2015.

В статье проведен уголовно-правовой анализ ряда конструктивных признаков состава неправомерного завладения компьютерной информацией, а именно: предмета преступления (дается определение компьютерной информации и предлагается относить к предмету данного преступления не только информацию ограниченного распространения, но и общедоступную информацию), рассмотрены отдельные признаки субъективной стороны, деяния (несанкционированное копирование, иное завладение), дискуссионные вопросы определения существенного вреда, на основе чего сформулированы некоторые предложения по корректировке уголовного законодательства в данной части.

The article deals with criminally-legal characteristic of a number of essential elements of computer information misappropriation. In particular, it defines the object of crime, so to say the computer information not only of limited dissemination but also of public one. The article also gives comprehension to the separated signes of subjective party, criminal act, such as unauthorized, copyng or other acquisition and debatable questions of determination of essential harm. On the basis of the given data some offers on penal legislation adjustment in the given part are formulated about.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ СРЕДСТВ БОРЬБЫ С МНОГООБЪЕКТНЫМИ ПОСЯГАТЕЛЬСТВАМИ НА ИНТЕРЕСЫ ПРАВОСУДИЯ

Карабанова Е.Н.

Многообъектными преступлениями в теории уголовного права признаются преступления, непосредственный объект которых имеет сложную структуру, подразделяясь на основной и дополнительный. Среди

преступлений против правосудия к таковым относятся преступления, основным непосредственным объектом которых выступают нормальная деятельность и авторитет правосудия (включая уголовное преследование и исполнение судебного акта), а дополнительным – личные блага участников судопроизводства и их близких. Это преступления, предусмотренные ст. 295 – 298¹, 302, 309 УК РФ. Повышенная общественная опасность подобных деяний обусловлена тем, что они одновременно причиняют вред двум охраняемым уголовным законом социально-значимым благам.

Исследовав эффективность применения названных уголовно-правовых норм, нами были выявлены следующие недостатки законодательной регламентации названных составов преступлений.

1. В первую очередь следует обратить внимание на круг потерпевших, установленный в ст. 295 – 298¹, 302, 309 УК РФ. В диспозициях указанных норм приведены четко определенные перечни лиц, посягательство на которых в связи с их участием в процессуальной деятельности, влечет ужесточение уголовной ответственности.

Так, специальными потерпевшими по **ст. 295, 296** УК РФ выступают судья, присяжный заседатель или иное лицо, участвующее в отправлении правосудия, прокурор, следователь, дознаватель, защитник, эксперт, специалист, судебный пристав; по **ст. 297** УК РФ – судья, присяжный заседатель, иное лицо, участвующее в отправлении правосудия, участник судебного разбирательства; по **ст. 298¹** УК РФ – судья, присяжный заседатель иное лицо, участвующее в отправлении правосудия, прокурор, следователь, лицо, производящее дознание, судебный пристав; по **ст. 302** УК РФ – подозреваемый, обвиняемый, потерпевший, свидетель, эксперт, специалист, участвующие в уголовном деле; по **ст. 309** УК РФ – свидетель, потерпевший, эксперт, специалист, переводчик. Посягательство на жизнь иных участников судопроизводства, совершенное в связи с участием в процессуальной деятельности, образует состав преступления, ответственность за совершение которого предусмотрена п. «б» ч. 2 ст. 105 УК РФ – убийство лица в связи с осуществлением им служебной деятельности или выполнением общественного долга; угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью квалифицируется по ст. 119 УК РФ; причинение вреда здоровью – по соответствующей статье гл. 16 УК РФ с учетом квалифицирующего признака «в связи с осуществлением служебной деятельности или выполнением общественного долга».

Обращает на себя внимание неполнота круга потерпевших, защищаемых специальными нормами о преступлениях против правосудия. После вступления в силу Федерального закона от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» в уголовном процессе появился новый участник уголовного судопроизводства – руководитель следственного органа (ст. 39 УПК РФ), которому была передана внушительная часть полномочий прокурора, касающихся осуществления предварительного следствия. Ранее ст. 39 УПК РФ

предусматривала в качестве участника уголовного судопроизводства начальника следственного отдела. Процессуальный статус руководителя следственного органа и возможность его влияния на производство по уголовным делам значительно шире, чем у начальника следственного отдела. В связи с этим полагаем, что руководитель следственного органа и его близкие нуждаются в повышенной уголовно-правовой защите от преступных посягательств на их жизнь, так же как прокурор, следователь и другие лица, указанные в качестве потерпевших в диспозициях ст. 295, 296 УК РФ.

Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» круг лиц, защищаемых ст. 295, 296 УК РФ, был дополнен специалистом, однако непонятно, почему свидетель, переводчик и понятой, а также их близкие остались за рамками специальной уголовно-правовой защиты. Тем более что в ст. 311 УК РФ, предусматривающей уголовную ответственность за разглашение сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении судьи и участников уголовного процесса, указанные лица входят в круг потерпевших. Следует учитывать, что свидетель и потерпевший несут уголовную ответственность за отказ от дачи показаний, т.е. их участие в уголовном деле нельзя назвать добровольным. Важно и то, что именно безопасность свидетеля чаще всего ставится под угрозу в связи с его участием в уголовном судопроизводстве. Кроме того, его показания, даваемые в ходе предварительного расследования и судебного следствия, являются уникальными по своей сути и не могут быть заменены другими доказательствами по делу.

В современное уголовно-процессуальное законодательство включен институт обеспечения безопасности всех участников уголовного процесса, а также их близких. В частности, при наличии достаточных данных о том, что потерпевшему, свидетелю или иным участникам уголовного судопроизводства, а также их близким родственникам, родственникам или близким лицам угрожают убийством, применением насилия, уничтожением или повреждением их имущества либо иными опасными противоправными деяниями, суд, прокурор, руководитель следственного органа, следователь, орган дознания и дознаватель принимают в пределах своей компетенции в отношении указанных лиц меры безопасности (ч. 3 ст. 11 УПК РФ). Уголовно-процессуальное законодательство распространяет возможность применения мер безопасности на всех участников уголовного судопроизводства, в том числе и на обвиняемого, содействующего уголовному судопроизводству, и его близких.

Неизвестно по каким причинам большинство из участников гражданского, арбитражного и административного судопроизводства (кроме прокурора, защитника, эксперта и специалиста) остались за рамками уголовно-правовой защиты по ст. 295, 296 УК РФ.

Кроме того, ст. 296 УК РФ предусматривает дифференцированную ответственность за угрозу в отношении лиц, осуществляющих правосудие

или предварительное расследование. Угроза в отношении одних участников судопроизводства (судья, присяжный заседатель, иное лицо, участвующее в отправлении правосудия) презюмируется как более тяжкое преступление, чем угроза в отношении других участников процессуальной деятельности. Такой подход неоднократно критиковался в научной литературе, вместе с тем есть авторы, приветствующие подобную дифференциацию и предлагающие распространить ее и на ст. 295 УК РФ [1, с. 14-17]. На наш взгляд, требуется равная уголовно-правовая защита жизни всех участников судопроизводства (конституционного, уголовного, гражданского и административного) и их близких. В этой связи более предпочтительным является формулирование в ст. 295, 296 УК РФ обобщенного понятия потерпевшего, определение его следующим образом: лицо, осуществляющее правосудие, другие участники судопроизводства, судебный пристав-исполнитель, а равно их близкие. Примечателен в этом плане УК Республики Молдова, в ст. 305 которого к числу потерпевших относятся судья, лицо, осуществляющее уголовное преследование, лицо, содействующее осуществлению правосудия, а равно их близкие родственники.

2. Существенный недостаток объективной стороны составов преступлений, предусмотренных ч. 1 и 2 ст. 296 УК РФ, состоит в чрезмерной конкретизации содержания угрозы. Нельзя не признать, что использование законодателем казуистического приема в диспозиции рассматриваемых составов преступления представляется малооправданным, и вопрос о необходимости привлечения лица к ответственности за воздействие на участников отправления правосудия угрозой изнасилованием, насильственными действиями сексуального характера или похищением человека остается актуальным, «...тем более что в ст. 296 УК РФ законодатель предусмотрел ответственность за угрозу причинением вреда здоровью или угрозу уничтожением или повреждением имущества, которые сами по себе являются деяниями менее общественно опасными, чем изнасилование или похищение человека» [2, с. 78]. В этой связи предыдущая законодательная регламентация угроз в ст. 176² УК РСФСР, предусматривавшая ответственность за угрозу убийством, насилием (охватывавшую все угрозы насильственного характера), уничтожением или повреждением имущества, кажется нам более приемлемой. Такой вид угроз, как угроза причинением вреда здоровью, является признаком объективной стороны преступления в ст. 119, 296 и 309 УК РФ. В подавляющем большинстве случаев при конструировании основного и квалифицированного составов преступлений используется более широкое понятие – «угроза применения насилия» (например, ст. 120, 126, 127¹, 127², 131, 132, 139, 141, 142, 149 – 151 УК РФ и др.).

В силу указанного несовершенства диспозиции ст. 296 УК РФ на практике в случае угрозы применения насилия, не охватываемого названной статьей, совершенной в отношении лиц, указанных в качестве потерпевших в ч. 1 и 2 ст. 296 УК РФ, являющихся представителями власти или их

близкими, применяется ч. 1 ст. 318 УК РФ. Данная статья в некотором смысле стала резервной для ст. 296 УК РФ. Но даже эту норму (ч. 1 ст. 318 УК РФ) невозможно применить в случае, например, угрозы похищением человека, направленной в адрес защитника, эксперта, специалиста, которые не являются представителями власти.

Было бы целесообразно в диспозиции ст. 296 УК РФ угрозу причинением вреда здоровью заменить на угрозу насилием, а угрозу уничтожением или повреждением имущества – на угрозу причинением имущественного ущерба. Подобный опыт уже существует в некоторых странах, например, в Республике Беларусь.

3. Статья 296 УК РФ состоит из двух основных составов (ч. 1 и 2), квалифицированного состава – те же деяния, совершенные с применением насилия, не опасного для жизни или здоровья (ч. 3), и особо квалифицированного состава – совершение этих действий с применением насилия, опасного для жизни или здоровья (ч. 4). Анализ других норм УК РФ показывает, что при конструировании основного или квалифицированного составов преступлений законодатель часто использует признак «с применением насилия или угрозы его применения. Однако примечательно то, что во всех случаях применение насилия и угроза его применения – это два самостоятельных альтернативных преступных действия. Одно из них выражено в виде физического, а другое – в виде психического насилия.

Безусловно, в жизни вполне возможны ситуации, когда угроза подкрепляется применением физического насилия и содеянное действительно должно квалифицироваться по ч. 3 или ч. 4 ст. 296 УК РФ. Но действующий УК РФ в гл. 31 вовсе не предусматривает уголовную ответственность за применение насилия в связи с осуществлением правосудия, совершенное без угроз. Этот законодательный пробел неоднократно вызывал справедливую критику ученых [3, с. 119].

Проведенный опрос судей, прокуроров и следователей показал, что они испытывали затруднение при ответе на вопрос о квалификации насилия, применяемого в связи с осуществлением правосудия и совершенного без угрозы (38 % опрошенных полагают необходимым квалифицировать по ч. 3 или ч. 4 ст. 296 УК РФ, 29 % опрошенных – по ст. 318 УК РФ, 33 % опрошенных затруднились ответить). Все без исключения опрошенные должностные лица высказались за необходимость включения в УК РФ самостоятельной статьи, предусматривающей уголовную ответственность за применение насилия в связи с осуществлением правосудия или предварительного расследования.

В науке эту проблему предлагается решать разными способами. Так, Л.В. Лобанова полагает, что для конструирования квалифицированных составов преступлений, предусмотренных ч. 3 и 4 ст. 296 УК РФ, «законодателю целесообразно было бы избрать нетрадиционный способ построения диспозиции, предполагающий воспроизведение в тексте последней признаков основного состава, которые обязательны и для

квалифицированного» [3, с. 119-120]. Ряд ученых предлагают разделить ст. 296 УК РФ на три части: ч. 1 должна предусматривать уголовную ответственность за угрозу, ч. 2 – за применение насилия, не опасного для жизни и здоровья, ч. 3 – за применение насилия, опасного для жизни и здоровья [4, с. 30; 5, с. 24].

Мы считаем целесообразным структурное обособление составов насилия и угрозы его применения в отношении указанных в ч. 1 и 2 ст. 296 УК РФ лиц в связи с осуществлением правосудия и предварительного расследования в самостоятельных статьях. Подобная позиция поддерживается и другими учеными [6, с. 189-190]. Этот подход позволит включить в статью об ответственности за применение насилия в связи с осуществлением правосудия, предварительного расследования или исполнением судебного акта все необходимые квалифицирующие признаки, в том числе и причинение вреда здоровью, а угрозы, совершенные с применением насилия, квалифицировать по совокупности преступлений.

4. В юридической литературе справедливо критикуется использование в диспозиции ст. 295, 296, 298¹ УК РФ словосочетаний «в связи с рассмотрением дел или материалов в суде, производством предварительного расследования», поскольку данными нормами не охватываются случаи совершения преступлений в связи с возбуждением уголовного дела [7, с. 29; 8, с. 108]. В соответствии с УПК РФ возбуждение уголовного дела – это самостоятельная стадия уголовного судопроизводства, предшествующая предварительному расследованию. Кроме того, неоднозначно в законе определяется возможность квалификации преступления по ст. 295 или ст. 296 УК РФ в случае совершения его в отношении прокурора при подачи им апелляционного, кассационного и надзорного представлений.

Ученые предлагают различные варианты решения данной проблемы: использовать в диспозиции рассматриваемых статей формулировку «с целью воспрепятствовать надлежащему осуществлению предварительного расследования, правосудия» [7, с. 29]; вообще отказаться от использования уточнения, в связи с каким видом деятельности совершено посягательство, ограничившись указанием на процессуальный статус потерпевшего и на то, что преступление совершается в целях воспрепятствования его законной деятельности или мести за таковую [8, с. 108]. На наш взгляд, выходом из ситуации может стать обобщенное формулирование мотива и цели преступления во всех рассматриваемых составах – «в связи с законной деятельностью по осуществлению судопроизводства, участию в нем либо исполнению приговора, решения суда или иного судебного акта».

5. Субъектом анализируемых преступлений является вменяемое лицо, достигшее 16 лет. Если посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование, или причинение ему вреда здоровью (тяжкого или средней тяжести) совершено подростком в возрасте от 14 до 16 лет, оно квалифицируется как убийство, предусмотренное п. «б» ч. 2 ст. 105 УК РФ, или как покушение на него (со ссылкой на ч. 3 ст. 30 УК РФ), либо по п. «а» ч. 2 ст. 111, п. «б» ч. 2 ст. 112 УК РФ. Такой подход

можно считать скорее вынужденным, чем верным. Непосредственные объекты указанных составов преступлений против жизни и здоровья и соответствующих преступлений против правосудия близки и во многом сходны, поэтому остается непонятной позиция законодателя, согласно которой несовершеннолетний, достигший 14 лет, способен понять общественную опасность деяния, предусмотренного п. «б» ч. 2 ст. 105, п. «а» ч. 2 ст. 111, п. «б» ч. 2 ст. 112 УК РФ, а опасность деяния, предусмотренного ст. 295 и ч. 3 – 4 ст. 296 УК РФ, он может правильно воспринимать лишь с 16 лет. Установление разного возраста уголовной ответственности по этим преступлениям, на наш взгляд, не обоснованно. Необходимо снижение возраста, по достижении которого возможна уголовная ответственность по ст. 295, ч. 3 – 4 ст. 296 УК РФ, с 16 до 14 лет.

6. По действующему уголовному закону применение физического насилия (включая убийство) и угроз к лицу в связи с подачей им заявления о преступлении, а также искового заявления в суд образует состав соответствующего преступления против личности (гл. 16 УК РФ) причем без вменения отягчающего обстоятельства, предусмотренного п. «ж» ч. 1 ст. 63 УК РФ, поскольку такие действия не рассматриваются как служебная деятельность или общественный долг. Данный пробел в уголовном праве следует восполнить, дополнив ст. 294 УК РФ «Воспрепятствование осуществлению правосудия и производству предварительного расследования» частью 2¹, предусматривающей ответственность за воспрепятствование подаче заявления о преступлении, искового заявления в суд, а также участию в судопроизводстве.

Подводя итог, отметим, что обеспечение государственной и общественной безопасности, устойчивое развитие государства невозможно без эффективного функционирования судебной власти и правоохранительных органов. Личная безопасность участников судопроизводства и авторитет правосудия являются основой такого функционирования. Предложенные нами пути совершенствования уголовно-правовых средств борьбы с многообъектными посягательствами на интересы правосудия позволят повысить превентивный потенциал уголовного законодательства.

Список цитированных источников

1. Максимов, С.В. Представители судебной власти – специальные потерпевшие по уголовным делам / С.В. Максимов // Российский судья. – 2012. – № 2 – С. 14 - 17.
2. Преступления против правосудия / А.В. Галахова [и др.]; под ред. А.В. Галаховой. – М.: Норма, 2005. – 416 с.
3. Горелик, А.С. Преступления против правосудия / А.С. Горелик, Л.В. Лобанова. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2005. – 491 с.
4. Кулешов, Ю.И. Преступления против правосудия: проблемы квалификации и законодательной регламентации: Монография. / Ю.И. Кулешов; М.: РАП, 2007. – 276 с.
5. Харисов, К.Н. Ответственность за преступное вмешательство в деятельность лиц, осуществляющих правосудие и уголовное преследование: проблемы теории и

законотворчества: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / К.Н Харисов; Казанский гос. ун-т им. В.И. Ульянова – Ленина. – Казань, 2004. – 26 с.

6. Курбанов, М.М. Уголовно-правовая охрана субъектов уголовного процесса: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / М.М. Курбанов. – Махачкала, 2001. – 259 с.

7. Бобраков, И.А. Охрана участников уголовного судопроизводства: криминологические и уголовно-правовые основы: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / И.А. Бобраков; Московский ун-т МВД РФ – М., 2005. – 45 с.

8. Карманов, О.А. Посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование: уголовно-правовой анализ: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / О.А. Карманов – М., 2007. – 199 с.

Дата поступления статьи – 12.09.2015

В статье рассматриваются вопросы эффективности противодействия преступлениям против правосудия, посягающих на личность участников судопроизводства. На основе анализа правоприменительной практики и уголовного законодательства России и зарубежных стран выявлены проблемы законодательной регламентации указанных вопросов, сформулированы предложения по их разрешению, направленные на повышение эффективности уголовно-правовой охраны интересов правосудия и участников судопроизводства.

The article examines the effectiveness of combating crimes against justice, infringing on the identity of participants in proceedings. We identify the problems in legislative regulation of the issues, the proposals for their resolution aimed at improving the efficiency of the criminally-legal protection of the interests of justice and the participants in the proceedings on the basis of assessment of practices and criminal law of Russia and foreign countries.

ОСОБЕННОСТИ АРЕСТА КАК ИЗОЛЯЦИОННОЙ МЕРЫ НАКАЗАНИЯ

Кузьменкова С.В.

Процесс реформирования правовой системы в Республике Беларусь на рубеже веков обусловил серьезные изменения в науке уголовного и уголовно-исполнительного права. Одним из проявлений этих изменений стало расширение системы карательно-изоляционного воздействия на преступника посредством введения наказания в виде ареста.

Для исследования компонентов изоляции при исполнении наказания в виде ареста необходимо изначально уяснить его правовую природу. Это позволит установить особенности данного наказания, которые, в свою очередь, следует учитывать при организации исполнения данного наказания.

В русском языке арест означает «заключение под стражу» или «запрещение распоряжаться имуществом, налагаемое судебными органами» [1, с. 28]. В.И. Даль отмечал, что арест – это содержание человека под стражей, взятие под караул, заключение [2, с. 35].

Необходимо отметить, что для уголовного наказания, в том числе и в виде ареста характерен личностный характер. В ч. 2 ст. 3 УК Республики Беларусь [3] (далее – УК) указано, что никто не может быть признан виновным в совершении преступления и подвергнут уголовной ответственности иначе, как по приговору суда и в соответствии с законом. Преступность деяния, его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия определяются только данным Кодексом.

Необходимо отметить, что любое наказание преследует определенную цель, которая заключается в справедливой реакции государства на совершенное преступление, что проявляется в форме осуждения виновного лица, совершившего преступление, а также в применении при необходимости предусмотренных законом правоограничений относительно данного человека за его неправомерное деяние.

Уголовно-правовой сущностью ареста, как и любого другого наказания, является кара [4, с. 74].

В.А. Никонов предлагает конкретизировать сущность наказания, различая при этом сущность наказания вообще и сущность уголовного наказания: «Поскольку термин «наказание» известен не только уголовному праву, а употребляется более широко, постольку кару можно определить как сущность первого порядка, сущность наказания вообще (возмездия за нарушение каких-либо правил, установлений). Репрессия же выступает сущностью второго порядка, определяющая именно уголовное наказание и являющаяся государственной карой» [5, с. 11].

Сущность ареста состоит в совокупности лишений или ограничений прав и законных интересов осуждённого, сопряжённой со строгой кратковременной изоляцией от общества в предназначенном для этого учреждении [6, с. 435].

В соответствии с ч. 1 ст. 54 УК [3] арест состоит в содержании осужденного в условиях строгой изоляции и устанавливается на срок от одного до трех месяцев. Согласно ст. 114 УК [3] арест назначается лицу, совершившему преступление в возрасте до восемнадцати лет, на срок от одного до двух месяцев. Очевидно, что законодатель указывает на два основных признака ареста: строгая изоляция осужденного от общества и краткий срок отбывания наказания (от одного до трех месяцев).

Ряд авторов, как и законодатель, указывают также на два сущностных признака ареста. Так, А.И. Коробеев считает, что ключевыми в понятии ареста являются строгая изоляция осужденного от общества и краткосрочность этой изоляции [7, с. 110]. А.Э. Жалинский пишет, что специфическое содержание ареста состоит в концентрированном и повышенном, а также жестком воздействии на осужденного, осуществляемом, в течение относительно короткого срока изоляции [8, с. 405].

Таким образом, во взглядах на сущность уголовного наказания в виде ареста прослеживается два основных подхода: 1) обобщенное понимание сущности ареста, т.е. через кару (В.В. Яковлев); 2) частное понимание

сущности ареста, т.е. через основные его элементы правоограничения (Б.В. Здравомыслов, А.И. Коробеев, Р.Р. Галиакбаров и др.).

Более предпочтительным, на наш взгляд, является второй подход. Вместе с тем сущность уголовного наказания следует раскрывать не путем простого перечисления его основных элементов, а указания на обязательность совокупности его существенных элементов.

Исходя из изложенного, под сущностью уголовного наказания в виде ареста надлежит понимать совокупность лишений или ограничений определенных прав или законных интересов осужденного, сопряженных со строгой карательной изоляцией от общества в предназначенном для этого учреждении.

Существенное значение в уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве имеет понимание карательного содержания уголовного наказания в виде ареста. Феномен «содержание» в философии трактуется как упорядоченная определенным образом совокупность элементов и процессов, образующих предмет или явление [9, с. 434].

В.М. Хомич указывает, что в юридической литературе имеются две основные точки зрения: согласно первой, содержание наказания – кара, а в соответствии с другой — наказание образуют кара и воспитание [6, 436].

Рассматривая содержание уголовного наказания Н.А. Стручков отмечает, что кара конкретно выражается в следующем: 1) в изоляции осужденного от общества, от определенной среды; 2) в различных правоограничениях, которые терпит гражданин в силу отбывания наказания (изоляции); 3) в ограничениях бытового характера, которые несут с собой содержание в исправительно-трудовом учреждении [10, с. 19].

Таким образом, лишение или ограничение прав и свобод осужденного, а также их объем, и срок применения имеют большое значение для уголовно-правовой характеристики наказания в виде ареста, поскольку данному наказанию присущи свои особенности изоляции и изоляционного содержания.

С учетом изложенного обратимся непосредственно к содержанию уголовного наказания в виде ареста. Известно, что в юридической литературе акценты содержания наказания в виде ареста определяются по-разному.

Так, В.В. Яковлев указывает на жесткие изоляционные правоограничения осужденного к аресту, которые сопряжены с лишением возможности свободного передвижения за пределами камеры тюремного типа и максимальным ограничением гражданских прав и свобод [4, с. 88].

По мнению А.В. Поливцева, наиболее четко содержание наказания в виде ареста раскрывается через следующие карательные элементы: 1) сам факт осуждения; 2) ограничение свободы передвижения осужденного; 3) определенная изоляция от общества (включая и изоляцию от прежней социальной среды); 4) правоограничения, связанные с жестко установленными условиями жизни и быта заключенного в специальном учреждении; 5) наличие судимости [11, с. 76].

На наш взгляд, данный перечень правоограничений или карательных элементов, характеризующих содержание уголовного наказания в виде ареста, является избыточным, поскольку отражает наказание в контексте содержания уголовной ответственности. Определение содержания ареста как наказания, между тем, имеет важное практическое значение, поскольку суд должен, исходя из характера и степени общественной опасности совершенного преступления и личности виновного, четко осознавать исправительно-карательный потенциал данного наказания и максимально обеспечивать адекватно-дифференцированное его значение.

Кара в уголовном наказании в виде ареста выражается не в факте осуждения лица от имени государства, а в применении на основе осуждения совокупности ограничений, составляющих карательный потенциал ареста.

Арест как наказание, прежде всего, ограничивает свободу выбора места жительства и пребывания, а также передвижение и определения собственного образа жизни. Основным элементом содержания наказания в виде ареста следует считать именно изоляцию, которая как карательный элемент ограничивает и лишает осужденного целого ряда прав и свобод.

Необходимо указать, что термин «изолировать» понимается в русском языке как отдалить (-лять) кого-нибудь от других, лишая общения с кем-нибудь, ограждая от чего-нибудь [1, с. 242]. В.И. Даль определяет значение слова «изолировать» как «отделить, уединить, отрешить от всего окружающего» [2, с. 50].

Р. Маковик рассматривает изоляцию как правовую категорию и определяет ее как «правовое ограничение специальных связей личности с помещением ее в местах, определяемых законом» [12, с. 42].

По мнению В.Н. Кудрявцева, под изоляцией преступника следует понимать «помещение его в такие условия, при которых он лишается обычных связей и контактов со своим прежним окружением или обществом в целом» [13, с. 145].

Можно в полной мере согласиться с точкой зрения К.А. Скрыльникова (который, в свою очередь, приводит позицию Б.С. Маликова), согласно которой изоляция: должна иметь правовой характер; применяться узким кругом субъектов в интересах защиты общества; выполняться специальными органами и в учреждениях со специальным режимом; деятельность по ее применению и исполнению должна быть подконтрольной и может быть обжалована; изоляция должна быть ограничена правовыми пределами [14, с. 76, 77].

В правовом смысле строгая изоляция как обязательный признак содержания при аресте представляет собой принудительное правовое лишение или ограничение социальных связей человека с окружающей средой в специально созданных учреждениях. При этом данные ограничения или лишения выполняются путем физического отделения, осужденного от других людей.

Таким образом, изложенное позволяет рассматривать строгую изоляцию осужденного к аресту от общества в следующих аспектах:

лишение и ограничение осужденного физического контакта с прежним социальным окружением (семьей, родными или близкими людьми), незнакомыми ему гражданами, находящимися за пределами арестного дома, а также с новым социальным окружением в самом арестном доме; лишение и ограничение духовных контактов осужденного с незнакомыми гражданами за пределами и в пределах арестного дома, а также с семьей, родными и близкими ему людьми; лишение и ограничение осужденного возможности беспрепятственного физического перемещения в пространстве.

При анализе физической изоляции осужденных к аресту необходимо отметить, что она делится на основную (внешнюю, которая характеризуется помещением преступников в пределы периметра инженерно-технических средств охраны арестного дома) и дополнительную (внутреннюю, что проявляется в ограничении возможности передвижения и необходимости нахождения осужденных в камерах).

Уровень дополнительной (внутренней) изоляции при отбывании ареста следует признать отличительным признаком этого вида наказания: осужденные во время его отбывания размещаются исключительно в камерах, поскольку на осужденных отбывающие наказание в виде ареста в соответствии с ч. 2 ст. 59 УИК Республики Беларусь [15] распространяются условия содержания, установленные данным Кодексом для осужденных к лишению свободы, отбывающих наказание на общем режиме в тюрьме.

Характеризуя уровень изоляции осужденных при отбывании ареста, следует учитывать степень так называемой внутренней изоляции, в которой они находятся, а именно постоянное пребывание осужденных в помещениях камерного типа (общих или одиночных камерах); не вывод осужденных к аресту на работы, кроме работ по хозяйственному обслуживанию арестного дома продолжительностью до десяти часов в неделю, но не более двух часов в день без оплаты; прием пищи не в общей столовой, а в камерах, где отбывают наказание. Указанное свидетельствует о том, что уровень внутренней изоляции осужденных к аресту намного выше по сравнению с большей частью осужденных к лишению свободы.

Очевидно, что в случае ареста, как и при лишении свободы, осужденный изолируется от привычной для него социальной, социально-психологической и пространственной сферы жизнедеятельности, а также природной среды. С социологической точки зрения строгая изоляция влечет за собой изъятие человека из определенного круга общественных правоотношений. Таким образом, отбывание осужденным ареста в большей степени связано с изоляцией его от положительных сторон жизни общества и ограничением его познавательных возможностей по сравнению с осужденными к лишению свободы.

Исполнение наказания в виде ареста проходит в рамках общественных отношений, основным участником которых является сам осужденный. Изоляция, в которую он попадает, имеет социальный и социально-психологический аспекты. Ф.Р. Сундуrow считает, что социальный аспект заключается в определенном ограничении независимости личности, что

находит свое проявление в сужении ее возможности общения с определенным кругом лиц [16, с. 139]. Именно такого ограничения в социальной сфере испытывают осужденные к аресту. Если не брать во внимание сроки исследуемого наказания, то изоляция осужденных к аресту имеет тяжелый характер среди наказаний, предусмотренных УК, учитывая почти полную ограниченность осужденных к аресту любых контактов с внешним миром.

Вместе с тем осужденные к аресту, будучи значительно ограниченными в коммуникационных связях с лицами, находящимися на свободе, чувствуют бремя ограничений в общении и в самом арестном доме.

Выявляются и социально-психологические аспекты изоляции, которые проявляются в том, что осужденные к аресту вынуждены «делить быт» с такими же лицами, как и они сами. К тому же в условиях содержания, установленных для осужденных к наказанию в виде ареста, значительно ограничивается круг контактов, выбор собеседников, что, в свою очередь, усиливает их изоляцию по сравнению с лицами, которые отбывают лишение свободы в обычных жилых помещениях, где число проживающих вместе гораздо больше, а значит, и возможности выбора собеседников значительно шире.

Социально-психологический аспект изоляции проявляется и в том, что осужденные к аресту значительно ограничены в доступе к средствам массовой коммуникации, даже несмотря на частичный доступ к просмотру телепередач или кинофильмов (гл. 47 п. 268 Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений Республики Беларусь) [17]. Таким образом, очевидно, что общение осужденных к аресту с внешним миром ограничивается как непосредственно в результате помещения в арестный дом, так и опосредованно за счет дополнительных правоограничений.

На наш взгляд, изоляция лица как биологического организма от общества неразрывно связана с его социальным отстранением, ведь биологическая составляющая любого человека имеет тесную связь с социальной составляющей, которая, в частности, проявляется в социальном общении личности. С ограничением возможностей общения и социальных связей ограничивается свобода осужденного как социо-биологического существа, что, безусловно, отделяет его от общества и духовно.

Полагаем, что в данном аспекте необходимо внести дополнение в ч. 1 ст. 54 УК [3], изложив ее в следующей редакции: «арест состоит в содержании осужденного в условиях строгой изоляции от общества и устанавливается на срок от одного до трех месяцев».

Изоляция при отбывании ареста имеет дуалистическое проявление в сфере как физической, так и духовной изоляции, причем уровень изоляции духовной очень высок. Духовная (интеллектуальная) изоляция осужденных к аресту в значительной степени обусловлена физической и реализуется через такие правовые предписания, как запрет переписки между лицами, находящимися в местах лишения свободы и не являющимися

родственниками, а также ограничение количества экземпляров книг и журналов, которые разрешается иметь при себе осужденному и др.

Таким образом, строгая изоляция характерная для наказания в виде ареста является основным инструментом, который влияет на сознание осужденного и учит его ценить свободу. Именно строгая изоляция характерная для ареста и является его основной характеристикой. Очевидно, что строгая изоляция эффективно выполняет не только карательную, но и предупредительную функцию, поскольку она удовлетворяет как чувство справедливости, так и в основном затрудняет или вообще лишает преступника причинить вред.

Список цитированных источников

1. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка: 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / под ред. проф. Л.И. Скворцова. – 27-е изд., испр. / С.И. Ожегов. – М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Издательство Мир и Образование», 2013. – 1360 с
2. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: Избранные статьи / под ред. Л.В. Беловинского. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2009. – 576 с.
3. Уголовный кодекс Республики Беларусь: Кодекс Респ. Беларусь, 9 июля 1999 г., 275-З: принят Палатой представителей 2 июня 1999 г.: одобрен Советом Респ. 24 июня 1999 г.: в ред Закона Респ. Беларусь от 29.01.2015 г. // Консультант Плюс: Беларусь [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2012.
4. Яковлев, В.В. Уголовно-правовая характеристика ареста (теоретический аспект): дис... канд. юрид. наук: 12.00.08 / В.В. Яковлев. – СПб., 1999. – 189 с.
5. Никонов, В.А. Уголовное наказание и цели его применения: учеб. пособие / В.А. Никонов. - Тюмень: Высш. шк. МВД Рос. Федерации (России), 1994. - 38 с.
6. Хомич В. М., Рябова Л. В. Наказания, не связанные с лишением свободы // Энциклопедия уголовного права. – Т. 8. Уголовная ответственность и наказание / под ред. В. Б. Малинина – СПб ГКА. – СПб., 2007. – 798 с.
7. Полный курс уголовного права: в 5 т. / под ред. докт. юрид. наук, проф., заслуженного деятеля науки РФ А.И. Коробеева. – СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2008. – Т 1: Преступление и наказание. – 1133 с.
8. Уголовное право России: учебник для вузов: в 2 т. / редкол.: А.Н. Игнатов [и др.]; под. общ. ред. Ю.А. Красикова - М.: НОРМА, 2000. – Т.1: Общая часть. – 639 с.
9. Философский энциклопедический словарь / редкол.: Л.Ф. Ильичев [и др.]; — М.: Совет. энцикл. 1983. — 840 с.
10. Стручков, Н.А. Советское исправительно-трудовое право. Общая часть: курс лекций / Н.А. Стручков. – М.: Изд-во ВШ МООП РСФСР, 1963. – 224 с.
11. Поливцев, А. В. Правовое регулирование применения ареста как вида уголовного наказания: дис... канд. юрид. наук : 12.00.08 / А.В. Поливцев. – Ростов н/Д., 2001. – 177 с.
12. Маковик, Р. Изоляция как правовая категория / Р. Маковик // Человек: преступление и наказание. – 1994. – №1 (2). – С. 40–47.
13. Кудрявцев, В.Н. Стратегии борьбы с преступностью / В.Н. Кудрявцев. – М.: Наука, 2005. – 366 с.
14. Скрыльников, К.А. Назначение и исполнение уголовных наказаний, соединенных с изоляцией, в отношении несовершеннолетних: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / К.А. Скрыльников. – Ростов н/Д., 2003. – 213 с.

15. Уголовно-исполнительный кодекс Республики Беларусь: Кодекс Респ. Беларусь, 11 янв. 2000 г., № 365-З: принят Палатой представителей 14 дек. 1999 г.: одобрен Советом Респ. 22 дек. 1999 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 05.01.2015 г. // Консультант Плюс: Беларусь [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2012.

16. Сундуrow, Ф.Р. Проблема эффективности исполнения лишения свободы в отношении рецидивистов: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Ф.Р. Сундуrow. – Казань, 1979. – 419 с.

17. Правила внутреннего распорядка исправительных учреждений: утв. постановлением М-ва внутр. дел Респ. Беларусь, 20 окт. 2000 г. № 174: в ред. постановления М-ва внутр. дел Респ. Беларусь, 05 нояб. 2008 г. // КонсультантПлюс: Беларусь [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2012.

Дата поступления статьи – 17.08.2015.

Статья посвящена особенностям ареста как изоляционной меры наказания. Автором делается вывод, что строгая изоляция, характерная для наказания в виде ареста, является основным инструментом, который влияет на сознание осужденного. Именно строгая изоляция выполняет карательную и предупредительную функцию данного наказания.

The article is devoted to the peculiarities of arrest as a measure of punishment. The author concludes about that strict isolation, which serves as a characteristic for the punishment in the form of arrest is the main instrument that influences the consciousness of the convict. It is strict isolation that performs a punitive and preventive function of this punishment.

КАРАТЕЛЬНЫЕ И СОЦИАЛЬНО-НАПРАВЛЕННЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ РАБОТ

Куприяенко И.М.

Уголовный кодекс БССР 1960 г., определяя наказание, указывал, что оно не только является карой за совершенное преступление, но и имеет целью исправление и перевоспитание осужденного в духе точного исполнения законов, а также предупреждения совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами (ст. 20).

Уголовный кодекс Республики Беларусь 1999 г. (далее – УК) устанавливает, что содержание наказания заключается в предусмотренных законом лишении или ограничении прав и свобод осужденного (ст. 47). Тем самым законодатель при определении понятия наказания не упоминает о каре.

В.Д. Филимонов справедливо отмечал, что отказ нового уголовного законодательства от определения наказания как кары за совершенное преступление имеет свои основания. Основная причина этого отказа состоит в том, что слова «наказание» и «кара» – синонимы. Поэтому определение

наказания как кары ничего для выяснения содержания этого явления не дает. Определение наказания как меры государственного принуждения, напротив, указывает на наиболее существенные его признаки [1, с. 95].

Признание законодателем содержания наказания как ограничения или лишения осужденного определенных прав и свобод осужденного не послужило, однако, основанием для прекращения в юридической литературе научных дискуссий о содержании наказания.

Так, по мнению Э.А. Саркисовой, «содержание наказания состоит в лишении или ограничении прав и свобод осужденного, которые предусмотрены уголовным законом. В свою очередь, в теории уголовного права совокупность лишений и ограничений, составляющих содержание наказания, называют карой» [2, с. 349].

Д.П. Семенюк утверждает, что «содержание наказания выражается в ущемлении наиболее важных конституционных прав и свобод человека, таких как право на жизнь, свободу, выбор места жительства и некоторых других. Оно представляет собой кару за совершенное преступление, которая является не самоцелью, а призвана обеспечить достижение социально полезных целей, заставить осужденного искупить вину за совершенное преступление и предостеречь от совершения новых преступных деяний» [3, с. 162].

Н.А. Бабий считает, что «наказание – это лишение или ограничение прав и свобод преступника». И в этом заключается карательное содержание наказания, причиняющее преступнику страдания [4, с. 445].

В.М. Хомич считает, что «сущностное содержание наказания заключается в каре или, как сказано в ст. 47, «в предусмотренных законом лишении или ограничении прав и свобод осужденного». Наказание предупреждает, убеждает, а в связи с этим в известной мере и исправляет преступника только карой» [5, с. 133]. По сути, В.М. Хомич придерживается мысли, которую в свое время высказал М.Д. Шаргородский, утверждавший, что кара есть одно из средств достижения цели предупреждения преступлений [6, с. 14].

Лишения и ограничения прав и свобод осужденного к наказанию в виде общественных работ, выражаются в присущих только ему карательных и социально-направленных элементах.

Так, карательные элементы общественных работ выражаются: в самом факте осуждения лица от имени государства; в применении наказания независимо от желания осужденного; в обязанности отбывать данный вид наказания на строго определяемых объектах, т.е. осужденный лишается права выбора места работы; в продолжительной системности отбывания общественных работ (в свободное от основной работы время); в лишении права на вознаграждение за труд; в лишении права выбора профессии, рода занятий и работы; в определенной направленности общественного труда осужденного; в выполнении работ по месту жительства осужденного; в ограничении права на отдых.

В перечисленных карательных элементах в той или иной степени и заключается лишение и ограничение прав связанных с трудовой деятельностью осужденного к данному виду наказания, однако возможно ли отнесение собственно труда к карательному элементу наказания в виде общественных работ?

По своему содержанию труд, выступающий как социально поощряемая профессиональная деятельность, развивающая и облагораживающая духовный мир человека, прививает осужденному определенные положительные качества, не может лишать или ограничивать права и свободы осужденного. В противном случае труд осужденных должен стать бессмысленным и социально не полезным.

Анализ объектов, определяемых местными исполнительными и распорядительными органами по согласованию с уголовно-исполнительными инспекциями, для отбывания наказания в виде общественных работ наглядно показывает, что труд осужденных имеет социальную направленность и является общественно полезным. Так, осужденные привлекаются к работам в государственных учреждениях «Дом-интернат для престарелых и инвалидов», в учреждениях здравоохранения, на предприятиях жилищно-коммунального хозяйства и т.д.

Привлечение осужденного к общественно-полезному труду в данных учреждениях как бы компенсирует причиненный обществу вред и служит «толчком» для переосмысления своего поведения. Таким образом, привлечение осужденных на социально-значимых объектах необходимо отнести к социально-направленному элементу наказания в виде общественных работ.

В.А. Уткин писал, что «наказание является своего рода материальным носителем выраженной в приговоре отрицательной морально-политической и правовой оценки деяния и личности виновного со стороны общества и государства» [9, с. 86], и если отнести труд к элементу кары, то необходимо признать, что он должен позорить и вызывать страдания осужденного.

В зависимости от вознаграждения и оценки общества виды трудовой деятельности признаются более, а другие – менее важными и престижными. Но разве труд дворника, уборщицы и социального работника, осуществляющего уход за престарелыми, можно отнести к труду, не обладающему социальной ценностью? Для Республики Беларусь не характерны случаи отказа от работ, как например, это имеет место в отдельных регионах Российской Федерации. Так, А.М. Маликов указывает на особую национальную «ментальность» дагестанских жителей, особенно мужчин, для которых выполнение какой-нибудь работы (к примеру, уборка территории) считается «позором» и «женским» делом [10, с. 91].

Учитывая многолетнюю практику использования труда при исполнении различных наказаний, можно с уверенностью утверждать, что по своему характеру он не обладает свойством кары, так как применяется не за совершенное преступление, а в связи с его совершением, для достижения целей уголовной ответственности путем его законодательного закрепления

как основного средства исправления осужденных. П.П. Осипов писал, что «кара не воспитывает, она подавляет, устрашает и в лучшем случае вырабатывает комфортность поведения» [11, с. 68]. В продолжение своей мысли автор утверждал, что наказания, не связанные с исправительно-трудовым воздействием на осужденного, лишены цели исправления и перевоспитания.

Если в советский период труд рассматривался исключительно как средство исправления, то на сегодняшний день, в юридической литературе, ему отводится важная функция в трудовой ресоциализации осужденного.

УК установил, что исправление лиц, совершивших преступление, и предупреждение совершения ими новых преступлений является целью уголовной ответственности, а не наказания (ч. 2 ст. 44 УК). В свою очередь Уголовно-исполнительный кодекс Республики Беларусь раскрывает понятие «исправление осужденных» как формирование у них готовности вести правопослушный образ жизни (ч. 2 ст. 7 УИК).

Поэтому под ресоциализацией следует понимать возобновление социализации лица, восстановление позитивных социальных связей осужденного сопровождающаяся целью изменения социально-нравственных установок поведения и деятельности индивида, целей, норм, навыков взамен прежних, неправильно усвоенных или устаревших.

Имея одинаковый «вектор» направленной деятельности, исправление и ресоциализация находятся в единстве. Понятно, что это возможно лишь при наказаниях, не связанных с изоляцией от общества, и только при условии непосредственного нахождения человека в общности, где должна осуществляться его вторичная социализация. Исходя из чего следует, что вторичную социализацию осужденного можно отнести к социально-направленному элементу общественных работ.

Таким образом, на основании вышеизложенного следует сделать ряд выводов:

- во-первых, содержание уголовного наказания в виде общественных работ заключается в лишении и ограничении прав и свобод осужденного;
- во-вторых, труд, при исполнении наказания в виде общественных работ, не относится к содержанию наказания;
- в-третьих, исправление и ресоциализация осужденного, при исполнении наказания в виде общественных работ, находится в единстве, позволяющее осуществлять вторичную социализацию осужденного.

Список цитированных источников

1. Новое уголовное право России. Общая часть : учебное пособие [Электронный ресурс] / Г.Н. Борзенков [и др.] ; под ред. Н.Ф. Кузнецова. □ М. : Зерцало, ТЕИС, 1996. □ 168 с.
2. Саркисова, Э.А. Уголовное право. Общая часть : учебник / Э.А. Саркисова; учреждение образования «Акад. М-ва внут.дел Респ. Беларусь». □ Минск : Акад. МВД, 2014. □ 559 с.
3. Уголовное право. Общая часть : Конспект лекций / Э.Ф. Мичулис [и др.] ; под общ. ред. Э.Ф. Мичулиса. – Мн. : Изд-во МИУ, 2008. – 272 с.

4. Бабий, Н.А. Уголовное право Республики Беларусь. Общая часть : учебник / Н.А. Бабий □ Минск : ГИУСТ БГУ, 2010. □ 663 с.
5. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н.Ф. Ахраменка [и др.] ; под ред А.В. Баркова, В.М. Хомича. – 2-е изд. с изм. и доп. – Минск : ГИУСТ БГУ, 2010. – 1004 с.
6. Шидловский, А.В. Назначение наказания по уголовному праву Беларуси / А.В. Шидловский. □ Минск : БГУ, 2015. □ 295.
7. Уткин, В.А. Наказание и исправительно-трудовое воздействие / В.А. Уткин. □ Томск : Изд-во Том. ун-та, 1984. □ 189 с.
8. Маликов, А.М. Наказание в виде обязательных и исправительных работ (теоретические и практические проблемы) : дис. ...канд. юрид. наук : 12.00.08 / А.М. Маликов. □ Махачкала, 2011. □ 184 л.
9. Осипов, П.П. Теоретические основы построения и применения уголовно-правовых санкций. Аксиологические аспекты / П.П. Осипов. □ Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1976. □ 135 с.
10. Журавлева, Ю.А. Ресоциализация осужденных несовершеннолетних женского пола, отбывающих наказание в воспитательных колониях: правовые и криминологические аспекты : дис. ...канд. юрид. наук : 12.00.08 / Ю.В. Журавлева. □ Рязань, 2000. □ 223 л.
11. Предов, Т.И. Ресоциализация преступников-рецидивистов (криминологическое исследование по материалам Народной Республики Болгарии): автореф. дис. ...канд. юрид. наук : 12.00.08 / Т.И. Предов. □ М., 1978. □ 24 с.
12. Хомич, В.М. Формы реализации уголовной ответственности / В.М. Хомич. □ Минск : БГУ, 1998. □ 132 с.

Дата поступления статьи – 15.09.2015.

В статье автором раскрываются мнения ведущих белорусских ученых на содержание наказания. Перечисленные карательные элементы наказания в виде общественных работ в большей степени затрагивают труд осужденного. Автором проведен анализ труда осужденных к общественным работам. Раскрывается понятие «исправление» и «ресоциализация» осужденного. Социально-направленные элементы, присущие данному наказанию.

In the article the author reveals the opinions of leading Belarusian scientists about the content of the sentence. To a greater extent these elements of punitive punishment in the form of public works affect the work of the convicted person. The author analyzes the work of persons sentenced to community service. The notion of a "correction" and "resocialization" of the convict as well as socio-directional elements inherent in this punishment are discovered in the article.

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ СЛУЖЕБНЫМИ ПОЛНОМОЧИЯМИ КАК БАЗОВОЕ (РОДОВОЕ) ПОНЯТИЕ УМЫШЛЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ

Лосев В.В.

Законодательное определение понятия уголовно-наказуемого злоупотребления властью или служебными полномочиями сформулировано

в ч. 2 ст. 424 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК): это умышленное вопреки интересам службы совершение должностным лицом из корыстной или иной личной заинтересованности действий с использованием своих служебных полномочий, повлекшее причинение ущерба в крупном размере или существенного вреда правам и законным интересам граждан либо государственным или общественным интересам. Тем самым в тексте УК закреплены обязательные признаки основного состава преступления – понятие деяния, т.е. собственно злоупотребления властью или служебными полномочиями, а также альтернативные мотивы и общественно опасные последствия. Эти признаки позволяют разграничивать преступление и должностной проступок, а также отграничивать злоупотребление властью или служебными полномочиями от иных преступлений.

В литературе традиционно говорится о том, что злоупотребление властью или служебными полномочиями – это родовой состав преступления, а содержащая его ч. 2 ст. 424 УК является общей нормой. Остальные составы преступлений должностных лиц по отношению к злоупотреблению властью или служебными полномочиями считаются видовыми, а предусматривающие их нормы – специальными по отношению к общей (ст. 424 УК); подобное утверждение часто приводится в качестве примера, когда излагаются правила квалификации при конкуренции общей и специальной норм [1, с. 243, 338; 2, с. 220; 3, с. 963; 4, с. 82].

К примеру, Б.В. Волженкин отмечает, что «норма об ответственности за злоупотребление должностными полномочиями является как бы родовой, общей по отношению к другим нормам об умышленных служебных преступлениях должностных лиц, как-то: нецелевое расходование бюджетных средств, ... превышение должностных полномочий, ... незаконное участие в предпринимательской деятельности, получение взятки, служебный подлог, которые по существу представляют собой особые (специальные) случаи должностных злоупотреблений. Теоретический и практический вопрос соотношения общей и специальной норм при квалификации преступления получил законодательное разрешение в УК РФ 1996 г.: если преступление предусмотрено общей и специальной нормами, совокупность преступлений отсутствует и уголовная ответственность наступает по специальной норме (ч. 3 ст. 17 УК)» [5, с. 116]. В.В. Марчук: «Норма, устанавливающая ответственность за злоупотребление властью или служебными полномочиями (ст. 424 УК), является общей по отношению к нормам, предусмотренным ст. 425-430 УК. Это означает, что идеальной совокупности злоупотребления властью или служебными полномочиями и других преступлений против интересов службы, предусмотренных главой 35 УК, быть не может. В случае конкуренции общей нормы (ст. 424 УК) со специальными нормами, предусматривающими ответственность за видовые злоупотребления (бездействие власти, превышение власти, получение взятки и т.п.), квалификация содеянного осуществляется по специальной норме» [6, с. 189].

Действительно, использование своих служебных полномочий вопреки интересам службы есть способ совершения, сущность всех умышленных преступлений должностных лиц. Вместе с тем, как представляется, юридически более точным следует считать родовым только *понятие* злоупотребления властью или служебными полномочиями, а не состав этого преступления со всеми обязательными признаками, закрепленными в ст. 424 УК. Именно понятие злоупотребления действительно является базовым для всех умышленных преступлений должностных лиц, предусмотренных в других главах УК.

И это не просто теоретическая посылка. Подобный подход имеет непосредственное значение для применения на практике уголовного права – для квалификации преступлений.

В целом любое противоправное поведение должностного лица, представляющее собой незаконное использование служебных полномочий либо невыполнение своих обязанностей, по объективной стороне проявляется: 1) в активных действиях (злоупотреблении властью или служебными полномочиями либо превышении их, ненадлежащем исполнении служебных обязанностей, прямом нарушении запрета) или 2) в пассивном поведении (неисполнении своих обязанностей, т.е. бездействии).

В соответствии с содержанием вины противоправное поведение должностного лица может быть сведено к двум формам: 1) умышленное злоупотребление служебными полномочиями и 2) халатность (неосторожное поведение).

В зависимости от отсутствия или наличия обязательных признаков состава преступления незаконные действия (бездействие) должностного лица могут влечь уголовную либо административную (дисциплинарную) ответственность.

Основной состав злоупотребления властью или служебными полномочиями, сформулированный в ч. 2 ст. 424 УК (в редакции Закона Республики Беларусь от 15 июля 2009 г. № 42-3), содержит, кроме самого деяния, также альтернативные мотивы и общественно опасные последствия. При этом для признания состава преступления необходимо наступление хотя бы одного из последствий при наличии корыстной или иной личной заинтересованности.

Не вызывает сомнения положение, что специальные составы выделяются путем включения в родовой состав дополнительного признака. Н.А. Бабий справедливо отмечает: «общей является норма, охватывающая все виды определенного преступления, в том числе и подпадающие под действие специальной нормы. Специальной является норма, охватывающая только отдельный вид преступления, который полностью подпадает под действие общей нормы, но содержит специальный признак, в связи с которым и сформулирована специальная норма» [7, с. 61].

Этой же позиции придерживается Э.А. Саркисова: «Общий состав преступления – это такой состав, который содержит признаки, характерные для ряда однородных преступлений. Специальный состав преступления –

это такой состав, который содержит основные признаки общего состава преступления и дополнительно к этому характеризуется специальными признаками, придающими ему самостоятельное значение» [8, с. 108]. В.В. Тимощенко: «Родовым является такой состав, который содержит наиболее обобщенные признаки преступного деяния, а видовым – состав, указывающий на преступные деяния, укладываемые в рамки соответствующего родового состава, но обладающий специальным признаком (или признаками)» [4, с. 82].

Эта позиция не вызывает споров, является обоснованной и общепринятой. Вместе с тем ее забывают, говоря о преступлениях должностных лиц. В частности, В.В. Тимощенко продолжает: «признаки родового состава описаны, например, в статье 424 УК (злоупотребление властью или служебными полномочиями), а специального состава – в статье 427 УК (служебный подлог)» [4, с. 82].

Если следовать такому утверждению, то в число обязательных признаков служебного подлога необходимо включить наступление общественно опасных последствий, перечисленных в ч. 2 ст. 424 УК в качестве обязательных признаков злоупотребления властью или служебными полномочиями. Вместе с тем состав служебного подлога какие-либо вредные последствия не содержит. Уголовную ответственность влечет любое из действий, перечисленных в диспозиции ч. 1 ст. 427 УК – внесение должностным или иным уполномоченным лицом заведомо ложных сведений и записей в официальные документы, либо подделка документов, либо составление и выдача заведомо ложных документов, совершенное по одному из мотивов – из корыстной или иной личной заинтересованности (ч. 1 ст. 427 УК) либо со специальной целью (ч. 2 ст. 427 УК) при отсутствии последствий.

Если же наступают последствия в виде ущерба в крупном размере либо существенного вреда правам и законным интересам граждан либо государственным или общественным интересам, такой служебный подлог как содержащий признаки более тяжкого преступления должен быть квалифицирован по ч. 2 ст. 424 УК как злоупотребление властью или служебными полномочиями [3, с. 976; 9, с. 827].

Тем самым служебный подлог (ст. 427 УК) не является видовым (специальным) составом злоупотребления властью или служебными полномочиями (ч. 2 ст. 424 УК) как не содержащий обязательные признаки этого состава, однако его можно называть частным случаем злоупотребления как общего (базового) родового понятия.

Справедливо традиционное утверждение о том, что получение взятки есть проявление злоупотребления должностного лица своими служебными полномочиями. Вместе с тем формальный состав получения взятки (ч. 1 ст. 430 УК) не может считаться специальным по отношению к материальному составу злоупотребления властью или служебными полномочиями. Ведь мы не называем видовыми (специальными) составами получения взятки (ст. 430 УК) такие преступления, как «коммерческий подкуп» (ст. 252 УК), «подкуп

участников и организаторов профессиональных спортивных соревнований и зрелищных коммерческих конкурсов» (ст. 253 УК) и «принятие незаконного вознаграждения» (ст. 433 УК), хотя все они заключаются в получении незаконного вознаграждения за действия (бездействие) разными субъектами в различных сферах деятельности.

Сегодня лишь умышленное воинское злоупотребление властью или служебными полномочиями (и то после внесения изменений в ст. 455 УК Законом Республики Беларусь от 15 июля 2009 г. № 42-3) можно назвать специальным составом по отношению к родовому составу злоупотребления властью или служебными полномочиями (ч. 2 ст. 424 УК в редакции названного Закона). Только в этом случае специальный состав воинского злоупотребления выделен посредством включения в родовой состав злоупотребления властью или служебными полномочиями (ч. 2 ст. 424 УК) дополнительного специального признака – узкоспециального субъекта («начальник или должностное лицо, обладающее статусом военнослужащего»).

Правила законодательной техники соблюдены при формулировании в ст. 426 УК «Превышение власти или служебных полномочий» основного (т.е. общего) и квалифицированного (специального) составов. В ч. 1 ст. 426 УК прямо сказано, что и понятие, и состав «превышения власти или служебных полномочий» включают в качестве обязательных признаков, наряду с действием – «умышленным совершением должностным лицом действий, явно выходящих за пределы прав и полномочий, предоставленных ему по службе», еще и альтернативные последствия. В ч. 3 ст. 426 УК не применяется словосочетание «превышение власти или служебных полномочий», поскольку в это понятие (ч. 1 ст. 426 УК) включены и последствия. Самостоятельная разновидность так называемого «насиловственного» превышения власти определяется как «умышленное совершение должностным лицом действий, явно выходящих за пределы прав и полномочий, предоставленных ему по службе, сопряженное с насилием, мучением или оскорблением потерпевшего либо применением оружия или специальных средств». Тем самым в ч. 3 ст. 426 УК сформулирован наряду с материальным квалифицированным (специальным) составом (превышение власти или служебных полномочий совершенные лицом, занимающим ответственное положение, либо повлекшие тяжкие последствия) также формальный основной (общий) состав превышения власти или служебных полномочий.

Обсуждение проблемы разграничения злоупотребления властью или служебными полномочиями и их превышения, а также обоснованности выделения состава превышения власти или служебных полномочий находится за рамками статьи. Обратимся к ней лишь с целью формулирования родового понятия злоупотребления служебными полномочиями.

Принципиальный вопрос о разграничении злоупотребления и превышения в соответствии с действующим уголовным законодательством возникает только при конкуренции этих преступлений (ст.ст. 424 и 426 УК).

В других статьях УК речь идет, скорее, о превышении служебных полномочий, а не о злоупотреблении ими для совершения преступлений, не предусмотренных в главе 35 УК. К примеру, хищение путем злоупотребления служебными полномочиями (ст. 210 УК), контрабанда, совершенная должностным лицом с использованием служебных полномочий (ч. 3 ст. 228 УК), легализация («отмывание») средств, полученных преступным путем, совершенная должностным лицом с использованием своих служебных полномочий (ч. 2 ст. 235 УК), незаконная охота, совершенная должностным лицом с использованием своих служебных полномочий (ч. 3 ст. 282 УК), деятельность по созданию преступной организации либо руководство преступной организацией или входящими в нее структурными подразделениями, а равно участие в преступной организации в любой иной форме, совершенные должностным лицом с использованием своих служебных полномочий (ч. 3 ст. 285 УК), и т.д.

Очевидно, что во всех названных случаях должностное лицо использует свои служебные полномочия для совершения преступления, но при этом явно выходит за их пределы, поскольку совершает действия, которые не вправе совершить ни одно должностное лицо – совершает преступление, что следует называть превышением служебных полномочий. Поэтому приведенные преступления должностных лиц скорее являются частными случаями превышения служебных полномочий, а не злоупотребления ими. В связи с этим должностное хищение правильнее было бы назвать не «хищением путем злоупотребления служебными полномочиями», а «хищением путем использования служебных полномочий», изменив название ст. 210 УК.

Власть и служебные полномочия – это устойчивое словосочетание в теории уголовного права и уголовном законодательстве. Вместе с тем власть, или властные полномочия – это служебные полномочия одной из категорий должностных лиц – представителей власти. Тем самым власть и служебные полномочия – это не понятия одного уровня, которые перечисляются в одном ряду и исключают друг друга, а часть и целое, где целым является понятие «служебные полномочия». Использование авторитета власти, так же как авторитета должности представителя власти уже не может признаваться злоупотреблением служебными полномочиями или их превышением. Поэтому нет необходимости при формулировании родового понятия упоминать еще и власть, достаточно говорить о «злоупотреблении служебными полномочиями».

С учетом сказанного выше применительно к злоупотреблению служебными полномочиями и другим умышленным преступлениям должностных лиц следовало бы говорить не о конкуренции общей и специальной норм, а о конкуренции норм, с различной полнотой охватывающих признаки содеянного. Н.А. Бабий приводит правило

квалификации этого вида конкуренции: «Когда деяние предусмотрено несколькими нормами, ни одна из которых не охватывает деяние в целом, применяется та норма, которая охватывает с наибольшей полнотой фактические признаки содеянного» [10, с. 349]. Это правило, по нашему мнению, можно дополнить: «и не содержит признаков, отсутствующих в конкретном случае».

В заключение можно сформулировать следующие выводы и предложения.

Злоупотребление властью или служебными полномочиями (ст. 424 УК) не следует называть родовым составом преступления, а содержащую его ч. 2 ст. 424 УК – общей нормой по отношению к специальным, устанавливающим ответственность за преступления должностных лиц.

Злоупотребление служебными полномочиями – это базовое (родовое) понятие, объединяющее все умышленные преступления должностных лиц.

Предлагается базовое (родовое) понятие злоупотребления служебными полномочиями – это умышленное вопреки интересам службы совершение должностным лицом действий с использованием своих служебных полномочий в их пределах и (или) выходящих за пределы прав и полномочий, предоставленных ему по службе.

Это определение включает указание на объект (интересы службы), способ совершения (использование своих служебных полномочий), форму вины (умысел) и специального субъекта (должностное лицо).

Исходя из этого определения и указанных в нем признаков именно так следует понимать все умышленные преступления должностных лиц, криминализированные как в главе 35, так и в других главах Особенной части УК, совершаемые путем употребления «во зло», а не на благо, служебных полномочий.

Признаки, перечисленные в ч. 2 ст. 424 УК в качестве обязательных признаков основного состава злоупотребления властью или служебными полномочиями (мотивы и последствия), не являются обязательными для всех умышленных преступлений, совершаемых должностными лицами.

Не во всех статьях УК, где предусмотрено должностное лицо в качестве специального субъекта, называется использование им своих служебных полномочий для совершения преступления. Вместе с тем, поскольку именно в силу служебных полномочий должностное лицо и может осуществить преступное посягательство, при толковании признавать «использование своих служебных полномочий вопреки интересам службы» обязательным признаком таких преступлений должностных лиц.

Учитывая, что обязательными для квалификации являются именно те признаки, которые прямо указаны в статье Особенной части УК, в перспективе дополнить статьи (части статей) УК, устанавливающие ответственность за преступления должностных лиц, указанием на использование своих служебных полномочий вопреки интересам службы. Тем самым можно будет избежать противоречащего закону расширительного толкования, опирающегося лишь на признак специального субъекта,

подразумевающего «использование служебного положения», что шире понятия «использование служебных полномочий».

Применительно к злоупотреблению служебными полномочиями и другим преступлениям должностных лиц говорить не о конкуренции общей и специальной норм, а о конкуренции норм, с различной полнотой охватывающих признаки содеянного. При квалификации преступлений должностных лиц применять ту норму, которая охватывает с наибольшей полнотой фактические признаки содеянного и не содержит признаков, отсутствующих в конкретном случае.

Список цитированных источников

1. Коррупционная преступность : криминол. характеристика и науч.-практ. коммент. к законодательству о борьбе с коррупцией / В. В. Асанова [и др.]; под общ. ред. В. М. Хомича. – Минск : Тесей, 2008. – 504 с.
2. Кудрявцев, В. Н. Общая теория квалификации преступлений / В. Н. Кудрявцев, 2-е изд., перераб. и доп. – М. : «Юрист», 1999. – 304 с.
3. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н. Ф. Ахраменка [и др.] ; под ред. А. В. Баркова, В. М. Хомича. – 2-е изд., с изм. и доп. – Минск : ГИУСТ БГУ, 2010. – 1064 с.
4. Уголовное право Республики Беларусь. Общая часть : учебник / Н. А. Бабий [и др.]; под ред. В. М. Хомича. – Минск : Тесей, 2002. – 496 с.
5. Волженкин, Б. В. Служебные преступления : комментарий законодательства и судебной практики / Б. В. Волженкин. – СПб. : Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2005. – 560 с.
6. Марчук, В. В. Квалификация преступлений : учеб. пособие / В. В. Марчук ; М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Акад. МВД, 2013. – 210 с.
7. Бабий, Н. А. Множественность преступлений: квалификация и назначение наказания : науч.-практ. пособие / Н. А. Бабий. – Минск : Тесей, 2008. – 176 с.
8. Саркисова, Э. А. Уголовное право. Общая часть : учеб. пособие / Э. А. Саркисова. – Минск : Тесей, 2005. – 592 с.
9. Уголовное право Республики Беларусь. Особенная часть : учеб. пособие / Н. Ф. Ахраменка [и др.]; под ред. Н. А. Бабя, И. О. Грунтова. – Минск : Новое знание, 2002. – 912 с.
10. Бабий, Н. А. Уголовное право Республики Беларусь. Общая часть : учеб. / Н. А. Бабий. – Минск : ГИУСТ БГУ, 2010. – 663 с.

Дата поступления статьи – 15.09.2015.

В статье подвергается критике устоявшая в теории уголовного права позиция, согласно которой злоупотребление властью или служебными полномочиями (ст. 424 Уголовного кодекса Республики Беларусь (УК)) называется родовым составом преступления, а содержащая его ч. 2 ст. 424 УК – общей нормой по отношению к специальным нормам, устанавливающим ответственность за иные умышленные преступления должностных лиц, предусмотренные как в главе 35, так и в других главах Уголовного кодекса Республики Беларусь. Обосновывается тезис, что злоупотребление служебными полномочиями может выступать в качестве родового понятия, но не родового

состава преступления. Сформулировано определение этого понятия для использования при толковании уголовно-правовых норм. Сделан вывод, что применительно к злоупотреблению служебными полномочиями и другим умышленным преступлениям должностных лиц следует говорить не о конкуренции общей и специальной норм, а о конкуренции норм, с различной полнотой охватывающих признаки содеянного. Предлагаются правила квалификации преступлений должностных лиц.

The article is criticized relatively to the position of the theory of criminal law, that the abuse of power or official authority stated in the Art. 424 of the Criminal Code (CC) is the generic composition of the crime and the P. 2 Art. 424 is only the general rule with respect to the special norms establishing responsibility for other deliberate crimes made by officials. There's the thesis that the abuse of power can act as a generic concept, but not as a generic crime. The definition of the term for the interpretation of the criminal law is formulated. It is also concluded that in relation to the abuse of power and other intentional crimes committed by officials should not be spoken about the competition of general and special norms but about the competition of norms containing varying completeness covering signs of the offence. In addition the rules of qualification of the crimes committed by the officials are proposed.

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА СЛУЖЕБНЫЙ ПОДЛОГ: НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Маратаев Н.В.

Реформы социально-экономической жизни, обновление содержания и методов решения задач государственного управления вызывают надобность пересмотра роли и значения уголовно-правовых средств охраны управленческих отношений, в том числе по совершенствованию механизма противодействия преступлениям в сфере обращения документов, в ряду которых заметное место занимает служебный подлог.

Ответственность за упомянутое выше преступление установлена ст. 427 УК Республики Беларусь (далее – УК). Служебный подлог по диспозиции части первой данной нормы определяется следующим образом: «внесение должностным или иным уполномоченным лицом заведомо ложных сведений и записей в официальные документы, либо подделка документов, либо составление и выдача заведомо ложных документов, совершенные из корыстной или иной личной заинтересованности, при отсутствии признаков более тяжкого преступления».

Необходимо обратить внимание, что вплоть до января 2011 г. оно было отнесено к категории коррупционных преступлений по перечню, утвержденному в 2007 г. совместным ведомственным постановлением Генеральной прокуратуры, Комитета государственного контроля, Комитета государственной безопасности, Министерства внутренних дел Республики Беларусь.

Согласно сводной информации Верховного Суда Республики

Беларусь, в 2014 г. по вступившим в законную силу приговорам по доминирующей ст. 427 УК осуждены 63 лица, из них 13 – за действия, совершенные с целью искажения государственной статистической отчетности.

Между тем, ст. 427 УК нередко выступает в качестве факультативной к иным более тяжким составам (ст. ст. 210, 424, 426, 430 УК и др.), что судебными инстанциями статистически не отслеживается.

Исключение служебного подлога из числа коррупционных преступлений привело к тому, что интерес органов дознания и следствия к нему как самостоятельному преступлению против интересов службы заметно снизился.

Норма, предусматривающая ответственность за служебный подлог, на практике применяется не всегда правильно. Особенно остро проблема ощущается, когда содеянное квалифицируется по ст. 427 УК в совокупности с другими должностными преступлениями.

Как справедливо отмечает В.В. Хилута, «сущность служебного подлога сводится к информационному искажению юридического факта – источника правообразующих, правоизменяющих или правопрекращающих общественных отношений путем интеллектуального или материального подлога» [1, с. 1].

Предметом рассматриваемого преступления являются лишь официальные документы, понятие чему на законодательном уровне не сформулировано, четкие критерии отнесения к названной категории либо примерный список не разработаны. Вместе с тем, через противоправное воздействие на документ совершается посягательство и на непосредственный объект (общественные отношения в сфере их оборота). В этом смысле официальный документ выступает как вещественный носитель и выразитель отношений, охраняемых законом.

Данное преступление может быть совершено только в активной форме, т.е. путем осуществления действий, предусмотренных соответствующей уголовно-правовой диспозицией.

Обязательным признаком его объективной стороны является использование виновным лицом своих служебных полномочий. В противном случае при соблюдении определенных условий содеянное может быть квалифицировано по ст. 380 УК, по отношению к которой служебный подлог рассматривается в качестве специальной нормы, что в научной литературе не оспаривается.

Состав преступления, предусмотренного ст. 427 УК, формальный и считается оконченным при совершении хотя бы одного из перечисленных действий вне зависимости от наступления каких-либо материальных общественно опасных последствий. При этом фактическое использование поддельного официального документа элементом состава не является, а подготовка фиктивного документа к подписи или попытка внести в него исправления должны рассматриваться как покушение на преступление.

Субъектами уголовный закон определяет должностное и иное

уполномоченное лицо. Если понятие должностного лица и перечень достаточно полно и конкретно раскрыты в ст. 4 УК, то этого нельзя сказать в отношении понятия «уполномоченное лицо».

Представляется, что к числу уполномоченных лиц следует относить сотрудников, которые в силу выполняемой работы хотя и не наделены организационно-распорядительными либо административно-хозяйственными обязанностями (полномочиями), но в соответствии с возложенными на них функциями или по специальному поручению занимаются непосредственной подготовкой и легализацией документации.

Действительно, в ряде случаев подготовка и составление официального документа не могут происходить без аналитической и иной работы, в связи с чем должностное лицо вынуждено доверять фактам, изложенным в представленном на подпись документе, а значит, и уполномоченному лицу. Перечень таких лиц достаточно обширен. К ним можно причислить консультантов, помощников, референтов, инспекторов и т.д., однако для установления конкретного статуса требуется тщательно изучать соответствующие служебные полномочия.

В подобной ситуации должностное лицо в отношении недостоверности сведений в документе проявляет неосторожность, что исключает ответственность за служебный подлог, однако эти действия могут быть расценены как халатность.

Вместе с тем, при соучастии в служебном подлоге лица, не обладающего признаками специального субъекта преступления, но оказавшего содействие должностному или иному уполномоченному лицу в изготовлении подложного документа, действия первого из них подлежат квалификации по ч. 4 ст. 16 и ст. 427 УК.

Судебная практика к иным уполномоченным лицам причисляет также индивидуальных предпринимателей (например, в случаях внесения заведомо ложных сведений в товарно-транспортные накладные и представления их в налоговые органы с целью уклонения от уплаты налогов), страховых агентов (при подлоге страхового свидетельства, влекущего определенные правовые последствия для других лиц) [2, с. 39].

С субъективной стороны служебный подлог может совершаться только с прямым умыслом, т.е. лицо сознает общественную опасность своих действий, предвидит общественно опасные последствия и желает их наступления.

Также в качестве обязательного признака состава преступления уголовным законом предусматривается наличие у субъекта мотива в виде корыстной либо иной личной заинтересованности. Законодатель не раскрывает содержание этих понятий, правильная трактовка которых имеет существенное значение для квалификации преступления.

Под корыстными мотивами или, как указано в законе, под «корыстной заинтересованностью», надо понимать желание виновного в результате своих преступных действий извлечь для себя, своих близких, других лиц незаконную материальную выгоду или наживу, создать условия,

способствующие их получению [3, с. 124]. Такая выгода при отсутствии признаков хищения может извлекаться в результате обращения денежных средств или имущества в свою пользу (в частности, в результате неправомерного премирования), сокрытия имеющейся недостачи товарно-материальных ценностей, создания условий для уклонения от уплаты налогов и сборов.

Например, суд Ветковского района Гомельской области обоснованно переквалифицировал действия начальника группы котельных коммунального сельскохозяйственного унитарного предприятия С. с ч. 3 ст. 210 УК на ч. 1 ст. 427 УК. Так, в ходе судебного разбирательства было установлено, что С., являясь должностным лицом, из корыстной и иной личной заинтересованности незаконно инициировал оформление постороннего лица оператором котельной СТК-12 с повременной оплатой труда, однако последний в силу изначально достигнутой с ним договоренности на работу не выходил. Между тем обвиняемый фактически совмещал функции руководителя и оператора, внося заведомо ложные сведения в официальные документы (графики учета использованного рабочего времени) и получая в бухгалтерии определенные выплаты за фиктивно нанятого человека, но реально отработанное самим время. Поскольку в рассматриваемой ситуации умысел у С. на безвозмездное противоправное завладение чужим имуществом отсутствовал, предъявленное ему обвинение в хищении путем злоупотребления служебными полномочиями судом признано несостоятельным [4].

Значительную трудность вызывает установление иной личной заинтересованности привлекаемого к уголовной ответственности лица. В большинстве случаев органы уголовного преследования в процессуальных документах обосновывают это голословными тезисами (желанием оказать дружескую услугу, сохранить занимаемую должность и пр.).

Пленумом Верховного Суда Республики Беларусь разъяснено, что «иная личная заинтересованность может выражаться в стремлении, обусловленном такими побуждениями личного характера, как карьеризм, протекционизм, желание приукрасить действительное положение, получить взаимную услугу, скрыть свою некомпетентность и т.п.» [5, с. 512].

Список неполный, его допустимо дополнить и другими антисоциальными побуждениями – семейственностью, стремлением заручиться поддержкой в решении какого-либо интересующего вопроса. Эти обстоятельства, как и прочие, являются предметом доказывания по уголовному делу и должны быть подкреплены надлежащими доказательствами. При этом личная заинтересованность характеризуется стремлением субъекта достичь целей, противоречащих интересам службы.

Вместе с тем, подлог, выполненный по причине ложно понятых интересов службы, в отсутствие корысти либо иного личного интереса – состава преступления не образует и может расцениваться лишь как дисциплинарный проступок.

Для наглядности очередной пример из сформировавшейся достаточно

давно российской судебной практики. Так, заведующий аптекой К. был осужден по ст.175 УК РСФСР (служебный подлог) за то, что принял на должность фасовщицы Д., которой по достигнутой договоренности фактически выплачивалось 0,5 ставки при условии работы через день, а остальная часть передавалась бухгалтеру, исполнявшей эти же трудовые обязанности в другие дни, при этом в табель учета рабочего времени им вносились заведомо недостоверные сведения. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР по протесту прокурора обвинительный приговор отменила с прекращением производства по делу, отметив, что в действиях К., объяснившего свой поступок интересами производства, отсутствуют признаки корыстных или иных личных побуждений, наличие которых в данной ситуации являлось обязательным, а усматривается лишь нарушение порядка оформления на работу при совмещении профессий [6, с. 16-17].

Служебный подлог многими авторами воспринимается в качестве специального вида злоупотребления должностными полномочиями [7, с. 215] и нередко связан с совершением других преступлений, что требует вдумчивого анализа и надлежащей оценки, учитывая конкретные обстоятельства.

Квалификация по ст. 427 УК возможна только при отсутствии признаков более тяжкого преступления.

Если в результате служебного подлога были причинены ущерб в крупном размере или существенный вред правам и законным интересам граждан, государственным либо общественным интересам, тяжкие последствия (материальный вред в особо крупном размере, катастрофы, смерть или тяжкие повреждения человеку, доведение до самоубийства и т.д.), указанные действия, как представляется, надлежит квалифицировать по ст. 426 УК, предусматривающей ответственность за превышение власти или служебных полномочий.

Рассматривая же служебный подлог в сопоставлении с таким смежным составом как злоупотребление властью или служебными полномочиями, чтобы глубже разобраться в их природе, надо отметить – несмотря на схожесть по многим исследуемым параметрам, между ними существует и ряд различий.

Так, по степени тяжести они относятся к разным категориям преступлений, поскольку должностное злоупотребление по характеру действий обладает большей степенью общественной опасности, чем служебный подлог. Субъектом преступного деяния, предусмотренного ст. 424 УК, является только должностное лицо, а в рамках ст. 427 УК и иное уполномоченное.

При общем родовом объекте, непосредственный объект при должностном злоупотреблении более обширен. К нему отнесены «общественные отношения, обеспечивающие соответствующую интересам службы деятельность государственного, общественного и хозяйственного аппарата управления (независимо от формы собственности и публично-

правовых или частноправовых по содержанию функций управления)» [8, с. 963].

Специфическая особенность служебного подлога состоит еще и в порождаемых им юридических последствиях. Злоупотребление должностными полномочиями по сути выражается в злоупотреблении правом. Именно в способности изменять правоотношения и заключается существо должностных полномочий, их предназначение. Подобная ситуация складывается и при совершении служебного подлога, предметом которого являются документы, удостоверяющие факты, имеющие юридическое значение. Но отсутствие фиксируемых фактов в действительности или их неверная интерпретация делают документ ничтожным.

Злоупотребление властью или служебными полномочиями может осуществляться только в форме действия, при этом, в отличие от служебного подлога, относится к преступлениям с материальным составом и признается оконченным с момента наступления последствий.

Надо понимать, что идеальной совокупности ст. 424 УК и ст. 427 УК быть не может, но возможна реальная совокупность, когда служебный подлог производится по завершению должностного злоупотребления с целью его сокрытия, чтобы избежать ответственности за содеянное. Между действиями и служебной компетенцией виновного лица в обоих случаях должна существовать определенная связь, но при должностном злоупотреблении такие полномочия есть средство достижения криминального результата, что не присуще подлогу.

По нашему мнению, служебный подлог все-таки правильной рассматривать как частный случай превышения должностных полномочий, хотя лицо и использует свою близость к документам в силу выполнения возложенных на него соответствующих должностных или профессионально-технических функций.

Исходя из приведенной позиции, нельзя согласиться с правильностью сложившейся в некоторых регионах следственной практики, по которой преступные действия должностных лиц, выразившиеся в составлении в отношении граждан фиктивных протоколов об административных правонарушениях с последующим вынесением постановлений о привлечении тех к ответственности – квалифицируются в рамках ст. 424 УК.

Так, председатель исполкома одного из сельских Советов депутатов Т. осужден в пределах предъявленного ему обвинения по ч. 3 ст. 424 УК по приговору суда Октябрьского района Гомельской области, будучи признанным виновным в том, что злоупотребляя властью и служебными полномочиями из иной личной заинтересованности, выразившейся в стремлении улучшить показатели по привлечению граждан к административной ответственности за нарушение правил благоустройства местных населенных пунктов и избежать самому возможных дисциплинарных взысканий по этому поводу, в период с июня 2012 г. по сентябрь 2014 г. умышленно обеспечил составление в отношении отдельных лиц заведомо подложных протоколов об административных

правонарушениях, по которым те в дальнейшем без уведомления по постановлениям были незаконно привлечены к ответственности по ч. 1 ст. 21.14 КоАП в виде штрафа в размере 0,2 базовой величины в доход государства. Для сокрытия от граждан этих фактов Т. в представленных документах также подделывал их подписи и из собственных средств производил уплату взысканных денежных сумм, распорядившись при этом заполнить регистрационные карточки по установленной форме и передать требуемые сведения для внесения в Единую государственную базу данных о правонарушениях, чем причинил существенный вред правам и законным интересам граждан, государству [9].

В таких ситуациях в большей степени проявляются признаки преступления, присущие ст. 426 УК, поскольку осуществляются сопряженные с подлогом официальных документов действия, которые неправомочно совершать ни одно должностное лицо.

В. Воронин предлагает несколько иной подход. По его мнению, если в результате служебного подлога были существенно нарушены права и законные интересы граждан, организаций или государства, то содеянное надлежит квалифицировать по ст. 285 УК РФ (аналог ст. 424 УК Беларуси). Полагает, что служебный подлог в настоящем случае является не целью, а разновидностью и одновременно способом совершения такого противоправного деяния как злоупотребление должностными полномочиями, которое по своей конструкции с объективной стороны имеет материальный состав и считается оконченным только с момента наступления отраженных в законе вредных последствий [10, с. 50-51]. Фактически он приходит к выводу, что преступления с формальным составом не влекут за собой неблагоприятных последствий, однако отграничение смежных посягательств исключительно на основе заданных законодателем конструкций нельзя признать правильным, тем более, что после внесенных изменений в 2008 г. в ст. 292 УК РФ (см. ниже), когда исследуемая норма была дополнена второй частью, предусматривающей ответственность за служебный подлог, который повлек некие последствия – отграничить данное преступление от злоупотребления должностными полномочиями вообще не представляется возможным.

Часть 2 ст. 427 УК предусматривает ответственность за квалифицированный подлог, что выражается в совершении перечисленных выше действий с целью искажения данных государственной статистической отчетности.

По смыслу закона, это относимо к должностным (уполномоченным) лицам, совершившим подлог первичных официальных документов, на основе которых в дальнейшем искажаются данные государственной статистической отчетности, либо отвечающим за достоверность такого рода отчетности. К первой категории могут быть причислены заведующие производственными участками и животноводческими фермами, руководители структурных подразделений предприятий и т.п. Вменение служебного подлога по этому признаку допустимо только при доказанности

наряду с умышленным искажением официальных данных (соответствующих показателей) еще и наличие цели искажения государственной статистической отчетности. Что касается второй категории, то внесение непосредственно ими заведомо ложных сведений в статистические формы установленного образца свидетельствуют о наличии в их действиях состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 427 УК [8, с. 976-977].

В.В. Лосев высказывается, что служебный подлог, совершенный с целью искажения данных государственной статистической отчетности, должен признаваться преступлением не только, если он был осуществлен из корыстной или иной личной заинтересованности, но и из ложно понятых интересов службы [11, с. 103]. Столь расширительное толкование недопустимо, поскольку противоречит содержанию диспозиции уголовно-правовой нормы, предусматривающей обязательным наличие у субъекта корысти либо иной личной заинтересованности. Между тем, в качестве дополнительного признака мотив в виде ложно понятых интересов службы, безусловно, может присутствовать.

В Российской Федерации, для сравнения, квалифицирующими признаками в рамках ч. 2 ст. 292 УК (служебный подлог) предусмотрены деяния, повлекшие существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства [12], т.е. требуется наступление определенных последствий, которые все-таки слишком субъективны и оценочны. Предложенная белорусским законодателем редакция выглядит в этом плане более удачной.

В порядке новеллы в УК РФ введена и отдельная статья (292-1), устанавливающая повышенную ответственность за незаконную выдачу паспорта и внесение заведомо ложных сведений в документы, повлекшее незаконное приобретение гражданства Российской Федерации. Учитывая существенные различия в уровне криминогенной и миграционной ситуации двух стран, полагаю, что необходимости дублировать данную норму в УК Беларуси не имеется.

В завершение нужно отметить, что служебный подлог относится к преступлениям с высоким уровнем латентности, при чем сложность противодействия обусловлена, прежде всего, спецификой документооборота, а также отсутствием систематизированной нормативно-правовой базы. Это явление достаточно опасно еще и потому, что искажает объективное представление о степени криминальной пораженности государственных органов власти и управления, предприятий, учреждений и иных организаций. Произошедшие изменения в охраняемых уголовным правом общественных отношениях выступают предпосылкой к пересмотру некоторых практических и теоретических положений по квалификации преступлений в контексте избранной тематики.

Список цитированных источников

1. Хилюта, В. В. Служебный подлог / В. В. Хилюта // КонсультантПлюс: Беларусь.

Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2015. – С. 1-7.

2. По материалам обзора судебной практики по делам о преступлениях против интересов службы (ст.ст.424-428 УК) / Судовы веснік. – 2005. – № 1. – С. 39-43.

3. Стренин, А. С. Соотношение злоупотребления должностными полномочиями и служебного подлога / А. С. Стренин // Вест. Моск. ун-та. Сер. 11. Право. – 2002. – № 3. – С. 122-132.

4. Архив суда Ветковского района Гомельской области за 2015 г. – Уголовное дело № 150044080002.

5. Сборник постановлений Пленума Верховного Суда Республики Беларусь / сост. : И. Н. Минец; под общ. ред. В. О. Сукало. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2012. – 608 с.

6. Постановления и определения по уголовным делам Верховного Суда РСФСР (1981-1988 гг.) / сост. : Т. В. Воробьева, З. Г. Андропова; под ред. Е. А. Смоленцева. – М. : Юрид. лит., 1989. – 448 с.

7. Кудрявцев, В. Н. Общая теория квалификации преступлений / В. Н. Кудрявцев. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрист, 1999. – 302 с.

8. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н. Ф. Ахраменка [и др.]; под ред. А. В. Баркова, В. М. Хомича. – 2-е изд., с изм. и доп. – Минск : ГИУСТ БГУ, 2010. – 1063 с.

9. Архив суда Октябрьского района Гомельской области за 2015 г. – Уголовное дело № 15044190028.

10. Воронин, В. Конкуренция уголовно-правовых норм в делах о взяточничестве и должностных преступлениях / В. Воронин // Российская юстиция. – 2003. – № 11. – С. 50-51.

11. Лосев, В. В. Преступления против интересов службы: юридический анализ и правила квалификации / В. В. Лосев. – Минск : Амалфея, 2010. – 176 с.

12. Уголовный кодекс Российской Федерации, 13 июня 1996 г., № 63-ФЗ (ред. от 3.02.2015 г.) // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2015.

Дата поступления статьи – 31.08.2015.

В настоящей публикации изложен краткий анализ состава преступления, предусмотренного ст.427 Уголовного кодекса Республики Беларусь, обозначены отдельные аспекты и проблемные вопросы квалификации служебного подлога, в том числе при сопоставлении со смежными уголовно-наказуемыми противоправными деяниями, что может иметь существенное значение для правильной юридической оценки и формирования единых подходов в этом плане не только в научной среде, но и судебной практике, в целях эффективного противодействия криминальным проявлениям в сфере официального документооборота на современном этапе развития общества.

The brief analysis of a crime body envisaged by article 427 of the Criminal Code of the Republic of Belarus is stated in this publication. Certain aspects and problematic issues of qualification of forgery are designated here, including the comparison with the adjacent criminal punishable unlawful actions. It can be essential for the correct legal assessment and the unified approaches formation in this regard not only in scientific circles, but also in judicial practice. It can serve for the purpose of effective counteraction to criminal manifestations in the field of an official document flow at the present stage of social development.

О ПОНИМАНИИ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ ИНОЙ ЛИЧНОЙ ЗАИНТЕРЕСОВАННОСТИ ПРИ РАССМОТРЕНИИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ПРОТИВ ИНТЕРЕСОВ СЛУЖБЫ

Марчук В.В.

Неопределенность уголовно-правового содержания оценочного признака «иная личная заинтересованность» и соответственно трудность в его понимании и толковании в судебной практике обусловлена тем, что рассматриваемый мотив прослеживается в поведении соответствующих лиц при совершении любых умышленных преступлений. В принципе, это касается не только девиантного поведения. Любой сознательный и волевой поступок человека всегда имеет личностный характер. Но в уголовно-правовой доктрине иную личную заинтересованность трактуют ограничительно, не как любые личные побуждения, а только те, которые направлены на извлечение какой-либо выгоды нематериального характера [1, с. 151–152; 2, с. 302; 3, с. 532]. Именно в этом контексте задает смысловую рамку понимания иной личной заинтересованности высшая судебная инстанция Республики Беларусь: «Иная личная заинтересованность может выражаться в стремлении, обусловленном такими побуждениями личного характера, как карьеризм, протекционизм, желание приукрасить действительное положение, получить взаимную услугу, скрыть свою некомпетентность и т.п.» [4].

Анализ вступивших в законную силу обвинительных приговоров о преступлениях против интересов службы показал следующую картину. Судебная практика, в целом, интерпретирует данный мотив в русле разъяснения, содержащегося в п. 20 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 16.12.2004 г. № 12. Так, к иной личной заинтересованности в практике суды относят проявление семейственности [5, 6], карьеризм, желание избежать нареканий, критики со стороны руководства [7–9]. Карьеристское направление низменных побуждений в приговорах объяснялось такими формулировками как «желание быть на хорошем счету у руководства» [10, 11], «желание поддержать хорошие личные отношения с руководством» [12], «желание избежать конфликтов с вышестоящим руководством» [13], «стремление угодить непосредственному руководителю» [14], «стремление установления авторитета и обеспечения соблюдения дисциплины подчиненными ему работниками» [15], «желание остаться в занимаемой должности» [16], «стремление получить положительную оценку своей деятельности» [17], «добиться положительных отзывов о себе» [18], «желание создать видимость достижения положительных результатов в своей служебной деятельности» [19]. К этому же ряду относятся «желание приукрасить действительное положение дел на предприятии» [20], «желание избежать возможных неблагоприятных последствий по службе» [21], «желание скрыть свою некомпетентность»

[22], «скрыть последствия своей неудовлетворительной работы» [23], «стремление создать видимость добросовестного выполнения своих служебных обязанностей» [24].

Следует полагать, что именно карьеристские побуждения лежали в основе злоупотреблений должностных лиц при совершении действий, чаще всего служебных подлогов, создающих видимость выполнения прогнозных показателей «производства продукции животноводства» [25, 26 и др.], показателей «по надою молока» [27, 28 и др.], «посевной компании» [29], «заготовки кормов» [30, 31 и др.], «убранного зерна» [32], «по реализации мясной продукции» [33, 34 и др.], «по строительству жилья» [35], «по привесу скота» [36, 37 и др.], «по посеву озимых культур» [38], «производству валовой продукции» [39, 40] либо успешного выполнения или перевыполнения иных показателей: «охраны государственного лесного фонда» [41], «плановых показателей по осветлению леса» [42], «плановых показателей по реализации готовой продукции» [43], «выполнения установленного плана заготовок грибов-лисичек» [44], «показателей по приплоду молодняка крупного рогатого скота» [45], «работы по выявлению и пресечению правонарушений» [46], «желания увеличить количество лиц, привлекаемых к административной ответственности» [47] и др.

Весьма распространенным в судебной практике является отнесение к иной личной заинтересованности «желания избежать дисциплинарной ответственности» [48–51 и др.], особенно, в связи с фактами падежа скота, в том числе молодняка [52–55 и др.].

Обосновано к иной личной заинтересованности суды относили и «оказание дружеской услуги» [56–59 и др.]. Достаточно часто эта услуга выражалась в подделке страховых свидетельств гражданской ответственности владельцев транспортных средств [60–62 и др.].

Представляется, что потребность в извлечении для себя нематериальной выгоды лежала в основе «желания получить возможность в будние дни съездить к родственникам» [63], «в стремлении избежать привлечения своего сына к уголовной ответственности» [64], «в стремлении скрыть факт совершения обвиняемым умышленного преступления» [65].

Известно, что любые мотивы, если они указаны в соответствующей статье УК в качестве обязательного признака субъективной стороны преступления должны быть обоснованы в соответствующих процессуальных документах. Вместе с тем, в некоторых случаях в приговорах имела место лишь констатация иной личной заинтересованности, но не было объяснения, в чем же именно она выразилась [66–68]. А в одном из приговоров вообще не указывалось на какую-либо заинтересованность при совершении служебного подлога [69].

В некоторых приговорах содержатся достаточно странные объяснения рассматриваемого мотива: указывалось на желания должностных или иных уполномоченных лиц «избежать штрафных санкций в отношении предприятия за выявленное завышение им объемов выполненных работ» [70], «скрыть заведомо незаконную продажу предприятием калийных

удобрений» [71], «скрыть факт поставки предприятием некачественной продукции» [72], «скрыть убыточность предприятия» [73]. Представляется, что здесь идет речь о так называемых ложно понятых интересах службы. Именно таким образом – «ложно понятыми интересами службы» объяснил иную личную заинтересованность в обвинительном приговоре суд Добрушского района Гомельской области при осуждении виновного по ч. 1 ст. 427 УК [74].

Необходимо отметить, что в литературе высказывается мнение о том, что ложно понятые интересы службы охватываются иной личной заинтересованностью [75, с. 129; 76, с. 156; 77, с. 8]. Но, представляется, что ложно понятые интересы службы не могут быть отнесены к иной личной заинтересованности. В таких случаях соответствующее лицо хотя и поступает вопреки интересам службы, но его мотивация не имеет той антисоциальной и низменной по-своему характеру направленности, которая свойственна личной заинтересованности, т. к. виновный не извлекает для себя или своих близких какую-либо выгоду неимущественного характера.

По этой причине необоснованным следует признать отнесение к иной личной заинтересованности следующих побуждений: «желание избежать взыскания с предприятия пени за просрочку поставки котельного оборудования» [78], «желание избежать ответственности предприятия за нарушение порядка проведения внешнеторговой операции» [79], с целью получения подчиненным предприятием лицензии «на осуществление деятельности по заготовке древесины» [80], «по проектированию и строительству зданий и сооружений ...» [81, 82], «на право осуществления деятельности в области автомобильного, внутреннего водного, морского транспорта» [83], «с целью сокрытия фактов выбора поставщиков в нарушении требований законодательства» [84], «желание получить на предприятие кредит для выплаты заработной платы» [85, 86]. Вызывает сомнение отнесение к рассматриваемому мотиву «желание поддержать сложившиеся отношения с постоянным клиентом предприятия» [87], «желание избежать необходимости составления дополнительных документов и уменьшения документооборота» [88].

Анализ показал, что во-многих случаях суды неправильно соотносят корыстную заинтересованность с иной личной заинтересованностью. Так, по делу Ш., который, являясь руководителем предприятия, регулярно использовал служебный автомобиль в личных целях суд усмотрел как корыстную, так и иную личную заинтересованность (не мотивировав, в чем именно она выразилась) [89]. Но по другому делу с аналогичной фабулой мотивация поведения руководителя предприятия А. была обозначена в приговоре только как корыстная заинтересованность [90].

В некоторых случаях вообще непонятно, каким мотивом руководствовался обвиняемый. Например, по делу Б. в описательно-мотивировочной части приговора сделан вывод о том, что служебный подлог был совершен обвиняемым из иной личной заинтересованности. Но далее в этой же части приговора суд указывает, что «действия обвиняемого

совершены из корыстной заинтересованности» [91].

Словосочетание «корыстная или иная личная заинтересованность» дает основание утверждать, что корыстные побуждения является разновидностью личной заинтересованности. Вместе с тем, в литературе правильно акцентировано внимание практиков на то, что «если законодатель наряду с корыстью называет и личную заинтересованность, то тем самым придает каждому из них самостоятельное значение» [92, с. 30].

Изучение судебной практики также показывает, что иногда вменяется обвиняемым как корыстная, так и иная личная заинтересованность без наличия на то законных оснований. Например, М., являясь специалистом по операционно-кассовой работе АСБ «Беларусбанк», учиняла поддельные подписи в расходных кассовых ордерах и снимала для своих нужд со счетов вкладчиков денежные средства, а через некоторое время по поддельным приходным ордерам возвращала эти деньги на соответствующие счета вкладчиков. По данному делу суд, осуждая М. за служебный подлог, объяснил в приговоре мотивацию обвиняемой следующим образом: М. «действовала из корыстной и иной личной заинтересованности, выразившейся во временном заимствовании денежных средств и в последующем использовании их в личных целях» [93]. Представляется, что вменение иной личной заинтересованности в данном случае было излишним. Более того, формула квалификации в данном случае лишена свойства ее полноты. Органами предварительного расследования в этой уголовно-правовой ситуации проигнорирована почему-то ст. 216 УК, предусматривающая ответственность за причинение имущественного ущерба без признаков хищения.

Путаница с вменением корыстной и (или) иной личной заинтересованности достаточно часто проявляется по делам о служебных подлогах, направленных на сокрытие недостатки товарно-материальных ценностей, образовавшейся в связи с их порчей. По множеству уголовных дел суды подобные ситуации при вынесении обвинительных приговоров рассматривали как совершенные «из иной личной заинтересованности» [94–97 и др.], по другим делам – «из корыстной заинтересованности» [98–101], по третьим – «из корыстной и иной личной заинтересованности» [102–106].

Подобное наблюдается по некоторым делам о злоупотреблении властью или служебными полномочиями. Так, по одному из дел факт направления руководителем предприятия подчиненных ему работников для выполнения строительных работ на его личном участке был оценен как совершенный им из иной личной заинтересованности. Вместе с тем, в мотивировочной части обвинительного приговора было отмечено, что распоряжение руководителя было совершено «с целью использования бесплатного принудительного труда» [107]. Разумеется, в данном случае заинтересованность была личная, но она имела ярко выраженный корыстный характер, что и должно было приобрести четкость в обозначении соответствующего мотива.

Некоторые судебные решения показывают, что «иная личная

заинтересованность» интерпретируется весьма широко. Так, по делу М. старший инспектор ГАИ выдал М. временное разрешение на управление транспортным средством при отсутствии на то законных оснований. На следующий день М. был задержан при управлении автомобилем в состоянии алкогольного опьянения. Сотрудник ГАИ был привлечен к уголовной ответственности за злоупотребление служебными полномочиями, совершенное им из иной личной заинтересованности (ч. 2 ст. 424 УК). В мотивировочной части приговора суд объяснил решение инспектора тем, что он поступил из жалости, реагируя на просьбу М., который был лишен права на управление транспортным средством, но должен был как-то образом материально обеспечивать семью [108]. Конечно, жалость, сострадание являются побуждениями личного свойства. Но они не предполагают извлечения виновным какой-либо выгоды неимущественного характера.

Список использованных источников

1. Лысов, М.Д. Ответственность должностных лиц по советскому уголовному праву / М.Д. Лысов. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1972. – 176 с.
2. Коррупционная преступность: криминол. характеристика и науч.-практ. коммент. к законодательству о борьбе с коррупцией / В.В. Асанов [и др.]; под общ. ред. В.М. Хомича. – Минск: Тесей, 2008 – 504 с.
3. Хомич, В.М. Преступления против интересов службы / В.М. Хомич // Правила регистрации, учета и квалификации преступлений : науч.-практ. пособие для следователей прокуратуры / Н. А. Бабий [и др.]; под общ. ред. Н.А. Бабя. – Минск, 2008. – Гл. 20. – С. 514–577.
4. О судебной практике по делам о преступлениях против интересов службы : постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 16.12.2004 г. N 12 // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2005. – № 3. – 6/424.
5. Архив Научно-практического центра проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь: копия приговора суда Каменецкого района Брестской области от 05.04.2007 г.
6. Архив Научно-практического центра проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь: копия приговора суда Фрунзенского района г. Минска от 10.12.2010 г.
7. Архив Научно-практического центра проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь: копия приговора суда Столбцовского района Минской области от 15.11.2007 г.
8. Архив Научно-практического центра проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь: копия приговора суда Рецицкого района Гомельской области от 16.07.2010 г.
9. Архив Научно-практического центра проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь: копия приговора суда Полоцкого района и г. Полоцка Витебской области от 03.05.2010 г.
10. Архив Научно-практического центра проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь: копия приговора суда Докшицкого района Витебской области от 04.09.2008 г.
11. Архив Научно-практического центра проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь: копия приговора суда Заводского района г. Минска от 09.08.2010 г.

12. Архив Научно-практического центра проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь: копия приговора суда г. Новополоцка Витебской области от 15.03.2007 г.

13. Архив Научно-практического центра проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь: копия приговора суда Городокского района Витебской области от 09.07.2010 г.

14. Архив Научно-практического центра проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь: копия приговора суда Барановичского района и г. Барановичи Брестской области от 16.04.2008 г.

15. Архив Научно-практического центра проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь: копия приговора суда Калинковичского района Гомельской области от 04.07.2011 г.

16. Архив Научно-практического центра проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь: копия приговора суда Кобринского района Брестской области от 30.01.2008 г.

17. Архив Научно-практического центра проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь: копия приговора суда Барановичского района и г. Барановичи Брестской области от 27.01.2008 г.

18. Архив Научно-практического центра проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь: копия приговора суда Ганцевичского района Брестской области от 15.06.2007 г.

19. Архив Научно-практического центра проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь: копия приговора суда Мстиславского района Могилевской области от 05.07.2011 г.

20. Архив Научно-практического центра проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь: копия приговора суда Наровлянского района Гомельской области от 07.07.2010 г.

21. Архив Научно-практического центра проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь: копия приговора суда Октябрьского района г. Витебска от 08.08.2007 г.

22. Архив Научно-практического центра проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь: копия приговора суда Хойникского района Гомельской области от 13.11.2007 г.

23. Архив Научно-практического центра проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь: копия приговора суда Московского района г. Бреста от 27.06.2007 г.

24. Архив Научно-практического центра проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь: копия приговора суда Бобруйского района и г. Бобруйска от 03.05.2010 г.

25. Архив Научно-практического центра проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь: копия приговора суда Чаусского района Могилевской области от 30.06.2008 г.

26. Архив Научно-практического центра проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь: копия приговора суда Климовичского района Могилевской области от 09.06.2007 г.

27. Архив Научно-практического центра проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь: копия приговора суда Вороновского района Гродненской области от 21.12.2007 г.

28. Архив Научно-практического центра проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь: копия приговора суда Червенского района Минской области от 20.02.2007 г.

63. Архив Научно-практического центра проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь: копия приговора суда Гомельского района Гомельской области от 24.06.2010 г.

64. Архив Научно-практического центра проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь: копия приговора суда Барановичского района и г. Барановичи Брестской области от 27.08.2010 г.

65. Архив Научно-практического центра проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь: копия приговора суда Пинского района и г. Пинска Брестской области от 20.04.2010 г.

66. Архив Научно-практического центра проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь: копия приговора суда Кличевского района Могилевской области от 12.08.2009 г.

67. Архив Научно-практического центра проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь: копия приговора суда Светлогорского района Гомельской области от 01.12.2010 г.

68. Архив Научно-практического центра проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь: копия приговора суда Гомельского района Гомельской области от 25.06.2010 г.

69. Архив Научно-практического центра проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь: копия приговора суда Чашникского района Витебской области от 13.02.2007 г.

70. Архив Научно-практического центра проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь: копия приговора суда Московского района г. Минска от 04.04.2007 г.

71. Архив Научно-практического центра проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь: копия приговора суда Климовичского района Могилевской области от 03.03.2008 г.

72. Архив Научно-практического центра проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь: копия приговора суда Браславского района Витебской области от 04.08.2008 г.

73. Архив Научно-практического центра проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь: копия приговора суда Речицкого района Гомельской области от 04.03.2010 г.

74. Архив Научно-практического центра проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь: копия приговора суда Добрушского района Гомельской области от 31.03.2008 г.

75. Сахаров, А.Б. Ответственность за должностные злоупотребления по советскому уголовному праву / А.Б. Сахаров. – М. : Юрид. лит., 1956. – 212 с.

76. Светлов, А.Я. Ответственность за должностные преступления / А.Я. Светлов. – Киев : Навукова думка, 1978. – 304 с.

77. Владимиров, В.А. Должностные преступления / В.А. Владимиров, В.Ф. Кириченко. – М. : ВШ МООН РСФСР, 1965. – 42 с.

78. Архив Научно-практического центра проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь: копия приговора суда Бешенковичского района Витебской области от 02.10.2007 г.

79. Архив Научно-практического центра проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь: копия приговора суда Ленинского района г. Бреста от 29.05.2007 г.

80. Архив Научно-практического центра проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь: копия приговора суда Городокского района Витебской области от 16.06.2008 г.

81. Архив Научно-практического центра проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь: копия приговора суда Осиповичского района Могилевской области от 06.07.2007 г.

82. Архив Научно-практического центра проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь: копия приговора суда Советского района г. Гомеля от 07.06.2010 г.

83. Архив Научно-практического центра проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь: копия приговора суда Осиповичского района Могилевской области от 02.12.2010 г.

84. Архив Научно-практического центра проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь: копия приговора суда Московского района г. Бреста от 29.12.2008 г.

85. Архив Научно-практического центра проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь: копия приговора суда Чечерского района Гомельской области от 06.10.2010 г.

86. Архив Научно-практического центра проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь: копия приговора суда Чечерского района Гомельской области от 21.07.2010 г.

87. Архив Научно-практического центра проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь: копия приговора суда Поставского района Витебской области от 19.07.2010 г.

88. Архив Научно-практического центра проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь: копия приговора суда Фрунзенского района г. Минска от 14.06.2010 г.

89. Архив Научно-практического центра проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь: копия приговора суда Октябрьского района г. Витебска от 13.09.2007 г.

90. Архив Научно-практического центра проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь: копия приговора суда Волковысского района Гродненской области от 18.06.2007 г.

91. Архив Научно-практического центра проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь: копия приговора суда Ленинского района г. Бреста от 07.05.2010 г.

92. Хилюта, В. Совершение деяния из иной личной заинтересованности или из ложно понятых интересов службы / В. Хилюта, А. Бильбейко // Юстиция Беларуси. – 2015. – № 3. – С. 28–32.

93. Архив суда Вилейского района Минской области за 2007 г. Уголовное дело 1-250/2007.

94. Архив Научно-практического центра проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь: копия приговора суда Шарковщинского района Витебской области от 20.12.2007 г.

95. Архив Научно-практического центра проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь: копия приговора суда Верхнедвинского района Витебской области от 06.03.2008 г.

96. Архив Научно-практического центра проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь: копия приговора суда Ленинского района г. Могилева от 04.04.2008 г.

97. Архив Научно-практического центра проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь: копия приговора суда Быховского района Могилевской области от 12.02.2008 г.

98. Архив Научно-практического центра проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь: копия приговора суда Октябрьского района г. Витебска от 06.04.2007 г.

99. Архив Научно-практического центра проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь: копия приговора суда Воложинского района Минской области от 31.08.2007 г.

100. Архив Научно-практического центра проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь: копия приговора суда Копыльского района Минской области от 10.01.2007 г.

101. Архив Научно-практического центра проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь: копия приговора суда Дзержинского района Минской области от 12.12.2007 г.

102. Архив Научно-практического центра проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь: копия приговора суда Столинского района Брестской области от 15.11.2007 г.

103. Архив Научно-практического центра проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь: копия приговора суда Миорского района Витебской области от 19.07.2007 г.

104. Архив Научно-практического центра проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь: копия приговора суда Сенненского района Витебской области от 05.06.2008 г.

105. Архив Научно-практического центра проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь: копия приговора суда Браславского района Витебской области от 09.09.2008 г.

106. Архив Научно-практического центра проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь: копия приговора суда Слуцкого района Минской области от 31.01.2008 г.; копия приговора суда Клецкого района Минской области от 05.06.2008 г.

107. Архив Научно-практического центра проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь: копия приговора суда Светлогорского района Гомельской области от 02.12.2010 г.

108. Архив Научно-практического центра проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь: копия приговора суда Пинского района и г. Пинска Брестской области от 12.11.2008 г.

Дата поступления статьи – 15.09.2015.

На основе анализа копий приговоров по делам о преступлениях против интересов службы в статье рассматриваются вопросы понимания и интерпретации мотива «иная личная заинтересованность». Раскрыты типовые подходы судебной практики в толковании рассматриваемого мотива. Рассмотрена проблематика квалификации деяний, совершаемых должностными лицами из «ложно понятых интересов службы». Показаны ошибки судебной практики по вопросам отграничения корыстных побуждений от иной личной заинтересованности.

In the article the questions of understanding and interpretation of the motive of other personal interest are examined on the basis of analysis of copies of sentences about criminal cases against interests of service. Model approaches of court practice are exposed in an interpretation of examined motive. The range of problems of qualification of the criminal acts accomplished by executive offices from the falsely understood

interests of service is examined here. The judicial errors of court practice are shown on questions of distinguishing mercenary motives from other personal interest.

ОТГРАНИЧЕНИЕ СОВОКУПНОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ОТ СМЕЖНЫХ ПОНЯТИЙ УГОЛОВНОГО ПРАВА

Новик О.О.

Проблеме совокупности преступлений уделяется большое внимание, как в науке, так и в судебной практике. Из этимологического смысла термина «совокупность» с очевидностью вытекает, что в этом случае имеется в виду совершение не менее двух преступлений. В старой литературе такие ситуации именовались «стечением преступлений» и лишь в конце XIX в. стал применяться термин «совокупность преступлений».

Определение самого понятия совокупности преступлений, даваемое как в отечественной, так и в зарубежной литературе, отличается достаточным многообразием. Мы избавлены от необходимости приводить эти определения, поскольку сам национальный уголовный закон дает понятие совокупности преступлений. Из этого мы и будем исходить в дальнейшем изложении.

Так, согласно ч.1 ст. 42 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) совокупностью преступлений признаётся совершение двух и более преступлений, предусмотренных различными статьями Особенной части УК, ни за одно из которых лицо не было осуждено. При этом лицо несет уголовную ответственность за каждое совершённое преступление по соответствующей статье УК.

Сам вопрос настоящего исследования об отграничении совокупности преступлений от смежных понятий уголовного права имеет важное значение не только для точного обозначения самого понятия совокупности преступлений, но и для правильной квалификации содеянного лицом и назначения ему наказания. В настоящей статье проведено отграничение совокупности преступлений от таких понятий уголовного права, как составное преступление, конкуренция уголовно-правовых норм и совокупность приговоров.

Отграничение совокупности преступления от составного преступления. В отличие от понятия совокупности преступлений понятие составного преступления неизвестно национальному УК. Данное понятие выработано теорией уголовного права и судебно-следственной практикой.

В научной литературе авторами сформулированы следующие определения понятия «составное преступление».

Так, Саркисова Э. А. составное преступление понимает, как преступление, состоящее из двух или более деяний, каждое из которых, взятое в отдельности, признается самостоятельным преступным деянием [2, с. 284]. Бабий Н. А. под составным преступлением понимает преступление,

образуемое двумя деяниями, каждое из которых в отдельности предусмотрено Уголовным кодексом в качестве самостоятельного единичного преступления [3, с. 349]. Грунтов И. О. под составным преступлением понимает, преступление, образуемое из двух и более преступлений деяний, каждое из которых, если их оценить изолировано, представляет собой самостоятельное простое преступление [4, с. 221]. Как видно в определениях указанных авторов расхождения не существенные.

Если обратиться к достижениям российской науки уголовного права, то под составным преступлением понимается преступление, складывающееся из двух или более деяний, каждое из которых (если рассматривать его изолированно) представляет собой самостоятельное простое преступление. Составные преступления – это вид учтенной в законе идеальной совокупности преступлений [5, с. 219].

При этом необходимо учесть, что совокупность преступлений это форма множественности преступлений, а составное преступление входит в группу сложных единичных преступлений.

Составное преступление образуется из двух или более преступных действий (актов бездействия), посягающих на разные объекты (основной и дополнительный), каждое из которых, если их мысленно оценивать самостоятельно (изолировано), предусмотрено в УК в качестве самостоятельных единичных простых преступлений.

Однако эти отдельные единичные простые преступления ввиду их органического единства, типичности их связей, распространенности по форме конструкции нормы объединены законодателем в одно единое сложное составное преступление.

Традиционно в учебниках и учебных пособиях в качестве примера составного преступления приводится разбой (ст. 207 УК). При анализе указанного состава преступления видно, что разбой заключается в насилии либо угрозе применения насилия с целью непосредственного завладения имуществом. В отдельности указанные действия и насилие (либо его угроза) и завладение имуществом, взятые в отдельности, выступают как самостоятельные единичные преступления (например, ч. 1 ст. 149 УК + ч. 1 ст. 206 УК).

К числу составных преступлений можно отнести и состав хулиганства (ст. 339 УК), посягающего одновременно на такие правоохраняемые интересы, как общественный порядок и личность, а в некоторых случаях и на отношения собственности. Изнасилование, сопряженное с насилием или с угрозой его применения к женщине или ее близким (половое сношение вопреки воле потерпевшей + насилие или угроза его применения), похищение человека, соединенное с насилием (противоправное завладение лицом + насилие) и др.

Необходимо ограничивать идеальную совокупность преступлений от составного преступления. При идеальной совокупности одним преступным деянием совершается два или более, но разных по составу преступления. Если деянием причиняется ущерб двум объектам, но охраняемым одной уголовно-

правовой нормой по средствам конструирования сложного единичного составного преступления, то идеальная совокупность отсутствует и всё содеянное рассматривается как единичное составное преступление.

Составные преступления образуются законодателем разными способами.

При первом из них два самостоятельных простых преступления сливаются и образуют новый состав преступления. Примером служит разбой, который образовался в результате соединения таких деяний, как грабеж и преступление против здоровья.

При втором способе одно самостоятельное преступление входит в другое в качестве одного из обязательных признаков его состава. Так, хулиганство определяется в законе как умышленные действия, грубо нарушающие общественный порядок и выражающие явное неуважение к обществу, сопровождающиеся применением насилия или угрозой его применения либо уничтожением или повреждением чужого имущества либо отличающиеся по своему содержанию исключительным цинизмом. Применением насилия или угрозой его применения образует составы самостоятельных преступлений против здоровья человека, равно как уничтожением или повреждением чужого имущества выступает в качестве самостоятельного преступления против собственности. Однако в составе хулиганства они предусмотрены как его обязательные признаки и потому теряют свое самостоятельное уголовно-правовое значение.

При третьем способе одно самостоятельное простое преступление может входить в другое в качестве квалифицирующего признака. Например, согласно ч. 3 ст. 166 УК в качестве одного из особо квалифицирующего признака изнасилования предусмотрено изнасилование повлекшее причинение тяжких телесных повреждений.

Таким образом, независимо от способа образования деяние, поглощенное составом сложного преступления, теряет свою уголовно-правовую самостоятельность и становится одним из элементов составного преступления.

Составное преступление представляет собой учтенную законодателем (т.е. прямо предусмотренную законом в качестве единого преступления) совокупность преступлений. Законодатель учитывает органическое единство входящих в сложное преступление деяний и образует составное преступление, т.е. предусматривает в законе совокупность преступлений в качестве единичного составного преступления. Осуществление составного преступления одним деянием именуется учтенной законом идеальной совокупностью преступлений, а осуществление составного преступления совершением двух или более деяний именуется учтенной реальной совокупностью преступлений.

Необходимо обратить внимание на то, что между деяниями образующими составное преступление должна быть внутренняя взаимосвязь. При отсутствии такой взаимосвязи ответственность должна наступать отдельно за каждое преступление по совокупности преступлений.

Во всех случаях составного преступления совершенное квалифицируется по одной статье УК. При совокупности преступлений применяются две или более статьи УК — в зависимости от того, сколько преступлений входит в данную совокупность. Такая квалификация определяется тем, что составное преступление рассматривается самим законом как единое, одно преступление. При совокупности преступлений в действиях лица имеются два или более преступлений, каждое из которых предусмотрено самостоятельной статьей УК. В связи с этим важно обратить внимание на следующее обстоятельство. Отнесение деяния к составному преступлению или, напротив, к совокупности зависит, от того, как сконструирован состав преступления законодателем в самом законе.

Таким образом, решение вопроса о том, что имеет место в данном конкретном случае — составное преступление или совокупность преступлений, зависит от конструкции соответствующих составов преступлений в законе. При составном преступлении применяется одна статья УК, при совокупности преступлений — две или более статей УК.

Отграничение идеальной совокупности преступлений от конкуренции уголовно-правовых норм. УК не выделяет какие-либо виды совокупности преступлений, однако, в зависимости от характера деяний совершённых преступником, теория уголовного права и судебная практика различает два вида совокупности преступлений. К ним относятся реальная и идеальная совокупность преступлений.

Уголовный закон не содержит конкретного определения понятия идеальная совокупность преступлений. В науке уголовного права существует множество доктринальных определений указанному понятию. По нашему мнению, одно из самых удачных определений понятия идеальная совокупность преступлений, содержащее существенные признаки этого явления, приводит Бабий Н.А. Под идеальной совокупностью преступлений он понимает «совершение одним деянием двух самостоятельных преступлений» [3, с. 369]. Схожим образом определяет идеальную совокупность преступлений и Саркисова Э.А.: совершение лицом одного деяния (действия или бездействия), которое содержит признаки двух или более преступлений [2, с. 288].

Наибольшее сходство с идеальной совокупностью преступлений имеет ситуация при конкуренции уголовно-правовых норм. Действующее уголовное законодательство не содержит указаний о «конкуренции» уголовно-правовых норм, однако без употребления указанного термина УК регламентирует в ч.2 ст.42 следующее правило: «Если преступление предусмотрено различными статьями Особенной части УК, из которых одна норма является общей, а другая специальной, совокупность преступлений отсутствует и уголовная ответственность наступает по специальной норме».

Согласно п. 17 постановления Пленум Верховного Суда Республики Беларусь от 24 марта 2005 г. № 1 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве» убийство, а также умышленное причинение тяжкого

телесного повреждения из хулиганских побуждений дополнительной квалификации по ст. 339 УК не требует. Если же, помимо названных деяний, виновным совершены иные действия, обладающие признаками уголовно наказуемого хулиганства, ответственность за содеянное должна наступать по совокупности преступлений [6].

Однако на практике дело обстоит по иному, а именно некоторые суды не учитывают данное разъяснение. В качестве примера интересен следующий случай из судебной практики:

«По приговору суда Новобелицкого района г. Гомеля К. признан виновным в умышленных действиях, грубо нарушающих общественный порядок и выражающих явное неуважение к обществу, сопровождающихся применением насилия, совершенных с применением предметов, используемых в качестве оружия, а также в умышленном причинении тяжкого телесного повреждения, опасного для жизни, совершенном из хулиганских побуждений, и осужден по ч. 3 ст. 339 и п. 7 ч. 2 ст. 147 УК.

Правильно установив фактические обстоятельства совершенного общественно опасного деяния, суд дал ему неверную юридическую оценку.

Как видно из обвинения, предъявленного К. и признанного доказанным судом, одни и те же противоправные действия осужденного квалифицированы дважды: по ч. 3 ст. 339 и п. 7 ч. 2 ст. 147 УК, что неправильно. Квалификация действий осужденного по ч. 3 ст. 339 УК является излишней, поскольку умышленное причинение тяжкого телесного повреждения, совершенное из хулиганских побуждений, не образует идеальной совокупности.

Заместителем Председателя Верховного Суда в президиум Гомельского областного суда принесен протест об изменении приговора суда первой инстанции – исключении из него указания об осуждении К. по ч. 3 ст. 339 УК» [7, с. 32].

Можно сформулировать исходные положения сравнивая идеальную совокупность преступлений и конкуренцию уголовно-правовых норм:

1. При идеальной совокупности преступлений совершается ни одно, а два и более преступления каждое из которых подпадает под признаки самостоятельной статьи Особенной части УК. При конкуренции норм совершается одно преступление, охватываемое признаками разных статей УК.

2. При конкуренции уголовно-правовых норм подлежит применению лишь одна норма, которая наиболее полно отображает специфику, особенности содеянного. При идеальной совокупности преступлений в квалификации фигурируют обязательно две или даже больше статьи УК, в зависимости от того, сколько преступлений содержатся в деянии виновного.

Таким образом, можно сделать вывод, о том, что при конкуренции уголовно-правовых норм совершенное преступление будет правильно квалифицировано только в том случае, когда будет верно выбрана та из конкурирующих норм, диспозиция которой наиболее полно и точно отражает социально-правовой смысл содеянного. Квалификация в подобных

случаях содеянного по совокупности конкурирующих норм уголовного закона недопустима, так как это привело бы к искусственному созданию множественности преступлений там, где ее нет, а в ряде случаев к необоснованному усилению уголовной ответственности виновного, что бы противоречило принципу справедливости, сформулированному в ч. 6 ст. 3 УК.

Отграничение совокупности преступлений от совокупности приговоров. Согласно главе 7 УК, совокупность приговоров не относится к формам множественности преступлений и с точки зрения содержания она не охватывается ни повторностью преступлений, ни их совокупностью или рецидивом. Отсутствие законодательного определения понятия совокупности приговоров в УК, может повлечь за собой неоднозначный подход судов к выбору правил назначения наказания в такого рода случаях.

В связи с чем совокупность преступлений следует отличать от совокупности приговоров.

По совокупности приговоров назначается наказание в случае, если лицо совершает новое преступление, отбывая ранее назначенное наказание. В этом случае нет совокупности преступлений, но может быть рецидив, если оба преступления умышленные.

Поскольку совершение во время отбывания наказания нового преступления представляет повышенную опасность, УК предусматривает более строгие правила назначения наказания по совокупности приговоров, чем по совокупности преступлений, которые выражены в следующем.

Если при совокупности преступлений складываются наказания, за все совершенные преступления, то при совокупности приговоров складываются назначенное наказание с неотбытой частью ранее назначенного наказания, а не с ранее назначенным наказанием.

При совокупности преступлений максимальный срок лишения свободы не может превышать 25 лет (ч. 3 ст. 72 УК), при совокупности приговоров – 30 лет (ч. 3 ст. 73 УК).

При назначении наказания по совокупности преступлений допускается поглощение менее строгого наказания более строгим (ч. 1 ст. 72 УК), при назначении наказания по совокупности приговоров поглощение не допускается (ч. 1 ст. 73 УК). Однако исходя из содержания ч. 5 ст. 73 УК можно сделать вывод о том, что по совокупности приговоров поглощение возможно только в исключительном случае: когда за одно из преступлений назначено пожизненное заключение или смертная казнь.

В случае назначения наказания по совокупности приговоров, суд к наказанию, назначенному по новому приговору, полностью или частично присоединяется неотбытую часть наказания по предыдущему приговору (ч. 1 ст. 73 УК).

В практике, иногда, суды ошибочно назначают наказания по правилам совокупности приговоров в случае, когда после вынесения приговора по делу будет установлено, что осужденный виновен ещё и в другом преступлении, образующем совокупность с преступлением, за которое он

осужден (ч. 5 ст. 72 УК). Однако в данной ситуации имеет место совокупность преступлений, а не совокупность приговоров. Поэтому важно установить время совершения преступления – до или после вынесения приговора.

Согласно ч. 1 ст. 9 УК временем совершения деяния признаётся время осуществление общественно опасного действия (бездействия) независимо от времени наступления последствий.

Из содержания ч. 1 ст. 73 УК следует, что совокупность приговоров имеет место в случае, если осужденный после провозглашения приговора, но до полного отбытия наказания совершит новое преступление. УК не дает определения понятию «провозглашение приговора». Процедура же провозглашения приговора регламентирована ст. 365 Уголовно процессуального кодекса Республики Беларусь.

Исходя из принципа законности уголовного закона, согласно которому нормы УК подлежат строгому толкованию, видится целесообразным, под провозглашением приговора понимать не вступление его в законную силу, а именно провозглашение его в процессе. Провозглашение приговора есть публичное оглашение вводной, описательно-мотивировочной и резолютивной частей приговора в судебном заседании. Именно поэтому, если во время провозглашения приговора виновный совершит преступление, то будет иметь место совокупность преступлений, а не совокупность приговоров.

Таким образом, проведенное сравнение двух понятий уголовного права – совокупности преступлений и совокупности приговоров позволяет сделать следующие основные выводы. Критерием разграничения совокупности преступлений и совокупности приговоров является факт осуждения лица. Правила назначения наказания по совокупности приговоров являются более суровыми по сравнению с правилами назначения наказания по совокупности преступлений. Это обусловлено, тем, что факт совершения лицом нового преступления после провозглашения приговора свидетельствует о повышенной опасности виновного, а также о том, что мера наказания за первое преступление была определена недостаточной для предупреждения совершения со стороны виновного нового преступления.

Список цитированных источников

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. ; одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : с изм. и доп. : текст кодекса по состоянию на 01.08.2015 г. // Эталон – Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.
2. Саркисова, Э. А. Уголовная право. Общая часть : учеб. пособие / Э. А. Саркисова. – Минск : Тесей, 2005. – 592 с.
3. Бабий, Н. А. Уголовное право Республики Беларусь. Общая часть : учебник / Н. А. Бабий. – 2-е изд., перераб. и доп. – Минск : ГИУСТ БГУ, 2013. – 688 с.
4. Уголовное право. Общая часть : учебник / Н. А. Бабий, А. В. Барков, И. О. Грунтов и др.; под ред. В. М. Хомича, – Минск : Тесей, 2002. – 496 с.

5. Кудрявцев, В. Н. Общая теория квалификации преступлений / В. Н. Кудрявцев. – М.: «Юридическая литература», 1972. – 319 с.
6. О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве: постановление Пленума Верховного Суда Респ. Беларусь, 24 марта 2005 г., № 1 : текст постановления по состоянию на 01.02.2013 г. // Эталон – Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2013.
7. О судебной практике по делам об умышленном причинении тяжкого телесного повреждения (ст.147 УК) : по материалам обзора судебной практики // Судовы веснік. – 2006. – № 2. – С. 32–37.

Дата поступления статьи – 07.09.2015.

В данной статье рассмотрены вопросы отграничения совокупности преступлений от таких смежных понятий уголовного права, как составное преступление, конкуренция уголовно-правовых норм и совокупность приговоров.

При отграничении совокупности преступлений от составного преступления исследованы различные точки зрения авторов определяющих понятие «составное преступление», определены способы законодательного конструирования составных преступлений, выделены критерии позволяющие отграничить совокупность преступлений от составного преступления.

При отграничении совокупности преступлений от конкуренции уголовно-правовых норм исследованы точки зрения авторов определяющих понятие «идеальная совокупность преступлений», проанализирована ч 2 ст. 42 УК Республики Беларусь регламентирующая правило о конкуренции уголовно-правовых норм, сформулированы исходные положения, полученные при сравнении идеальной совокупности преступлений и конкуренции уголовно-правовых норм.

При отграничении совокупности преступлений от совокупности приговоров определены критерии разграничения двух институтов уголовного права, проанализированы правила назначения по совокупности преступлений и совокупности приговоров.

This article describes the issues distinguishing set of crimes from such related concepts of criminal law as composite crime, competition of the criminal law and a set of sentences.

The author defines the concept of "composite crime", while investigate multiple offenses delimitation of a composite crime from various points of view. There also defined the ways of designing the legislative component of crimes and singled out the criteria allowing to distinguish the composite set of crimes from the crime.

The authors stated the concept of “ideal set of crimes” and proposed different points of view when delimitating multiple offenses against the competition of criminal law. There also analyzed P.2 Art. 42 of the Criminal Code regulating the competition rules of criminal law. There were formulated assumptions, obtained by comparing the ideal set of crimes and competition criminal law.

There are defined the criterion for distinguishing the two institutions of the criminal law at delimitating multiple offenses from cumulative sentences. The rules of assignment for multiple offenses and cumulative sentences are also analyzed.

ОСОБЕННОСТИ ОБЪЕКТА ЗАРАЖЕНИЯ ВИРУСОМ ИММУНОДЕФИЦИТА ЧЕЛОВЕКА (СТ. 157 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ)

Семьянов А.С.

На протяжении последних десятилетий пандемия инфекции, вызываемой вирусом иммунодефицита человека (далее – ВИЧ-инфекция) является одним из самых значимых событий для всего человечества. По данным Всемирной организации здравоохранения вирус иммунодефицита человека (далее – ВИЧ) остается одной из основных проблем глобального общественного здравоохранения: на сегодняшний день он унес более 39 миллионов человеческих жизней. В 2014 году 1,2 миллиона людей в мире умерли от причин, связанных с ВИЧ. В конце 2014 года в мире насчитывалось примерно 36,9 миллионов людей с ВИЧ-инфекцией, а 2 миллиона человек в мире приобрели ВИЧ-инфекцию в 2014 году [1].

В Республике Беларусь за 7 месяцев 2015 года зарегистрировано 1 342 случая ВИЧ-инфекции. За весь период наблюдения (с 1987 года по 1 августа 2015 года) среди населения зарегистрировано 18 864 случая ВИЧ-инфекции [2].

Несмотря на то, что ежегодно в Беларуси регистрируется свыше тысячи случаев ВИЧ-инфекции, в структуре преступности данные о привлечении к ответственности за поставление другого лица в опасность заражения либо заражение ВИЧ (ст. 157 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК)) [3] практически отсутствуют. Указанное, на наш взгляд, обуславливается не только высоким уровнем латентности исследуемого преступления, но также несовершенством уголовно-правовой регламентации и проблемами практического применения рассматриваемой нормы.

Незначительная распространенность преступления, предусмотренного ст. 157 УК, вовсе не свидетельствует о небольшой опасности поставления в опасность заражения и заражения ВИЧ. Рост данного заболевания, и в особенности заведомое его распространение инфицированными субъектами, содержит в себе смертельную опасность для людей: от разных причин в Республике Беларусь с момента выявления первого случая ВИЧ-инфекции умерло 4 274 человека, в т.ч. за 7 месяцев 2015 года – 279 человек [2].

Общественная опасность любого преступления напрямую обусловлена его объектом. Многие дискуссионные вопросы в теории квалификации преступлений обусловлены установлением сущности объекта преступления, не имеет однозначного решения и проблема объекта такого преступления, как заражение ВИЧ.

В данной статье обозначается и исследуется ряд вопросов, разрешение которых, на наш взгляд, будет способствовать правильной квалификации заражения ВИЧ как преступления против человека, повышению эффективности правоприменения и, соответственно, усилению уголовно-

правовой охраны таких важнейших общественных отношений, как жизнь и здоровье человека.

В науке уголовного права нет единого подхода к пониманию сущности объекта преступления. Несомненным является тот факт, что объект преступления является обязательным элементом состава преступления, при его отсутствии нельзя вести речь об уголовной ответственности.

В науке уголовного права наиболее распространенным подходом является признание объектом преступления общественные отношения, которым причиняется вред в результате совершения преступления либо создается угроза причинения такого вреда. Под общественными отношениями понимаются определенные социальные связи между субъектами относительно материальных и нематериальных ценностей, общества в целом и отдельных людей [4, с. 87].

По поводу определения объекта исследуемого общественно опасного деяния в научной литературе высказываются различные точки зрения: так, одни авторы утверждают, что объектом заражения ВИЧ будут являться общественные отношения, охраняющие здоровье человека [5, с. 59; 6, с. 63]. Косвенно данную позицию поддерживает законодатель, который расположил ст. 157 УК среди преступлений против здоровья. Другие авторы исходят из того, что объектом заражения ВИЧ необходимо признавать общественные отношения, обеспечивающие защиту как здоровья, так и жизни человека [7, с. 342; 8, с. 264; 9, с. 195].

Для определения содержания объекта заражения ВИЧ, необходимо уяснить сущность ВИЧ-инфекции как заболевания, выявить его основные последствия для организма человека. ВИЧ-инфекция – неизлечимое инфекционное заболевание, при котором поражается и медленно разрушается иммунная система организма, протекающее в несколько стадий (острая инфекция, асимптомная стадия, персистирующая генерализованная лимфаденопатия, синдром приобретенного иммунодефицита человека (далее – СПИД)) [10, с. 16–17]. ВИЧ, попадая в организм человека, распространяется в течение нескольких недель, вызывая некоторые несущественные симптомы. Далее ВИЧ-инфицированное лицо может не испытывать симптомы в течение 5-10 лет, оставаясь при этом зараженным и способным заразить окружающих. ВИЧ-инфекция всегда ведет к четвертой стадии СПИД, которая является смертельной [11, с. 622]. Современные достижения медицины не способны предотвратить течение заболевания, не существует средств для полного излечения инфицированного лица, т.е. невозможно обеспечить сохранность жизни заболевшего.

Таким образом, характерной чертой ВИЧ-инфекции является непосредственная угроза жизни, а не только здоровью. В связи с этим, более обоснованной является точка зрения, согласно которой в объект преступления заражение ВИЧ включаются общественные отношения по поводу жизни и здоровья.

ВИЧ является патогеном ВИЧ-инфекции, т.е. когда вирус иммунодефицита попадает в организм здорового человека, он приводит к

развитию такого заболевания как ВИЧ-инфекция. Руководствуясь данными суждениями, законодатель в 2015 году внес изменения в ст. 157 УК, заменив в диспозиции ч.ч. 1 и 2 ст. 157 УК термин «ВИЧ-инфекция» на термин «ВИЧ» [12]. Это обуславливается некорректным употреблением термина «ВИЧ-инфекция», т.к. виновное лицо поставляет в опасность заражения или заражает не ВИЧ-инфекцией, а соответствующим вирусом, который впоследствии приводит к заболеванию ВИЧ-инфекцией.

В литературе высказывается мнение, что основным объектом рассматриваемого преступления является здоровье человека, а факультативным – жизнь [13, с. 57]. Представляется, что жизнь человека не может рассматриваться в качестве факультативного объекта, т.к. такой объект является дополнительным объектом, которому не всегда причиняется вред. Исходя из характера ВИЧ-инфекции, смертельные последствия являются неизбежным результатом развития заболевания. Если и признавать жизнь в качестве дополнительного объекта, то только обязательного.

Представляется, что к дополнительному объекту заражения ВИЧ следует относить достаточно широкий круг общественных отношений, которым причиняется вред (создается угроза причинения вреда), исходя из наличия всевозможных домыслов и заблуждений, неоднозначного отношения к ВИЧ-инфекции в белорусском обществе. В этой связи в качестве дополнительного объекта рассматриваемого состава преступления могут выступать честь и достоинство потерпевшего, его профессиональная деятельность, брачно-семейные отношения, половая свобода и т.д.

Считаем необходимым отметить, что по своему содержанию объект заражения ВИЧ (ч.ч.2 и 3 ст. 157 УК) не совпадает с объектом поставления в опасность заражения ВИЧ (ч.1 ст. 157 УК). Представляется, что при поставлении в опасность заражения ВИЧ вред причиняется общественным отношениям, обеспечивающим охрану здоровья. Фактически при совершении действий, создающих угрозу заражения ВИЧ, когда само инфицирование не наступает, не создается угроза жизни потерпевшего.

Следует также отграничивать объект заражения ВИЧ (ст. 157 УК) от объекта заражения венерическими заболеваниями (ст. 158 УК), которые по происхождению и механизму передачи весьма схожи с ВИЧ, однако обладают гораздо меньшей опасностью для человека. Как верно отмечает В.Ю. Горовых, в литературе исторически сформировалось два основных подхода к пониманию сущности объекта заражения венерическими заболеваниями: здоровье человека либо его телесная неприкосновенность [14, с. 385]. Большинство авторов достаточно обоснованно в качестве объекта рассматриваемого преступления выделяют общественные отношения, охраняющие здоровье человека [5, с. 53; 15, с. 48; 16, с. 58; 8, с. 255; 7, с. 343; 9, с. 193; 6, с. 64]. В свою очередь объектом заражения ВИЧ являются общественные отношения, охраняющие жизнь и здоровье человека. Очевидным является более широкий круг общественных отношений, которые охраняются ст. 157 УК, что обусловлено большей

общественной опасностью ВИЧ-инфекции по сравнению с венерическими заболеваниями.

Считаем необходимым остановиться на характеристике такого признака объекта заражения ВИЧ как потерпевший. Потерпевшим от заражения ВИЧ может быть любое лицо. При этом не имеет значения пол потерпевшего, его взаимоотношения с виновным лицом и иные характеристики. Законодатель дифференцирует ответственность в зависимости от возраста потерпевшего: так заражение ВИЧ заведомо несовершеннолетнего является квалифицирующим признаком (ч. 3 ст. 157 УК).

Проблема потерпевшего в рассматриваемом преступлении имеет не только теоретический характер, но и практическое воплощение в некоторых проблемах квалификации. Так, не урегулирован вопрос уголовно-правовой оценки деяний лица в отношении потерпевшего, уже зараженного ВИЧ-инфекцией. Представляется, что существенным моментом здесь является осознание виновным лицом факта инфицирования потерпевшего. В уголовно-правовой литературе данной проблеме не уделяется достаточного внимания. По мнению С.С. Власенко, если лицо осознает, что потерпевший является ВИЧ-инфицированным, то уголовная ответственность не должна наступать. Если же виновное лицо считает, что заражает здорового человека, ответственности должна наступать за неоконченное преступление – за покушение на заражение ВИЧ [16, с. 62-63]. В целом данные правила квалификации позволяют справедливо оценить деяния лица, не знающего о заболевании ВИЧ-инфекцией потерпевшего, т.к. применяются правила квалификации при фактической ошибке.

Также является дискуссионным вопрос о возможности ухудшения состояния здоровья уже ВИЧ-инфицированного лица при контакте с другим инфицированным лицом. Во многом данные проблемы носят медицинский характер, тем не менее, отсутствие правил уголовно-правовой регламентации таких ситуаций является пробелом в правовом регулировании уголовной ответственности за заражение ВИЧ. В рассматриваемой ситуации виновного нельзя привлечь к ответственности, т.к. потерпевший уже заражен ВИЧ-инфекцией. Уголовно-правовая оценка ухудшения состояния здоровья потерпевшего от рассматриваемых деяний требует глубокого теоретического анализа, в том числе на основании медицинских исследований. Нерешенным также является вопрос квалификации деяний лица в ситуации, когда оно, имея одну форму ВИЧ-инфекции (ВИЧ-1), совершает действия способные заразить потерпевшего, имеющего иную форму ВИЧ-инфекции (ВИЧ-2, ВИЧ-3 или ВИЧ-4).

Кроме того, в уголовных законах ряда зарубежных стран имеется норма, которая предусматривает возможность освобождения лица от уголовной ответственности за поставление в опасность заражения и заражения ВИЧ при наличии согласия потерпевшего (например, примечание к ст. 122 УК Российской Федерации [17]). Неоднозначный характер подобного специального вида освобождения от уголовной ответственности

обусловлен следующими обстоятельствами. С одной стороны, государство не может лишить отдельное лицо права на создание семьи, материнство и иные неотъемлемые права, т.к. отсутствие должных средств лечения не может влиять на реализацию прав человека в демократическом государстве. С другой стороны, появления еще одного ВИЧ-инфицированного лица представляет опасность для всего общества, т.к. риск заражения возрастает. Некоторые исследователи отмечают, что согласившийся на заражение ВИЧ дает согласие не только на причинение вреда собственному здоровью, но и на то, чтобы впоследствии заключить в себе угрозу для жизни и здоровья окружающих [18, с. 30]. Таким образом, данная проблема также требует самостоятельного исследования.

Большое значение в определении сущности объекта заражения ВИЧ-инфекцией имеет законодательный подход к определению места данного состава в системе преступлений против человека. Как уже отмечалось, заражение ВИЧ (ст. 157 УК) находится среди преступлений против здоровья человека. Учитывая, что непосредственным объектом заражения ВИЧ являются общественные отношения, охраняющие жизнь и здоровье человека, необходимо пересмотреть место данного состава в главе 19 УК «Преступления против жизни и здоровья». Указанное предположение уже высказывалось в науке уголовного права. Так, Л.А. Можайская предлагает поместить рассматриваемый состав сразу после преступлений против жизни, т.к. данное преступление является самым тяжким среди преступлений против здоровья [13, с. 60].

Как правило, в начале глав УК располагаются самые тяжкие умышленные преступления, далее идут менее общественно опасные деяния. В этой связи считаем необходимым провести сравнение санкций заражения ВИЧ (ст. 157 УК), умышленного причинения тяжкого телесного повреждения и иных преступлений против здоровья, т.к. именно в категории преступления «количественно» выражается характер общественной опасности данного преступления, позволяющий утверждать о важности объекта уголовно-правовой охраны. Так, ч. 1 ст. 157 УК (поставление в опасности заражения ВИЧ) является менее тяжким преступлением, ч. 2 ст. 157 УК (основной состав заражения ВИЧ) является тяжким преступлением, а ч. 3 ст. 157 УК (квалифицированный состав заражения ВИЧ) подпадает под признаки особо тяжкого преступления. Основной и квалифицированный составы умышленного причинения тяжкого телесного повреждения (ч.ч.1 и 2 ст. 147 УК) являются тяжким преступлением, особо квалифицированный состав (ч. 3 ст. 147 УК) – особо тяжким преступлением. Умышленное причинение тяжкого телесного повреждения является сопоставимым и даже более тяжким преступлением (максимальное наказание в виде лишения свободы по ч. 3 ст. 147 УК равняется 15 годам, а по ч. 3 ст. 157 УК – 13), чем заражение ВИЧ. Однако иные преступления против здоровья являются менее общественно опасными деяниями, но располагаются перед заражением ВИЧ. Такой подход законодателя свидетельствует об отсутствии системности построения главы 19 УК.

Проведенное исследование позволило прийти к следующим выводам. Объектом заражения ВИЧ являются общественные отношения, охраняющие жизнь и здоровье человека. Такое содержание объекта преступления обусловлено особо опасным характером ВИЧ-инфекции, которая в настоящее время неизбежно приводит к смерти потерпевшего.

В качестве дополнительного объекта заражения ВИЧ могут выступать честь и достоинство потерпевшего, его профессиональная деятельность, брачно-семейные отношения, половая свобода и иные ценности.

Необходимо отметить различия между объектом заражения ВИЧ и поставлением в опасность заражения, при котором объектом являются только общественные отношения, обеспечивающие охрану здоровья, а не жизни и здоровья как при заражении ВИЧ.

Разграничение между объектом заражения ВИЧ и объектом заражения венерическими заболеваниями проводят по содержанию объектов данных преступлений. При заражении венерическими заболеваниями вред причиняется лишь здоровью потерпевшего, без угрозы для его жизни.

Потерпевшим от преступления, предусмотренного ст. 157 УК, может быть любое лицо, независимо от пола, социального статуса, взаимоотношения с виновным лицом и иных характеристики. УК Республики Беларусь дифференцирует ответственность в зависимости от возраста потерпевшего путем установления такого квалифицирующего признака как заражение ВИЧ заведомо несовершеннолетнего (ч.3 ст. 157 УК).

В процессе изучения признаков потерпевшего преступления заражение ВИЧ были выявлены такие проблемы, требующие самостоятельного исследования, как: проблема квалификации деяний лица, заражающего уже инфицированного потерпевшего; проблема необходимости введения примечания к ст. 157 УК, которое будет предусматривать специальное освобождение от уголовной ответственности при наличии согласия потерпевшего на заражение ВИЧ.

Отметим отсутствие системного подхода при расположении заражения ВИЧ в главе 19 УК (Преступления против жизни и здоровья), поскольку рассматриваемое преступление не только является более тяжким, чем большинство преступлений против здоровья, но и посягает, кроме здоровья, также на жизнь человека. Вместе с тем, необходимо подчеркнуть, что внесение изменений в действующий уголовный закон в части систематизации преступлений в главе 19 УК в настоящее время представляется целесообразным только в случае комплексного пересмотра структуры и содержания данной главы.

Список цитированных источников

1. ВИЧ/СПИД. Информационный бюллетень № 360. Июль 2015 года // Всемирная организация здравоохранения. Официальный сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.who.int/mediacentre/factsheets/fs360/ru/>. – Дата доступа: 28.08.2015.

2. Эпидситуация по ВИЧ/СПИД в Беларуси // Единый белорусский веб-портал по ВИЧ/СПИДу [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.aids.by/aids_situation/index.php?ID=962. – Дата доступа: 28.08.2015.

3. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Кодекс Респ. Беларусь, 9 июля 1999 г., № 275-З: принят Платой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 28.04.2015 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.

4. Уголовное право. Общая часть : Учебник / Н.А. Бабий [и др.] ; под ред. В.М. Хомича. – Минск : Тесей, 2002. – 469 с.

5. Борисов, В.И. Преступления против жизни и здоровья: вопросы квалификации / В.И. Борисов. – Харьков : Науч.-произв. коммерч. фирма «Консум», 1995. – 99 с.

6. Уголовное право. Особенная часть : курс лекций / В.А. Круглов. – Минск : Амаффея, 2012. – 592 с.

7. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н.Ф. Ахраменко [и др.] ; под ред. А.В. Баркова, В.М. Хомича. – 2-е изд., с. изм. и доп. – Минск : ГИУСТ БГУ, 2010. – 1064.

8. Коробеев, А.И. Преступные посягательства на жизнь и здоровье человека / А.И. Коробеев. – М. : Юрлитинформ, 2012. – 317 с.

9. Курс уголовного права. Особенная часть. Том 3. Учебник для вузов / под ред. Г.Н. Борзенкова, В.С. Комиссарова. – М. : ИКД Зерцало-М, 2002. – 468 с.

10. Гурман, Е.А. ВИЧ-инфекция / Е.А. Гурман // Мир медицины. – 2007. – № 11. – С. 16–19.

11. Хопкинс, Дж. Симптомы болезней и способы лечения: подробная домашняя медицинская энциклопедия / Дж. Хопкинс: пер. с англ. И.К. Белоченко, под ред. С.Марголиса. – М. : АСТ: Астрель, 2008. – 694 с.

12. О внесении дополнений и изменений в Уголовный, Уголовно-процессуальный, Уголовно-исполнительный кодексы Республики Беларусь, Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях и Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 5 янв. 2015 г., № 241-З // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.

13. Можайская, Л.А. Социально-правовые проблемы профилактики ВИЧ-инфекции/СПИДа: уголовно-правовые и медицинские аспекты : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. / Л.А. Можайская. – Екатеринбург, 1993. – 227 л.

14. Горовых, В.Ю. К вопросу об объекте заражения венерической болезнью / В.Ю. Горовых // Российский криминологический взгляд. – 2009. – № 3. – С. 383–386.

15. Викторов, И.А. Уголовно-правовая ответственность за распространение венерических заболеваний / И.А. Викторов ; под ред. И.С. Ноя. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1980. – 110 с.

16. Власенко, С.С. Уголовно-правовые аспекты противодействия распространению опасных инфекционных заболеваний человека : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / С.С. Власенко. – Краснодар, 2011. – 183 л.

17. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 13 июня 1996 г., № 63-ФЗ : принят Гос. Думой 24 мая 1996 г. : одобр. Советом Федерации 5 июня 1996 г. : в ред. Федер. закона от 25.07.2015 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2015.

18. Лобанова, Л.В. Уголовно-правовое значение возможного заражения ВИЧ-инфекцией / Р.Г. Камнев, Л.В. Лобанова // Российская юстиция. – 2008. – № 3. – С. 30–31.

Дата поступления статьи – 15.09.2015.

Статья посвящена исследованию особенностей объекта заражения вирусом иммунодефицита человека (ст. 157 УК Республики Беларусь) как преступления против человека. В качестве объекта заражения ВИЧ автор выделяет общественные отношения, охраняющие жизнь и здоровье человека. В статье анализируются признаки ВИЧ-инфекции как заболевания, признаки потерпевшего от заражения ВИЧ, констатируются некоторые проблемы квалификации заражения ВИЧ, а также проводится сравнение объекта заражения ВИЧ с объектом поставления в опасность заражения и объектом заражения венерическим заболеванием. Выявляется проблема согласия потерпевшего на заражения ВИЧ как специального основания освобождения от уголовной ответственности. Определяется место заражения ВИЧ в системе преступлений против жизни и здоровья человека.

The article provides an overview of the object of human immunodeficiency virus (Art. 157 of the Criminal Code) as a crime against a person. As an object of HIV transmission the author defines public relations, which protect human life and health. The article analyzes the characteristics of HIV as a disease, the features of the victim infected with HIV, states some of the problems of qualification of HIV infection, conducts a comparison of the object of HIV infection with the object of placing at risk of infection with the object of sexually transmitted infection. The problems on the consent of the victim of HIV infection as specific grounds for exemption from criminal liability is identified in the article. The article identifies the place of HIV transmission as well as the crime in the system of crimes against human life and health.

ПРАВОВОЕ ПОЛЕ ЗАЩИТЫ ПРАВ И СВОБОД ГРАЖДАН В БЕЛОРУССКИХ ЗАКОНАХ

Суховаров К.С.

Начиная с 2006 г. в Беларуси сформировалась устойчивая тенденция сокращения преступности. Тем не менее, в 2014 г. было совершено 92432 преступления, большая часть которых так или иначе связана с нарушением прав и законных интересов граждан. А если принять во внимание еще и латентную преступность, то таких преступлений будет еще больше. В аналогичной ситуации, например, в России ее Уполномоченный по правам человека в своем докладе в 2007 году отмечал, что «...не менее одной четвертой части жителей РФ становились в последние годы жертвами преступлений. При этом только около половины лиц, признанных потерпевшими, воздержались от предъявления гражданского иска о возмещении причиненного вреда. Четвертая часть потерпевших по тем или иным причинам отказались в суде от своих показаний, примерно столько же не явились в суд вообще. Неверие потерпевших в способность суда эффективно защитить их права, законные интересы и личную безопасность – признак неблагополучия в этом важном аспекте правосудия»[1]. В Беларуси, надо полагать, подобные явления не носят столь массовый и острый характер. Однако отрицать их наличие в определенных пределах и в нашей

стране было бы неправильно. К тому же, белорусский законодатель счел возможным вообще не разрабатывать Закон о защите потерпевших и свидетелей, посчитав достаточным продекларировать в ч. 7 ст. 10 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК) следующую норму: «При наличии достаточных данных о том, что потерпевшему, свидетелю, эксперту или иным участникам уголовного процесса, а также членам их семей, близким родственникам и другим лицам, которых они обоснованно считают близкими, угрожают убийством, применением насилия, уничтожением или повреждением имущества либо другими противоправными действиями, орган, ведущий уголовный процесс, обязан в пределах своей компетенции принять предусмотренные законом меры по охране жизни, здоровья и имущества этих лиц». В части такого закона и предусмотренных им мер ст. 70 УПК гласит: «Обеспечение безопасности в виде личной охраны, охраны жилища и имущества защищаемого лица осуществляют органы внутренних дел и государственной безопасности по постановлению (определению) органа, ведущего уголовный процесс»[2]. По нашему мнению, такая отсылочная норма без учета степени общественной опасности для потерпевшего и конкретизации комплекса мер по его защите, а также их соответствующего финансирования носит в определенной мере декларативный характер, не решает и не может решить в должной мере рассматриваемую проблему.

В условиях отсутствия гарантированной защищенности потерпевшего небесспорной является также позиция тех юристов, которые неоправданно и чрезмерно широко трактуют возлагаемые функции и права потерпевшего при уголовном преследовании виновного. «...при совершении преступлений, нарушающих только и исключительно частные интересы, потерпевший должен быть наделен безусловным правом на возбуждение и прекращение уголовного преследования по этой категории преступлений, поскольку они нарушают его *частные интересы* (выделено мною – К.С.). Государство не должно брать на себя функции уголовного преследования, если потерпевший не считает причиненный ему вред достаточным основанием для наказания виновного лица. Такой подход *не противоречит конституционному пониманию уголовного права* (выделено мною – К.С.)» – отмечают Ю. Пудовочкин и Н. Генрих [3, с. 58]. На самом деле потерпевший может так не считать. Ему и его близким родственникам уже могли угрожать применением насилия и другими противоправными действиями. А если учесть еще длительный срок судебного разбирательства, от которых моральный вред только возрастает, а также необходимость собственного участия в доказывании не только факта совершенного против него преступного посягательства, но и размера нанесенного морального вреда, то в таком случае едва ли правомерно утверждать, что все вышеперечисленное «*не противоречит конституционному пониманию уголовного права*».

Такое утверждение находится в прямом противоречии со ст. 2 Конституции Республики Беларусь, которая гласит: «Человек, его права, свободы и гарантии их реализации являются высшей ценностью и целью

общества и государства»[4, с. 39]. Тем не менее, именно данная концепция, к которой склоняются указанные юристы, заложена в основу действующего уголовного законодательства Беларуси. Не может не вызывать сомнение целесообразность того, что, например, в ч. 1 ст. 33 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) перечислено 27 видов преступных деяний, которые влекут уголовную ответственность, но иницируемую только по требованию потерпевшего. В их число вошли даже такие виды преступлений, как истязание (п. 6), изнасилование (п. 8), насильственные действия сексуального характера (п. 9) и др. Частью 2 данной статьи в виде исключения прокурору предоставлено право возбудить по ним уголовное дело лишь в случаях, предусмотренных уголовно-процессуальным законом. Нам представляется, что по любому преступлению, совершенному против человека, должно возбуждаться уголовное дело независимо от желания потерпевшего. Таким образом, не только по требованию потерпевшего, но и во всех других случаях, когда преступное деяние получило огласку, зафиксировано в официальном порядке правоохранительными органами, должно возбуждаться прокурором уголовное дело. Преступление совершено, и оно не должно остаться безнаказанным ни при каких обстоятельствах. Частично можно согласиться с законодателем только в случаях, когда речь идет об уголовном преследовании близких потерпевшего, совершивших кражу, мошенничество, присвоение или растрату, угон транспортных средств или маломерного водного судна, указанных в ч. 6 примечания к главе 24 УК. Это не значит, что любое возбужденное уголовное дело должно обязательно закончиться приговором суда. У обвиняемого должен быть шанс прекратить уголовное преследование в порядке института восстановительного правосудия, путем полной компенсации потерпевшему вреда (ущерба), причиненного преступлением, а также уголовно-правовой компенсации в пользу государства в соответствии со ст. 82 и 88 УК. Вместе с тем, сам факт уголовного преследования, которое в конечном итоге завершилось добровольным возмещением вреда, должно оставаться навсегда в криминальной характеристике виновного и будет служить ему предупреждающим фактором в том, что повторение аналогичного может иметь самые тяжкие последствия.

Уголовный закон должен не только угрожать жесткой карой за посягательства на права и свободу гражданина. Он должен выполнять также функцию защиты имущественных интересов потерпевшего. Известно, что в историческом плане преступления против личности нередко наказывались по принципу талиона – «око за око, зуб за зуб». При этом даже убийство не всегда каралось смертью. Последнюю нередко заменял выкуп семье погибшего, что ей было, несомненно, выгоднее[5, с. 24]. В настоящее время государство может жестко карать в таком случае виновного. Но оно, как правило, не обеспечивает должную имущественную компенсацию вреда, причиненного потерпевшему. При тяжелых последствиях, наступающих в результате совершенного преступления, например, в виде потери гражданином профессиональной или общей трудоспособности, а также в

случае смерти, государство все имущественные обязательства принимает на себя, назначив потерпевшему социальное пособие или пенсию. Но в силу ограниченных экономических возможностей государства (тем более во время мирового финансового и экономического кризиса) эта социальная помощь бывает настолько незначительной, что семья потерпевшего, который был ее единственным кормильцем, нередко оказывается в положении биологического выживания. Таким образом, «... наказание виновного без решения вопросов о возмещении ущерба, на наш взгляд, не достигает цели. Потерпевший как был униженным и оскорбленным, так им и остается» – пишет В.И Комиссаров[6, с. 33]. Мы также полностью разделяем мнение Г.Н. Борзенков о том, что «уголовно-правовая реституция и другие формы сатисфакции должны строиться на принципе полного возмещения вреда, причиненного преступлением имуществу потерпевшего. Это требует от судов более внимательной оценки размера ущерба»[7, с. 34].

В соответствии с ч. 5 ст. 10 УПК в случае причинения преступлением вреда орган уголовного преследования, суд обязан принять меры к обеспечению гражданского иска. Однако действующая практика судопроизводства и его исполнения показала, что сатисфакция и восстановление нарушенных конституционных прав, свобод и законных интересов потерпевшего в порядке гражданского судопроизводства неэффективна по двум причинам. Во-первых, совершено преступление, а не нарушение или проступок, попадающие под юрисдикцию административной или гражданской ответственности. Во-вторых, вынесенный судом приговор в рамках уголовного законодательства может препятствовать или вообще исключить возможность решения главной проблемы, связанной с получением потерпевшим компенсации за понесенный материальный и моральный вред (ущерб). Виновного в такой ситуации целесообразно оставлять на свободе, чтобы он имел возможность работать по специальности и выполнять назначенные ему судом имущественные обязательства перед потерпевшим, обществом и государством. Если потерпевший даже отказывается от получения компенсации за нанесенный ему вред, она все равно должна быть взыскана с виновного и обращена в доход государства. Ни одно преступление против гражданина не должно оставаться безнаказанным. Даже к оценке нанесения легкого телесного повреждения из хулиганских побуждений нужно подходить более щепетильно и не оставлять такие случаи безнаказанными. Это временно ухудшит статистические показатели преступности, но именно при таком подходе может быть радикально сокращена преступность, связанная с посягательствами на права и свободы граждан Беларуси, закрепленные ее Конституцией, которая в этом смысле, на наш взгляд, пока носит декларативный характер.

Эффективная реализация такой меры диктует необходимость введения в уголовное законодательство нового наказания в виде компенсации потерпевшему вреда (ущерба), причиненного преступлением[8, с. 9]. При этом данный вид наказания, призванный защищать конституционные основы прав, свобод, саму жизнь, здоровье и имущество граждан должен иметь особый статус, превалирующий над всеми другими видами уголовных наказаний.

Наказание в виде возмещения(компенсации) потерпевшему вреда, причиненного преступлением, должно применяться в качестве основного или дополнительного во всех случаях, когда этот вред имел место. Весь объем имущественных санкций, нанесенный потерпевшему и государству, должен быть взыскан с преступника в добровольном или принудительном порядке вплоть до возложения ответственности на имеющиеся у него активы (денежные средства, драгоценности, ценные бумаги, движимое и недвижимое имущество и т.п.). Единственным ограничением при назначении виновному указанных санкций может выступать только перечень имущества, на которое не может быть обращено взыскание. При недостатке таких активов и назначении наказания в виде лишения свободы исправительное учреждение должно обеспечить его оплачиваемой работой на полный рабочий день и, как правило, по специальности при ее наличии. Если и в такой ситуации нанесенный вред потерпевшему не компенсируется в полном объеме, то его недостающая часть должна погашаться за счет государства. Именно так решается данная проблема в странах с успешной экономикой. При причинении вреда жизни и здоровью потерпевшему ими предусматривается компенсация из государственных фондов (Австрия, Германия, Англия, Финляндия, ряд штатов США, Япония и др.)[9, с. 146-148]. Нередко государство берет на себя обязательства по выплате потерпевшим от преступлений компенсации вне зависимости от результатов расследования преступления и материального положения осужденного (Франция). Впоследствии государство в регрессивном порядке взыскивает с осужденного все свои затраты по выплате указанного вреда потерпевшему от преступления, то есть помимо основного приговора выносит решение о возмещении ущерба.

По нашему мнению, для обеспечения прав, свобод и законных интересов гражданина, гарантируемых Основным Законом страны, также целесообразно создать Фонд помощи потерпевшим от преступлений. Формирование резервов Фонда должно осуществляться за счет: штрафов, назначаемых в качестве уголовного наказания; уголовно-правовой компенсации, обращаемой в доход государства; средств, получаемых от конфискации имущества, осуществляемой на основании УК; сумм залогов, вносимых в порядке, установленном УПК и обращаемых в доход государства; доходов, получаемых производственным сектором исправительных учреждений, и других источников.

Именно таким образом должна решаться одна из главных задач Концепции совершенствования системы мер уголовной ответственности и порядка их исполнения, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 23 декабря 2010 года № 672, одним из пунктов которой предусмотрено обеспечение прав и законных интересов лиц, пострадавших от преступлений, возмещение им причиненного преступлениями ущерба (вреда), в том числе посредством внесудебного урегулирования конфликтов.

Список цитированных источников

1. Доклад Уполномоченного по правам человека в РФ за 2007 год // Рос. газ. – 2008. – 14 марта.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь: принят Палатой представителей 2 июня 1999 г.: одобрен Советом Республики 24 июня 1999 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 05.01.2015 г. № 241-З // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «Юр. Спектр». – Минск, 2015.
3. Генрих, Н.В., Пудовочкин, Ю.Е. К вопросу о статусе потерпевшего в уголовно-правовых отношениях / Н.В. Генрих, Ю.Е. Пудовочкин // Уголовное право. – 2009. – № 6. С. 55–59.
4. Василевич, Г.А. Конституция Республики Беларусь (научно-практический комментарий). – Мн.: Изд-во «Право и экономика». 2000. С. 488.
5. Насиров, Н.И. Штраф как вид уголовного наказания: уголовно-правовые и уголовно-исполнительные аспекты / Н.И. Насиров // Уголовно-исполнительное право. – 2014. – № 1(17). – С. 24–27.
6. Комиссаров, В.И. Потерпевший – центральная фигура уголовного судопроизводства / В. И. Комиссаров // Российская юстиция. – 2010. – № 9. – С. 32–34.
7. Борзенков, Г. Н. Уголовно-правовая защита интересов потерпевших от преступных посягательств на личную собственность / Г. Н. Борзенков // Вестн. Моск. ун-та. – Сер. 11. Право. – 1984. – № 1. – С. 29–37.
8. Суховаров, К.С. Уголовные наказания имущественного характера как альтернатива лишению свободы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.08 / Суховаров Константин Сергеевич. – Рязань, 2015. – С. 24.
9. Анисимкова, Н.В. Возмещение вреда, причиненного преступлением: уголовно-правовой и уголовно-исполнительный аспекты проблемы: дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.08 / Анисимкова Надежда Валерьевна. – Ставрополь, 2008. – С. 188.

Дата поступления статьи – 23.08.2015.

В статье анализируется действующая законодательная база, связанная с преступными посягательствами на права и свободы граждан. Рассматривается механизм компенсации вреда потерпевшим и государству лицом, совершившим преступление, а также необходимость создания Фонда помощи потерпевшим при несостоятельности преступника компенсировать нанесенный вред.

The article analyzes the existing legislation, connected with the criminal infringement on the human rights and freedoms. The mechanism of harm compensation to the victims and to the state by the criminals is shown, as well as the necessity to create the Fund of assistance to the victims in case of criminal's failure to compensate the caused damages.

КОМПАРАТИВИСТСКИЙ АНАЛИЗ МЕР УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ СЕКСУАЛЬНЫМ ДОМОГАТЕЛЬСТВАМ ДЕТЕЙ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СЕТИ ИНТЕРНЕТ В СТРАНАХ ОБЩЕГО ПРАВА

Топорикова О.О.

В данной статье с использованием синхронного компаративного метода исследуются действующие нормы уголовного законодательства в

государствах семьи общего (англо-саксонского) права, обеспечивающие защиту несовершеннолетних от сексуальных домогательств в сети Интернет. На примерах законодательства Великобритании, Ирландии, США, Австралии, Канады, Новой Зеландии, Шотландии, Острова Мен обобщены основные характеристики, названы признаки рассматриваемых посягательств, влекущие повышенную уголовную ответственность, что позволило определить систему взаимосвязей и взаимозависимостей в развитии мер уголовно-правовой защиты несовершеннолетних от сексуальных домогательств в сети Интернет.

В законодательстве Великобритании в отношении рассматриваемых преступных деяний применяется термин «sexual grooming». В Законе о сексуальных преступлениях Великобритании 2003 г. (Sexual Offences Act 2003) ответственность за указанные действия устанавливается статьей 15 «Встреча с ребенком после установления сексуального доверительного контакта» (Section 15: Meeting a child following sexual grooming etc.) [1]. Согласно данной статье преступными являются умышленная встреча или путешествие с ребенком, не достигшим 16 лет, в любой точке мира, при условии, что преступник ранее общался с ребенком, по крайней мере 2 раза. Например, путем встреч, телефонных переговоров или сообщений в Интернете, посредством установления доверительного контакта с ребенком, получения возможности уговорить ребенка о личной встрече с целью совершения преступления сексуального характера против ребенка. В пункте 27 статьи 15 данного закона к преступным действиям относятся как установление доверительного контакта с ребенком, без откровенно сексуального содержания, так и проведение бесед сексуального содержания, отправка порнографии, совершение сексуальной активности с ребенком, подстрекательство ребенка к сексуальной активности, либо проявление сексуальной активности в присутствии ребенка, призывы ребенка наблюдать половой акт и т.д. Максимальный срок наказания за указанные деяния составляет 10 лет лишения свободы.

Следует отметить, что подраздел 2 (а) рассматриваемой статьи указывает, что предыдущие встречи или общение с ребенком могут иметь место в любой части мира, в том числе охватывается общением с ребенком по электронной почте, телефону из-за рубежа, однако сам факт встречи должен происходить на территории Великобритании или Уэльса, или Северной Ирландии.

При этом доказательствами намерения встречи с ребенком и наличия цели совершения преступления сексуального характера могут быть как переписка в Интернете, так и иные вещественные доказательства, указывающие на намерение совершения посягательств на половую неприкосновенность ребенка, т.е. при наличии условий, свидетельствующих о готовности преступника реализовать свои преступные намерения.

В Ирландии в 2014 году в рамках работы по внедрению в национальное законодательство Директивы ЕС 2004/68/JHA о борьбе с сексуальным насилием и сексуальной эксплуатацией детей и детской

порнографией [2] и подготовке законодательства к ратификации положений Конвенции Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуального насилия [3] был принят в Закон о сексуальных преступлениях 2014 г. (Sexual offences Bill, 2014), которым были определены формы сексуальной эксплуатации детей и установлено наказание за совершение таких действий [4].

В том числе указанным законом введена уголовная ответственность за встречу с ребенком с целью сексуальной эксплуатации (Head 7. «Meeting a child to propose of sexual exploitation»). Состав данного преступления по объективной части фактически аналогичен рассмотренной выше статье 15 Закона о сексуальных преступлениях 2003 г. Великобритании [1]. Потерпевшим является ребенок, не достигший 17 лет. Встреча с ребенком с целью его сексуальной эксплуатации наказывается лишением свободы до 14 лет. Состав формальный, наступление неблагоприятных последствий в виде факта посягательств на половую неприкосновенность ребенка при его сексуальной эксплуатации не является обязательным.

Общение с ребенком путем использования информационных и коммуникационных технологий с целью облегчения его сексуальной эксплуатации криминализовано в статье 8 данного закона (Head 8 «Use of information and communication technology to facilitate sexual exploitation of child»). Указанное преступление может быть совершено путем общения с ребенком, заведомо для виновного, не достигшего возраста 17 лет, посредством информационных и коммуникационных технологий с целью его сексуальной эксплуатации, а также посредством пересылки ребенку сексуально откровенных материалов. Обязательным признаком является цель: облегчение сексуальной эксплуатации ребенка (получение возможности ее совершения). Ответственность за совершение указанных деяний наступает с 18 лет. Наказание дифференцируется в зависимости от вида деяния: до 14 лет лишения свободы - за общение с ребенком с целью его сексуальной эксплуатации, и штраф и (или) 5 лет лишения свободы - за пересылку ребенку сексуально откровенных материалов.

Свод Законов США [5] не использует понятие «grooming» при определении уголовно-наказуемых деяний против половой неприкосновенности и нравственности несовершеннолетних, совершаемых с использованием сети Интернет либо средств связи. Вместе с тем, согласно § 2422 главы 18 Свода Законов США, умышленное использование компьютера или средств связи (в том числе почтовой) для совершения преступлений против половой неприкосновенности или в целях использования несовершеннолетнего в изготовлении порнографии является квалифицирующим признаком, дополнительно закрепленным в отдельных составах, обеспечивающих уголовно-правовую защиту несовершеннолетних от сексуальной эксплуатации. В разделе 18 Свода Законов США можно выделить 9 различных составов преступлений, посягающих на нравственность и половую неприкосновенность несовершеннолетних,

совершение которых возможно путем использования информационных технологий.

В частности, пункт b) § 2422 Свода Законов США к уголовно-наказуемым деяниям относит совершение действий в виде умышленного убеждения, побуждения, принуждения, соблазнения лица, не достигшего 18-лет, к занятию проституцией либо совершению действий сексуального характера, посредством средств связи. За совершение таких действий закон предусматривает наказание в виде штрафа или тюремное заключение на срок не менее 10 лет или пожизненно [6].

§ 2252A главы 110 Свода Законов США, устанавливает ответственность за совершение действий в виде предоставления, передачи, в том числе посредством компьютера материалов порнографического содержания, в том числе детской порнографии, с целей вовлечения несовершеннолетнего в участие в действиях откровенно сексуального характера с последующим запечатлением на визуальных носителях. Данное преступление определяется как самостоятельная форма сексуальной эксплуатации несовершеннолетних. Непременным условием привлечения к ответственности является перемещение несовершеннолетнего или преступника между штатами или государствами, распространение или перевозка материалов любыми способами через границы штатов или государств, в том числе по почте и Интернету.

Наказание за преступление, предусмотренное параграфом 2252A Главы 110 Свода Законов США, дифференцируется в зависимости от возраста потерпевшего и обстоятельств дела, характеристик преступника. По общим составам установлено наказание в виде штрафа или тюремного заключения на срок не менее 5 и не более 20 лет. Для квалифицированных составов в качестве наказания предусмотрено тюремное заключение на срок не менее 15 и не более 40 лет, либо пожизненное заключение.

Квалифицирующими признаками, влекущими повышенную ответственность, являются малолетний возраст потерпевшего (не достигший 12 лет), а также наличие у лица, совершившего преступление, судимости за преступления, связанные с торговлей детьми, сексуальной эксплуатацией и другими злоупотреблениями детьми, преступлениями непристойности (распространение порнографии), половыми преступлениями, а также транспортировкой детей для сексуальной эксплуатации.

В общем виде структуру преступлений, посягающих на половую неприкосновенность и нравственность несовершеннолетних, можно представить в виде следующей схемы.

Структура преступлений против половой неприкосновенности и нравственности несовершеннолетних по Своду Законов США

Глава 17. Преступления непристойности (obscenity)
§1466A – непристойные визуальные представления сексуального насилия в отношении детей (детская порнография) – для привлечения к ответственности применяется § 2252A
§1470 – передача непристойных материалов несовершеннолетним

Глава 109А. Сексуальное насилие
§2243 – сексуальное насилие над несовершеннолетним или подопечным
§2244 – оскорбительный сексуальный контакт
Глава 110. Сексуальная эксплуатация и прочие злоупотребления в отношении детей
§2251 – сексуальная эксплуатация детей
§2252 – некоторые виды деятельности, относящиеся к сексуальной эксплуатации несовершеннолетних
2252А – некоторые виды деятельности, относящиеся к созданию и содержащие детскую порнографию
Глава 117. Транспортировка для незаконной сексуальной деятельности и связанных преступлений
§2422 – принуждение и вовлечение
§2423 – транспортировка несовершеннолетних
§2425 – использование международных средств для передачи информации о несовершеннолетних

В уголовных законах некоторых штатов США также закреплены самостоятельные нормы, определяющие сексуальные домогательства ребенка в сети Интернет в качестве самостоятельного преступления. Например, подобные нормы есть в Своде Законов штата Флорида [7]. Статья 847.0135 устанавливает запрет на использование компьютера и интернет-услуг для соблазнения ребенка с целью получения возможности преступником или третьим лицом совершить с ребенком какое-либо противоправное деяние сексуального характера или иным образом участвовать в сексуальной деятельности с ребенком. Следует отметить, что указанная норма в качестве уголовно-наказуемых деяний также указывает побуждение родителей, опекунов или попечителей на дачу согласия для участия ребенка в любой форме сексуального поведения. Подобные действия определяются как преступление 3 категории, за которое может быть назначен штраф в размере 5 тыс. долларов США, либо лишение свободы на срок не более пяти лет. При этом в качестве отягчающих оснований указывается наличие факта судимости за совершение преступлений против половой неприкосновенности и по ряду других составов.

Свод законов штата Вирджиния содержит § 18.2-374.3. «Использование средств связи для облегчения определенных преступлений, связанных с детьми» квалифицирующей как преступление контакты с детьми как прямые, так и посредством агентств, любых печатных носителей, почте, курьерской службе, либо электронных систем связи, Интернета, компьютерных сетей, радио, иных средств телекоммуникации для целей, связанных с приобретением или поощрение использования несовершеннолетнего для совершения сексуальных преступлений (§ 18.2-

370. Taking indecent liberties with children; penalties) либо для изготовления детской порнографии (§ 18.2-374.1. Production, publication, sale, financing, etc., of child pornography; presumption as to age; severability). Указанные деяния определяются как преступления 6 или 5 категории. Наказание за совершение таких действий дифференцируется в зависимости от возраста потерпевшего (в статье применяется признак заведомости возраста несовершеннолетнего), обстоятельств дела, в том числе цели совершения преступления, характеристик преступника (наличие судимости за преступления против половой неприкосновенности). Санкции предусматривают наказание в виде лишения свободы на срок не менее 5 лет, но не более 30, за посягательство в отношении лица, не достигшего 15 лет, и от 10 до 40 лет при совершении такого посягательства повторно. Также в качестве самостоятельного преступления 6 класса в Своде Законов Вирджинии выделены демонстрация ребенку детской порнографии или домогательство ребенка до 13 лет с целью поощрения совершения действий сексуального характера (§ 18.2-374.4. Свода законов Вирджинии)

В Главе 12 Преступления против здоровья населения и морали (статья 3 «Нравственность и связанные преступления») Свода законов штата Джорджия установлена ответственность за использование компьютерных технологий и электронных средств связи для сексуальной эксплуатации детей (§16-12-10.1), также как преступление сексуального характера определяется деяние в виде непристойного общения с ребенком в возрасте до четырнадцати лет по телефону (§ 16-12-100.3), растление малолетних (§ 16-6-4.) [8].

Соблазнение ребенка, а также домогательство с целью совершения полового преступления, осуществляемые с использованием компьютерной системы, в Канаде являются уголовно наказуемым деяниями [9]. Параграф 172.1 Luring a child Уголовного закона Канады устанавливает ответственность за соблазнение с использованием компьютерной системы несовершеннолетнего, не достигшего восемнадцати лет, для того, чтобы облегчить совершение ряда преступлений. Отличие данной нормы от ранее рассмотренных составов состоит в разграничении преступных деяний, совершение которых является целью соблазнения, в зависимости от возраста потерпевшего. В рассматриваемом составе выделено три возрастных категории несовершеннолетних: лицо, не достигшее восемнадцати лет, лицо, не достигшее шестнадцати лет, и лицо, не достигшее четырнадцати лет. При том, например, за ненасильственные половые преступления ответственность для каждой из указанных категорий несовершеннолетних установлена в рамках самостоятельного состава, что, соответственно, позволяет более четко дифференцировать деяния в параграфе 172.1. В качестве обязательного условия определения виновности деяний в законе отмечено осознание преступником возраста несовершеннолетнего. Не является виновным лицо, которое предприняло разумные меры для установления возраста лица, с которым ведет переписку.

В качестве цели соблазнения, которую преступник стремится достичь, в параграфе 172.1 Уголовного закона Канады указаны половые преступления, преступления против общественной морали и нравственности. В том числе целями соблазнения являются: похищение человека, сексуальная эксплуатация несовершеннолетнего, в которую входит подстрекательство (прямо или косвенно) несовершеннолетнего к совершению действий сексуального характера как с виновным, так и с иным лицом; принуждение к совершению действий сексуального характера, посредством использования виновным доверия, власти или иной зависимости несовершеннолетнего; развратные действия; непристойные действий (экспозиция в общественном месте); вовлечение в проституцию; распространение несовершеннолетним порнографии (при этом в отмечается, что указанное преступление также совершается с целью облегчить совершение половых преступлений), а также насильственные действия сексуального характера, в том числе повлекшие тяжкие последствия или смерть потерпевшего либо связанные с применением оружия.

Параграф 172.2 Agreement or arrangement — sexual offence against child Уголовного закона Канады устанавливает ответственность в виде лишения свободы от 1 до 14 лет за получение расположения несовершеннолетнего посредством средств телекоммуникации с целью совершения против него ранее указанных преступлений.

Канадские исследователи указывают, что указанными составами криминализировано в «зачаточном» виде преступное деяние, которое предшествует сексуальным преступлениям. При этом для привлечения к ответственности не требуется факта сексуального преступления, в том числе действительной встречи виновного и потерпевшего, а также наличия объективной возможности виновного совершить указанные преступления [10].

Федеральный Уголовный Кодекс Австралии 1995 г. (Criminal Code Act 1995 (Cth)), в 2004 году был дополнен рядом телекоммуникационных преступлений. В том числе статьями 474.26 «Using a carriage service to procure persons under 16 years of age» и 474.27 «Using a carriage service to «groom» persons under 16 years of age» [11].

Согласно статье 474.26 Федерального Уголовного кодекса Австралии, уголовно наказуемым является использование информационно-телекоммуникационных технологий для общения с лицами, не достигшими 16 лет, с целью поощрения, соблазнения, побуждения или принуждения (путем использования угроз) к совершению с ним действий «сексуальной активности». При этом указывается, что иные действия сексуального характера можно реализовать не только путем физического контакта. Уголовно-наказуемыми также является склонение несовершеннолетнего к проявлению «сексуальной активности» в присутствии преступника или иного лица. За совершение данного преступления предусмотрено наказание в виде лишения свободы сроком до 15 лет.

Статья 474.27 устанавливает уголовную ответственность за так называемое «приискание» и растление несовершеннолетнего в информационной среде (grooming). Преступными считаются общение с ребенком посредством информационно-коммуникационных технологий с целью облегчения реального доступа к ребенку для осуществления с ним в дальнейшем сексуальной деятельности. В состав данного преступления, в отличие от статьи 474.26, входят действия в виде передачи сообщений, информации «неприличного» содержания (порнографии). За совершение такого преступления предусмотрено наказание в виде лишения свободы сроком до 12 лет и до 15 лет, в случае, если несовершеннолетний проявляет «сексуальную активность» в присутствии преступника или иного лица, либо имеет место изготовление детской порнографии.

В Закон о преступлениях 1900 года Нового Южного Уэльса (New South Wales Consolidated Acts CRIMES ACT 1900) [12] в раздел половые преступления против детей в 2009 году была включена статья 66 EB «Procuring or grooming child under 16 for unlawful sexual activity», устанавливающая ответственность за «приискание» и растление детей, в том числе с использованием информационных технологий, для осуществления с ними в дальнейшем сексуальных действий. В качестве отягчающих признаков законодателем использован возраст потерпевшего: в случае если потерпевший не достиг возраста 14 лет, назначается наказание в виде лишения свободы на срок до 15 лет, и 12 лет, если потерпевший старше 14 лет.

Близкой по смыслу является и 218A «Using internet etc. to procure children under 16» уголовного кодекса штата Квинсленд (Австралия) (CRIMINAL CODE Queensland Consolidated Acts)*, предусматривающая наказание в виде лишения свободы на срок до 14 лет, при совершении контактов с использованием информационных технологий и Интернета с детьми, не достигшими 12 лет, а также 10 лет лишения свободы за совершение таких действий в отношении детей, не достигших 16 лет.

Уголовный кодекс Новой Зеландии в 2005 году был дополнен статьей 131B Meeting young person following sexual grooming, etc., которой установлена ответственность за встречу с лицом, не достигшим шестнадцати лет, договоренность о которой достигнута в результате предыдущего общения преступника и несовершеннолетнего, посредством которого преступник убеждает несовершеннолетнего встретиться и получает согласие на совершение с ним определенных действий. Целью встречи является совершение половых преступлений против несовершеннолетнего либо преступлений, направленных на сексуальную эксплуатацию несовершеннолетнего (в том числе изготовление порнографии), незаконную трансплантацию или рабский труд [14]. За совершение указанных

* The Criminal Code Act 1899, Queensland Consolidated Acts: (Qld Australia) [Electronic resource] // Australasian Legal Information Institute. – Mode of access: http://www.austlii.edu.au/au/legis/qld/consol_act/cc189994/s218a.html – Date of access: 04.04.2015

преступных деяний статьей 131В предусматривается наказание до 7 лет лишения свободы.

В Шотландии в 2005 году был принят Закон о защите детей и предупреждении сексуальных преступлений статья 1 которого криминализовала встречу с ребенком после предварительного контакта. Согласно указанной статье лицо совершает преступление, если намеренно общается (хотя бы один раз) с ребенком, не достигшим шестнадцати лет, с целью достижения согласия о встрече, и при этом намерен участвовать в незаконной сексуальной деятельности в присутствии указанного несовершеннолетнего, либо совершить с ним действия сексуального характера [15].

Статья 18 Акта о сексуальных преступлениях 1992 года Острова Мен предусматривает наказание до 7 лет лишения свободы за сводничество (общение) с лицом, не достигшим восемнадцати лет, для совершения полового акта. Статья 18A Meeting a person under 16 following sexual grooming etc. устанавливает ответственность за встречу с лицом, не достигшим шестнадцати лет после сексуального ухаживания, во время которой преступник намеревается совершить половые преступления против несовершеннолетнего [16].

Таким образом, проведя краткий обзор положений уголовных законов стран общего права, устанавливающих ответственность за посягательства на нравственность и половую неприкосновенность несовершеннолетних, совершаемые с использованием информационных и коммуникационных технологий, можно выделить следующие основные характеристики:

1. К рассматриваемой группе приготовительных преступных деяний законодателями стран общего права единообразно относятся такие деяния как:

общение (контакты) с ребенком с использованием информационных технологий с целью совершения с ним преступлений сексуального характера;

домогательства ребенка с целью совершения с ним преступлений сексуального характера;

встреча с ребенком, последовавшая после общения (контакта), совершенного с использованием информационных технологий, с целью совершения с ним преступлений сексуального характера.

2. Общение (контакты) с ребенком с использованием информационных технологий с целью совершения преступлений сексуального характера может быть реализовано как путем установления доверительного контакта с ребенком без сообщения ему информации сексуального характера, так и посредством проведения бесе сексуального содержания, демонстрации, пересылки порнографии, совершения действий сексуального характера в присутствии ребенка, призывах ребенка наблюдать половой акт и т.д. Указанные действия по своей сути близки к применяемому в национальном законодательстве понятию развратные действия. Специфическим отличием является то, что в основном, в отличие

от развратных действий, указанные действия совершаются преступником для того чтобы облегчить совершение с несовершеннолетних действий сексуального характера либо иных форм сексуальной эксплуатации (использования для изготовления порнографии, детской проституции).

3. Домогательство с целью совершения действий сексуального характера в отношении несовершеннолетнего, как и встреча с ребенком, происходящая после общения, отнесены к уголовно-наказуемым деяниям. Указанные составы являются формальными, для привлечения к ответственности не требуется факта сексуального преступления, в том числе, в ряде случаев, факта действительной встречи виновного и потерпевшего, а также наличия объективной возможности у виновного совершить преступные посягательства.

4. Способ совершения преступления (путем использования компьютерных, информационных технологий) указывается в качестве обязательного конструктивного признака объективной стороны, либо криминализуется в рамках самостоятельной нормы.

5. Сформирован единый подход наказуемости предварительной преступной деятельности в виде приискания (приготовления) детей к сексуальной эксплуатации. В большинстве случаев ответственность за указанные деяния, являющиеся по существу приговорительной деятельностью к совершению более тяжких деяний (например, сексуальной эксплуатации детей, в том числе насильственных действий сексуального характера, изготовлении детской порнографии и др.), установлена в виде «усеченных» составов. Ответственность наступает даже без наличия последствий.

6. Несовершеннолетний возраст потерпевшего закреплен в качестве составообразующего признака или квалифицирующих признаков (в качествеотягчающего обстоятельства). Возрастная граница градации уголовно-значимого возраста потерпевшего колеблется до 12 (14) лет для квалифицированных составов, а для общего состава - до 16 (18) лет.

7. Обязательным признаком объективной стороны является осознание виновным возраста потерпевшего (заведомость). При этом в большинстве случаев законодателями четко прописывается в каких случаях лицо, общающееся с детьми в сети Интернет, не будет нести ответственность (в том числе, в случае, если виновный предпринял реальные меры для установления возраста потерпевшего, либо, например, если имел место «фиктивный» несовершеннолетний, т.е. имела место провокация преступления).

7. Цель, которую преследует преступник, совершая противоправные деяния (с целью: растления несовершеннолетнего; совершения сексуальных действий; изготовления детской порнографии), является обязательным признаком субъективной стороны.

8. Имеет место выделение многочисленных «специальных» субъектов как на основе социального статуса виновного, так и на основе дифференцированных отношений зависимости преступника и жертвы;

9. В отношении указанных преступлений в англо-саксонском праве возможна только умышленная форма вины.

10. Рассмотренные составы охраняют тождественные общественные отношения, обеспечивающие защиту прав и интересов несовершеннолетних, поскольку преждевременное начало сексуальной жизни может нанести вред нравственному, физическому, психическому развитию несовершеннолетних.

Список цитированных источников

1. Sexual Offences Act 2003 (GB) [Electronic resource] // The National Archives on behalf of HM Government. – Mode of access: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2003/42/notes/division/5/1/15> – Date of access: 15.09.2015;

2. Directive of the European Parliament and of the Council on combating the sexual abuse and sexual exploitation of children and child pornography, and replacing Council Framework Decision 2004/68/JHA [Electronic resource] // European Commission. – Mode of access: http://ec.europa.eu/anti-trafficking/legislation-and-case-law-eu-legislation-criminal-law/directive-201192eu_en. – Date of access: 15.09.2015;

3. Council of Europe Convention on the Protection of Children against Sexual Exploitation and Sexual Abuse. [Electronic resource]: [Lanzarote, 25.X.2007] // Council of Europe. – Mode of access: <http://conventions.coe.int/Treaty/EN/Treaties/Html/201.htm>. – Date of access: 15.09.2015;

4. Criminal law (sexual offences) Bill 2014 (Ireland) [Electronic resource] // Australasian Legal Information Institute. – Mode of access: http://www.austlii.edu.au/au/legis/nsw/consol_act/ca190082/s66eb.html – Date of access: 15.09.2015;

5. U.S. Code, title 18, part 1, [Electronic resource] // legal information institute (law.cornell.edu). – Mode of access: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/18/part-I> - Date of access: 15.09.2015;

6. U.S. Code, title 18, part 1, chapter 117, § 2422 [Electronic resource] // legal information institute (law.cornell.edu). – Mode of access: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/18/2422> Date of access: 15.09.2015;

7. The 2014 Florida Statutes, § 847.0135 Computer pornography; prohibited computer usage; traveling to meet minor; penalties [Electronic resource] // The Florida Legislature – Mode of access: http://www.leg.state.fl.us/statutes/index.cfm?App_mode=Display_Statute&Search_String=&URL=0800-0899/0847/Sections/0847.0135.html - Date of access: 15.09.2015;

8. Code 2014, The State of Georgia § 16-12-100.1 Electronically furnishing obscene material to minors [Electronic resource] // LexisNexis – Mode of access: <https://www.lexisnexis.com/hottopics/gacode>. - Date of access: 15.09.2015;

9. Criminal Code, RSC 1985 (Canada), c C-46, [Electronic resource] // The Canadian Legal Information Institute. – Mode of access: <http://www.canlii.org/en/ca/laws/stat/rsc-1985-c-c-46/> - Date of access: 15.09.2015

10. R. v. Folino, 2005 CanLII 40543 (ON CA) [Electronic resource] // The Canadian Legal Information Institute. – Mode of access: <http://www.canlii.org/en/on/onca/doc/2005/2005canlii40543/2005canlii40543.html#par25>. - Date of access: 15.09.2015;

11. Australasian Criminal Code Act 1995 (Cth) [Electronic resource] // Australasian Legal Information Institute. – Mode of access: http://www.austlii.edu.au/au/legis/cth/consol_act/claoaoma22004729/sch1.html – Date of access: 15.09.2015;

12. CRIMES ACT 1900, New South Wales Consolidated Acts: (Australia) [Electronic resource] // Australasian Legal Information Institute. – Mode of access: http://www.austlii.edu.au/au/legis/nsw/consol_act/ca190082/s66eb.html – Date of access: 15.09.2015;

13. The Criminal Code Act 1899, Queensland Consolidated Acts: (Qld Australia) [Electronic resource] // Australasian Legal Information Institute. – Mode of access: http://www.austlii.edu.au/au/legis/qld/consol_act/cc189994/s218a.html – Date of access: 15.09.2015;

14. Crimes Act 1961 New Zealand [Electronic resource] // New Zealand legislation. – Mode of access: <http://www.legislation.govt.nz/act/public/1961/0043/latest/DLM329200.html> – Date of access: 15.09.2015;

15. Protection of Children and Prevention of Sexual Offences (Scotland) Act 2005 [Electronic resource] // [legislation.gov.uk](http://www.legislation.gov.uk). – Mode of access: <http://www.legislation.gov.uk/asp/2005/9/crossheading/meeting-a-child-following-certain-preliminary-contact> Date of access: 15.09.2015;

16. Sexual Offences Act 1992 Isle Man. [Electronic resource] //The Isle of Man Legislation. – Mode of access: http://legislation.gov.im/cms/images/LEGISLATION/PRINCIPAL/1992/1992-0006/SexualOffencesAct1992_1.pdf. – Date of access: 15.09.2015.

Дата поступления статьи – 10.09.2015.

В данной статье автором анализируются положения уголовного законодательства государств семьи общего (англо-саксонского) права, устанавливающие ответственность за посягательства на нравственность несовершеннолетних, совершаемых с использованием сети Интернет (кибер-груминг), выделяются критерии и признаки криминализации таких противоправных деяний, названы признаки, влекущие повышенную уголовную ответственность.

In the given article the author analyzes positions of the penal legislation of the states with the family (English-Saxon) common law, which establish responsibility for infringement on moral of the minors made with the use of the Internet (cybergrooming). The criteria and the signs of criminalization of such illegal acts as well as the signs dragging criminal responsibility are also named in the article.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ДЕЙСТВИЯ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ (КОММЕНТАРИИ, ЛАЙКИ, РЕПОСТЫ)

Шакель Н.В.

Новые технологии коренным образом изменили деятельность по поиску, сбору и распространению информации и иных материалов. По некоторым оценкам, в ближайшем времени у каждого человека будут заведены учетные записи или аккаунты (с англ. *account* - счет), причем в нескольких различных социальных сетях. На постсоветском пространстве наиболее популярными являются «В контакте» (более 200 миллионов аккаунтов), «Одноклассники» (около 40 миллионов пользователей), «Фейсбук» (более 11 миллионов пользователей). Вместе с тем, развиваются

и иные сети. Так, «LinkedIn» основана на поддержании профессиональных контактов. Есть сети, которые пропагандируют определенные религиозные ценности. Например, в Бразилии создана социальная сеть «Facegloria» (более 100 000 пользователей), в которой запрещены ругань и любые материалы, которые могут быть квалифицированы как «эротические», а кнопка «Like» (мне нравится, с англ. «like» - нравится) заменена на «Аминь». В 2013 году была запущена социальная сеть для мусульман «Ummaland» (более 300 000 пользователей), которая включает в себя расширенные настройки приватности для женщин и ежедневные исламские вдохновляющие цитаты. Как отмечает создатель данной сети, «Ummaland создан на исламских ценностях, не для бессмысленной болтовни, хвастовства, сплетен и злословия» [1].

В связи с появлением новых общественных отношений, вызванных стремительным технологическим развитием, возникла необходимость их упорядочения. Изначально господствующей была идея саморегулирования, гласившая, что в трансграничной сети Интернет не может властвовать право какого-либо определенного государства. Так как государства не могут разграничить свою юрисдикцию в нематериальной цифровой сфере, они не могут и осуществлять какие-либо государственно-властные полномочия. Интернет представлялся пользователям местом, где не действуют законы. Считалось, что все в нем происходящее не может и не должно быть наказуемо ни в одном государстве, т.к. ни одна страна не владеет Интернетом.

Позже маятник качнулся в иную сторону, и все чаще стали высказываться идеи о создании Интернет-права (Даниленков А.В. [2], Рассолов И.М. [3]) или информационного права (Ловцов Д.А., Тедеев А.А. [4], Копылов В.А.[5]). Данная концепция основывалась на том, что свойства цифровой техники, особенности новых технологий, в том числе простота копирования и скорость распространения материалов, сложности с поиском и наказанием нарушителей, в том числе за рубежом, неприспособленность законодательства к новым реалиям требуют комплексного решения, в качестве которого виделось создание массива норм, регламентирующих все возможные аспекты сетевой деятельности (или его выделения из действующих правоустановлений). Вместе с тем, к настоящему времени рассматриваемая идея во многом себя изжила, в том числе и по причине стремительного развития соответствующих правоотношений.

Как показала история и практика развития правоотношений в сети Интернет, основная проблема заключалась в уяснении сущности происходящих в цифровой среде процессов. Их сложность для обычных граждан обуславливала две крайности – и полное отрицание возможности действия норм права в цифровой среде, и желание все детально урегулировать. Сегодня же, когда масштабное использование Интернета стало знакомой и понятной значительному числу лиц реальность, правоприменители большинства государств без особых трудностей адаптируют действующие нормы своего законодательства (путем

толкования или внесения небольших изменений) к новым складывающимся условиям. Безусловно, в действующее законодательство различных государств, в том числе Республики Беларусь, вносятся изменения (например, появляются нормы об охране компьютерной информации от несанкционированного доступа, четче прописывается регулирование использования произведений в цифровой форме, в том числе компьютерных программ и баз данных). Однако все это происходит в рамках развития имеющихся отраслей права. Как отмечает Е.Б.Леанович, нет необходимости разрабатывать новые принципы правового регулирования Интернет-отношений, напротив, такие отношения следует «локализовать» и «ввести» в сложившуюся правовую систему, раскрыв более широко имеющиеся понятия и решая, например, проблемы электронных сделок – в рамках гражданского права, доменных имен – в рамках законодательства о товарных знаках, юрисдикции в Интернет-спорах – в процессуальном законодательстве, при необходимости незначительно (самым необходимым образом) изменяя соответствующие нормативные акты [6].

Вместе с тем, и сегодня многие пользователи Интернета, особенно начинающие, сохраняют уверенность в том, что их действия в сети являются анонимными и не нарушают законодательства каких-либо государств. Не понимая до конца юридические и технические аспекты использования новых технологий, они систематически осуществляют действия, которые по своей сути являются нарушающими законодательство, а впоследствии – привлекаются к гражданской, административной или даже уголовной ответственности.

Как демонстрируют примеры из практики, далеко не все пользователи осознают, что размещение определенных текстовых, фотографических и иных материалов в сети Интернет является незаконным.

Так, в сентябре 2015 г. сотрудниками милиции в г. Минске был задержан мужчина, который размещал в социальных сетях на сайтах знакомств фото своего полового органа. Целью этого являлось привлечение внимания девушек для последующего знакомства с ними. Возбуждено уголовное дело по ч. 2 ст. 343 «Изготовление и распространение порнографических материалов или предметов порнографического характера» Уголовного кодекса (далее – УК) Республики Беларусь. Указанная статья прямо запрещает изготовление либо хранение с целью распространения или рекламирования либо распространение, рекламирование, трансляцию или публичную демонстрацию порнографических материалов, печатных изданий, изображений, кино-, видеофильмов или сцен порнографического содержания, иных предметов порнографического характера с использованием глобальной компьютерной сети Интернет, иной сети электросвязи общего пользования либо выделенной сети электросвязи.

Но еще более часто привлечение к ответственности обусловлено совершением действий, которые воспринимаются как неотъемлемая часть использования цифровых сетей: оставление комментариев, лайки, репосты.

Следует отметить, что в силу технических особенностей социальных сетей, если лицо комментирует какой-либо материал, то его копия автоматически сохраняется на странице пользователя. Впоследствии на эту страницу могут зайти иные пользователи и ознакомиться с текстом. Значительное количество пользователей полагает, что правоохранительные органы оценивают исключительно текст комментария (наличие в нем клеветы, ненормативной лексики и т.п.), тогда как сам факт его оставления не имеет правового значения. Обращаем внимание, что в определенных ситуациях содержание комментария к материалу не будет иметь значения, так как оцениваться будет только факт копирования материала на страницу лица.

Так, в 2015 г. жительница г. Гомеля была привлечена к ответственности по ч. 2 ст. 343 УК Республики Беларусь за комментарий под порнороликом следующего содержания: «Фу, какая гадость» [7]. Данные действия были расценены правоохранительными органами как распространение порнографии.

В ряде социальных сетей аналогичным образом, т.е. с совершением копирования материала на страницу пользователя, действует нажатие на кнопки «мне нравится» или «лайк» (с англ. Like - любить, нравиться). Пользователь может этого не знать и не иметь умысла на распространение определенного контента. Более того, на соответствующую кнопку можно нажать случайно.

В отечественной практике имеются случаи привлечения к уголовной ответственности за лайки. Житель г. Лида просматривал в социальной сети «ВКонтакте» порноролики, после чего нажимал кнопку «нравится». В свое оправдание он, ссылаясь на недостаточный опыт в использовании компьютерной техники, пояснял, что не подозревал, что осуществляемые им действия влекут автоматическое копирование информации на страницу. Суд признал его виновным в хранении с целью распространения, распространении порнографических материалов, совершенном с использованием глобальной компьютерной сети Интернет, наказав лишением свободы сроком на два года с отсрочкой исполнения на год [8].

В отношении «лайков» следует обратить внимание и на тот факт, что в большинстве случаев они воспринимаются и пользователями, и правоохранительными органами как выражение поддержки определенному материалу или информации, его одобрение. Это также может повлечь привлечение к ответственности по различным статьям УК Республики Беларусь (например, по ст. 130 «Разжигание расовой, национальной или религиозной вражды или розни»).

Следует отметить, что ст. 282 УК Российской Федерации («Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства»), запрещающая действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-

либо социальной группе, совершенные публично или с использованием средств массовой информации, в 2014 году была дополнена прямым запретом совершать соответствующие действия в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети «Интернет» [9].

О целенаправленном желании пользователя распространить определенную информацию свидетельствуют и так называемые «репосты» (осуществляются путем нажатия на клавиши «поделиться», «share», «рассказать друзьям» и т.п.).

В связи с изложенным, обратим внимание на еще один немаловажный аспект, который касается используемой терминологии. Достаточно часто и правоохранительные органы, и средства массовой информации говорят о распространении определенных объектов или информации в сети Интернет.

В целом термин «распространение», используемый в УК, имеет достаточно широкое значение. По сути, данное понятие включает в себя все действия, которые связаны с доведением определенных сведений, информации, данных или объектов до третьих лиц. Например, ст. 129 УК запрещает производство, накопление либо распространение запрещенных средств ведения войны. Статья 198 УК запрещает воспрепятствование в какой бы то ни было форме законной профессиональной деятельности журналиста либо *принуждение его к распространению или отказу от распространения информации*, совершенные с применением насилия или с угрозой его применения, уничтожением или повреждением имущества, ущемлением прав и законных интересов журналиста. Статья 249 УК запрещает *распространение* индивидуальным предпринимателем или должностным лицом юридического лица в рекламе, средствах массовой информации и иным способом заведомо ложных сведений, наносящих вред деловой репутации конкурента. Частью 2 ст. 201 УК Республики Беларусь запрещено незаконное *распространение* или иное незаконное использование объектов авторского права, смежных прав или объектов права промышленной собственности, совершенные в течение года после наложения административного взыскания за такое же нарушение или сопряженные с получением дохода в крупном размере.

Вместе с тем, для отношений, связанных с созданием копий цифровых объектов в социальных сетях (после комментирования, проставления «лайка» или репоста) более верным представляется использование терминов «воспроизведение», «изготовление» или «создание копии». Именно последние понятия используются в авторском праве, что позволяет четко определить осуществляемые действия. Так, Закон Республики Беларусь «Об авторском праве и смежных правах» в качестве одного из способов использования произведения называет его *распространение*, осуществляемое посредством *продажи или иной передачи права собственности* на произведение или его экземпляр [10]. В свою очередь под *воспроизведением* понимается *изготовление экземпляра* объекта в любой форме, в том числе цифровой [10].

Исходя из технических особенностей сети Интернет, при оставлении комментариев, нажатии на клавиши «лайк» или «репост» не происходит передачи права собственности на соответствующий цифровой объект. Он остается на изначальной странице, и одновременно создается его копия на странице пользователя. Такие действия по своей сути являются воспроизведением. В качестве возможного решения проблемы представляется возможным уточнить содержание рассмотренных правовых актов и иных актов законодательства Республики Беларусь с целью выработки единообразной терминологии

В заключение отметим, что использование цифровых технологий, сети Интернет требует от пользователей социальных сетей проявления осмотрительности не только при размещении той или иной информации. Необходимо оценивать содержание материала, который комментируется или иным образом копируется на свою страницу в социальной сети. Следует учитывать, что активность правоохранительных органов, в том числе зарубежных, в данной сфере достаточно высока. Этому способствует как трансграничность сети Интернет, так и технологические возможности по длительному архивному хранению информации даже после ее удаления пользователем.

Список цитированных источников

1. Богачева, Т. Религиозные социальные сети [Электронный ресурс] / Т. Богачева. Luminota. Режим доступа: / <http://www.luminota.com/ru/Религиозные-социальные-сети/>. – Дата доступа: 18.07.2015.
2. Даниленков А.В. Интернет-право [Электронный ресурс] / А.В. Даниленков. – 2014. – М.: Юстиц-информ. – 314 с.
3. Рассолов И.М. Право и интернет [Электронный ресурс] / И.М. Рассолов. – Режим доступа: http://www.telecomlaw.ru/infolaw/ras_pravo_i_net.pdf. – Дата доступа: 18.06.2015.
4. Тедеев А. А. Предмет информационного права в условиях интернета [Электронный ресурс] / А.А. Тедеев // «Информационное право»: Журнал. – М.: Издательская группа «Юрист», 2006. — № 3. <http://www.recoveryfiles.ru/laws.php?ds=3278>
5. Копылов, В.А. Информационное право [Электронный ресурс] / В.А. Копылов. – 2002. – Режим доступа: http://www.telecomlaw.ru/infolaw/ras_pravo_i_net.pdf. – Дата доступа: 18.06.2015.
6. Леанович, Е.Б. Проблемы правового регулирования Интернет-отношений с иностранным элементом [Электронный ресурс] / Е.Б. Леанович. - Белорусский журнал международного права и международных отношений. – 2000 – № 4. – Режим доступа: <http://evolutio.info/content/view/385Itemid=51/>. – Дата доступа: 16.07.2015.
7. За комментарий под порнороликом гомельчанка получила уголовную статью в биографию [Электронный ресурс] // Администрация Советского района г. Минска. – Режим доступа: www.sovadmin.gov.by/index.php?option=com_content&view=article&id=5697. – Дата доступа: 25.08.2015.
9. Жителя Лиды осудили за размещение в социальной сети «ВКонтакте» роликов порнографического характера» [Электронный ресурс] // Лидская газета. – Режим доступа: <http://lidanews.by/news/r1/pr1/4556-zhitelija-lidy-osudili-za-razmeschenie>. – Дата доступа: 18.07.2015.

10. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федер. Закон, 28.06.2014, № 179-ФЗ // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс».

11. Об авторском праве и смежных правах [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь от 17.05.2011 N 262-З // КонсультантПлюс: Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. - Минск, 2015.

Дата поступления статьи – 15.09.2015.

В настоящей статье автор рассматривает вопросы, связанные с использованием социальных сетей. Сегодня учетные записи в социальных сетях сегодня существуют у значительного числа лиц. Вместе с тем, зачастую они не обладают требуемыми знаниями о том, какие действия могут повлечь ответственность. В настоящее время в Республике Беларусь имеются примеры привлечения к уголовной ответственности за комментарии, лайки и репосты в социальных сетях, в результате чего определенный материал копировался на страницу пользователя. Такие действия, например, признавались распространением порнографии. В статье автором рассмотрены некоторые примеры, проанализирован понятийный аппарат, сделаны рекомендации для пользователей.

Issues connected with using social networks are studied in the article. A lot of people nowadays have accounts in social networks. Nonetheless, sometimes they are lack of necessary information whether their actions can lead to responsibility or not. Nowadays in the Republic of Belarus there are examples of criminal liability for comments, likes and reposts that lead to copying the material to user's page. Such actions, for example, were considered as pornography distribution. The author studies some examples, analyzes terminology and makes recommendations for users in the article.

О НАЧАЛЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА

Швед Н.А.

Рассматривая жизнь человека как непосредственный объект преступлений против жизни, важно определить момент ее начала. В первую очередь, следует различать понятия «жизнь как биологический процесс» и «жизнь как объект уголовно-правовой охраны». О начале жизни как биологическом процессе в последнее время говорят с момента зачатия или с несколько более позднего периода, когда органы человеческого зародыша полностью сформировались. Вместе с тем, жизнь как объект уголовно-правовой охраны не совпадает с биологическим подходом. Уголовное право исходит из того, что пока плод находится в утробе матери, он является частью ее организма и причинение ему вреда признается причинением вреда здоровью беременной женщины.

Сложность разрешения проблемы о начале жизни заключается в том, что рождение человека, с которым большинство авторов связывают начало жизни, представляет собой не одномоментный акт, а длительный процесс, каждый отрезок времени которого можно расценивать как свидетельство появления и начала человеческого существования. Как справедливо отмечает Т.А. Плаксина, медицина имеет дело с процессами (процессом рождения, процессом умирания, процессом внутриутробного развития и т.д.), а праву важны моменты (момент начала жизни, момент ее завершения или момент смерти) [1, с. 23.].

В современной медицине роды рассматриваются как сложный многозвеньевой процесс, продолжительность которого составляет от 10 до 20 часов в зависимости от первичности или повторности родов. С медицинской точки зрения период родов – это длительный физиологический процесс, который по своей продолжительности не совпадает с процессом рождения ребенка. Согласно медицинским критериям, первый период родов называется периодом раскрытия, и связан он с началом родовой деятельности (начало родových схваток). Второй период родов – период изгнания, который начинается с момента полного раскрытия маточного зева и заканчивается рождением плода (перерезается пуповина, и ребенок полностью отделяется от матери). Третий период – последовый, который начинается с момента рождения и завершается рождением последа (плаценты, плодных оболочек и пуповины).

Некоторые ученые (О.В. Лукичев, Л.И. Мурзина и др.) отмечают, что поскольку роды являются сложным, завершающим беременность физиологическим процессом, то их начало (выделение околоплодной жидкости и ритмические сокращения маточной мускулатуры) еще не свидетельствует о рождении ребенка. Начало жизни связывается ими с появлением из организма роженицы какой-либо части тела ребенка, что является достаточным для начала констатации жизни человека [2, с. 11; 3, с. 16]. При этом ряд авторов считает необходимым также наличие того или иного признака жизнедеятельности: дыхания, сердцебиения, движения мускулатуры [3, с. 16].

В качестве правовой основы указанные ученые опираются на законодательство Российской Федерации. В частности, Федеральным законом Российской Федерации от 25 ноября 2011 г. «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» в ч.1 ст. 53 установлено, что моментом рождения ребенка является момент отделения плода от организма матери посредством родов. Аналогичное установление содержится также в приложении 1 «Медицинские критерии рождения» приказа Минздравсоцразвития Российской Федерации от 27 декабря 2011 г. №1687н «О медицинских критериях рождения, форме документа о рождении и порядке его выдачи». В соответствии с указанным документом, «живорождением является момент отделения плода от организма матери посредством родов при сроке беременности 22 недели и более при массе тела новорожденного 500 грамм и более (или менее 500 грамм при

многоплодных родах) или в случае, если масса тела ребенка при рождении неизвестна, при длине тела новорожденного 25 см и более при наличии у новорожденного признаков живорождения (дыхание, сердцебиение, пульсация пуповины или произвольные движения мускулатуры независимо от того, перерезана пуповина и отделилась ли плацента)». Таким образом, плод превращается в ребенка с момента его отделения от тела матери.

Не согласимся с данной точкой зрения. Как уже отмечалось, роды являются сложным физиологическим процессом, состоящим из нескольких последовательных этапов, где один период плавно переходит в другой и самостоятельное их существование немыслимо. Поэтому увязывать начало уголовно-правовой охраны жизни рождающегося ребенка только с окончанием второго периода (отделением плода от организма матери) и началом третьего периода родов (перевязыванием пуповины, рождением последа и плодовых оболочек) необоснованно. Кроме того, учитывая, что в начальном периоде родов длительность схваток может варьироваться у первородящих 10–11 часов, а у повторнородящих – 6–7 часов, жизнь рождающегося ребенка полностью выпадает из-под уголовно-правовой охраны, что вступает в противоречие с положениями ст. 140 УК, где прямо сказано «убийство ... во время родов». В комментариях данный промежуток времени ограничивается моментом начала родовых схваток независимо от причин их возникновения при сроке беременности свыше 22 недель [4, с. 304]. Поэтому, на наш взгляд, ошибочно связывать начало уголовно-правовой охраны жизни со вторым периодом родов, так как это сужает толкование уголовного закона и возможность реализации права на жизнь рождающегося ребенка.

В юридической литературе указанный подход также подвергается критике. Как отмечается, наличие или отсутствие определенного признака живорожденности (только дыхания или только сердцебиения) не может служить критерием определения такого сложного процесса как жизнь человека [5, с. 58]. Интересна в этой связи позиция И.Х. Бабаджанова, считающего границы жизнеспособности условным показателем. Так, например, отмечает указанный автор, на основании начала сердцебиения и самостоятельного дыхания, а также появление электрической активности мозга эмбрион должен быть, в таком случае, юридически признан человеком в 11-12 недель своего существования [6, с. 258].

Н.А. Лопашенко также критикует законодательный подход, отмечая, что момент начала жизни не равнозначен моменту рождения ребенка [7, с. 99]. Соглашаясь в целом с законодательной формулировкой момента рождения ребенка для иных целей (для регистрации рождения ребенка, установления происхождения ребенка, наделения его основными правами и обязанностями и т.п.), Н.А. Лопашенко, тем не менее, отмечает, что рождающийся человек – уже человек, поскольку когда начинаются роды, заканчивается внутриутробная жизнь плода и начинается жизнь человека [7, с. 100]. Схожей позиции придерживается и В.И. Зубкова, отмечающая, что посягательство на ребенка, начинающего покидать утробу матери и

переходящего, в связи с родами, ко внеутробному существованию, следует рассматривать как посягательство на жизнь человека как убийство [8, с.13]. Более того, известны случаи, когда неопытные врачи причиняли смерть новорожденному непосредственно в процессе родов, длительность которых может составлять несколько часов [9, с. 40].

Н.А. Бабий полагает, что началом жизни является начало родовых схваток, даже если ни одна часть тела рождающегося еще не находится вне утробы матери [10, с. 5]. Аналогично считает и А.В. Лунева, уточняя, что именно регулярные схватки, повторяющиеся через определенный временной интервал, свидетельствуют о том, что беременность закончилась [11, с. 98]. Р. Шарапов утверждает, что рождением ребенка следует считать не момент полного изгнания или извлечения ребенка из организма роженицы, а момент наступления первых родовых схваток у беременной женщины, когда только начинается процесс отделения плода от материнского организма [12, с.76]. Этот момент, как отмечал Н.И.Загородников, свидетельствует о том, что плод достаточно созрел и приобрел все необходимые качества для внеутробной жизни, о чем и свидетельствуют объективные данные (начало родов) [13, с. 89]. В этой связи, по мнению авторов, гранью между абортom и убийством является начало родовых схваток и умерщвление ребенка уже в этот период (когда он находился еще в утробе матери), должно считаться убийством.

Таким образом, преобладающей на сегодняшний день является точка зрения, согласно которой право ребенка на жизнь возникает с момента начала его рождения.

С учетом того, что роды могут быть как физиологическими, так и патологическими, при которых регулярные схватки отсутствуют и женщине делается кесарево сечение, то под моментом начала рождения также следует понимать и начало родоразрешающей операции по извлечению ребенка из организма матери.

Обратимся к анализу законодательства по данному вопросу. Следует отметить, что в белорусском законодательстве встречается словосочетание «момент рождения ребенка», но что считать таковым не разъясняется. Совместный приказ-постановление Министерства здравоохранения Республики Беларусь, Министерства статистики и анализа Республики Беларусь от 9 ноября 1993 г. № 254/75 «О переходе на рекомендованные Всемирной организацией здравоохранения критерии живорождения и мертворождения» разъясняет, что такое живорождение. В соответствии с п. 1 Инструкции об определении критериев живорождения, мертворождения и перинатального периода, утвержденной данным документом, живорождением является полное изгнание или извлечение продукта зачатия из организма матери вне зависимости от продолжительности беременности, причем плод после такого отделения дышит или проявляет другие признаки жизни, такие как сердцебиение, пульсация пуповины или определенные движения произвольной мускулатуры, независимо от того, перерезана пуповина и отделилась ли плацента. Каждый продукт такого рождения

рассматривается как живорожденный. Однако следует отметить, что определение, данное в названном приказе-постановлении, относится, главным образом, к регламентации деятельности в сфере здравоохранения. Очевидно, что в данном случае имеет место расхождение задач уголовного права и задач здравоохранения, соответственно подходы к определению момента начала уголовно-правовой охраны жизни человека могут быть иные.

Анализируя преступления против жизни, включенные законодателем в УК, следует обратить внимание на ст. 140 УК, устанавливающую ответственность за убийство матерью своего ребенка во время родов или непосредственно после них, совершенное в условиях психотравмирующей ситуации, вызванной родами. Толкование положений ст. 140 УК позволяет сделать вывод о том, что уголовно-правовая охрана жизни человека начинается уже в процессе родов.

Следует отметить, что в последнее время приобретает популярность точка зрения, согласно которой охрана человеческой жизни, в том числе и уголовно-правовыми средствами, должна начинаться с момента зачатия [14, с. 201; 15, с. 49, 51].

Однако, на сегодняшний день данная точка зрения вступает в противоречие с законодательством в сфере здравоохранения. В соответствии с положениями ч. 3 ст. 27 Закона Республики Беларусь от 18 июня 1993 г. «О здравоохранении» по согласию женщины в организациях здравоохранения после консультации с врачом-специалистом, а в отношении несовершеннолетней также при наличии письменного согласия ее законного представителя может быть проведено искусственное прерывание беременности (аборт) при сроке беременности не более 12 недель. Согласно ч. 2 ст. 27 указанного закона при наличии социальных показаний и желания женщины проведение искусственного прерывания беременности допускается при сроке беременности не более 22 недель в государственных организациях здравоохранения. Белорусским законодательством также установлено, что при сроке свыше 22 недель беременности при наличии у женщин заболевания, угрожающего ее жизни, производится досрочное родоразрешение.

Отсюда можно сделать вывод о том, что до этого времени жизнь плода самостоятельной правовой охране не подлежит, и наличие у него возможности родиться во многом зависит от волеизъявления его матери. Законодательство о здравоохранении, таким образом, фактически закрепляет право на жизнь ребенка приблизительно с пятого месяца беременности женщины. В этой связи С.С. Шевчук высказал мнение, что такая позиция законодателя свидетельствует о том, что он относится к внутриутробному плоду с определенного срока его развития не просто как к физиологической части женского организма, которой она распоряжается самостоятельно, а как к особому рода существу, имеющему право на жизнь [16, с. 37].

Вместе с тем анализ показал, что жизнь как объект уголовно-правовой охраны не совпадает с биологическим подходом. В литературе отмечается,

что такая крайне усеченная уголовно-правовая охрана жизни нерожденного ребенка противоречит требованиям конституционного и международного права о защите материнства, международных актов о надлежащей правовой защите ребенка до рождения, нормам медицинского законодательства в этой сфере, реальным потребностям общества и государства [17, с. 25]. В этой связи С.В. Тасаков обосновывал суждение, что жизнь эмбриона может стать самостоятельным объектом уголовно-правовой охраны при условии введения в УК соответствующей нормы об охране жизни эмбриона [18, с. 27].

О необходимости установления уголовно-правовой охраны жизни эмбриона (плода) человека высказывалась и Н.Е. Крылова в своей диссертационной работе, посвященной уголовному праву и биоэтике. В качестве одного из шагов по уголовно-правовой защите жизни эмбриона (плода) человека диссертант предлагала новую редакцию ст. 123 УК Российской Федерации, где предлагалось прямо установить запрет на производство искусственного прерывания беременности по истечении срока, установленного законом [19, с.15-16]. Здесь следует отметить, что белорусский законодатель уже предусмотрел такой запрет в ст. 156 УК, устанавливающей ответственность за незаконное производство аборта. Объективную сторону преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 156 УК, образует общественно опасное деяние в виде искусственного прерывания беременности, совершенное в нарушение установленного порядка, в том числе: по социальным показаниям вне стационарного учреждения при беременности в сроки 13–22 недели; по немедицинским показаниям при беременности свыше 22 недель; по медицинским показаниям при сроке беременности более 12 недель вне больничных организаций здравоохранения и др. Умерщвление плода в утробе матери независимо от срока беременности до начала родовых схваток может рассматриваться как незаконное производство аборта [4, с. 295].

Таким образом, о начале жизни как биологического процесса в последнее время говорят с момента зачатия или с несколько более позднего периода, когда органы человеческого зародыша полностью сформировались. Между тем фактически охрана жизни нерожденного ребенка возможна только косвенно, в связи с охраной материнства, жизни и здоровья беременной женщины.

Следует отметить широкое обсуждение проблем правового регулирования начала жизни, статуса эмбриона человека и других вопросов, проводимое в мире в последние годы. Все это свидетельствует о сложности и противоречивости данного вопроса и необходимости дальнейшего его комплексного исследования не только в рамках уголовного права, но и с учетом современных достижений биологии, медицины и других наук. Фактически М. Киселева верно отметила, что дискуссии о моменте начала жизни, с точки зрения уголовного права, фактически являются спором о том, какой должна быть степень ответственности за посягательство на жизнь человека в разных стадиях ее развития (эмбрион - плод - ребенок) [20, с.55].

Таким образом, несмотря на то, что о начале жизни как биологического процесса можно говорить с момента зачатия, в рамках уголовно-правовой охраны жизни следует руководствоваться иными критериями, согласно которым начало жизни возникает с момента начала рождения ребенка.

Список цитированных источников

1. Плаксина, Т. А. Общие вопросы уголовной ответственности за убийство/ Т.А. Плаксина. – Барнаул, 2002 г. – 171 с.
2. Лукичев, О. В. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика детоубийства: автореф. ... дис. канд. юрид. наук : 12.00.08 / О. В. Лукичев ; Санкт-Петерб. Акад. МВД России. – СПб., 1997. – 23 с.
3. Мурзина, Л. И. Убийство матерью новорожденного ребенка: уголовно-правовые и криминологические проблемы : автореф. ... дис. канд. юрид. наук : 12.00.08 / Л. И. Мурзина; Саратов. гос. акад. права. – Саратов, 2009. – 21 с.
4. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н. Ф. Ахраменка [и др.] ; под общ. ред. А. В. Баркова, В.М. Хомича. – Минск : ГИУСТ БГУ, 2007. – 1007 с.
5. Бояров, С. А. Проблемы определения начала жизни в уголовном праве / С.а. Бояров. – Рос. юстиция. – 2005. – № 3. – С. 58–59.
6. Бабаджанов, И. Х. Жизнь и смерть человека как институционально-правовые категории (теоретико-аксиологический и частно-правовой анализ): дис....д-ра юрид наук: 12.00.01; 12.00.03 / И.Х Бабаджанов. – Душанбе, 2014. – 369 с.
7. Лопашенко, Н. А. Убийство: монография / Н.А. Лопашенко. – М.: Юрлитинформ, 2013. – 544 с.
8. Зубкова, В.И. Ответственность за преступления против личности по законодательству России / В.И. Зубкова. – М.: Норма, 2005. – 256 с.
9. Антонов, В. Ф. Некоторые вопросы квалификации убийств/ В.Ф. Зубков // Журнал рос. права, 2004. – № 12. – С. 40–45.
10. Бабий, Н. А. Преступления против жизни: алгоритмы квалификации / Н. А. Бабий. – Минск : Тесей, 2009. – 186 с.
11. Лунева, А. В. Уголовная ответственность за детоубийство: проблемы теории и правоприменения: дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / А. В. Лунева. – М, 2013. – 196 л.
12. Шарапов, Р. Уголовно-правовое значение юридического определения момента рождения ребенка / Р.Шарапов // Уголовное право. – 2012. – № 3. - С. 75-78.
13. Загородников, Н. И. Преступления против жизни по советскому уголовному праву / Н.И. Загородников. – М.: Госюриздат, 1961. – 278 с.
14. Попов, А. Н. О начале уголовно-правовой охраны жизни в новом тысячелетии /А.Н. Попов // Уголовное право в XXI веке: Материалы Междунар. науч. конф. (31 мая - 1 июня 2001 г., Москва) ; под ред. Г.Н. Борзенкова, В.С. Комиссарова, Н.Ф. Кузнецовой и др. – М., 2002. – С.200-203.
15. Козаев, Н. Ш. Вопросы уголовно-правовой охраны жизни в свете современных достижений научно-технического прогресса / Н.Ш. Козаев // Мед. право. – 2014. – № 2. – С. 49 – 52.
16. Шевчук, С. С. Некоторые проблемы правового регулирования применения искусственных методов репродукции / С.С. Шевчук // Мед. право. – 2003. – № 1.– С. 37–41.
17. Минаева, М. М. Уголовно-правовая охрана жизни ребенка до и после рождения по законодательству России: автореф. ... дис. канд. юрид. наук : 12.00.08 / М. М. Минаева. – М., 2012. – 27 с.

18. Тасаков, С. В. Нравственные основы уголовно-правовых норм, направленных на охрану личности, ее прав, свобод и законных интересов: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / С.В. Тасаков. – Екатеринбург, 2010. – 51 с.

19. Крылова, Н. Е. Уголовное право и биоэтика : уголовно-правовые проблемы применения современных биомедицинских технологий : автореф. ... дис. док. юрид. наук : 12.00.08 /Н. Е. Крылова. – М., 2006. – 54 с.

20. Киселева, М. Посягательство на жизнь эмбриона / М. Киселева // Законность. – 2010. – № 1. – С. 53–55.

Дата поступления статьи – 15.09.2015.

Вопрос о моменте начала жизни человека как непосредственного объекта преступлений против жизни в последние годы приобрел особую остроту и актуальность. В статье исследуются различные подходы к определению момента начала уголовно-правовой охраны жизни человека.

The question about the moment of the beginning of human life as the direct object of crimes against life has become sharp and topical during the last years. Different approaches to the determination of the moment of the beginning of criminal law protection of human life are analyzed in the article.

ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

НАЛОЖЕНИЕ АРЕСТА НА ИМУЩЕСТВО ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Дехтярев Е.В.

Повышение инвестиционной привлекательности хозяйственных отношений за счет сведения к минимуму требований по контролю над созданием и функционированием субъектов предпринимательской деятельности в значительной степени способствовало криминализации экономики стран постсоветского пространства. Сегодня с использованием прав коммерческих организаций совершаются невиданные ранее по масштабам преступные акции, посягающие как на интересы государства, так и на имущественное состояние участников гражданского оборота. Речь идет о незаконной минимизации налоговых обязательств; легализации («отмывании») средств, полученных преступным путем; мошенничестве, направленном на завладение кредитными ресурсами банков и денежными средствами контрагентов по договорам; хищении имущества путем злоупотребления служебными полномочиями. Столь широкая интеграция преступности в сферу экономики, а также ее качественное совершенствование, безусловно, требуют адекватного уровня правового регулирования уголовно-процессуальных отношений, связанных не только с обеспечением привлечения виновных к ответственности, но и с восстановлением имущественных прав потерпевших. Успешное решение последней задачи напрямую связано с деятельностью органов предварительного следствия, так как любые меры имущественных взысканий имеют положительный эффект только тогда, когда они надлежащим образом обеспечены. Чаще всего сложность реализации функции возмещения ущерба, причиненного такого рода посягательствами, обуславливается необходимостью ограничения права собственности юридических лиц, используемых в преступных целях. Предметом ареста в этих ситуациях выступают денежные средства, находящиеся на их банковских счетах. Динамичность проведения банковских расчетов между предприятиями, а также сложность их отслеживания, делают тактическую задачу обеспечения возмещения ущерба, причиненного преступлением, одной из самых сложных и первоочередных в расследовании. Но если действующий нормативно-правовой механизм правового регулирования уголовно-процессуальных отношений позволяет в полной мере разрешить задачу выявления местонахождения денежных средств, полученных преступным путем, то в аспекте обеспечительных правомочий органов уголовного преследования существует разница между степенью охраны государственных интересов и гарантиями имущественной безопасности

участников негосударственного сектора экономики. В частности, сегодня при расследовании преступлений, связанных с уклонением от уплаты налогов, правоохранные органы наделены широкими правами по ограничению имущественных прав недобросовестных субъектов предпринимательской деятельности. Так, в ходе финансовых расследований они имеют право налагать арест на денежные средства организаций при условии невыполнения ими обязанностей по уплате налога, а также приостанавливать операции по счетам в банке в случаях представления их руководителями, документами, содержащими недостоверную информацию о деятельности юридического лица [1]. В свою очередь, в соответствии со ст. 132 УПК Республики Беларусь органы предварительного следствия могут ограничить право собственности в целях обеспечения уплаты дохода, полученного преступным путем. К сожалению, в ходе расследования посягательств на имущество иных участников гражданского оборота наблюдается противоположная ситуация. Ныне при необходимости обеспечения возмещения материального ущерба, причиненного такого рода потерпевшим, нет эффективного процессуального механизма блокировки счетов юридических лиц, способствующего сохранению баланса между достижением целей правосудия и исключением необоснованного вмешательства в сферу рыночных отношений. Ведь, с одной стороны, задача уголовного судопроизводства состоит в своевременной и эффективной защите предпринимателей, потерпевших от преступлений, восстановлении их прав и возмещении причиненного ущерба. С другой стороны, в таких условиях важно оградить представителей бизнеса от незаконных решений, связанных с приостановлением расчетов между предприятиями. Как следствие, необходимость оперативного реагирования, а также отсутствие специального механизма ограничения прав по распоряжению денежными средствами на счете, при наличии обоснованного предположения о преступном характере их происхождения, заставляет органы уголовного преследования применять процессуальное право по аналогии, нередко выходя за рамки закона.

Проблема наложения ареста на денежные средства не нова в своей постановке, и является злободневной не только для Республики Беларусь, но и всех стран, правовая система которых вышла из недр советского уголовного процесса [2, с. 120; 3, с. 89]. Это объясняется тем, что становление данного института происходило в условиях командно-административной системы управления экономикой, когда сама возможность использования предприятия как орудия преступления исключалась. Указанные положения актуализируют задачу рассмотрения действующего механизма правового регулирования уголовно-процессуальных отношений на предмет совершенствования обеспечительных мер по возмещению ущерба, причиненного преступлениями в сфере экономической деятельности.

Изучение законодательства, а также анализ отечественной и зарубежной правоприменительной практики позволяет выделить несколько

оснований применения такого рода мер процессуального принуждения, связанных с блокированием движения денежных средств по банковским счетам, задействованным в мошеннических и иных преступных схемах:

1) наложение ареста на имущество лиц, несущих материальную ответственность за вред, причиненный преступными действиями обвиняемого. Так, в ст. 937 ГК Республики Беларусь предусматривается возможность привлечения юридического лица в качестве гражданского ответчика в случае причинения вреда его работником при исполнении им своих трудовых (служебных) обязанностей, а также участниками (членами) товарищества либо кооператива при осуществлении предпринимательской, производственной или иной деятельности. Но применительно как к хищениям, так и к иным преступлениям, совершенным с использованием коммерческих организаций, использование данного процессуального основания весьма затруднительно. Во-первых, закон связывает применение указанной меры принуждения только при условии установления лица, совершившего преступление. Однако по уголовным делам такой категории процессуальная фигура обвиняемого (подозреваемого) возникает только после осуществления трудоемкого процесса доказывания, который может быть растянут во времени от нескольких месяцев до нескольких лет. При этом из-за высокой динамики банковских операций решение о наложении ареста должно быть реализовано еще на первоначальном этапе расследования. Во-вторых, за рамками правового регулирования в данном случае остаются ситуации, когда для завладения денежными средствами или их дальнейшей легализации используются юридические лица с явными признаками фиктивности. Речь идет о регистрации указанных предприятий по поддельным документам, на «подставных» лиц и т.п. В таких условиях доказать связь участника либо номинального директора с неправомерной деятельностью формально подчиненной ему коммерческой организацией весьма проблематично.

В связи с этим необходимо также заметить, что возможности уголовного процесса по обеспечению возмещения ущерба, причиненного преступлением в сфере экономики, значительно ниже в сравнении с аналогичными средствами в хозяйственном процессе. Так, в соответствии с ХПК Республики Беларусь обеспечение иска в виде наложения ареста на денежные средства, находящиеся на счетах в банке, допускается в любой стадии хозяйственного процесса, при условии наличия усмотрения суда. В свою очередь, в уголовном судопроизводстве, даже при наличии прямых доказательств о фиктивности юридического лица – собственника имущества, у прокурора и следователя отсутствуют полномочия по наложению мер обеспечения возмещения ущерба на ранних стадиях процесса, а имеющиеся можно реализовать только после предъявления обвинения его должностным лицам;

2) наложение ареста с целью обеспечения возможной конфискации имущества. В соответствии со ст. 61 УК Республики Беларусь допускается применение специальной конфискации, суть которой заключается в

принудительном безвозмездном изъятии в собственность государства орудий и средств совершения преступления, принадлежащих осужденному; вещей, изъятых из оборота; имущества, приобретенного преступным путем, дохода, полученного от использования этого имущества, а также предметов, которые непосредственно связаны с преступлением, если они не подлежат возврату потерпевшему или иному лицу. Как показало интервьюирование сотрудников межрайонных отделов Управления Департамента финансовых расследований Комитета государственного контроля Республики Беларусь по Витебской области, данное основание успешно применяется при блокировке счетов юридических лиц, задействованных в схемах по незаконной минимизации сумм налоговых обязательств. Как правило, учитывая, что предприятия, задействованные в таких схемах, имеют явные признаки фиктивности, проблем в обоснованности наложения ареста на их активы не возникает. Однако, в силу того, что возможной конфискации может подлежать либо имущество, принадлежащее осужденному, либо неподлежащее возврату потерпевшему, применение ареста по такому основанию также весьма ограничено по большинству уголовных дел, возбужденных по фактам преступлений против собственности в сфере экономики. В этом плане весьма интересен опыт Следственного департамента МВД РФ. В соответствии с выработанной им практикой юридические лица, имеющие признаки фиктивности, признаются орудием (средством) совершения преступления, подпадая под действие норм о специальной конфискации, в результате чего становится возможным арест безналичных денежных средств такого рода субъектов предпринимательской деятельности. Как отмечает П.Г. Сычев, в такой ситуации облегчается обеспечение возмещение ущерба, причиненного преступлением, поскольку органу, принимающему решение об аресте, нет необходимости доказывать характер связи денежных средств, обнаруженных на счетах, с действиями конкретного обвиняемого, необходимо лишь установить преступный характер их происхождения [3, с. 89]. Однако следует понимать, что в отличие от предприятий, задействованных в совершении налоговых преступлений, субъекты предпринимательской деятельности, используемые для хищения имущества, характеризуются более строгим подходом к соблюдению законодательства о государственной регистрации юридических лиц. Как следствие, в таких условиях возникает проблема определения критериев отнесения того или иного субъекта к лжепредпринимательским структурам. Без детального разрешения на законодательном уровне этого вопроса применение подобного механизма может привести к необоснованному ограничению права собственности добросовестных участников гражданского оборота;

3) признание денежных средств на счете предприятия вещественным доказательством. Изучение зарубежной правоприменительной практики свидетельствуют о том, что с момента возникновения первых случаев использования в преступных схемах коммерческих организаций, следователи искали различные возможности по блокировке банковских

счетов таких субъектов. Наибольшее распространение среди них получил механизм признания денежных средств вещественными доказательствами. Алгоритм действий следователя в этих ситуациях заключается в признании их ценностями, добытыми преступным путем, и последующим обращением с решением об их аресте в банковское учреждение [1, с. 122; 4, с. 14]. Однако данный механизм в отечественном судопроизводстве является недопустимым. Особенности анализа понятийного аппарата, используемого законодателем в ст. 97 УПК Республики Беларусь, свидетельствуют о том, что арест при таких обстоятельствах может быть наложен только на имущество, имеющие свое выражение в конкретной материальной форме.

Важно понимать, что возможность применения всех обозначенных процессуальных правомочий к аресту денежных средств на банковском счете юридических лиц, используемых в преступной деятельности по совершению мошенничеств и иных хищений, является в большей степени проблемой допустимости уголовно-процессуальной аналогии, чем вопросом расширительного толкования норм права. Причем аналогии, ограничивающей права и интересы участников уголовного судопроизводства. Так, еще М.С. Строгович, допуская возможность, а иногда и целесообразность применения статей, которые предусматривают схожий по условиям случай, отмечал, что использование процессуального закона не может ограничивать процессуальные права лиц, принимающих участие в деле [5, с. 59]. Поэтому положение, связанное с приостановлением движения денежных средств по счетам юридических лиц, даже при наличии обоснованного предположения об их преступном происхождении, является нарушением специально-разрешительного принципа правового регулирования («запрещено все, что прямо не разрешено законом») и может вызвать признание таких решений неправомерными, и, соответственно, полученные доказательства – недопустимыми.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что институт гражданского иска в условиях современной, модернизированной экономической преступности не справляется с задачей возмещения причиненного преступлением имущественного вреда, а она, безусловно, требует своего разрешения. Реализуемые органами уголовного преследования меры процессуального принуждения, связанные с наложением ареста, являются искусственным приспособлением норм действующего законодательства к потребностям практики. В уголовном процессе Республики Беларусь уже давно назрела необходимость разработки процессуального механизма, предусматривающего возможность наложения ареста на безналичные денежные средства, если есть основания полагать, что они являются объектом преступного посягательства.

Список цитированных источников

1. «Об органах финансовых расследований Комитета государственного контроля Республики Беларусь» [Электронный ресурс]: Закон Республики Беларусь, 16 июля 2008

г., № 414-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/main.aspx?guid=3871&p0=h10800414&p2={NRPA}>. – Дата доступа: 14.09.2015.

2. Дехтярьов Є. В. Накладення арешту на поточні банківські рахунки юридичних осіб: проблеми кримінальної процесуальної регламентації / Є. В. Дехтярьов // Вісник Луганського державного університету внутрішніх справ імені Е.О. Дідоренка. – 2013. – № 1. – С. 120 – 127.

3. Сычев П. Г. Имущественный характер экономических преступлений и соответствующие процессуальные последствия / П. Г. Сычев // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2014. – № 12. – С. 80 – 92.

4. Олейник О. Арест денежных средств предприятий и банков / О. Олейник // Законность. – 1993. – № 10. – С. 11–16.

5. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. Том 1: Основные положения науки советского уголовного процесса / М. С. Строгович. – М.: Издательство «Наука», 1968. – 471 с.

Дата поступления статьи – 15.09.2015.

Статья посвящена рассмотрению проблем правоприменительной практики в области обеспечения возмещения ущерба, причиненного преступлениями в сфере экономики. Среди которых особое внимание уделяется посягательствам, совершенным с использованием прав действующих в гражданском обороте юридических лиц. Автором осуществлен анализ существующей законодательной регламентации порядка наложения ареста на банковские счета предприятий, используемых в преступных схемах. Показано, что, несмотря на наличие у органов уголовного преследования широких полномочий по наложению ареста на имущество субъектов предпринимательской деятельности, уголовно-процессуальный закон не может охватить весь круг следственных ситуаций, возникающих в ходе расследования. Делается вывод о том, что сегодня в распоряжении органов предварительного следствия отсутствуют эффективные правовые механизмы защиты имущественных прав потерпевших от посягательств, совершенных с использованием легальных форм экономической деятельности.

The article considers the problems of law enforcement in the area of compensation for the damage caused by economic crimes, among which the main focus is on infringements committed with the use of existing rights in the civil turnover of legal entities. The author analyzes the existing legal regulation of the order of attachment of bank accounts of enterprises used in criminal schemes. It is shown that, despite the fact that the prosecuting authorities broad powers of seizure of property of subjects of entrepreneurial activity, the criminal procedure law can not cover the full range of investigative situations that arise in the course of the investigation. The conclusion is that today, at the disposal of the preliminary investigation there is no effective legal mechanisms for the protection of property rights of victims of attacks perpetrated with the use of legal forms of economic activity.

УСЛОВИЯ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СВЯЗИ С ПРИМИРЕНИЕМ С ПОТЕРПЕВШИМ

Зайцева Л.Л.

В соответствии со ст.89 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) лицо, совершившее преступление, не представляющее большой общественной опасности, или впервые совершившее менее тяжкое преступление, может быть освобождено от уголовной ответственности, если оно примирилось с потерпевшим и загладило причиненный преступлением вред. В этом случае производство по уголовному делу прекращается (ст.30 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь, далее – УПК).

В законодательстве советского периода такой вид освобождения от уголовной ответственности отсутствовал, а прекратить производство в связи с примирением сторон можно было только по делам частного обвинения, к которым относились всего три состава преступления (ст.110, ч.1, ст.128 и ст.129 УК БССР 1960 г.). Остальные уголовные дела, возбуждаемые по жалобе потерпевшего, прекращению за примирением его с обвиняемым не подлежали (ст. 106 УПК БССР 1960 г.).

После принятия в Республике Беларусь в 1999 г. нового уголовно-процессуального законодательства возникла коллизия между ст.89 УК и ч.4 ст.26 УПК, сохранившей запрет на прекращение производства в случае примирения сторон по делам частного-публичного обвинения. Это противоречие между УК и УПК подвергалось справедливой критике в юридической литературе [1, с.253-254], а на практике указанный запрет на применение ст.89 УК порой даже игнорировался. В определенных случаях по данной категории дел суды отдавали предпочтение не осуждению обвиняемого, а его примирению с потерпевшим и прекращению производства в целях урегулирования конфликта.

Законом Республики Беларусь от 13 декабря 2011 г. из ст.26 УПК был исключен вышеупомянутый запрет и в настоящее время освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим может иметь место по уголовным делам как публичного, так и частного-публичного обвинения, в том числе, когда уголовное дело частного-публичного обвинения было возбуждено прокурором в соответствии с ч. 5 ст. 26 УПК. Такой вывод содержится в п.5 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 29 марта 2012 г. №1 «О практике применения судами статей 86, 88, 89 Уголовного кодекса Республики Беларусь, предусматривающих возможность освобождения лица от уголовной ответственности» (далее – постановление Пленума).

Основанием для прекращения производства по уголовному делу в порядке ст.89 УК является наличие достаточных данных, свидетельствующих об отсутствии необходимости (т.е. нецелесообразность) в применении к обвиняемому наказания или иных мер уголовной ответственности при условии выполнения этим лицом требований, содержащихся в данной норме (п.1 постановления Пленума).

Одним из таких требований является заглаживание вреда, причиненного потерпевшему, т.е. физическому лицу, который пострадал от преступных действий обвиняемого. Если преступлением причинен вред юридическому лицу, то решение о прекращении производства по делу по ст.89 УК исключается, а могут быть применены ст.ст.86 или 88 УК.

В соответствии с ч.1 ст.49 УПК потерпевшим признается лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный или моральный вред. Заглаживание каждого из этих видов вреда имеет свои особенности, что представляется важным для уяснения юридической природы данного понятия.

Моральный вред, заключающийся в физических или нравственных страданиях лица (ст.152 Гражданского кодекса Республики Беларусь, далее – ГК), может быть устранен только двумя способами. Во-первых, путем совершения определенных, направленных на примирение с потерпевшим и не имеющих гражданско-правового характера действий обвиняемого. Элементарный и наиболее очевидный пример – извинения указанного лица, принятые потерпевшим. В этом случае, если такие действия достигают результата, понятие «заглаживание вреда» поглощается понятием «примирение», т.е. они сливаются настолько, что перестают быть юридически различимы. Во-вторых, моральный вред можно устранить путем его компенсации в материальной (чаще денежной) форме, что юридически порождает между сторонами гражданско-правовые отношения, связанные с соответствующим обязательством, принятым на себя причинителем вреда.

На денежную форму компенсации морального вреда императивно указывает ч.1 ст.970 ГК, хотя, думается, что эта императивность распространяется только на те случаи, когда вред компенсируется по решению суда, но не по соглашению сторон. Нас же, прежде всего, интересует ситуация добровольного «заглаживания» морального вреда по соглашению сторон, где вполне допустимы иные формы компенсации. Например, передача какой-либо вещи ввиду отсутствия денежных средств.

Физический вред как таковой вообще невозможно загладить в неимущественной форме. Поэтому заглаживание физического вреда происходит в виде возмещения потерпевшему материальных расходов на лечение, восстановление здоровья и т.д., на самом деле представляющих вред имущественный. Не следует забывать, что при причинении физического вреда расходы, связанные с лечением, несет подчас (по крайней мере, частично) не сам потерпевший, а иные лица: учреждения здравоохранения, страховые организации. Указанные обстоятельства еще более наглядно обозначают гражданско-правовую (имущественную) природу правоотношений, возникающих в связи с причинением физического вреда.

Таким образом, причинение преступлением физического вреда влечет за собой косвенное причинение вреда имущественного, выраженного в определенных материальных затратах. В реальной действительности

возмещается как раз косвенный имущественный вред, так как вред непосредственный (физический) усилиями самого причинителя вреда фактически не может быть устранен.

В конечном итоге, заглаживание и физического, и морального, и, разумеется, имущественного вреда с юридической точки зрения сводится к исполнению лицом обязательств вследствие причинения вреда (деликтных обязательств), регулируемых гл.58 ГК. Иными словами, понятие «заглаживание вреда», используемое законодателем в ст.89 УК, равносильно по своей юридической природе распространенному в праве понятию «возмещение вреда», имеющему, как правило, гражданско-правовой смысл.

Учитывая сложный характер данных правовых категорий при их оценке на практике следует руководствоваться соответствующими разъяснениями Пленума Верховного Суда Республики Беларусь. Так, лицо признается возместившим ущерб, когда оно любым законным и приемлемым для потерпевшего способом добровольно и в полном объеме возместило имущественный вред, причиненный преступлением. Например, им возвращено похищенное имущество, возмещена стоимость утраченного или поврежденного имущества или передана вещь того же рода и качества, исправлена поврежденная вещь, выполнены какие-либо работы, равнозначные по стоимости причиненному ущербу.

В свою очередь, заглаживание нанесенного преступлением вреда может выражаться в материальном возмещении морального вреда, принесении потерпевшему извинения, оплате его лечения, в том числе санаторно-курортного, в компенсации упущенной выгоды, оказании иной помощи потерпевшему или совершении других действий, направленных на предотвращение, устранение или уменьшение наступивших от преступления вредных последствий.

При этом не имеет значения, возмещение ущерба или заглаживание вреда произведено по собственной инициативе лица, его причинившего, либо по предложению органа, ведущего уголовный процесс. Не является препятствием для применения ст.89 УК и его возмещение самим органом уголовного преследования путем изъятия похищенного имущества и его возврата потерпевшему (п.п. 10, 11 постановления Пленума).

Необходимо отметить, что факт возмещения или заглаживания вреда должен быть установлен на момент принятия решения об освобождении от уголовной ответственности. Такое освобождение не допускается под условием возмещения или заглаживания вреда в будущем.

Еще одним требованием ст.89 УК, которое должен выполнить обвиняемый для освобождения от уголовной ответственности, является примирение с потерпевшим.

Понятие примирения в законе отсутствует, что порождает различное толкование этого термина в юридической литературе и практике. Так, в словаре русского языка примирение определяется как «прекращение на суде спора между сторонами по добровольному соглашению» [2, с.819-820]. В тоже время некоторые процессуалисты рассматривают примирение как

одностороннее заявление потерпевшего [3, с.36]. Большинство же исследователей считает, что примирение – это двусторонний акт, требующий согласия не только потерпевшего, но и обвиняемого [4, с.21]. Как справедливо отмечает Л. В. Головкин, примирение – это обоюдное волеизъявление сторон, направленное на устранение конфликта, порожденного преступлением, т.е. оно никогда не носит одностороннего характера [5, с.471-472]. Если потерпевший высказывает стремление к примирению, а его оппонент по делу против этого возражает, то в такой ситуации примирение отсутствует и дело не может быть прекращено.

Примирение означает, что потерпевший не просто простил виновного, а снял все свои первоначальные претензии и требования, предъявляемые в порядке уголовного судопроизводства [6, с.15]. По мнению Х. Аликуперова, примирение – это отказ потерпевшего от поданного им заявления о привлечении лица, совершившего преступление, к уголовной ответственности или заявление о прекращении в отношении того уголовного дела в связи с достижением с ним мира [7, с.12].

Своеобразный взгляд на определение понятия «примирение» содержится в статье Е. А. Рубинштейна, который отмечает, что «примирение – нравственное раскаяние в совершении противоправного деяния лица, против которого осуществляется уголовное преследование, непосредственно перед потерпевшим и прощение последним его действий, а также достижение между указанными лицами согласия относительно порядка, размера и срока заглаживания причиненного вреда» [8, с.165]. В свою очередь Р. М. Минулин предлагает определить понятие «примирение сторон» как «состоявшееся на основе добровольного волеизъявления и в порядке, предусмотренном законом, восстановление между обвиняемым и потерпевшим взаимоприемлемых отношений, на основе которых урегулирован ранее существовавший между ними уголовно-правовой конфликт» [9, с.9].

Таким образом, в научной литературе даются различные формулировки понятия «примирение». Многие из них, безусловно, отражают те или иные существенные признаки этого правового явления, но в тоже время не лишены отдельных недостатков. Наиболее полным, на наш взгляд, является определение этого термина, сформулированное Е. В. Уховой: «Примирение – состоявшееся на основе добровольного волеизъявления и в порядке, предусмотренном законом, урегулирование между обвиняемым и потерпевшим уголовно-правового конфликта, а также достижение между указанными лицами соглашения относительно порядка, размера и срока возмещения причиненного вреда» [10, с.45].

Учитывая указанный пробел в законодательстве, Пленум Верховного Суда Республики Беларусь разъяснил, что под примирением следует понимать свободное и добровольное урегулирование возникшего в связи с совершением преступления конфликта между обвиняемым и потерпевшим с их последующим обращением к соответствующему органу или должностному лицу, ведущему уголовный процесс, с заявлением о

примирении и просьбой освободить обвиняемого от уголовной ответственности (п.5 постановления №1). Если же потерпевшими от преступления признаны несколько лиц, решение вопроса об освобождении обвиняемого от уголовной ответственности возможно при условии, что примирение достигнуто с каждым из потерпевших (п.п. 5,6 постановления Пленума).

Интересно, что в законе предусмотрено право обвиняемого примириться с потерпевшим и право потерпевшего примириться с обвиняемым только по делам частного обвинения (п.24 ч.2 ст.43, п.17 ч.1 ст.50 УПК). О праве данных участников процесса на примирение по уголовным делам публичного и частно-публичного обвинения указание в ст.26 УПК отсутствует. Между тем, в п.2 ч.1 ст.30 УПК такое право закреплено со ссылкой на ст. 89 УК. Налицо противоречие между различными нормами, требующее вмешательства законодателя. В связи с этим в УПК не предусмотрена обязанность органов уголовного преследования и суда по разъяснению обвиняемому и потерпевшему возможности примирения в порядке ст.89 УК. Данная обязанность суда установлена лишь по уголовным делам частного обвинения (ч.4 ст.427 УПК).

На практике нередко возникает вопрос: как следует поступить, если при наличии оснований для освобождения обвиняемого от уголовной ответственности ни одна из сторон не проявляет процессуальной инициативы и не обращается к уполномоченному лицу с соответствующей просьбой? Несомненно, что «навязывание» сторонам обсуждения данного вопроса органом уголовного преследования или судом категорически недопустимо. Чрезмерная настойчивость уполномоченных должностных лиц в достижении примирения между обвиняемым и потерпевшим скорее способна возбудить сомнения в беспристрастности следователя, прокурора или суда, чем принести реальную пользу.

Вместе с тем будет вполне уместным, если в рассматриваемой ситуации орган, ведущий уголовный процесс, дополнительно разъяснит обвиняемому и потерпевшему сущность освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением, его условия и последствия, а также право на заявление соответствующего ходатайства сторонами. Если пассивность последних была вызвана их юридической неосведомленностью, такими разъяснениями будет обеспечена дополнительная гарантия возможности реализации как обвиняемым, так и потерпевшим права на примирение [11, с.25].

Следует отметить, что на основании ст.89 УК законный представитель или представитель потерпевшего правом на примирение с обвиняемым не обладает. Данное решение обусловлено тем, что согласно ст.151 ГК право потерпевшего на примирение относится к личным неимущественным правам, которые неотчуждаемы и непередаваемы иным лицам, кроме случаев, прямо предусмотренных законом. Между тем, анализ положений ст.57 и ст.59 УПК показывает, что названные участники процесса не

наделяются правом примирения с обвиняемым по делам публичного и частно-публичного обвинения, по которым только и возможно применение ст.89 УК. Такое право принадлежит данным лицам лишь по делам частного обвинения (п.4 ч.2 ст.57 и п.1 ч.2 ст.59 УПК).

Поэтому вряд ли можно согласиться с разъяснениями Верховного Суда Республики Беларусь о том, что представитель потерпевшего вправе примириться с обвиняемым от имени доверителя лишь в случаях, когда это специально оговорено в выданной доверенности (п.6 постановления Пленума). Последнее условие, как указывалось выше, действует только по делам частного обвинения (п.1 ч.2 ст.59 УПК).

Правом на примирение с обвиняемым по делам о преступлениях, последствием которых явилась смерть потерпевшего, члены его семьи, близкие родственники или законные представители также не обладают, даже если они допущены в уголовный процесс в качестве потерпевших. Причиной для такого вывода является положение закона о том, что правопреемники умершего потерпевшего приобретают те его права, которые предусмотрены ст.50 УПК. Согласно же п.17 ч.1 указанной статьи потерпевший имеет право примириться с обвиняемым только по делам частного обвинения, где причинение смерти исключается. В связи с этим такое право отсутствует и у правопреемников потерпевшего.

Верховный Суд Республики Беларусь считает, что освобождение обвиняемого от уголовной ответственности на основании ст.89 УК не может быть принято в случаях, когда против этого возражает законный представитель несовершеннолетнего или недееспособного потерпевшего (п.6 постановления Пленума). Полагаем, что решение этого вопроса зависит прежде всего от возраста потерпевшего. Если ему свыше 14 лет, то он в состоянии иметь собственное мнение по данному вопросу. В случае несовпадения его мнения с точкой зрения законного представителя окончательное решение принимается органом уголовного преследования или судом после выяснения причин такого расхождения.

К сожалению, в законе ничего не говорится и о том, каким образом примирение должно быть оформлено и как должен называться документ, в котором этот факт зафиксирован. По мнению Верховного Суда Республики Беларусь, факт примирения потерпевшего с обвиняемым должен подтверждаться письменным либо устным заявлением указанных лиц либо их законных представителей. Письменное заявление подлежит приобщению к материалам уголовного дела, а устное заносится в протокол (п.5 постановления Пленума).

В тоже время на практике достижение примирения нередко фиксируется в ходатайствах сторон о прекращении производства по делу на основании ст.89 УК. В названных документах обвиняемый описывает свои действия, направленные на возмещение и заглаживание причиненного вреда, а потерпевший – подтверждает этот факт, указывает на отсутствие претензий к обвиняемому и обращается к органу, ведущему уголовный процесс, с просьбой освободить обвиняемого от уголовной ответственности.

Наличие в материалах дела таких документов является лучшим подтверждением согласия обеих сторон на принятие данного решения.

Решая вопрос об освобождении обвиняемого от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим следователю, прокурору и суду необходимо проверить добровольно ли достигнуто примирение, в полном ли объеме и каким способом заглажен причиненный преступлением вред (п.5 постановления №1). Если выяснение этих обстоятельств невозможно, то прекращение производства по делу за примирением с потерпевшим нельзя признать обоснованным.

В судебной практике к таким случаям следует отнести:

- рассмотрение дела в отсутствие потерпевшего, мнение которого о примирении с обвиняемым выяснялось заочно и непроцессуальным путем (секретарем судебного заседания по телефону);
- предъявление суду поддельного заявления о возмещении вреда и примирении с обвиняемым, составленного от имени потерпевшего, который не явился в судебное заседание, иными лицами [11, с.20].

Поэтому решить вопрос об освобождении обвиняемого от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим в отсутствие последнего в судебном разбирательстве возможно лишь при наличии достоверных данных о полном заглаживании вреда и добровольном волеизъявлении потерпевшего на прекращение производства по делу по этому основанию

Если достоверно установить указанные обстоятельства в судебном заседании не представляется возможным, а по обстоятельствам дела основания для прекращения производства по делу усматриваются, то судебное разбирательство подлежит отложению для вызова потерпевшего или для выяснения названных обстоятельств иным законным способом.

Таким образом, для принятия решения об освобождении обвиняемого от уголовной ответственности на основании ст.89 УК необходимо выполнение одновременно двух условий: 1) возмещения (заглаживания) причиненного преступлением вреда и 2) примирения с потерпевшим.

Следует отметить, что возмещение вреда является обязательным для применения как ст.89 УК, так и других видов освобождения от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям (ст.ст.86, 87, 88, 89¹ УК), а также признается обстоятельством, смягчающим ответственность (п.4 ч.1 ст.63 УК). Однако выполнение этого условия далеко не во всех случаях приводит к достижению примирения между сторонами уголовно-правового конфликта.

Органам, ведущим уголовный процесс, необходимо иметь в виду, что примирение с потерпевшим это, прежде всего, нравственно-психологическая процедура. В ее основе должно лежать осознание обвиняемым тех обид, страданий, которые им причинены другому человеку, последствий своих действий и принятие на себя ответственности за их совершение. Поэтому цель примирения не может исчерпываться прагматическим результатом – прекращением производства по уголовному делу, а должна стремиться к

достижению восстановительно-предупредительных задач уголовного процесса.

Список цитированных источников

1. Зайцева, Л.Л. Институт примирения в уголовном процессе Республики Беларусь / Л.Л. Зайцева // Право и демократия : сб. науч. тр. / Редкол.: В.Н. Бибило (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2011. – Вып. 22. – С. 250–267.
2. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. - М., 1939. - Т.3. - 980с.
3. Прошляков, А. Д. Взаимосвязь материального и процессуального уголовного права: автореф. дис... докт. юрид. наук. 12.00.09 / А. Д. Прошляков. - Екатеринбург, 1997. – 52с.
4. Божьев, В. П. Применение норм уголовно-процессуального законодательства при рассмотрении дел частного обвинения / В. П. Божьев // Советская юстиция. - 1992. - № 15-16. - С. 20-22.
5. Головкин, Л. В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве./ Л. В. Головкин. – СПб.: Изд-во «Юрид. центр Пресс», 2002. – 544с.
6. Якобашвили, Г. М. Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим: автореф. дис.... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Г. М. Якобашвили. - М., 2002. – 24с.
7. Аликуперов, Х. Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим/ Х. Аликуперов // Законность. - 1999. - №6. - С. 12-14.
8. Рубинштейн, Е. А. Прекращение уголовного дела в связи с примирением с потерпевшим в УПК Российской Федерации / Е. А. Рубинштейн // Материалы междунар. науч.-практ. конф., посвященной принятию нового УПК РФ, 4-6 февр. 2002 г. - М.: Изд-во ООО «Профобразование», 2002. - С. 164-166.
9. Минулин, Р. М. Примирительная форма разрешения уголовных дел: автореф. дис... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Р. М. Минулин. - М., 2004. – 24с.
10. Ухова, Е. В. Институт частного обвинения в уголовном судопроизводстве/ Е. В. Ухова. - М.: Изд-во «Юрлитинформ», 2008. – 144с.
11. Калинин, В. О практике применения судами статей 86, 88, 89 Уголовного кодекса Республики Беларусь, предусматривающих возможность освобождения лица от уголовной ответственности (по материалам обзора) / В. Калинин, В. Ракитский, Л. Дулько // Суд. весн. – 2012. - № 2 – С. 16 – 25.

Дата поступления статьи – 15.09.2015.

В статье рассматриваются два условия которые необходимо выполнить обвиняемому для освобождения от уголовной ответственности на основании ст.89 Уголовного Кодекса Республики Беларусь. К этим условиям относится возмещение (заглаживание) вреда, причиненного преступлением, и примирение с потерпевшим. Автор анализирует теоретические основы и проблемы реализации права на примирение, исследуются способы возмещения причиненного преступлением вреда и варианты процессуального оформления его результатов. Предлагается дополнительно разъяснять сторонам конфликта их право на примирение, его условия и последствия. Принимая решение об освобождении обвиняемого от уголовной ответственности необходимо проверить добровольность достижения примирения, объем и способ возмещения (заглаживания) вреда, причиненного преступлением. Отмечается, что правом на

примирение обладают лишь сами участники конфликта, а не их представители либо близкие родственники.

This article discusses two conditions that must be done to release the accused from criminal responsibility on the basis of Article 89 of the Criminal Code of the Republic of Belarus. These conditions include reimbursement (smoothing) the harm caused by the crime and reconciliation with the victim. The author analyzes the theoretical basis and the problem of the right to reconciliation as well as the ways to redress the harm caused by the offense and the procedural options for registration of its results is investigated. It is proposed to further clarify the conflict parties of their right to reconciliation, its conditions and consequences. Taking the decision on clearing of the accused from criminal responsibility there should be checked his voluntary reconciliation, the amount and method of harm compensation (smoothing) caused by the crime. It is noted that the right to have a reconciliation have conflict parties themselves, but not their representatives or close relatives.

БАЙЕСОВСКИЙ ПОДХОД К ОЦЕНКЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ И СТАНДАРТИЗАЦИЯ ВЕРБАЛЬНЫХ ФОРМУЛИРОВОК ВЫВОДОВ ЭКСПЕРТА

Нефедов С.Н.

«Оценка доказательств – логический процесс установления допустимости и относимости доказательств, наличия и характера связей между ними, определения значения и путей использования доказательств для установления истины по делу. Осуществляется на всем протяжении судебного исследования: в процессе дознания и предварительного следствия, на стадии судебного рассмотрения дела. Окончательную оценку доказательств дает суд, выносящий решение по делу» [1, с.180].

Среди различных видов доказательств особое значение имеет заключение эксперта. В современных экспертных исследованиях используются последние достижения науки, уникальное оборудование, для их проведения привлекаются эксперты, имеющие высокую (в том числе научную) квалификацию в своей отрасли знаний. Поэтому судьям и следователям иногда сложно оценить достоверность результатов экспертизы, хотя, в соответствии с законодательством, именно судья должен принимать окончательное решение.

Как справедливо отмечает Ю.К. Орлов – «возможны лишь *две* взаимоисключающие *системы оценки доказательств* — *формальная* и на основе *внутреннего убеждения* (свободная)» [2, с. 118].

Система *формальных доказательств*, которая ранее широко применялась в большинстве стран, не имела надежной научной основы, давала большой процент судебных ошибок, поэтому она была отвергнута и заменена своим антиподом — свободной оценкой. Сначала во Франции (в

конце XVIII в.), а затем в других государствах континентальной Европы, в том числе в России (судебная реформа 1864 г.).

«Внутреннее убеждение судьи (следователя, эксперта*) – психическое состояние, возникающее как результат оценки доказательств (для эксперта - результатов исследования), осуществленной свободно, без следования каким-либо внешним догмам с учетом специфики конкретного уголовного дела (или конкретной экспертной задачи). Внутреннее убеждение формируется при отсутствии каких-либо внешних критериев. Как психологическая категория внутреннее убеждение представляет собой психическое состояние, отличающееся твердой уверенностью в истинности достигнутых результатов, объективно отражающее состояние доказанности факта, события» [1, с.43]. Следует подчеркнуть, что в данном определении внутреннее убеждение является психологической категорией. Однако в юридической литературе психологические аспекты оценки доказательств по внутреннему убеждению рассмотрены недостаточно. Особенно интересен анализ данного понятия с позиций когнитивной психологии.

Когнитивная психология — раздел психологии, изучающий познавательные процессы человеческой психики. Исследования в этой области обычно связаны с вопросами памяти и внимания, представления информации и воображения, логического мышления и принятия решений. Используемые при этом методы во многом основаны на проведении аналогии между обработкой информации в компьютере и познавательными процессами человека. Модели познавательных процессов (обычно основанные на применении математических методов) позволяют по-новому взглянуть на их сущность. Появление когнитивной психологии иногда называют своеобразной революцией в психологической науке.

Большой интерес представляет использование методов когнитивной психологии в иных сферах, прежде всего там, где первостепенное значение имеют решения, принимаемые человеком: управление, экономика и бизнес, социология, военное дело и др. Так, например, в 2002 году Нобелевская премия в области экономики была присуждена двум американским ученым: психологу Даниэлю Канеману и экономисту Вернону Смиту. Это весьма редкое событие, чтобы высшую награду по экономике получил не экономист. До этого подобное было только дважды, когда премию по экономике получали математики – Леонид Канторович (1974) и Джон Нэш (1994).

Д. Канеман удостоен премии за работы по исследованию процессов принятия решений человеком в ситуациях, связанных с неопределенностью и риском. Он показал, что люди не всегда верно оценивают вероятности возможных альтернатив, т.к. принимают решения на основании

* Законодательством не предусмотрен вывод эксперта по внутреннему убеждению, однако во многих видах экспертиз используется именно такой способ оценки результатов исследований. В документах ENFSI (Европейская сеть институтов судебной экспертизы) такие методики называются субъективными (subjective methods).

ограниченного объема информации, которая, кроме того, не всегда достоверна. Ключевое значение в исследованиях Канемана, как и других областях применения когнитивной психологии, занимает **байесовский подход**, основу которого составляет теорема Байеса*. В последние годы за рубежом байесовский подход находит применение и в сфере права, прежде всего, при интерпретации результатов судебной экспертизы.

Теорема Байеса — одна из основных в теории вероятности, которая позволяет определить вероятность того, что произошло какое-либо событие (гипотеза) при наличии лишь косвенных тому подтверждений (данных), которые могут быть неточными. Другими словами, по формуле Байеса можно рассчитать вероятность, взяв в расчёт как ранее известную информацию, так и новые подтверждения.

Формула Байеса позволяет по известному факту события (следствия некоторой причины) вычислить вероятность того, что оно было вызвано данной причиной. Эти причины называют *гипотезами*. Исходную вероятность справедливости гипотезы называют *априорной* (насколько вероятна гипотеза до получения новой информации), а вероятность — с учётом факта произошедшего события — *апостериорной*. Например, гипотезой является предположение о виновности подозреваемого в совершении преступления, а результат экспертизы, подтверждающий данную гипотезу — событие, т.е. следствие данной причины.

Важной особенностью данного подхода является то, что используют байесовскую интерпретацию вероятности, которая определяется как степень уверенности в истинности суждения и является альтернативой частотной интерпретации вероятности. Для нахождения байесовской вероятности не требуется проведения большого количества повторяющихся испытаний, иногда ее называют логической или субъективной вероятностью. Таким образом, байесовский подход позволяет использовать количественную меру степени достоверности вывода эксперта и объективное правило его учета в совокупности с другими доказательствами.

В процессе формирования вывода обязательно рассматриваются две версии возможного результата (например, версии обвинения H_p , с вероятностью — P_p и версии защиты H_d , с вероятностью — P_d). Решение принимается на основе сравнения вероятностей этих версий (гипотез), для этого анализируют отношение их вероятностей — $R = P_p / P_d$. Иногда это отношение называют отношением шансов. Так как рассматриваемые версии образуют полную группу событий, то $P_p + P_d = 1$, следовательно, $P_d = 1 - P_p$, поэтому отношение шансов можно определить только по одной вероятности: $R = P_p / (1 - P_p)$.

* Теорема Байеса (иногда говорят Бейза, что более соответствует английскому произношению фамилии Bayes) названа в честь её автора Томаса Байеса (1702—1761) — английского математика и священника, который первым доказал частный случай теоремы. Термин «байесовский» стал широко использоваться примерно в 1950 году, и большая часть того, что сейчас называется «байесовским», не имеет к Байесу прямого отношения.

Вывод эксперта определяется как условная вероятность анализируемого события E (объекта экспертизы) при справедливости каждой гипотезы, т.е. $P(E|H_p)$ и $P(E|H_d)$. Результат экспертизы представляют как отношение этих условных вероятностей, это отношение называют *отношением правдоподобия* (*likelihood ratio*) и обозначают $LR = P(H|P_p)/P(H|P_d)$.

Итоговое (с учетом результатов экспертизы) отношение апостериорных вероятностей версий (R_H) равно произведению отношения априорных вероятностей (R_A) на отношение правдоподобия (LR) – правило Байеса:

$$R_H = LR \times R_A.$$

Если необходимо учитывать результаты нескольких экспертиз, то данное правило применяют последовательно несколько раз. Однако результаты различных экспертиз должны быть независимыми.

В отличие от вероятности, которая может принимать численные значения от нуля до единицы, отношения шансов – R и правдоподобия – LR могут принимать любые положительные значения. Если R или LR равно единице, то вероятности одинаковые (события равновероятны). Если LR больше единицы, то результат экспертизы подтверждают H_p , если LR меньше единицы, то подтверждается H_d . Численное значение LR характеризует степень подтверждения той или иной гипотезы.

Значения LR , также как и R , связаны с вероятностью P соотношением $LR = P/(1 - P)$. Считается, что отношение шансов более удобно для восприятия, чем вероятность. Так значение $R = 1000$ означает: в одном случае из 1001, что соответствует вероятности $P = 0,999$. Значения P и соответствующие им значения LR приведены в таблице 1.

Таблица 1 – Соотношение значений P и LR

P, %	0,00999	0,0999	9,1	33,3	50	66,67	90,9	99,01	99,9
LR	0,0001	0,001	0,1	0,5	1	2	10	100	1000

Однако судьи и следователи в основном работают с вербальной информацией, следовательно, для них предпочтительны словесные выводы эксперта. Поэтому от численных значений отношения правдоподобия переходят к вербальным формулировкам для определенных численных значений LR . Назовем упорядоченное расположение этих формулировок вербальной шкалой, а соответствующие численные значения LR реперными точками шкалы. Для того чтобы выводы эксперта одинаково воспринимались всеми участниками процесса, данные формулировки должны быть стандартизированы.

Авторитетный британский специалист в области судебной экспертизы и применения статистических методов И. Эвент на Первой Конференции Европейской Академии Судебной Экспертизы отмечал, что необходимо разработать единый стандарт интерпретации LR . В качестве основы для обсуждения он предложил шкалу, приведенную в таблице 2 [3, с.201].

Таблица 2 – Вербальная шкала LR, предложенная И. Эветтом (1997)

Значения LR	Вербальная формулировка
1 - 10	Ограниченное подтверждение
10 - 100	Умеренное подтверждение
100 - 1000	Сильное подтверждение
более 1000	Очень сильное подтверждение

В 2010 году в ENFSI начал реализовываться проект Укрепление оценки результатов судебной экспертизы во всей Европе, в ходе выполнения которого было разработано Руководство по количественному представлению выводов эксперта. В этом Руководстве приведены общие рекомендации по формированию вывода эксперта, шкала LR и соответствующие вербальные формулировки (см. табл. 3) [4, с.6-18]. В предлагаемой шкале принято большее количество реперных точек (причем добавлены значения для LR больше 1000), а также рекомендуются более многословные формулировки, причем предлагается два варианта фраз. Заметим, что данные формулировки более соответствуют байесовскому подходу, т.к. сравниваются две альтернативные гипотезы. Вывод эксперта имеет ограниченное значение, т.к. он анализирует не всю совокупность доказательств (это задача следователя и судьи), а только объекты, представленные на экспертизу, и результаты проведенных исследований, поэтому предлагаемые формулировки более соответствуют процессуальным требованиям.

Таблица 3 – Вербальная шкала ENFSI

Значения LR	Словесные эквиваленты (предложено два варианта формулировки) Формулировки приближены к вариантам на английском языке
1	Выводы исследования не поддерживают ни одного предположения Результаты исследований не позволяют решить проблему
2-10	Выводы исследований слабо подтверждают первое предположение относительно альтернативы. Выводы исследований более вероятны для первого предложения относительно другого.
10-100	.. дают умеренную поддержку первого предположения, а не альтернативного .. более вероятно будет предположение..., чем предположение...
100-1000	...умеренная поддержка первого предложения, а не альтернативы ..существенно более вероятно будет предположение..., чем предположение...
1000-10 000	...решительная поддержка первого предложения, а не альтернативы ..гораздо более вероятно... предположение..., чем предположение...
10 000 - 1 000 000	обеспечивается очень решительная поддержка для первого предположения, а не альтернативного гораздо более вероятно предположение..., чем предположение...
1 000 000 и более	.. получена чрезвычайно мощная поддержка первого предположения, а не альтернативы ..чрезвычайно более вероятно предположение..., чем предположение...

В шкалах Эветта и ENFSI (табл. 2 и 3) реперные точки выбраны только для значений LR больших единицы, т.е. для случая, когда результат экспертизы подтверждает первую версию. Если результат экспертизы подтверждает вторую версию, то надо изменить порядок рассмотрения версий. Математически это сделать очень просто – поменять местами числитель и знаменатель дроби. Однако это может оказаться очень неудобным для следователя или судьи, которые оценивают всю совокупность доказательств, причем они мыслят не формулами, а оценивают информацию различного рода. Поэтому имеются варианты вербальных шкал для значений LR больших и меньших единицы [5]. При выборе варианта стандартизируемой шкалы необходимо, в первую очередь, учитывать мнение судей, следователей и других участников процесса.

Помимо стандартизации вербальных шкал, за рубежом разрабатываются специальные руководства для юристов различных категорий, в которых излагаются основы байесовского подхода, а также особенности интерпретации результатов для различных видов экспертиз. Здесь, прежде всего, следует отметить четыре части Практического Руководства, подготовленные Рабочей группой «Статистика и Право» Британского Королевского Общества Статистики [6-9], а также объемное руководство, подготовленное под эгидой Федерального Юридического Центра США [10].

При анализе большого количества доказательств между различными источниками доказательств может существовать зависимость, поэтому несколько раз применять простое правило Байеса не всегда корректно. В этом случае строят логическую сеть, которая отражает взаимосвязь различных факторов (источников доказательств), и для узлов этой сети последовательно применяют теорему Байеса, что позволяет рассчитать итоговую вероятность сложной комбинации событий. Такие сети называют байесовскими сетями доверия, которые применяются в различных отраслях, в том числе в судебной экспертизе [8, с.103-143]. Байесовская сеть для правовой сферы является логическим развитием графического метода анализа доказательств Джона Вигмора [11, с.67-73].

В СССР метод, методологически близкий методу Вигмора, разработал А.А. Эйсман [12]. Однако «Логика доказывания» Эйсмана (также как и метод Вигмора) не получила в свое время широкого распространения. Одна из причин, по-видимому, заключается в том, что в ней не используются количественные показатели весомости и степени зависимости (влияния) различных доказательств. Хотя в графических обозначениях некоторых актов доказывания Эйсман отразил изменяющуюся степень влияния различных факторов [12, с.42 - 69], но количественные параметры он не использовал.

В судебно-экспертной практике СССР сложилось так, что выводы эксперта могут быть только: категорическими (положительными или отрицательными, да/ нет), вероятными (да/ нет), либо может быть сделан вывод о невозможности решения вопроса. Такая практика сохранилась в

Республике Беларусь и большинстве других государств СНГ. Следует отметить, что малое количество вариантов вывода (только пять), весьма ограничивают возможности эксперта, а также судьи и следователя при интерпретации результатов экспертизы. Вероятный вывод (даже при высокой вероятности, на которой основано решение эксперта) вряд ли будет рассматриваться судьей как весомое доказательство.

Байесовский подход позволяет более полно учитывать результаты различных экспертиз и сопоставлять между собой экспертизы различных видов. Например, если в качестве источников доказательств имеются результаты трех различных экспертиз, каждая из которых характеризуется $LR=100$, т.е. обеспечивается «умеренное подтверждение», то совместно они обеспечивают $LR=1000\ 000$ (последовательно, три раза применяется правило Байеса), что соответствует «чрезвычайно мощной поддержке» предположения. Разумеется, такой вывод обеспечивается при условии, что результаты экспертиз взаимно независимы. Заметим, что на практике такую высокую степень подтверждения (для одной экспертизы) может обеспечить только экспертиза ДНК, причем не во всех случаях.

Следует заметить, что данный подход в некоторой степени уже используется в нашей судебно-экспертной практике. Так вербальные формулировки выводов экспертов для количественных значений вероятности вывода были предложены в 1975 г. А.К. Тумановым для решения задачи определения отцовства по характеристикам крови [13, с. 232 - 233]. Сегодня выводы экспертизы ДНК делают с указанием количественного параметра, характеризующего его достоверность, – вероятности или отношения правдоподобия.

В соответствии с мировыми тенденциями, представляется целесообразным внедрение байесовского подхода в судебно-экспертную практику в Республике Беларусь. Разумеется, это достаточно продолжительный процесс, который потребует подготовки соответствующих учебных и методических пособий для судей, следователей и экспертов, включение необходимых тем и дисциплин в учебные программы и планы их подготовки (переподготовки) и повышения квалификации, разработки нормативных документов для стандартизации шкалы судебно-экспертных выводов и соответствующих вербальных формулировок на русском (белорусском) языке и т.д. Необходимо всестороннее рассмотрение и обсуждение этого вопроса специалистами различного профиля. Возможно, будут возражения, что такой подход противоречит нашему законодательству, т.к. «никакие доказательства для органа дознания, следователя, прокурора, суда не имеют заранее установленной силы» (ст. 19 УПК). Но данный подход следует рассматривать лишь как систему интеллектуальной поддержки, окончательное решение будет принимать судья.

Список цитированных источников

1. Белкин, Р.С. Криминалистическая энциклопедия / Р.С. Белкин. – М.: Мегатрон XXI, 2000. – 333с.
2. Орлов, Ю.К. Проблемы теории доказательств в уголовном процессе / Ю.К. Орлов. – М.: Юристъ, 2009. – 175с.
3. Evett, IW. Towards a uniform framework for reporting opinions in forensic science casework / IW. Evett // Plenary lecture presented at the First Meeting of the European Academy of Forensic Sciences, – Lausanne, Switzerland, 1997. – С. 198-202.
4. ENFSI guideline for evaluative reporting in forensic science / Approved version 3.0. – 126с.
5. Champod, C. The inference of identity of source: theory and practice [Электронный ресурс] // First International Conference on Forensic Human Identification in Next Millennium, London, 1999. – Режим доступа: // <http://www.latent-prints.com/images/The%20Inference%20and%20Identity%20of%20Source.pdf>. – Дата доступа: 12.09.2015.
6. Practitioner Guide № 1: Fundamentals of Probability and Statistical Evidence in Criminal Proceedings / Guidance for Judges, Lawyers, Forensic Scientists and Expert Witnesses, 2010. – 121с.
7. Practitioner Guide № 2: Assessing the Probative Value of DNA Evidence / Guidance for Judges, Lawyers, Forensic Scientists and Expert Witnesses, 2012. – 124с.
8. Practitioner Guide № 3: The Logic of Forensic Proof: Inferential Reasoning in Criminal Evidence and Forensic Science / Guidance for Judges, Lawyers, Forensic Scientists and Expert Witnesses, 2014. – 159с.
9. Practitioner Guide № 4: Case Assessment and Interpretation of Expert Evidence / Guidance for Judges, Lawyers, Forensic Scientists and Expert Witnesses, 2014. – 140с.
10. Reference Manual on Scientific Evidence / 3rd ed./ Washington : National Academic Press., 2014. – 1016с.
11. Kadane, J. A probabilistic analysis of the Sacco and Vanzetti evidence / J. Kadane, D. Schum. – New York : John Wiley & Sons, 1996. – 385с.
12. Эйсман, А.А. Логика доказывания / А.А. Эйсман. – М.: Юрид. лит., 1971. – 112с.
13. Туманов, А.К. Основы судебно-медицинской экспертизы доказательств / А.К. Туманов. – М.: Медицина, 1975. – 515с.

Дата поступления статьи – 15.09.2015.

Оценка доказательств на основе внутреннего убеждения применяется из отсутствия альтернативного способа. Байесовский подход к оценке доказательств позволяет использовать количественные параметры, характеризующие выводы эксперта при оценке совокупности доказательств. Рассмотрены подходы к стандартизации вербальных формулировок количественных выводов эксперта, рекомендованные документами различных зарубежных и международных организаций, отмечается необходимость стандартизации соответствующих выводов на русском языке, а также целесообразность внедрения байесовского подхода в судебно-экспертную практику в Республике Беларусь.

Evidence evaluation based on internal belief is used due to the lack of any alternative method. Bayesian approach to evidence evaluation allows to use the quantitative parameters, which describe forensic scientist conclusions during the assessment of the whole totality of evidences. Approaches to standardization of verbal formulations of expert quantitative findings, recommended by the various documents of foreign and international organizations are examined. The necessity of standardization of

corresponding conclusions in Russian as well as the feasibility of the Bayesian approach to forensic expert practice in the Republic of Belarus is also noted in the article.

СОГЛАСИТЕЛЬНЫЙ ПОРЯДОК ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЯ О ПРИМЕНЕНИИ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТАНДАРТЫ И НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

Савчук Т.А.

Право на свободу является основополагающим правом человека. Конституция Республики Беларусь, общепризнанные принципы и нормы международного права и международных договоров Республики Беларусь допускают возможность ограничения права на свободу лишь в той мере, в какой оно необходимо в определенных законом целях и в установленном законом порядке. Ограничения прав и свобод личности могут быть оправданы публичными интересами, если такие ограничения отвечают требованиям справедливости, являются пропорциональными, соразмерными и необходимыми для целей защиты конституционно значимых ценностей. При разрешении вопросов, связанных с применением законодательства о мерах пресечения, исходя из презумпции невиновности, следует соблюдать баланс между публичными интересами, связанными с применением таких мер, и важностью конституционного права на свободу личности. В силу названных обстоятельств Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь (далее – УПК Республики Беларусь) детально регламентирует процедуру избрания и применения мер пресечения, учитывая цели, правовую природу и индивидуальность каждой из предусмотренных мер пресечения.

Одной из обсуждаемых в уголовно-процессуальной науке проблем является вопрос о получении согласия подозреваемого, обвиняемого (далее по тексту – обвиняемый, если не указано иное) на применение к нему меры пресечения. Как известно, согласие обвиняемого в качестве обязательного условия прямо предусмотрено законодателем в отношении такой меры пресечения как личное поручительство (ч. 2 ст. 121 УПК Республики Беларусь). Такой подход демонстрирует и уголовно-процессуальное законодательство ряда государств-участников СНГ. В то же время ст. 104 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации предусматривает получение согласия обвиняемого на применение к нему меры пресечения в виде наблюдения командования воинской части. По мнению отдельных авторов, это обусловлено частыми случаями неуставных отношений в Вооруженных Силах Российской Федерации, особенно когда лицо обвиняется в преступлении, совершенном на почве таких отношений, что делает его нахождение в воинской части крайне нежелательным. Однако, несмотря на правовые предписания, некоторые ученые полагают,

что закон должен предусматривать обязательное получение согласия обвиняемого при принятии решения о применении к нему и других мер пресечения, не связанных с лишением свободы.

В частности, А.В. Смирнов и К.Б. Калиновский настаивают, что согласие обвиняемого необходимо в случае применения к нему мер пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении, наблюдения командования воинской части, отдачи несовершеннолетнего под присмотр и залога, поскольку такие меры носят психолого-принудительный характер, а суть любой из них сводится к личному обещанию обвиняемого о его надлежащем поведении [1, с. 213, 218, 224, 225]. Развивая эту мысль, П.В. Гридюшко и И.Г. Кулай, указывают, что получение согласия несовершеннолетнего на применение к нему меры пресечения в виде отдачи под присмотр обеспечит его надлежащее поведение и сделает присмотр более эффективным [2, с. 283]. На целесообразность законодательного закрепления получения согласия обвиняемого при применении к нему меры пресечения в виде залога указывает Т.В. Воронович [3], а Т.Л. Щерба полагает, что такое согласие должно иметь письменную форму и лишь в том случае, если обвиняемый не является залогодателем [4, с. 11].

Исследуя вопросы домашнего ареста, отдельные авторы считают, что обязательным условием применения этой меры пресечения является согласие обвиняемого на ее избрание. По мнению, Э.К. Кутуева [5, с. 63–64], цель получения такого согласия связана с физически-принудительным характером домашнего ареста и возможностью применения более строгой меры пресечения в случае несоблюдения режима отбывания домашнего ареста. А. Александров [6, с. 84] считает необходимым получение согласия обвиняемого (и его окружения) только в случае установления контроля за помещением, в котором будет находиться домашне арестованный. Э.Р. Галимов, Р.М. Муртазин и З.Х. Шагиева [7, с. 71], выражая солидарность с цитируемыми учеными, связывают получение согласия обвиняемого с добросовестным выполнением им ограничений, установленных домашним арестом, ссылаясь при этом на положения Токийских правил, предусматривающих получение согласия лица на применение к нему любых мер, не связанных с тюремным заключением.

Следует отметить, что подобный вопрос был предметом рассмотрения законотворческих органов Республики Беларусь. Так, в 2014 г. гражданин С. обращался в Палату представителей Национального собрания Республики Беларусь с предложением инициировать рассмотрение в Конституционном Суде Республики Беларусь вопроса о признании положений статей 120, 122, 123 и 124 УПК Республики Беларусь неконституционными. В своем обращении С. указывал, что существующий порядок избрания и применения на стадии предварительного расследования в отношении обвиняемого мер пресечения, регламентированных указанными статьями УПК Республики Беларусь, без согласия обвиняемого противоречит общепризнанной норме международного права, а именно правилу п. 3.4 Стандартных минимальных

правил ООН в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила, принятые резолюцией № 45/110 Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1990 г).

Токийские правила предусматривают, что «не связанные с тюремным заключением меры, которые накладывают какое-либо обязательство на правонарушителя и которые применяются до формального разбирательства или суда или вместо них, требуют *согласия* правонарушителя» (п. 3.4). Пунктом 2.1 Токийских правил установлено, что такие меры применяются ко всем лицам, в отношении которых осуществляется судебное преследование, суд или исполнение приговора, на всех этапах отправления уголовного правосудия. Такие лица в этом международном документе именуются правонарушителями независимо от того, являются они подозреваемыми, обвиняемыми или осужденными.

Между тем, считаем, что национальные уголовно-процессуальные нормы о мерах пресечения в данном контексте ни в коей мере не противоречат Токийским правилам, что обусловлено следующим.

При принятии решения о применении любой меры пресечения (за исключением заключения под стражу) орган, ведущий уголовный процесс, в первую очередь должен руководствоваться наличием обвиняемого, т.е. речь идет о недопустимости применения мер пресечения в его отсутствие, а не об обязательном согласии этого лица. Например, без отобрания у обвиняемого, в отношении которого принято решение о применении меры пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении, соответствующего письменного обязательства эта мера не может считаться примененной и влекущей правовые последствия для обвиняемого. Кроме того, дача согласия на что-либо может быть только процессуальным правом, но не обязанностью обвиняемого. А отказ воспользоваться своим правом не может влечь для него наступление негативных последствий, тем более в виде применения более строгой меры пресечения. В этимологическом значении «согласие» понимается как разрешение, утвердительный ответ на просьбу, а в философском контексте согласие равнозначно волеизъявлению. Но ответ обвиняемого на применение к нему меры пресечения может быть не только утвердительным (согласием) или отрицательным (несогласием), но и нейтральным, когда он никак не выражает свое мнение по поводу примененной к нему меры пресечения. Например, обвиняемый может отказаться официально выразить свое согласие с применением к нему подписки о невыезде и надлежащем поведении, но, подчиняясь требованиям уголовно-процессуального закона, дает соответствующую расписку. Однако такое нейтральное поведение обвиняемого в силу презумпции невиновности не может и не должно быть использовано против обвиняемого. В свою очередь, открытое высказывание доводов, мнения против чего-нибудь, выражение несогласия с чем-нибудь определяется термином «возражение». Следовательно, отказ, т.е. возражение обвиняемого от написания обязательства не покидать постоянное или временное место жительства без разрешения органа уголовного преследования или суда, не препятствовать

расследованию уголовного дела и рассмотрению его в суде, являться по вызовам органа, ведущего уголовный процесс, может повлечь принятие решения об избрании более строгой меры пресечения. Данное законодательное правило обусловлено тем, что, принимая решение о применении подписки о невыезде и надлежащем поведении, орган, ведущий уголовный процесс, исходит из наличия общих оснований для применения меры пресечения (ч. 1 ст. 117 УПК Республики Беларусь), а, учитывая личность обвиняемого и обстоятельства конкретного уголовного дела (ч. 2 ст. 117 УПК Республики Беларусь) считает возможным избрать именно подписку о невыезде и надлежащем поведении. Из этого следует, что отказ обвиняемого от дачи письменного обязательства о соблюдении данной меры пресечения должен расцениваться как предпосылка применения иной, более строгой меры пресечения.

Как указывалось в обращении заявителя С. национальное законодательство соответствует международным стандартам в части получения согласия обвиняемого на применение меры пресечения в виде личного поручительства (ч. 2 ст. 121 УПК Республики Беларусь). Между тем, закрепление получения согласия обвиняемого в качестве обязательного условия применения личного поручительства в специальных уголовно-процессуальных нормах предопределено правовой природой данной меры пресечения. С одной стороны, применение личного поручительства строится на доверии между обвиняемым и лицами, выступающими в качестве поручителей, личном влиянии и авторитете поручителей, оказываемом на обвиняемого. Иными словами, в основе личного поручительства лежит характер взаимоотношений между названными лицами, поэтому их согласие на избрание данной меры пресечения является непременным условием. Кроме того, эта мера пресечения предполагает, что поручители могут использовать такие методы убеждения, воспитания и нравственно-психологического воздействия, которые обеспечат надлежащее выполнение обвиняемым возложенных на него обязанностей, а, значит, он согласен выполнять требования, установленные личным поручительством.

По нашему мнению, согласие обвиняемого на применение к нему мер пресечения (кроме личного поручительства) не может и не должно являться элементом законодательной конструкции уголовно-процессуальных норм. Полагаем, что получение такого согласия противоречит правовой природе мер пресечения, являющихся составной частью государственных мер уголовно-процессуального принуждения, которые, по общему правилу, применяются по усмотрению органа, ведущего уголовный процесс, для предотвращения совершения обвиняемым действий, препятствующих производству по уголовному делу.

Следует согласиться с мнением В.А. Давыдова в том, что применение мер пресечения всегда предполагает двустороннее волеизъявление: с одной стороны, – того, кто избирает меру пресечения, с другой – лица, в отношении которого она избирается, или тех, от кого зависит ее исполнение [8, с. 4]. И лишь заключение под стражу предполагает одностороннее

волеизъявление органа, ведущего уголовный процесс, которое обязательно для обвиняемого. При этом волеизъявление и согласие не являются тождественными понятиями. В связи с этим считаем, что при принятии решения о применении меры пресечения орган, ведущий уголовный процесс, должен выяснять позицию обвиняемого относительно предполагаемой меры пресечения и использовать полученные от него сведения наряду с иными обстоятельствами при выборе оптимальной меры пресечения.

Исходя из цитируемых выше положений пункта 3.4 Токийских правил, требование о получении согласия правонарушителя о применении к нему меры принуждения перестает действовать при выполнении одного из двух условий: либо производства формального разбирательства, либо рассмотрения этого вопроса в суде. При этом «формальное разбирательство» следует толковать как рассмотрение соответствующего вопроса уполномоченным лицом в установленном законом порядке. Иными словами термин «формальное» используется в данном контексте в значении «законное», а «разбирательство» означает применение определенных оснований и процедур для вынесения процессуального решения.

Подобные правовые гарантии предусмотрены и Сводом принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме, принятого Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1988 г. № 43/173 (п. 1 принципа 32). В данном международном документе определено, что «задержанное лицо или его адвокат имеют право в любое время возбудить в соответствии с внутренним законодательством разбирательство перед судебным или иным органом для оспаривания законности задержания этого лица с целью достижения немедленного его освобождения, если такое задержание является незаконным». Этим положением, прежде всего, делается акцент на важности разбирательства по вопросу правомерности (законности) задержания лица, которое должно быть простым и быстрым (п. 2 принципа 32), а будет оно проведено судом или иным компетентным органом, определяется национальным законодательством.

Общеизвестно, что применение любой меры пресечения допускается лишь при наличии доказательств, которые дают основания полагать, что обвиняемый будет вести себя ненадлежащим образом в формах, указанных в ч. 1 ст. 117 УПК Республики Беларусь. Выбор конкретной меры пресечения зависит от обстоятельств, перечисленных в части 2 данной правовой нормы. Принятое органом уголовного преследования (судом) решение о применении меры пресечения облекается в процессуальную форму – постановление (определение), копия которого вручается обвиняемому с разъяснением порядка обжалования такого решения. Вся эта процедура соответствует понятию «формальное разбирательство».

Согласно ст. 2 Протокола № 4 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, каждый, кто на законных основаниях находится на территории какого-либо государства, имеет в пределах этой

территории право на свободу передвижения и свободу выбора места жительства. Каждый свободен покидать любую страну, включая свою собственную. Пользование этими правами не подлежит никаким ограничениям, кроме тех, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности или общественного спокойствия, для поддержания общественного порядка, предотвращения преступлений, охраны здоровья или нравственности, для защиты прав и свобод других лиц.

Практика применения норм европейского права также свидетельствует о том, что право на применение меры пресечения не обусловлено получением согласия лица, в отношении которого она избирается. Например, по делу «Федоров (Fedorov) и Федорова (Fedorova) против Российской Федерации» (жалоба № 31008/02, постановление от 13 октября 2005 г.) Европейский суд по правам человека признал, что избрание меры пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении по правилам российского уголовно-процессуального законодательства соответствует положениям ст. 2 Протокола № 4 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. В частности, Европейский суд отметил, что само собой разумеется: «государство может применять различные меры пресечения, ограничивающие свободу обвиняемого в совершении преступления, чтобы обеспечить эффективное уголовное расследование, в том числе лишение свободы». Таким образом, реализация данного права не ставится в зависимость от согласия обвиняемого и, напротив, продолжает действовать, если обвиняемый возражает против применения к нему данной меры пресечения. Вышеизложенное позволяет утверждать, что существующая процедура принятия решения о применении мер пресечения в уголовно-процессуальном законодательстве Республики Беларусь полностью соответствует понятию «формальное разбирательство» и не противоречит пункту 3.4 Токийских правил в части получения согласия правонарушителя (подозреваемого или обвиняемого) на применение мер, накладывающих на него какое-либо обязательство.

Список цитированных источников

1. Смирнов, А.В. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Туркменистана : постатейный / А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский ; Под общ. ред. А.В. Смирнова. – Ашхабад, 2012. – 656 с.
2. Гридюшко, П.В. Проблемы отдачи несовершеннолетнего под присмотр в уголовном процессе Республики Беларусь / П.В. Гридюшко, И.Г. Кулай // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для органов внутренних дел Республики Беларусь : тез. докл. Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 30 июня 2010 г. / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, Акад. МВД ; под ред. В.Б. Шабанова. – Минск : Акад. МВД, 2010. – С. 283.
3. Воронович, Т.В. Залог в уголовном процессе / Т.В. Воронович // КонсультантПлюс : Беларусь [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2015.

4. Щерба, Т.Л. Залог как мера пресечения в уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Т.Л. Щерба ; Акад. МВД Респ. Беларусь. – Минск, 2013. – 25 с.

5. Кутуев, Э.К. Меры принуждения в уголовном процессе : теоретические и организационно-правовые проблемы / Э.К. Кутуев. – М. : ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2009. – 111 с.

6. Александров, А. Домашний арест как мера пресечения в уголовном процессе / А. Александров // Уголов. право. – 2012. – № 2. – С. 82 – 89.

7. Галимов, Э.Р. Применение мер пресечения в судебных стадиях уголовного процесса / Э.Р. Галимов, Р.М. Муртазин, З.Х. Шагиева. – М. : Юрлитинформ, 2013. – 168 с.

8. Давыдов, В.А. Заключение под стражу как мера пресечения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / В.А. Давыдов. – М., 1978. – 22 с.

Дата поступления статьи – 1509.2015.

В статье на основе конституционных положений, общепризнанных норм международного права и национального уголовно-процессуального законодательства, а также европейской и отечественной судебной практики рассматриваются вопросы, связанные с получением согласия подозреваемого, обвиняемого на применение к нему органом, ведущим уголовный процесс, мер пресечения.

On the basis of the constitutional provisions, the universally recognized norms of international law and the national criminal procedure legislation as well as the European and domestic jurisprudence, the questions connected with receiving the consent of the suspect and accused on application to it, the measures of restraint by the body conducting criminal trial in the article are considered.

ПРОБЛЕМАТИКА УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНСТИТУТА ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ

Сенько А.С.

Законом Республики Беларусь от 5 января 2015 г. № 241-З «О внесении дополнений и изменений в Уголовный, Уголовно-процессуальный, Уголовно-исполнительный Кодексы Республики Беларусь, Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях и Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях» в национальную правовую систему был введен ранее не известный отечественной школе права межотраслевой (прежде всего уголовно-процессуальный и уголовно-правовой) институт досудебного соглашения о сотрудничестве [1]. Данному нововведению в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Беларусь (далее по тексту – УПК) посвящены правовые предписания ст.ст. 6, 277¹, 280³, 468⁵ - 468¹² и другие. В частности, в ст. 6 УПК законодатель указал, что под досудебным

соглашением о сотрудничестве понимается соглашение, заключаемое в письменном виде между подозреваемым (обвиняемым) и прокурором, в котором определяются обязательства подозреваемого (обвиняемого) по оказанию содействия предварительному следствию и условия наступления ответственности подозреваемого (обвиняемого) при выполнении им указанных обязательств.

Проведенный анализ содержания обозначенных нормативно-правовых предписаний в контексте определения системной завершенности процессуального регулирования рассматриваемого института на досудебных стадиях уголовного процесса свидетельствует о наличии некоторой правовой неопределенности по ряду его основных составляющих. Такое положение дел обуславливает необходимость инициирования углубленного теоретического исследования вопросов, связанных с правовой конструкцией досудебного соглашения о сотрудничестве и, на основании его результатов, выдвижения для обсуждения приемлемых для практики и теории уголовного процесса и прокурорского надзора исходных положений относительно понимания, толкования и применения института досудебного соглашения о сотрудничестве.

Прежде всего, как нам кажется, следует определиться с правовой сущностью самого полномочия прокурора по заключению с лицом (подозреваемым, обвиняемым) досудебного соглашения о сотрудничестве, ответив на принципиально важный вопрос – данное полномочие позиционируется с правом либо же с обязанностью прокуроров. В юридической литературе по данному вопросу высказаны различные позиции [2, с. 78; 3, с. 12-14].

Разрешая этот вопрос, с одной стороны, необходимо учитывать, что прокурор оценивает ходатайство лица о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве на предмет наличия в нем полезных для следствия обязательств подозреваемого (обвиняемого). С другой же стороны – принимает такое решение по собственному усмотрению, основываясь исключительно на своем внутреннем убеждении, формируемом при изучении не только имеющихся в уголовном деле юридических оснований и условий задействия института досудебного соглашения о сотрудничестве, но и психологических, личностных и других факторов. Прокурор при этом должен обращать внимание на все установленные характеристики совершенного преступления, на роль каждого из заявивших ходатайство соучастников в его совершении, их поведение до и после совершения преступления. Кроме того, возможны ситуации, когда желающих заключить досудебное соглашение о сотрудничестве может быть несколько, а информация, которую они хотят передать следствию по степени важности и необходимости для эффективного производства предварительного следствия является тождественной.

В связи с изложенным можно с уверенностью утверждать, что прокурор не может быть связан мнением участников уголовного судопроизводства. Поэтому полагаем, что полномочие прокурора по

заключению с лицами досудебного соглашения о сотрудничестве необходимо расценивать как правовую возможность, а не как правовую обязанность должностных лиц прокуратуры. Для данного утверждения имеются и непосредственные законодательные основания. Так, в части 3 статьи 468⁷ УПК указывается, что постановление прокурора об отказе в удовлетворении ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве обжалованию не подлежит. На подобное решение вопроса по существу ориентируют правоприменителя и Методические рекомендации по применению судами Закона Республики Беларусь от 5 января 2015 г. № 241-З «О внесении дополнений и изменений в Уголовный, Уголовно-процессуальный, Уголовно-исполнительный Кодексы Республики Беларусь, Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях и Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях», подготовленные судебной коллегией по уголовным делам Верховного суда Республики Беларусь. В п. 5 раздела «Досудебное соглашение о сотрудничестве» данных рекомендаций непосредственно отмечается, что заключение соглашения о сотрудничестве является правом прокурора или его заместителя, осуществляющих надзор за исполнением законов в ходе предварительного следствия по уголовному делу.

В связи с приведенным выше законодательным запретом на обжалование постановления прокурора об отказе в удовлетворении ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве также небезынтересны такие вопросы как возможность самих органов уголовного преследования и их должностных лиц (следователя, начальника следственного подразделения и т.п.) оспаривать принятое прокурором такое решение у выше стоящего прокурора, в случае их не согласия с вынесенным вердиктом и вопрос относительно возможности внесения прокурору повторного ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве.

Вправе ли вышестоящий прокурор вмешиваться в моделируемую ситуацию, когда полагает, что оспариваемое решение нижестоящего прокурора не соответствует законодательству и (либо) интересам расследования уголовного дела? В теории, в частности, встречается мнение отрицающее подобную возможность [4, с. 20]. Полагаем, что такая ситуация все же допустима, ибо предписания ч. 3 ст. 468⁷ УПК распространяются, по нашему мнению, лишь на участников уголовного процесса, защищающих свои или представляемые интересы (подозреваемый, обвиняемый, защитник, потерпевший, частный обвинитель, гражданский истец, гражданский ответчик, законные представители подозреваемого, обвиняемого, лица, совершившего общественно опасное деяние, потерпевшего, гражданского истца, представители потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика), к каковым не относятся органы уголовного преследования.

По нашему мнению, вышестоящий прокурор вправе также и по своей инициативе, при отсутствии соответствующей просьбы должностных лиц

органов уголовного преследования, корректировать решение нижестоящего прокурора об отказе в удовлетворении ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве. Организация прокурорского надзора за исполнением закона в ходе досудебного производства, при производстве предварительного следствия и дознания выстраивается прокурорами в соответствии с общим принципом организации и деятельности органов прокуратуры – принципом единства и централизации органов прокуратуры, подчинения нижестоящих прокуроров вышестоящим прокурорам, в том числе Генеральному прокурору Республики Беларусь. Поэтому любой вышестоящий прокурор в границах компетенции полномочен наряду с прокурорским надзором за органами предварительного следствия своего уровня, осуществлять прокурорский надзор за деятельностью нижестоящих прокуроров и соответствующих им объектов прокурорского надзора.

Оценивая повторную возможность внесения подозреваемыми (обвиняемыми) ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, следует отметить, что, на наш взгляд, она не допустима в случаях, когда условие и основания заключения досудебного соглашения о сотрудничестве остаются неизменными по сравнению с первоначальным ходатайством. Если же существенно изменились обстоятельства расследования уголовного дела, от подозреваемого (обвиняемого) поступили новые предложения о содействии в расследовании уголовного дела, открылись дополнительные перспективы взаимного сотрудничества, следователь может, как думается, поддержать перед прокурором ходатайство подозреваемого (обвиняемого) о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, а прокурор, в свою очередь, заключить с лицом досудебное соглашение о сотрудничестве.

Актуален, в плане затрагиваемой в статье проблематики, и вопрос о субъектах-носителях полномочия по заключению досудебного соглашения о сотрудничестве. Как известно, в пункте 3¹ части 5 статьи 34 УПК оговорено, что осуществляя надзор за соблюдением законности при производстве предварительного следствия и дознания, прокурор уполномочен заключить с подозреваемым (обвиняемым) досудебное соглашение о сотрудничестве. Таким образом, автономно трактуя приведенную норму, можно прийти к выводу о том, что уголовно-процессуальный закон конкретно не определяет должностное положение сотрудников прокуратуры, выступающих стороной досудебного соглашения о сотрудничестве.

Однако, этот вывод противоречит действующему законодательству, так как в уголовно-процессуальном законе имеются специальные нормы, касающиеся данного аспекта. Согласно ст.ст. 468⁷ и 468⁸ УПК рассматривать ходатайство лиц о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве и заключать досудебное соглашение о сотрудничестве вправе не каждый прокурорский работник, а лишь прокурор и его заместитель. Отдельно законодатель оговаривает правило, в соответствии с которым ходатайство подозреваемого (обвиняемого) о заключении досудебного соглашения о

сотрудничестве, совершившего преступление, за которое соответствующей статьей Особенной части Уголовного Кодекса Республики Беларусь предусмотрены пожизненное заключение или смертная казнь, рассматривается только Генеральным прокурором Республики Беларусь или лицом, исполняющим его обязанности (ч. 1 ст. 468⁷ УПК).

В правоприменительной практике может также возникнуть ситуация, при которой одно должностное лицо прокуратуры выносит решение об удовлетворении ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, а второе должностное лицо прокуратуры непосредственно заключает досудебное соглашение о сотрудничестве (к примеру, прокурор области удовлетворяет ходатайство лица о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, а один из его заместителей заключает с этим лицом досудебное соглашение о сотрудничестве в связи с безотлагательным отбытием прокурора области в длительную командировку и т.п.).

Как представляется, законодательные основания для признания подобной ситуации нелегитимной отсутствуют, несмотря на то, что буквальная трактовка положений, содержащихся в ч. 1 ст. 468⁸ УПК ориентирует нас на принятие противоположного решения. В этом случае следует придерживаться общих предписаний приведенного выше п. 3¹ части 5 ст. 34 УПК, а также содержания общих принципов организации и деятельности органов прокуратуры, предоставляющих возможность заменять при осуществлении прокурорско-властных полномочий одного прокурорского работника другим прокурорским работником.

Не безукоризненной, как думается, является и содержащаяся в ч. 4 ст. 468⁶, ч.ч. 2 и 3 ст. 468⁸ УПК законодательная конструкция условий и оснований заключения досудебного соглашения о сотрудничестве.

В качестве условия заключения досудебного соглашения о сотрудничестве выступает факт признания лицом (подозреваемым, обвиняемым) на момент обращения к следователю с ходатайством о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве своей вины в совершении преступления. В этом плане вызывает сомнение морально-нравственная и правовая неприемлемость выдвижения к подозреваемому (обвиняемому) требования о безусловном признании им своей вины в совершении преступления в ситуации, когда обвинение еще не предъявлено, либо же существует возможность предъявления повторного обвинения [4, с. 20; 5, с. 34-35; 6, с. 30-31]. Под сомнение, в этом случае, ставится и принцип осуществления правосудия на основе состязательности и равенства сторон.

Видится, что отечественному законодателю следует отказаться от данного тезиса, как это имеет место, к примеру, в Российской Федерации. Независимо от того, признает ли лицо свою вину в совершении преступления либо же нет, ему должно быть предоставлено право на заключение досудебного соглашения о сотрудничестве при наличии к этому соответствующих оснований.

Основаниями заключения досудебного соглашения о сотрудничестве

выступают заявленные подозреваемым (обвиняемым) обязательства по совершению различного рода действий в целях: оказания содействия предварительному следствию в расследовании преступления; изобличения других соучастников преступления; розыска имущества, приобретенного преступным путем; возмещения имущественного ущерба, уплате дохода, полученного преступным путем, совершения иных действий, направленных на заглаживание вреда, причиненного преступлением. Лицо также дополнительно может взять на себя обязательство сообщить известные ему сведения о других преступлениях и лицах, их совершивших.

При этом следует иметь в виду, что в УПК имеются прямые запреты на заключение досудебного соглашения о сотрудничестве. Соглашение не может быть заключено с лицами, совершившими общественно опасное деяние в состоянии невменяемости (в том числе при признании лица, совершившего общественно опасное деяние, невменяемым – досудебное соглашение о сотрудничестве утрачивает силу), а также по уголовным делам ускоренного производства и в случае, если содействие подозреваемого (обвиняемого) заключается в сообщении сведений лишь о своем участии в преступной деятельности (ст. 468⁶ УПК).

В исследуемом ракурсе законодатель не разрешает дилемму – является ли обязательным условием для заключения досудебного соглашения о сотрудничестве наличие всех четырех оснований либо же для этого достаточно хотя бы одного из них? Такое же положение дел наблюдается и в законодательстве Российской Федерации [3, с. 29-30; 7, с. 24-25].

Как видится, отечественный уголовно-процессуальный закон не исключает возможности заключения досудебного соглашения о сотрудничестве только ввиду одного из способов содействия следствию. Иное толкование УПК сделало бы практически невозможным, к примеру, разрешение правовой ситуации, когда должностному лицу органов уголовного преследования известны все причастные к преступной деятельности лица, предварительно доказано их участие в совершении преступления, однако похищенное имущество осталось ненайденными. Отказ в этом случае органов уголовного преследования от досудебного сотрудничества с осведомленным лицом ставит под угрозу реализацию положений уголовно-процессуального закона о предмете доказывания, значительно затрудняет реализацию конституционного права потерпевшего на возмещение вреда и т.п.

Ведя речь об основаниях заключения досудебного соглашения о сотрудничестве, стоит остановиться еще на одном немаловажном аспекте – их конкретизации со стороны подозреваемого (обвиняемого) в ходатайстве о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве. В правоприменительной практике необходимо отказываться от механического перечисления в ходатайстве о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве и в самом досудебном соглашении о сотрудничестве указанных оснований, т.е. от изложения, по существу, соответствующей диспозиции ч. 4 ст. 468⁶ УПК. Данное предложение исходит из того, что

прокурор по результатам рассмотрения поступивших от подозреваемого (обвиняемого) предложений о сотрудничестве должен, в конечном итоге, или удовлетворить ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве или отказать в его удовлетворении. А это можно сделать только при конкретизации действий, которые собирается совершить лицо с целью достижения задачи по заключению досудебного соглашения о сотрудничестве [3, с. 30-31, 50-52; 8, с. 118-119; 9, с. 39, 43].

Вследствие этого организация работы по заключению досудебного соглашения о сотрудничестве должна обеспечивать изложение подозреваемым (обвиняемым) в ходатайстве о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве и прокурором в самом досудебном соглашении о сотрудничестве конкретных обязательств, принимаемых на себя подозреваемым (обвиняемым). К примеру, в качестве таковых могут выступать следующие обязательства: сообщить должностным лицам органов уголовного преследования о структуре преступной организации и ее руководителях; указать местонахождение разыскиваемого лица и имущества, добытого преступным путем; дать показания о причастности к совершению преступлений иных лиц; сообщить органам уголовного преследования о ранее не известных им преступлениях; подтвердить свои показания в ходе очных ставок с другими участниками уголовного процесса; совместно с сотрудниками органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность принимать участие в проведении оперативно-розыскных мероприятий и т.п.

Открытым в теории и уголовно-процессуальном законодательстве также остается вопрос относительно необходимости заключения с лицом нового досудебного соглашения о сотрудничестве при изменении данному лицу обвинения (при предъявлении обвинения). Разрешая его, необходимо учитывать, что предмет соглашения отнюдь не состоит в изменении обвинения в сторону его смягчения. Содержанием досудебного соглашения о сотрудничестве является только применение в отношении лица норм уголовного закона о безусловном смягчении наказания, которое будет назначаться судом с учетом содействия, ранее оказанного лицом в ходе производства предварительного расследования по уголовному делу. Поэтому факт изменения в дальнейшем, в ходе производства предварительного расследования по уголовному делу, лицу обвинения не должен влечь за собой последствий в виде заключения с лицом повторного досудебного соглашения о сотрудничестве [2, с. 78-79; 9, с. 60-61].

В правоприменительной практике и теории уголовного процесса и прокурорского надзора окончательно не разрешена также проблема досрочного прекращения досудебного заключения о сотрудничестве. Дело в том, что еще на стадии предварительного расследования уголовного дела у прокурора может возникнуть необходимость отказаться от дальнейшего досудебного сотрудничества с подозреваемым (обвиняемым) по уголовному делу. Вместе с тем, УПК непосредственно не предусматривает возможности досрочного расторжения с лицом досудебного соглашения о сотрудничестве

(данное обстоятельство, по-видимому, объясняется тем, что досудебное соглашение о сотрудничестве не является договором, который может быть расторгнут по согласию сторон либо в одностороннем порядке). В юридической же литературе и в правоприменительной практике в подобных случаях прокурору нередко предлагается в процессе предварительного расследования уголовного дела выносить специальное постановление о прекращении досудебного соглашения о сотрудничестве [8, с. 121; 9, с. 45-46; 10, с. 27-29].

Со своей стороны полагаем, что прокурор, при получении сведений о несоблюдении в ходе производства предварительного расследования по уголовному делу подозреваемым (обвиняемым) досудебного соглашения о сотрудничестве, вправе в устной форме принять решение о расторжении досудебного соглашения о сотрудничестве. Выносить специальное постановление о прекращении досудебного соглашения о сотрудничестве в этом случае не требуется, ибо, на наш взгляд, в УПК уже существует достаточный правовой механизм, полностью обеспечивающий адекватную реакцию прокурора относительно несоблюдения подозреваемым (обвиняемым) досудебного соглашения о сотрудничестве. При передаче уголовного дела прокурору для направления в суд следователь обязан проинформировать прокурора о выполнении (невыполнении) обвиняемым обязательств, предусмотренных досудебным соглашением о сотрудничестве (ст. 468⁹ УПК). Прокурор, по своей инициативе, обязан также проинформировать об этом суд (ч. 2 ст. 468¹⁰ УПК), что влечет за собой рассмотрение судом уголовного дела в отношении подобных лиц в общем порядке, без учета предписаний главы 49¹ УПК «Производство по уголовному делу в отношении подозреваемого (обвиняемого), с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве».

Завершая представленное исследование, следует отметить, что затронутые в данной статье процессуальные аспекты института досудебного соглашения о сотрудничестве с очевидностью свидетельствуют о необходимости совершенствования законодательной регламентации рассматриваемого нововведения и поиска оптимальных путей в его интерпретации в правоприменительной деятельности органов уголовного преследования.

Список цитированных источников

1. О внесении дополнений и изменений в Уголовный, Уголовно-процессуальный, Уголовно-исполнительный Кодексы Республики Беларусь, Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях и Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях: Закон Республики Беларусь от 5 января 2015 года № 241-З // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 17.01.2015, 2/2239.

2. Гранкин, К. Проблемы применения норм УПК РФ, регулирующих досудебное соглашение о сотрудничестве / Гранкин К., Мильтова Е. // Уголовное право. – 2010. – № 3. – С. 76-79.

3. Тимошенко, А.А. Реализация прокурором полномочий по заключению и

исполнению досудебного соглашения о сотрудничестве: учеб. пособие / Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. – М., 2013. – 80 с.

4. Александров, А.С. Порядок заключения досудебного соглашения о сотрудничестве: правовые позиции высших судов России / А.С. Александров, В.В. Колесник // Российский следователь. – 2013. – № 19. – С. 16-22.

5. Федотова, Д.В. Особенности условий применения института досудебного соглашения о сотрудничестве / Д.В. Федотова // Российский судья. – 2014. – № 1. – С. 33-35.

6. Климович, Ю. Перспективы института досудебного соглашения о сотрудничестве в отечественном законодательстве / Ю. Климович // Юстиция Беларуси. – 2013. – № 10. С. 29-31.

7. Степаненко, Д.А. Досудебное соглашение о сотрудничестве: некоторые вопросы практики применения / Д.А. Степаненко, М.А. Днепровская, Н.Ю. Шумилина // Российская юстиция. – 2013. – № 8. – С. 24-26.

8. Стовповой, А. Уголовно-правовые и уголовно-процессуальные аспекты досудебного соглашения о сотрудничестве на предварительном следствии / А. Стовповой, Тюнин В. // Уголовное право. – 2010. – № 3. – С. 118-123.

9. Решетова, Н.Ю. Досудебное соглашение о сотрудничестве по уголовным делам о преступлениях коррупционной направленности: пособие / Н.Ю. Решетова, Ж.К. Конярова; Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. – М., 2011. – 72 с.

10. Тиссен, О.Н. Механизм расторжения досудебного соглашения о сотрудничестве со следствием / О.Н. Тиссен // Российская юстиция. – 2013. – № 10. – С. 26-30.

Дата поступления статьи – 15.09.2015.

Статья "Проблематика уголовно-процессуального обеспечения института досудебного соглашения о сотрудничестве» посвящена вопросам правовой регламентации процедуры заключения досудебного соглашения о сотрудничестве на досудебных стадиях уголовного процесса Республики Беларусь и интерпретации данных вопросов в правоприменительной деятельности отечественных органов уголовного преследования.

На основании проведенного анализа содержания соответствующих положений Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь в контексте определения системной завершенности процессуального регулирования обозначенного института, автором указывается на наличие правовой неопределенности по ряду его основных составляющих и предлагаются конкретные тактические модули по ее преодолению.

Утверждается, что полномочие прокурора по заключению досудебного соглашения о сотрудничестве с подозреваемыми (обвиняемыми) по своей правовой сути является правовой возможностью, а не правовой обязанностью должностных лиц прокуратуры.

The article "Problems of Criminal Procedure's provision of the institute pre-trial agreement on cooperation" covers the issues of legal regulation of the procedure of conclusion concerning the pre-trial agreement on cooperation in the pre-trial stages of the criminal process in the Republic of Belarus and the interpretation of these issues in the enforcement of domestic criminal prosecution bodies.

The author points to the existence of legal uncertainty on a number of its basic components and offers specific tactical units to overcome it on the basis of the carried

out analysis concerning the content of the relevant provisions of the Criminal Procedure Code of the Republic of Belarus in the context of determining the completeness of the system of procedural regulation of the designated institute.

It is argued that the power of the prosecutor to conclude pre-trial agreement on cooperation with the suspect (accused) in its legal essence is a legal possibility, but not the legal duty of public prosecutors.

ПРОВЕРКА НЕ ВСТУПИВШИХ В ЗАКОННУЮ СИЛУ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Солтанович А.В., Скалкович М.А.

Производство по пересмотру не вступивших в законную силу судебных решений по уголовным делам является одним из элементов судебной системы, обеспечивающим соблюдение прав и законных интересов граждан. Уголовно-процессуальный институт проверки не вступивших в законную силу судебных решений по уголовным делам гарантирует обращение к исполнению и исполнение законных, обоснованных и справедливых решений. Закрепленная в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Беларусь (далее – УПК) модель обжалования решений по уголовным делам призвана обеспечить реализацию конституционной гарантии судебной защиты прав и свобод граждан (ч.1 ст.60 Конституции Республики Беларусь).

Обращаясь к сути института обжалования в уголовном процессе представляется уместным привести высказывание английского юриста И. Бентама, который утверждал, что апелляцию необходимо допускать по всем уголовным делам «...пока мне не укажут хотя бы одно такое дело, в котором не может быть ошибки или злоупотреблений» [1, с.148] (*понятие «апелляция» было тождественно понятию «обжалование» - прим. авторов*).

В настоящее время активно обсуждается вопрос о совершенствовании существующей модели проверки судебных решений по уголовным делам, путём введения в уголовное судопроизводство Республики Беларусь апелляционной формы пересмотра. В частности, Посланием «О перспективах развития системы судов Республики Беларусь», утвержденного Указом Президента Республики Беларусь от 10.10.2011 № 454, регламентировано введение элементов апелляции в уголовный процесс с дальнейшим расширением их применения.

Поэтому в настоящее время представляется актуальным исследование положений о проверке судебных решений в уголовном судопроизводстве Республики Беларусь с учётом складывающейся национальной правоприменительной деятельности и компаративного анализа.

В соответствии с п.5 ст.14 Международного пакта о гражданских и политических правах каждый осужденный за преступление имеет право на

пересмотр приговора вышестоящей судебной инстанцией. Право сторон и лиц, участвующих в процессе, на обжалование решений, приговоров и других судебных постановлений закреплено в ст.115 Конституции Республики Беларусь.

Мировой судебной практике известны две формы обжалования не вступивших в законную силу судебных решений по уголовным делам: апелляция и кассация. Апелляционная инстанция проверяет решение с точки зрения права и факта, наделена полномочием вынесения нового решения по существу дела, суд кассационной инстанции – только права, т.е. правомочен отменить приговор и вернуть дело в суд первой инстанции на новое судебное рассмотрение. В апелляционном порядке обжалуются неокончательные с точки зрения установления фактических обстоятельств дела решения, а в кассационном – окончательные, но в обоих случаях решения являются не вступившими в законную силу.

Классическая система обжалования закреплена в уголовно-процессуальном законодательстве Франции, которое ввело в начале XIX века в процессуальный оборот такие понятия как «апелляция» и «кассация». В результате реформы, начавшейся во Франции в конце XVIII века и распространившей свое влияние на всю территорию Западной Европы, уголовному процессу стала известна идея кассационного суда, а также сформировался апелляционный способ обжалования судебных решений. В Германии обжалование не вступивших в законную силу приговоров осуществляется в таких формах как апелляция и ревизия, последняя имеет много общего с кассацией.

Институт кассации в уголовном процессе Республики Беларусь имеет иное содержательное наполнение, нежели его понимание в мировой правовой доктрине.

Давая базовое определение кассационному производству по уголовно-процессуальному законодательству Республики Беларусь, отметим, что данный институт является единственной формой проверки не вступившего в законную силу судебного решения, заключающийся в оценке правильности применения норм права с позиции права и факта, не наделяющий суд второй инстанции полномочиями по непосредственному исследованию доказательств и вынесению нового решения, полностью или частично заменяющего решение суда первой инстанции. Решение, являющееся предметом кассационного пересмотра, вступает в законную силу с момента принятия по нему определения судом кассационной инстанции (ч.1 ст.399 УПК).

Далее вступившее в законную силу судебное постановление может быть предметом пересмотра в надзорной стадии, являющейся исключительной. Возбуждение надзорного производства, по общему правилу, не приостанавливает исполнение судебного решения.

Вместе с тем, на современном этапе в исключительной стадии уголовного судопроизводства Республики Беларусь исправляется порядка 30 % судебных ошибок [2, с.5].

Представляется, что перенос тяжести по исправлению судебных ошибок в исключительную проверочную стадию явствует не только о необходимости улучшения качества работы суда кассационной инстанции, но и о несовершенстве существующей формы пересмотра не вступивших в законную силу судебных решений по уголовным делам. Усугубляется ситуация тождественными процессуальными основаниями изменения и отмены приговоров судами кассационной и надзорной инстанций с ограничением прав и законных интересов участников уголовного процесса в последней. Так, в порядке надзора обжалуются приговоры, которые обращены к исполнению; в надзорную инстанцию вправе обращаться не заинтересованные в исходе дела лица, а исключительно компетентные должностные лица, перечисленные в законе (ч.2 ст.404 УПК). Не менее важным является и неограниченность срока надзорного обжалования (исключение – по основаниям, ухудшающим положение обвиняемого, – не позднее года с момента вступления в законную силу) (ст.406 УПК), а также наличие нескольких надзорных инстанций (президиум областного суда, Президиум Верховного Суда и Пленум Верховного Суда) (ст.407 УПК).

Как показывает правоприменительная практика, решение, вступившее в законную силу, может неоднократно перепроверяться, отменяться или изменяться в надзорных инстанциях как по вопросам фактических обстоятельств дела и оценке их доказанности, так и по вопросам квалификации и меры уголовной ответственности.

В УПК предмет обжалования определен как законность и обоснованность решения суда первой инстанции (ст.378). Последнее, несомненно, предполагает проверку правильности судебного решения с фактической стороны. Проверка фактических ошибок подтверждается и полномочиями суда кассационной инстанции, не ограничивающихся неправильным применением норм материального права или нарушений процессуальных норм (ст.ст.388-393, 396 УПК). При этом суду кассационной инстанции не предоставлены полномочия на проведение судебно-следственных действий, что делает невозможной полноценную проверку фактических обстоятельств дела.

Анализ становления института советской кассации позволяет сделать вывод, что данный институт, по логике законодателя, начиная с двадцатых годов прошлого столетия, имел признаки как кассационного, так и апелляционного характера. Последнее обозначалось как ревизионное начало в кассационном производстве, к которому относилось рассмотрение в кассационном порядке вопросов по существу дела с возможностью не только отменять обжалуемый приговор, но и изменять его, а также прекращать производство по делу. Элементом апелляции является и возможность предоставления в суд кассационной инстанции дополнительных материалов [3, с.28].

Принятый в 1999 году УПК не изменил сути кассационного пересмотра, несколько расширив элементы апелляции. Так, кроме разъяснений свидетелей, допрошенных в суде первой инстанции, экспертов

при рассмотрении дела, суд кассационной инстанции при подготовке дела к слушанию по ходатайству сторон вправе назначать судебно-психиатрическую экспертизу, в том числе повторную или дополнительную экспертизу, если их проведение возможно по имеющимся в деле материалам; истребовать документы, связанные с состоянием здоровья, семейным положением, и сведениями о прошлых судимостях обвиняемого и другие сведения о данных личности обвиняемого (ч.ч.5 и 6 ст.384).

Таким образом, действующий институт проверки не вступивших в законную силу судебных решений по уголовным делам – кассация, постоянно трансформирует элементы, затрагивающие пересмотр существа дела, т.е. апелляции. Однако современные исследователи, как и прогнозировали учёные-правоведы XIX века, в частности, И.Я. Фойницкий [4, с.73], констатируют в «смешанном» типе пересмотра ряд недостатков, например, таких как волокита, неэффективность пересмотра не вступивших в законную силу судебных решений [5].

Меры по совершенствованию форм пересмотра приговоров получили практическую реализацию и отражены в Законе Республики Беларусь от 3 января 2012 года № 335-З «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь по вопросам кассационного производства» (далее – Закон от 3 января 2012 года).

Из содержания норм последнего усматривается, что законодатель выбрал путь введения апелляционной формы обжалования посредством усложнения кассационного производства. В частности, Законом от 3 января 2012 года частично изменены нормы об участии обвиняемого, содержащегося под стражей и домашним арестом, а также защитника в заседании суда кассационной инстанции, предоставлении обвиняемому, потерпевшему копий кассационных жалоб (протестов), расширены полномочия суда второй инстанции по непосредственному внесению изменений в приговоры по основаниям, ухудшающим положение обвиняемого, и использовании в кассационном производстве материалов, дополнительно представленных сторонами.

Такие изменения, несомненно, направлены на реформирование кассационного производства в пользу апелляционного. Поскольку, как показывает практика, эффективное апелляционное производство возможно только при активном участии сторон в суде апелляционной инстанции. Расширение полномочий суда второй инстанции также шаг к апелляции, так как в теоретическом плане апелляционный суд правомочен выносить новое решение, полностью или частично заменяющее приговор суда первой инстанции.

Анализ статистических данных о реализации кассационной инстанцией полномочий на непосредственное изменение приговоров по основаниям, могущим ухудшить положение обвиняемого, свидетельствует о применяемости этих норм. Так, в 2012 г. это имело место в отношении 256 лиц, в 2013 г. – 302, в 2014 г. – 368 [6; 7, с.56].

За истекший период судебная практика обозначила и недостатки в

правовом закреплении таких полномочий. Последние уже были предметом нашего научного исследования [8] и не потеряли своей актуальности.

Прошло достаточно времени, чтобы однозначно высказать суждение о стремлении кассационной практики изменять приговоры по так называемым «апелляционным основаниям». Однако прослеживается и ограниченность полномочий суда второй инстанции по непосредственному внесению изменений в судебные решения ввиду допущенной фактической ошибки.

Так, из предложенных в ч.3 ст. 396 УПК оснований изменения приговора в сторону ухудшения положения обвиняемого, наименее востребовано практикой полномочие суда кассационной инстанции на применение закона о более тяжком преступлении, в частности, в 2013 году это имело место в отношении 6 лиц, в 2014 г. – 3 [7, с.56]. По данному основанию Брестским областным судом за 2012-2014 гг. изменения в приговоры внесены только в отношении 2 лиц, в то время как всего по ч.3 ст.396 УПК изменено приговоров в отношении 185 лиц.

Заслуживает внимания и тот факт, что введение элементов апелляции с увеличением количества измененных приговоров не позволило сократить число отмененных приговоров, то есть, не обеспечило достижение цели сокращения повторных судебных рассмотрений дел. Так, в 2013 г. в кассационном и надзорном порядке отменено 847 решений районных (городских) и областных судов Республики Беларусь, в 2014 г. – 831 решений районных (городских) судов, в первом полугодии 2015 г. – 421 решение районных (городских) судов [9].

Поэтому можно утверждать, что в Республике Беларусь назрела необходимость введения полноценной апелляции с непосредственным исследованием доказательств, полномочием на вынесение нового решения по существу дела и рассмотрением дела в суде апелляционной инстанции в соответствии с требованиями производства в суде первой инстанции, за некоторыми исключениями, обусловленными особенностями проверочной стадии. Особой ценностью в части обеспечения защиты прав и свобод граждан при апелляционной проверке судебного решения является ведение протокола судебного заседания.

Апелляция в уголовном судопроизводстве восстановлена в большинстве стран постсоветского пространства. Однако, предложенные модели апелляционного производства существенным образом отличаются от классической формы пересмотра судебных решений, основополагающие идеи которой были реализованы в Российской империи в Уставе уголовного судопроизводства 1864 года..

Прежде всего следует обратить внимание на то, что апелляционное производство введено наряду с существующими формами пересмотра кассационного и надзорного производства, закрепив две последние формы исключительными, т.е. предусматривающими возможность проверки вступивших в законную силу судебных решений по уголовным делам. Например, ст.444 УПК Республики Казахстан закрепляет положение о том, что постановление апелляционной инстанции вступает в законную силу с

момента оглашения его полного текста и может быть пересмотрено в кассационном порядке. Срок кассационного обжалования не ограничен, за исключением подачи кассационной жалобы или протеста по основаниям ухудшения положения осужденного (оправданного) (ст.448). В соответствии со ст.ст. 390, 391 УПК Российской Федерации приговор, определение, постановление суда апелляционной инстанции вступают законную силу с момента их провозглашения. Суд кассационной инстанции проверяет по кассационным жалобе, представлению законность приговора, определения или постановления суда, вступивших в законную силу (ст.401.1).

Положения УПК Российской Федерации о немедленном вступлении в законную силу решения после апелляционного пересмотра подвергнуты критике российским исследователем в области уголовного процесса зарубежных государств Л.В. Головкин: «...после того как приговор стал окончательным с точки зрения установления фактических обстоятельств дела (*после проверки в апелляционном порядке – прим. авторов*), он еще не вступает в законную силу, поскольку у сторон есть право обратиться в высший судебный орган страны с претензиями на неправильное применение судами первой и апелляционной инстанции материально-правовых или процессуальных норм..., т.е. у них возникает право на кассацию». Тем самым из законодательного оборота исключен термин «окончательного судебного решения», что, по мнению учёного, является недопустимым. Поскольку отождествление категорий «окончательное судебное решение» и «вступившее в законную силу судебное решение» не позволит построить двухинстанционную судебную систему, как того требует Протокол № 7 к Евразийской конвенции о защите прав человека и основных свобод (ETS № 117) [10].

В целом можно заключить, что система обжалования судебных решений по уголовно-процессуальному законодательству Республики Беларусь представляется достаточно сложной, дублирующей задачи кассационной и надзорной инстанции по проверке, выявлению и исправлению судебных ошибок. Такая модель обжалования решений по уголовным делам не обеспечивает в полной мере реализацию конституционного принципа судебной защиты прав и свобод граждан, а также надлежащий уровень качества и оперативности уголовного судопроизводства.

Введение апелляции позволит уменьшить количество существующих проверочных инстанций, в которых судебное решение может быть пересмотрено с точки зрения правильности установления фактических обстоятельств дела, и реализовать идею окончательности судебных решений по уголовным делам. На наш взгляд, для достижения такой цели является полезным опыт стран СНГ, которые восстановили институт апелляции.

Список цитированных источников

1. Бентам, И. О судоустройстве / Соч. Бентама; по фр. изд. Дюмона изл. А. Книрим – Спб. : тип. Правительствующего Сената. – 1860. – 222 [3] с. (приложение к Журналу Министерства юстиции).
2. Сукало, В. О. Судебная система в новом качестве: итоги работы, проблемы и задачи на перспективу / В. О. Сукало // Суд. Весн. – 2015. – № 1. – С. 4-11.
3. Матюхевич, М. А. Пересмотр не вступивших в законную силу приговоров: историко-правовой аспект / М. А. Матюхевич // Юстиция Беларуси. – 2012. – № 5. – С. 26-29.
4. Протокол заседания уголовного отделения Юридического общества 10 октября 1898 г. // Журн. Юрид. о-ва при Императ. С.-Петербур. ун-те. – 1898. – кн.10 - С. 73-81.
5. Зайцева, Л. Л. Опыт судебных реформ нуждается в изучении / Л. Л. Зайцева // Юстиция Беларуси. – 2005. - № 4. – С. 21-24; Введение апелляционного производства : за и против // Юстиция Беларуси. – 2004. – № 8. – С. 12-18.
6. Итоги работы общих судов за 2012 год // Суд. Весн. – 2013. - № 2. –С. 49.
7. Аналитическая справка по итогам работы судебной системы за 2014 год (уголовное судопроизводство) год // Суд. Весн. – 2015. - № 2. – С. 54-60.
8. Матюхевич, М. А. Пределы полномочий суда кассационной инстанции в уголовном процессе Республики Беларусь / М. А. Матюхевич // Юстиция Беларуси. – 2013. – № 10. – С. 57-61.
9. Краткие статистические данные о деятельности общих судов за 2013 год [Электронный ресурс] // Верховный Суд Республики Беларусь. – Режим доступа: http://court.by/justice_RB/statistics/archiv/c5368c9e81ab56d0.html. – Дата доступа: 20.09.2015; краткие статистические данные о деятельности судов общей юрисдикции за 2014 год [Электронный ресурс] // Верховный Суд Республики Беларусь. – Режим доступа: http://court.by/justice_RB/statistics/archiv/b626dd43c68be55d.html. – Дата доступа: 30.08.2015; статистические данные о деятельности судов за 1-е полугодие 2015 года [Электронный ресурс] // Верховный Суд Республики Беларусь. – Режим доступа: http://www.court.by/justice_RB/statistics/. – Дата доступа: 30.08.2015.
10. Головкин, Л. В. Новеллы УПК РФ: прогресс или институциональный хаос? [Электронный ресурс] : [по состоянию на 03.05.2011 г.] / Л. В. Головкин // Апелляция, кассация, надзор: новеллы ГПК РФ и УПК РФ. Первый опыт критического осмысления / Е. А. Борисова [и др.] ; под общ. ред. Н. А. Колоколова. – М., 2011 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2015.

Дата поступления статьи – 15.09.2015.

Статья посвящена анализу направления совершенствования института проверки не вступивших в законную силу судебных решений по уголовным делам в Республике Беларусь. В статье делается акцент на обеспечения прав и законных интересов граждан при проверке не вступивших в законную силу судебных решений по уголовным делам. Отмечаются недостатки действующей кассационной формы пересмотра в сфере уголовного судопроизводства. Исследуются статистические данные, взгляды учёных, правовые нормы уголовно-процессуального законодательства Республики Беларусь и иностранных государств о сути институтов «кассация» и «апелляция». Приводится историческая справка о развитии законодательства об апелляционном и кассационном пересмотре в уголовном процессе. Предлагается дальнейшее совершенствование уголовно-процессуального законодательства Республики Беларусь в обозначенной сфере уголовно-процессуальных отношений посредством введения апелляционного пересмотра.

The article is devoted to the analysis of the direction of betterment of the institute of judicial decisions of examination in criminal matters in the Republic of Belarus that haven't entered into legal force. In the article the emphasis is placed on ensuring rights and legitimate interests of citizens while examining judicial decisions in criminal matters that haven't entered into legal force. The shortcomings of the cassation retrial form that is currently in force in the sphere of criminal proceedings are pointed out. Statistical data, scientists' views, legal regulations of the criminal procedure legislation of the Republic of Belarus and foreign states about the essence of such institutions as "cassation" and "appeal" are investigated. A historical background about the development of legislation of appeal and cassational review in criminal procedure is cited. A further betterment of the criminal procedure legislation of the Republic of Belarus in the designated sphere of the criminal procedure issues is proposed by introduction of the appellate review.

ПРОБЛЕМЫ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ, СВЯЗАННЫХ С ПРИВЛЕЧЕНИЕМ К АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ СОТРУДНИКОВ СЛЕДСТВЕННОГО КОМИТЕТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Винокуров А.Ю.

С 3 января 2015 г. вступил в силу Федеральный закон от 22.12.2014 № 439-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и статью 28 Федерального закона «О Следственном комитете Российской Федерации» (далее – Закон № 439-ФЗ) [13], который, с одной стороны, снял ряд вопросов правоприменительной практики, а, с другой, – породил новые проблемы, требующие своего разрешения.

Согласно пояснительной записке [14] в паспорте законопроекта № 330358-6, внесенного письмом Президента РФ от 09.08.2013 за № Пр-1871, первоначально предполагалось внесение изменений только в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) и это обосновывалось тем, что установленный для сотрудников Следственного комитета Российской Федерации (далее – СК РФ) «общий порядок привлечения к административной ответственности.... ставит их в *неравное положение* с сотрудниками иных органов и учреждений, которые также имеют воинские или специальные звания, но за большинство административных правонарушений в соответствии со ст. 2.5 КоАП РФ *несут дисциплинарную ответственность* и лишь за ряд правонарушений – административную ответственность на общих основаниях». Далее в пояснительной записке отмечается, что «сотрудники Следственного комитета Российской Федерации, являющиеся, наряду с прокурорскими работниками и судьями, *полноправными участниками уголовного судопроизводства* и наделенные соответствующими властными полномочиями, в том числе по осуществлению уголовного преследования сотрудников правоохранительных, надзорных и судебных органов, *не обеспечены в достаточной степени гарантиями профессиональной независимости*». По мнению авторов записки, «это может привести к *незаконному вмешательству в их служебную деятельность*, в частности при рассмотрении сотрудниками СК РФ сообщений о преступлениях и расследовании уголовных дел в отношении должностных лиц правоохранительных и надзорных органов, обладающих полномочиями в области административной юрисдикции». Поэтому предлагалось распространить на сотрудников СК РФ порядок, определенный ст. 2.5 КоАП РФ.

При этом сам законопроект предполагал дополнить упоминанием о

сотрудниках СК РФ три статьи КоАП РФ – названную 2.5, а также ст. 3.9 и 3.13, то есть исключить сотрудников СК РФ из круга лиц, в отношении которых может применяться такой вид административного наказания как административный арест, а также ввести запрет на применение к указанным лицам административного наказания в виде обязательных работ.

По нашему мнению, такая постановка вопроса выглядела вполне правомерной и заслуживала всяческой поддержки со стороны законодателя. Прежде всего этим достигалось то равенство сотрудников СК РФ с сотрудниками иных органов и учреждений (МВД России, ФСИН России, Государственной противопожарной службы, ФСКН России и ФТС России), на которые ст. 2.5, 3.9 и 3.13 КоАП РФ распространяют свое действие. Очевидно, справедливым можно считать и содержащийся в пояснительной записке посыл о том, что сотрудники СК РФ как полноправные участники уголовного судопроизводства должны быть в достаточной степени обеспечены гарантиями профессиональной независимости, в том числе законодательно защищены от возможных «акций возмездия» за свою принципиальную и беспристрастную деятельность со стороны должностных лиц правоохранительных и надзорных органов, обладающих полномочиями в области административной юрисдикции.

Однако, здесь возникает один из важных вопросов. Провозглашая необходимость защиты должностных лиц, *осуществляющих процессуальную деятельность*, авторы законопроекта почему-то предпочли распространить его действие на всех сотрудников СК РФ. Напомним, что согласно Перечню соответствия должностей в Следственном комитете Российской Федерации, в том числе в военных следственных органах Следственного комитета Российской Федерации, по которым предусмотрено присвоение специальных или воинских званий, должностям, которые были предусмотрены в Следственном комитете при прокуратуре Российской Федерации, в том числе в военных следственных органах Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации, утвержденному Указом Президента РФ от 14.01.2011 № 38 «Вопросы деятельности Следственного комитета Российской Федерации» [11], помимо Председателя СК РФ, сотрудниками Комитета названы должностные лица еще 146 категорий, девятнадцать из которых призваны осуществлять сугубо научную или образовательную деятельность. При этом в самих следственных органах СК РФ работают отнюдь не на ниве непосредственной борьбы с преступностью еще несколько категорий сотрудников – старших инспекторов (инспекторов), старших экспертов (экспертов), старших ревизоров (ревизоров) и старших специалистов (специалистов).

По этому поводу как нельзя точно высказалась в своей статье А. Верещагина, подчеркнувшая, что «термином "сотрудник Следственного комитета" охватываются не только следователи, но и многочисленные лица, имеющие специальные или воинские звания или занимающие должности, для которых специальные звания предусмотрены. Таким образом, появляется еще одна "каста" лиц, свободных от соблюдения закона при

условии лояльности начальства» [1, с. 123].

Для сравнения, согласно Федеральному закону от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (далее – Закон о прокуратуре) [9] к прокурорским работникам, то есть должностным лицам, которым присваиваются классные чины, относятся помимо самих прокуроров также научные и педагогические работники, однако они в отличие от прокуроров не обладают специальными иммунитетными правами ни от административного преследования, ни от преследования уголовного. То есть в данном случае законодатель четко выстроил барьер, отделив оперативных работников органов прокуратуры от коллег, занимающихся научной и образовательной деятельностью. Однако, объективности ради, мы по-прежнему придерживаемся высказанной ранее позиции о том, что ст. 42 Закона о прокуратуре не отвечает в полной мере требованиям ч. 2 ст. 1.4 КоАП РФ, поскольку не определяет особые условия применения к прокурорам мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении и привлечения их к административной ответственности [3, с. 135]. Научные и педагогические кадры прокурорской системы в ранге прокурорских работников несут административную ответственность на общих основаниях и менять что-либо в этом вопросе мы не считаем нужным, дабы не породить в них осознание вседозволенности. Более того, как и ранее, придерживаемся твердого убеждения в том, что для прокуроров возможность применения особых условий должна быть обусловлена только случаями совершения административных проступков при исполнении служебных обязанностей [3, с. 134, 135].

В случае с сотрудниками СК РФ, по нашему убеждению, имеет место либо грубое искажение здравого смысла, либо откровенное лукавство, единогласно допущенное всеми субъектами законотворческого процесса.

Интересно, что после принятия Государственной Думой ФС РФ законопроекта № 330358-6 в первом чтении рассмотренной редакции, второе и последнее чтение произошло более чем через год, вслед за тем документ, пройдя необходимые стадии законотворческого процесса, вступил в силу. Какие же изменения он претерпел за время его нахождения в нижней палате Федерального Собрания РФ?

Как видно из измененного названия, новеллы затронули ст. 28 Федерального закона от 28.12.2010 № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации» (далее – Закон № 403-ФЗ) [10], регламентирующую вопросы дисциплинарной ответственности сотрудников СК РФ, которая была дополнена частью 1.1, констатирующей, что в случаях, предусмотренных КоАП РФ, сотрудники СК РФ за совершение административного правонарушения несут дисциплинарную ответственность. Это в принципе корреспондирует первоначальной редакции запланированных изменений в Кодекс, которые прошли обсуждение в первом чтении. Вместе с тем, в окончательной редакции законопроект «усилился» рядом не предусматривавшихся ранее позиций.

Во-первых, упомянутая выше ч. 2 ст. 1.4 КоАП РФ, определяющая,

что особые условия применения мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении и привлечения к административной ответственности должностных лиц, выполняющих определенные государственные функции, помимо депутатов, судей, прокуроров и иных лиц, распространяются теперь и на сотрудников СК РФ. Здесь с учетом отмеченного выше должностного разнообразия сотрудников Комитета позволим себе констатировать, что законодатель явно вышел за пределы разумного в дополнении «иммунитетной» группы, наделив соответствующими гарантиями не только должностных лиц, непосредственно осуществляющих функцию уголовного преследования, но и тех, кто этого, по определению, в принципе не заслуживает.

Однако в связи с изложенным следует подчеркнуть, что первая грубейшая ошибка была нивелирована второй законотворческой оплошностью. Ведь ч. 2 ст. 1.4 КоАП РФ относит установление указанных выше особых условий в административном преследовании должностных лиц, выполняющих определенные государственные функции, к предмету ведения специальных законодательных актов, каковым в рассматриваемом случае выступает Закон № 403-ФЗ, не претерпевший по этому поводу никаких изменений.

Таким образом, налицо дефектная норма, в силу чего отметим, что сотрудники СК РФ должны в рамках вступивших в силу новелл в настоящее время привлекаться к ответственности за совершение административных правонарушений с учетом правил, установленных ст. 2.5 КоАП РФ, то есть за исключением случаев, оговоренных в ч. 2 указанной статьи, подвергаться дисциплинарной ответственности. В свою очередь апеллирование при возникновении административно-деликтных правоотношений, участниками которых являются сотрудники СК РФ, к ч. 2 ст. 1.4 КоАП РФ, не должно приниматься ко вниманию должностными лицами органов административной юрисдикции.

В то же время самым важным, по нашему мнению, нововведением является примечание к ст. 17.7 КоАП РФ, определившее, что «положения настоящей статьи не распространяются на урегулированные уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации отношения, связанные с осуществлением прокурором надзора за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия». Напомним, что данная статья устанавливает административную ответственность за невыполнение законных требований прокурора, вытекающих из его полномочий, установленных федеральным законом.

Вопрос о допустимости применения прокурором ст. 17.7 Кодекса в связи с невыполнением его законных требований должностными лицами органов дознания и органов предварительного следствия, реализующими свои процессуальные полномочия, продолжал оставаться актуальным и дискуссионным со времени вступления в силу КоАП РФ, то есть с 1 июля 2002 г., и до начала реализации рассматриваемой новеллы.

Напомним, что согласно п. 1 ст. 6 Закона о прокуратуре требования

прокурора, вытекающие из его полномочий, перечисленных в том числе в ст. 30 данного законодательного акта, подлежат безусловному исполнению в установленный срок. При этом в силу п. 3 рассматриваемой статьи неисполнение требований прокурора, вытекающих из его полномочий, влечет за собой установленную законом ответственность. В свою очередь ст. 30 Закона о прокуратуре определяет, что полномочия прокурора по надзору за исполнением законов органами, осуществляющими дознание и предварительное следствие, устанавливаются уголовно-процессуальным законодательством, то есть носит отсылочный характер.

Таким образом, законодатель разрешил в пользу должностных лиц, осуществляющих процессуальные полномочия, их давний спор с прокурорами, суть которого сводилась к тому, что-де негоже применять в рамках уголовно-процессуальных правоотношений административно-правовые механизмы, и эта позиция, с которой мы никогда не были солидарны [2, с. 458], находила поддержку в том числе и среди отдельных представителей прокурорской науки.

Безусловно, главным бенефициаром рассматриваемой новеллы выступают даже не следственные работники СК РФ, а многочисленные дознаватели и следователи органов внутренних дел, которые в большей мере подвергались «прокурорскому беспределу», и попытки мирного урегулирования вопроса на межведомственном уровне, чему автор был свидетелем, предпринимались еще в 2004 г., хотя не вполне понятно, а кто же мешал при наличии серьезных лоббистских позиций в Государственной Думе «продать» нужный для МВД России вопрос законодательно.

Но в отношениях именно прокуроров и следователей СК РФ этот вопрос приобрел особую остроту, поскольку уже после формальной автономизации Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации с 7 сентября 2007 г. представители надзорного ведомства стали эпизодически ставить вопрос об административной ответственности своих пока еще коллег за невыполнение законных требований. Правда, в одной из публикаций того периода встречается правильное, на наш взгляд, с учетом нахождения прокуроров и следователей в системе прокуратуры Российской Федерации, суждение о том, что «одна из особенностей данного вида надзора в системе Следственного комитета – отсутствие у прокурора возможности привлечения должностных лиц следственного органа к ответственности, например административной по ст. 17.7 КоАП РФ, за умышленное невыполнение требований прокурора, вытекающих из его полномочий, установленных федеральным законом» [6]. В то же время этот же автор абсолютно необоснованно, вопреки определенному законодателем разделению функции прокурорского надзора на отрасли, игнорируя посыл ст. 30 Закона о прокуратуре о том, что полномочия при осуществлении надзора за исполнением законов органами дознания и предварительного следствия регламентируются исключительно уголовно-процессуальным законодательством, доказывает, что «прокурор на основании ст. 24 Закона о прокуратуре и ст. 37 УПК вправе внести представление об устранении

нарушений закона в следственные органы Следственного комитета или их руководителям, которые полномочны устранить допущенные нарушения, а невключение отдельным пунктом Следственного комитета в перечень п. 1 ст. 21 Закона о прокуратуре не является пробелом в действующем законодательстве» [6].

К слову, символично, что также с 3 января 2015 г. другим законодательным актом – Федеральным законом от 22.12.2014 № 427-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О прокуратуре Российской Федерации"» [12] Следственный комитет РФ официально определен как объект надзора за исполнением законов (общего надзора) в ст. 21 Закона о прокуратуре. Тем самым законодательно подтверждено высказанное нами ранее мнение о возможности осуществления надзора за исполнением законов указанным федеральным государственным органом вне процессуальной сферы [4, 5], а также позиция, выраженная чуть позже в приказе Генерального прокурора РФ от 09.02.2012 № 39 «Об организации надзора за деятельностью Следственного комитета Российской Федерации вне уголовно-процессуальной сферы» [8].

А начиная с 15 января 2011 г. – даты вступления в силу Закона № 403-ФЗ, освободившего СК РФ от ведомственных оков «государева ока», градус теперь уже межведомственного противостояния сильно возрос, что не могло не отражаться на характере взаимоотношений между следователями и надзирающими за ними прокурорами. И здесь прокуроры старались более полно использовать свой карательный потенциал, принуждая бывших коллег к процессуальному подчинению своим требованиям.

По этому поводу Б.В. Доржиев и В.В. Горюнов, на наш взгляд, совершенно справедливо отмечали в своей статье: «Еще один вопрос, который возникает в правоприменительной деятельности, касается возможности привлечения должностных лиц Следственного комитета к административной ответственности за неисполнение законных требований прокурора. Ранее о такой постановке вопроса говорить не приходилось, поскольку сами следователи Следственного комитета были прокурорскими работниками. Между тем с 15 января 2011 г. их статус изменился... В связи с этим вопрос об ответственности по ст. 17.7 КоАП может рассматриваться, в частности, при непредоставлении должностными лицами Следственного комитета по запросу прокурора материалов проверок и уголовных дел для оценки законности принятого решения (п. 5.1 ч. 2 ст. 37 УПК), нерассмотрении или несвоевременном рассмотрении требования об устранении нарушений федерального законодательства (п. 3 ч. 2 ст. 37 УПК). Отметим, что каких-либо препятствий для привлечения к административной ответственности должностных лиц Следственного комитета в указанных случаях действующим законодательством не предусмотрено» [7, с. 17]. Безусловно, были неединичные случаи обжалования следователями решений мировых судей о наложении административного наказания по ст. 17.7 КоАП РФ в вышестоящих судебных инстанциях.

В контексте изложенного полагаем возможным признать, что законодатель очевидно поступил правильно, сняв напряженность и избавив судебные органы от необходимости рассматривать подобные дела, но взамен, к сожалению, не предложил в арсенал прокурора никаких компенсационных механизмов понуждения к исполнению его законных требований в уголовно-процессуальном законодательстве. Представляется, что эту задачу нужно решать в самое ближайшее время. Вместе с тем подчеркнем, что все иные сотрудники СК РФ, а равно должностные лица Комитета, осуществляющие процессуальные полномочия вне рамок своей функциональной деятельности могут привлекаться к административной ответственности за невыполнение законных требований прокурора, поскольку ч. 2 ст. 2.5 КоАП РФ закрепляет это безоговорочно.

Наконец, последней новеллой Закона № 439-ФЗ стало дополнение абзаца второго ч. 3 ст. 23.1 КоАП РФ положением, согласно которому отнесенные к судебной подведомственности дела об административных правонарушениях, совершенных сотрудниками СК РФ, могут рассматриваться только судьями районных судов (дела в отношении сотрудников – военнослужащих в военных следственных органах СК РФ рассматриваются судьями гарнизонных судов). Приведенная норма в принципе является прецедентной, поскольку Кодекс не содержит подобных «привилегий» в отношении никаких иных категорий правонарушителей, включая представителей «райской» группы, определяемой упомянутой выше ч. 1.4 КоАП РФ.

Подводя итог сказанному, подчеркнем, что проанализированные изменения в законодательство имеют как свои плюсы, так и минусы, однако едва ли новеллы каким-то образом повлияют на качество непосредственной работы следователей СК РФ, поскольку оно зависит от других факторов, весьма далеких от статуса субъекта административно-деликтных правоотношений.

Список цитированных источников

1. Верещагина А. Несколько замечаний по поводу Федерального закона «О Следственном комитете Российской Федерации» // Уголовное право. – 2011. – № 3. – С. 123.
2. Винокуров А.Ю. К вопросу о применении статьи 17.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в отношении следователей и дознавателей В кн.: Актуальные вопросы организации и деятельности прокуратуры: избранные статьи. 2-е изд., дополн. – М.: Изд-во МосГУ, 2012. – С. 453-463.
3. Винокуров А.Ю. Проблемы реализации норм о привлечении к административной ответственности прокуроров и следователей прокуратуры В кн.: Актуальные вопросы организации и деятельности прокуратуры: избранные статьи. 2-е изд., дополн. – М.: Изд-во МосГУ, 2012. – С. 132-140.
4. Винокуров А.Ю. Следственный комитет РФ как объект надзора за исполнением законов // Законность. – 2011. – № 11.
5. Винокуров А.Ю. Следственный комитет Российской Федерации как объект прокурорского надзора. – 2011. – № 1 (21).

6. Городков Ю. Надзор за законностью регистрации и разрешения сообщений о преступлениях в органах следственного комитета // Законность. – 2008. – № 8 // СПС «КонсультантПлюс».

7. Доржиев Б.В., Горюнов В.В. Статус Следственного комитета и новые полномочия прокурора // Законность. – 2011. – № 11. – С. 14-18.

8. Законность. – 2012. – № 4.

9. СЗ РФ. – 1995. – № 47. – Ст. 4472 (с послед. изменениями).

10. СЗ РФ. – 2011. – № 1. – Ст. 15 (с послед. изменениями).

11. СЗ РФ. – 2011. – № 4. – Ст. 572 (с послед. изменениями).

12. СЗ РФ. – 2014. – № 52 (ч. 1). – Ст. 7538.

13. СЗ РФ. – 2014. – № 52 (ч. 1). – Ст. 7550.

14. СПС «КонсультантПлюс».

Дата поступления статьи – 15.09.2015.

В настоящей статье анализируются вступившие в силу в 2015 году законодательные новеллы, корректирующие статус сотрудников Следственного комитета Российской Федерации в связи с совершением ими административных правонарушений. Автор кратко рассматривает исторические аспекты возникавших ранее проблем с привлечением к административной ответственности сотрудников названного Комитета, в том числе в контексте невыполнения ими законных требований прокуроров, осуществляющих надзор за процессуальной деятельностью.

Автор критически относится к законодательно реализованной идее распространения особых условий привлечения к административной ответственности на всех сотрудников Следственного комитета, мотивируя свою позицию тем, что далеко не каждый из них реализует сугубо процессуальные полномочия и в силу этого нуждается в дополнительных гарантиях своей неприкосновенности со стороны работников органов, осуществляющих административно-юрисдикционную функцию.

The legislative innovations coming force in 2015, correcting the status of employees of the investigative Committee of the Russian Federation in connection with committing administrative offences are analyzing in the article. The author briefly considers the historical aspects of past problems with attraction to administrative responsibility the members of the respective Committee, including in the context of the fulfilment of the legitimate demands of prosecutors exercising supervision over procedural activities.

The author is highly critical to legislatively implemented idea of distributing special conditions of bringing to administrative responsibility for all employees of the Investigating Committee, motivated by the fact that not every one of them implements a purely procedural powers and therefore require additional safeguards to its integrity on the part of employees of the bodies implementing the administrative and jurisdictional function.

АКТУАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ РАБОТЫ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ С ОБРАЩЕНИЯМИ ГРАЖДАН И ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ

Гавриленко А.В.

Статья 2 Конституции Республики Беларусь закрепляет концептуальное положение, согласно которому человек, его права, свободы и гарантии их реализации являются высшей ценностью и целью общества и государства [1]. Гарантацией реализации данной конституционной нормы–декларации является существующая в Республике Беларусь система юридических механизмов защиты прав и свобод человека и гражданина.

Одним из наиболее эффективных и востребованных правовых средств защиты прав и свобод человека является право граждан на обращения в государственные органы. Право граждан на обращение, именуемое также как право на петицию, как правило, закреплено в конституциях большинства государств и относится к числу политических прав человека [2, с. 158].

Ряд современных ученых–правоведов также отмечают, что обращения физических и юридических лиц играют значительную роль в обеспечении законности в сфере государственного управления, совершенствовании деятельности государственных органов и организаций. Так, российский правовед Г.В. Атаманчук в своих трудах прямо указывает, что названный институт относится к предмету правового регулирования государственного управления [3, с. 247]. Широко распространено в юридической литературе мнение, что обращения граждан представляют собой непосредственную форму их участия в государственном управлении [4, с. 163].

Одним из важнейших институтов, призванный обеспечить соблюдение прав и свобод человека и гражданина в Республике Беларусь, является прокурорский надзор. В юридической теории признается роли и значение работы органов прокуратуры с обращениями граждан, о чем свидетельствует анализ доктринальных источников.

Так, российский специалист в области прокурорского надзора профессор В.В. Росинский справедливо отмечает, что обращения граждан выступают основным видом информации, служащей основанием для проведения прокурорской проверки [5, с. 114]. Известный белорусский юрист профессор Г.А. Василевич указывает, что анализ состояния работы государственных органов и организаций с обращениями граждан и юридических лиц позволяет говорить об отдельных недостатках и нарушениях со стороны субъектов государственного управления [6, с. 6–7].

Актуальность данного направления прокурорской деятельности также подтверждается изучением статистических данных за 2009–2014 гг., характеризующих основные направления деятельности органов прокуратуры Республики Беларусь, которые в целом свидетельствуют об устойчивом росте числа обращений граждан в данную структуру. Так, в 2009 г. в органы прокуратуры поступило 83157 обращений, в 2010 – 88242, в 2011 – 89717, в 2012 – 77544, в 2013 – 63 229, в 2014 – 65 751 [7, с. 163]. Причем анализ статистических данных, отражающих число разрешенных и удовлетворенных обращений, свидетельствует, что количество

обоснованных среди них в 2010–2012 гг. составляло в среднем около 15–20 %, а в 2013–2014 гг. – порядка 11–12 %. Примечательно, что анализ аналогичных статистических данных, отражающих результаты рассмотрения заявлений, жалоб и иных обращений в органах российской прокуратуры, показывает схожий результат в плане обоснованности обращений граждан и иных лиц [8].

Как было отмечено выше, право граждан на обращения относится к числу фундаментальных, закрепленных в Конституции. Помимо Основного Закона, в Республике Беларусь действует целый ряд иных нормативных правовых актов, регламентирующих работу с обращениями граждан в государственных органах: Закон Республики Беларусь от 18 июля 2011 г. «Об обращениях граждан и юридических лиц» [9], Указ Президента Республики Беларусь от 15 октября 2007 г. № 498 «О дополнительных мерах по работе с обращениями граждан и юридических лиц» [10], иными законодательными актами.

Законодательство о прокуратуре также уделяет данному вопросу значительное внимание. Организация работы с обращениями граждан в органах прокуратуры регламентируется ст. 14 Закона Республики Беларусь от 8 мая 2007 г. «О прокуратуре Республики Беларусь» [11], приказом Генерального прокурора Республики Беларусь от 31 января 2012 г. № 2 «О порядке рассмотрения обращений граждан и юридических лиц в органах прокуратуры Республики Беларусь и утверждении Инструкции о порядке личного приема граждан, представителей юридических лиц в Генеральной прокуратуре Республики Беларусь» [12] (далее – Приказ № 2), а также иными актами законодательства.

Подчеркнем, что работа с обращениями граждан в органах прокуратуры Республики Беларусь осуществляется на системной основе. Так, в Генеральной прокуратуре в 2010 г. была проанализирована работа органов прокуратуры Республики Беларусь по соблюдению законности при рассмотрении и разрешении обращений граждан и исполнению указанного законодательства государственными органами и иными организациями. По результатам анализа были сделаны соответствующие выводы и предложения по совершенствованию указанного направления деятельности органов прокуратуры [13].

Результаты деятельности прокуратуры в указанной сфере высоко оцениваются и руководством страны. Не случайно, что во исполнение поручения Президента Республики Беларусь от 28 февраля 2013 г. и в целях повышения эффективности работы с населением именно Генеральной прокуратурой Республики Беларусь была разработана программа по оптимизации деятельности государственных органов в работе с обращениями граждан и юридических лиц на 2014–2016 годы, а также сформулирован перечень мероприятий по обеспечению взаимодействия государственных органов в работе с обращениями граждан и юридических лиц на указанный период времени [14].

Зачастую, анализ работы с обращениями граждан и юридических лиц в органах государственного управления позволяет выявить системные нарушения законности, выражающиеся, в т.ч. в прямом нарушении требований законодательных актов Республики Беларусь.

Так, органами прокуратуры была проведена проверка исполнения Министерством жилищно-коммунального хозяйства Республики Беларусь и организациями, входящими в его систему, законодательства об обращениях граждан. Проверкой было установлено не только многочисленные нарушения законодательных актов в указанной сфере, но и установлена причина подобного положения вещей – неисполнения требований Указа Президента Республики Беларусь от 12 апреля 2013 г. № 169 «О некоторых мерах по оптимизации системы государственных органов и иных государственных организаций, а также численности их работников». По результатам проверки была направлена соответствующая информация в Совет Министров Республики Беларусь, а Министру жилищно-коммунального хозяйства внесено представление [15, с. 16].

Как уже отмечалось, порядок работы с обращениями граждан в органах прокуратуры регулируется несколькими нормативными правовыми актами. Особый интерес представляет проведение сравнение ведомственных актов белорусской и российской прокуратуры, регулирующих указанную сферу общественных отношений.

В целом положения Приказа № 2 и положения приказа Генеральной прокуратуры РФ от 30 января 2013 г. № 45 «Об утверждении и введении в действие Инструкции о порядке рассмотрения обращений и приема граждан в органах прокуратуры Российской Федерации» (далее – Приказ № 45) [16] содержат достаточно много схожих норм и предлагают похожую модель работы с обращениями физических и юридических лиц, оперируют идентичными терминами и т.д. В связи с указанными обстоятельствами, считаем целесообразным остановиться подробнее на отличиях указанных актов с последующей формулировкой предложений по совершенствованию работы белорусской прокуратуры.

Так, положения обоих приказов уделяют большое внимание работе с электронными обращениями граждан. В то же время, в отличие от норм Приказа № 2, Приказ № 45 содержит указание, что обращения, содержащие аудиозаписи и (или) видеозаписи, ссылку (гиперссылку) на контент интернет-сайтов, являющихся хранилищем файлов аудиозаписей и видеозаписей, иных информационных файлов, рассматриваются при наличии изложения сути заявления, жалобы в письменном виде или в форме электронного документа. Учитывая рост популярности именно электронной формы обращений, считаем целесообразным дополнить белорусский приказ аналогичной нормой.

Положения как белорусского, так и российского приказов предусматривают возможность для гражданина по письменному заявлению знакомиться с материалами, относящимися к рассмотрению его обращения. В то же время, п. 4.15 Приказа № 45 дополнительно гарантирует право

автора обращения или его представителя снимать копии документов, находящихся в надзорном (наблюдательном) производстве, с использованием собственных технических средств, что, как представляется, является вполне оправданным.

Кроме того, в отличие от белорусского аналога, Приказ № 45 в п. 1.4 закрепляет норму декларативного характера, которая предусматривает запрет на преследование гражданина в связи с его обращением в органы прокуратуры с критикой их деятельности либо в целях восстановления или защиты своих прав, свобод и законных интересов либо прав, свобод и законных интересов других лиц.

В определенной степени данную проблему решает наличие в Уголовном кодексе Республики Беларусь (далее – УК) ст. 197, которая предусматривает ответственность за преследование граждан за критику, в т.ч. путем подачи обращений. Вместе с тем, названная статья УК Республики Беларусь обеспечивает защиту только прав граждан и только при обращении в государственные органы и общественные объединения. Таким образом действующее уголовное законодательство не предусматривает ответственности, например, за совершение неправомерных действий в отношении юридических лиц. Считаем целесообразным дополнить Приказ № 2 нормой, гарантирующей защита граждан от преследования за критику, а также изменить название ст. 197 УК Республики Беларусь на следующее: «Преследование граждан и юридических лиц за критику», а ч. 1 указанной статьи изложить в следующей редакции:

1. Ущемление должностным лицом прав, свобод и законных интересов гражданина или юридического лица за направление им в государственные органы или общественные объединения предложений, заявлений или жалоб, либо за содержащуюся в них критику, либо за выступления с критикой в иной форме (преследование граждан и юридических лиц за критику),

– наказывается штрафом, или лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, или исправительными работами на срок до двух лет, или ограничением свободы на срок до трех лет.

Интерес представляет также анализ положений Приказа Генерального прокурора Республики Казахстан от 20 января 2012 года № 4. «Об утверждении Инструкции по организации работы с обращениями в органах, ведомствах и учреждениях прокуратуры Республики Казахстан» [17]. Так, п. 37 указанного приказа содержит целый перечень действий, которые запрещено осуществлять прокурорским работникам при рассмотрении обращений граждан: обращение жалобы, заявления во вред лицу, подавшему их, или в интересах которого они были поданы; направление обращения должностным лицам, не имеющим полномочий на его разрешение, или действия (бездействие) которых обжалуются; разрешение обращения по заключениям нижестоящих прокуроров, чьи действия обжалуются и т.д. Как представляется, аналогичный перечень можно предусмотреть и в Приказе №

2, что позволит существенно снизить факты формализма при работе с обращениями граждан.

Кроме этого, несомненный интерес вызывает ту роль, которую играют органы прокуратуры РК в сфере работы с обращениями граждан и юридических лиц в масштабе всего государственно-правового механизма. Так, Комитет по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры Республики Казахстан (далее – КПСиСУ) был образован Указом Президента Республики Казахстан от 28 марта 2003 года №1050. Комитет является ведомством, осуществляющим в пределах компетенции Генеральной прокуратуры Республики Казахстан функции и полномочия государственного органа по формированию правовой статистики и ведению специальных учетов [18]. Комитет, помимо прочего, отвечает за функционирование единого для всех государственных органов статистического учета обращений граждан и результатов их рассмотрения.

Одним из наиболее важных достижений органов прокуратуры РК в исследуемой сфере является реализация проекта «Айкын» [прозрачный. – *казах.*]. Созданная система статистического учета обращений граждан и результатов их рассмотрения предполагает, что гражданину или представителю юридического лица при личном обращении в государственный орган выдается талон с уникальным номером. Посредством данного номера гражданин имеет возможность проверить регистрацию своего обращения, узнать о ходе и результатах его рассмотрения. Причем, сделать это можно тремя различными способами: посредством звонка на специальный телефонный номер, sms-сообщения, а также путем использования информационного сервиса «Обращения в государственные органы» на сайте КПСиСУ.

Как представляется, реализация аналогичной системы в Республике Беларусь позволит достигнуть следующих целей:

- повысит уровень общественного доверия как к системе государственного управления в целом, так и к органам прокуратуры в частности;
- минимизирует число проверок, проводимых органами прокуратуры по соблюдению законодательства об обращениях граждан;
- позволит усилить качество осуществления прокурорского надзора на иных направлениях за счет освободившихся ресурсов.

Таким образом, анализ национального и зарубежного законодательства, регулирующего деятельность органов прокуратуры по работе с обращениями граждан и юридических лиц, позволяет сформулировать следующие выводы:

- обращения физических и юридических лиц играют значительную роль в обеспечении законности в сфере государственного управления, совершенствования деятельности государственных органов и организаций;
- сравнительный анализ ведомственных актов, регламентирующих работу с обращениями граждан в органах прокуратуры Республики Беларусь,

РФ и РК позволяет сформулировать следующие предложения по внесению изменений и дополнений в Приказ № 2:

а) внести дополнения, касающиеся совершенствования работы с электронными обращениями граждан и юридических лиц, содержащих ссылку (гиперссылку) на контент интернет-сайтов, являющихся хранилищем файлов аудиозаписей и видеозаписей, иных информационных файлов и т.д.

б) закрепить дополнительные гарантии защиты от преследования за критику для лиц, обратившихся в органы прокуратуры.

- в целях дополнительной защиты прав, свобод и законных интересов лиц, обратившихся с жалобами в государственные органы (не только в прокуратуру), предлагаем изменить название ст. 197 УК Республики Беларусь на следующее: «Преследование граждан и юридических лиц за критику», а ч. 1 указанной статьи изложить в указанной выше редакции;

- в перспективе, в случае выделения необходимых финансовых средств, считаем целесообразным рассмотреть вопрос о создании единой системы статистического учета обращений граждан и юридических лиц и результатов их рассмотрения по опыту РК с одновременным сохранением за Генеральной прокуратурой Республики Беларусь ведущей роли в обеспечении надзора за исполнением законодательства об обращениях граждан.

Список цитированных источников

1 Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.) // Консультант Плюс: Беларусь [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015. – Дата доступа: 1.09.2015.

2 Права человека. Учебник для вузов / А. Лукашева [и др.]. – М.: Издательство НОРМА, 2001. – 573 с.

3 Теория государственного управления : учебник / Г.В. Атаманчук. — М. : Издательство «Омега Л», 2010. — 525 с.

4 Административное право : учебник / Д. Н. Бахрах [и др.]. — М. : Норма, 2008. — 816 с.

5 Росинский, В.В. Конституционные основы правозащитной деятельности прокуратуры Российской Федерации / В.В. Росинский. – М.: Альфа-М, 2010. – 224 с.

6 Василевич, Г.А. Работа с обращениями граждан – важнейшее направление правозащитной деятельности прокуратуры / Г.А. Василевич // Законность и правопорядок. – 2011. – № 3. – С. 4–8.

7 Правонарушения в Республике Беларусь: статистический сборник / Национальный статистический комитет Республики Беларусь; сост. И.В. Медведева [и др.]. – Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2015. – 175 с.

8 Основные статистические данные о деятельности прокуратуры // Генеральная прокуратура Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.genproc.gov.ru/stat/data/> – Дата доступа : 01.09.2015

9 Об обращениях граждан и юридических лиц: Закон Респ. Беларусь, 18 июля 2011 г. № 300–З: в ред. Закона Респ. Беларусь от 15.06.2015// Консультант Плюс: Беларусь

[Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015. – Дата доступа: 01.09.2015.

10 О дополнительных мерах по работе с обращениями граждан и юридических лиц: Указ Президента Респ. Беларусь, 15 октября 2007 № 498: в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 25.12.2014 // Консультант Плюс: Беларусь [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015. – Дата доступа: 01.09.2015.

11 О прокуратуре Республики Беларусь: Закон Респ. Беларусь, 8 мая 2007 г. № 220–3: в ред. Закона Респ. Беларусь от 10.07.2012 // Консультант Плюс: Беларусь [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015. – Дата доступа: 01.09.2015.

12 О порядке рассмотрения обращений граждан и юридических лиц в органах прокуратуры Республики Беларусь и утверждении Инструкции о порядке личного приема граждан, представителей юридических лиц в Генеральной прокуратуре Республики Беларусь: приказ Генерального прокурора Республики Беларусь, 31 янв. 2012 г. № 2 // Текущ. архив Генеральной прокуратуры Респ. Беларусь. 2012 г.

13 Генеральной прокуратурой проанализирована работа органов прокуратуры Республики Беларусь по соблюдению законности при рассмотрении и разрешении обращения граждан и исполнению указанного законодательства государственными органами и иными организациями // Генеральная прокуратура Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://prokuratura.gov.by/ru/main.aspx?guid=25010#doc> – Дата доступа : 01.09.2015.

14 Состоялось оперативное совещание при Генеральном прокуроре Республики Беларусь по вопросу совершенствования работы с обращениями граждан и юридических лиц // Генеральная прокуратура Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.prokuratura.gov.by/main.aspx?guid=50696#doc> – Дата доступа : 01.09.2015.

15 Родионов П. Работа с обращениями граждан в сфере ЖКХ: необходимо менять подходы / П. Родионов // Законность и правопорядок – 2014. – № 2. – С. 14–17.

16 Об утверждении и введении в действие Инструкции о порядке рассмотрения обращений и приема граждан в органах прокуратуры Российской Федерации: приказ Генерального прокурора Рос. Федерации, 30 января 2013 г. № 45: в ред. приказа Генерального прокурора Рос. Федерации от 11.11.2014 г. // Консультант Плюс: Версия Проф. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», – М., 2015. – Дата доступа: 01.09.2015.

17 Об утверждении Инструкции по организации работы с обращениями в органах, ведомствах и учреждениях прокуратуры Республики Казахстан: приказ Генерального прокурора Республики Казахстан, 20 января 2012 г. № 4 // Информационно–правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/V1200007425> – Дата доступа : 01.09.2015.

18 Исторические сведения по органам правовой статистики и специальных учетов Республики Казахстан // Комитет по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры Республики Казахстан [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravstat.prokuror.kz/rus/o-kpsisu/istoriya> – Дата доступа : 01.09.2015.

Дата поступления статьи – 15.09.2015.

В своей статье автор выявляет причинные аспекты возникновения объективной необходимости изменения административно–правовых норм, регламентирующих работу органов прокуратуры с обращениями граждан. Показывается ценность и актуальность информации, получаемой сотрудниками органов прокуратуры в ходе работы по разрешению обращений граждан.

Автор подробно дает характеристику основных нормативных правовых актов, регулирующих работу с обращениями граждан в государственных органах. По результатам анализа проблемных аспектов административно-правовых норм, регламентирующих процедуру разрешения обращений граждан в органы прокуратуры, автор делает практически и теоретически значимые выводы, вносит аргументированные предложения по совершенствованию законодательства в данной области.

The author reveals aspects of occurrence of objective necessity of legal-administrative changes, regulating public prosecutor's office work with appeals of the citizens. The value and urgency of the information received by the employees of public prosecutor's office in the course of work on the sanction of appeals of the citizens is shown.

The author in detail gives the characteristic of the basic normative legal acts regulating work with appeals of the citizens in state bodies. The author makes practically and theoretically important conclusions, bringing offers on perfection of the legislation in the given area with the help of the analyzed results of problematic aspects of the legal-administrative norms, regulating procedure of the sanction of appeals of the citizens in public prosecutor's office.

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ РОССИЙСКОЙ ПРОКУРАТУРЫ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ ЗАКОННОСТИ ПРАВОВЫХ АКТОВ

Какителашвили М.М.

Одним из приоритетных направлений деятельности органов российской прокуратуры является надзор за соответствием правовых актов Конституции Российской Федерации и федеральным законам, посредством которого обеспечивается единство правового пространства страны.

Прокуроры проводят проверку всех принятых органами государственной власти и органами местного самоуправления нормативных правовых актов. Выявляется значительное количество актов, не соответствующих федеральным законам [4, с. 3].

Результаты анализа прокурорской практики по надзору за исполнением законов позволяют сделать вывод о том, что реализация данной функции прокуратуры имеет огромное значение в различных сферах жизнедеятельности, социальный эффект от ее выполнения огромен [2, с. 3].

С каждым годом по инициативе прокуроров приводится в соответствие федеральным законодательством все большее количество нормативных правовых актов. Так, в 2014 г., как и в 2009 – 2013 гг., по-прежнему сохраняется тенденция роста числа выявляемых прокурорами незаконных правовых актов (в 2010 г. – 395 686, в 2011 г. – 408 162, в 2012 г. – 426 605, в 2013 г. – 408 515, в 2014 г. – 415 918).

Все большее значение приобретает проведение антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов на основании Федеральных

законов от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [7] и от 17.07.2009 № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» [8].

С учетом активного правотворчества каждого из 85 субъектов Российской Федерации, значительного количества муниципальных образований, формирующих свою муниципальную правовую базу, решение названных задач, безусловно, требует совершенствования механизмов, методик работы прокуроров с нормативными правовыми актами.

К сожалению, имеют место случаи несвоевременного и поверхностного изучения нормативных правовых актов, ненадлежащего качества актов прокурорского реагирования, запоздалого реагирования на нарушения, которые могли быть устранены при принятии нормативных правовых актов на основании замечаний прокурора [1, с. 67; 3, с. 126]. Причинами этих недостатков являются, в частности, загруженность прокурорских работников и рост числа принимаемых нормативных правовых актов.

Таким образом, в условиях нарастающей потребности в повышении качества прокурорской деятельности, ее оптимизации успешному решению задач обеспечения законности и правопорядка будет способствовать дальнейшее использование современных технологий.

В прокуратуре Российской Федерации последовательно решаются задачи по внедрению вычислительной техники и программного обеспечения, отвечающих современным требованиям построения информационных систем.

Одним из компонентов современных технологий, используемых в деятельности прокуратуры, является аналитическая информационная система «Правовой анализ нормативных правовых актов» (далее – АИС «Правовой анализ нормативных правовых актов»).

АИС «Правовой анализ нормативных правовых актов» была разработана по инициативе прокуратуры Псковской области в 2008 г. ЗАО «Информационная компания «Кодекс» (далее – ЗАО «Кодекс») [5, с. 13].

На первоначальном этапе работа с названной системой осуществлялась только органами прокуратуры Псковской области, причем использование ее сетевой версии как работниками аппарата прокуратуры Псковской области, так и сотрудниками прокуратур городского и районного звена, по информации из прокуратуры, оказалось эффективным.

За время применения АИС «Правовой анализ нормативных правовых актов» с ее помощью органов прокуратуры Псковской области выявлено свыше 2,5 тыс. незаконных нормативных правовых актов, более 1,2 тыс. пробелов в правовом регулировании.

С целью вовлечения администрации Псковской области и органов местного самоуправления в процесс приведения нормативных правовых актов в соответствие с федеральным законодательством между прокуратурой области и администрацией области заключено соглашение об информационном сотрудничестве, в соответствии с которым прокуратурой

Псковской области разработаны технические условия подключения, дальнейшего развития и работы АИС «Правовой анализ нормативных правовых актов», Администрацией Псковской области профинансированы ее установка и техническое обеспечение, а разработчик системы осуществил поставку и обслуживание указанного программного продукта.

Доля оспоренных прокурорами незаконных нормативных правовых актов, выявляемых с помощью программы, от общего количества оспоренных актов из года в год возрастает в 2011 г. – 30 %; в 2014 г. – 63 %. Это связано в том числе с улучшением алгоритмов работы программы и более качественным наполнением ее нормативными правовыми актами.

С помощью указанной системы также выявляется порядка 80% от общего количества пробелов в правовом регулировании.

На уровне аппарата прокуратуры Псковской области в 2013 г. и 2014 г. все незаконные акты выявлялись с использованием системы «Кодекс».

В настоящее время происходит активный процесс по расширению возможностей программы, что позволит выявлять незаконные и коррупциогенные нормы не только в принятых и действующих нормативных правовых актах, но и в их проектах.

С 1 января 2014 г. реализуемый по инициативе прокуратуры Псковской области пилотный проект распространен на территорию всей области. В связи с этим пользователи АИС «Правовой анализ нормативных правовых актов» могут знакомиться с результатами обработки не только нормативных правовых актов, но и их проектов, разработанных органами государственной власти Псковской области и органами местного самоуправления отдельных муниципальных образований на территории области. Только в январе-октябре 2014 г. программой обработано 5610 проектов региональных и муниципальных нормативных правовых актов, из них 507 имеют признаки незаконности или коррупциогенности.

Полученная информация о незаконных правовых актах учтена прокурорами при составлении отрицательных заключений на проекты, а разработчиками проектов – для их корректировки.

Всего же составлено 438 отрицательных заключений на проекты нормативных правовых актов, т.е. в 90% случаев наличия информации в АИС «Правовой анализ нормативных правовых актов». В большинстве остальных случаев имеют место нарушения юридической техники, что также является полезной информацией для корректировки проектов нормативных правовых актов.

Учитывая, что аналогичная апробация системы проходит в ряде прокуратур субъектов Российской Федерации, Академией проанализированы результаты апробирования программы в прокуратурах Московской, Новгородской, Орловской областей и Республики Чувашия, которые свидетельствуют в целом о положительной оценке АИС «Правовой анализ нормативных правовых актов».

С целью апробации данной АИС было издано распоряжение ректора Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации Капинус О.С.

от 30.09.2014 № 286/1р «Об организации сотрудничества Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации с ЗАО «Информационная компания «Кодекс», создана рабочая группа по тестовой апробации АИС «Правовой анализ нормативных правовых актов».

Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации (далее – Академии) был предоставлен доступ к системе – АИС «Аналитик федерального законодательства». Для сотрудников прокуратур субъектов Российской Федерации, заявленных для участия в тестовой апробации, был предоставлен доступ к АИС «Аналитик регионального законодательства» соответствующего субъекта Российской Федерации.

В ходе знакомства в тестовом режиме с АИС «Аналитик федерального законодательства» установлено, что она содержит поисковую систему, включающую в себя нормативные правовые акты органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления. В структуру также включена подпрограмма, содержащая результаты предварительного машинного анализа региональных и муниципальных нормативных правовых актов на предмет их соответствия изменениям в федеральном законодательстве, информацию о выявленных пробелах в правовом регулировании, а также о коррупциогенных факторах в принятых нормативных правовых актах.

Система информирует пользователя об отсутствии в базе данных муниципального или регионального акта, принятие которого предписано федеральным законом, что позволяет при необходимости восполнить пробел в правовом регулировании.

Подпрограммой региональный или муниципальный нормативный правовой акт пропускается (как через фильтр) сквозь массив актов, имеющих большую юридическую силу, а результаты такого анализа обрабатываются и еженедельно доводятся до работников органов прокуратуры в табличной форме с разбивкой по четырем направлениям:

правовая экспертиза всех региональных и муниципальных нормативных правовых актов, действующих в субъекте Российской Федерации, на предмет их соответствия федеральному законодательству (правовой анализ законодательства);

правовой анализ региональных и муниципальных нормативных правовых актов, действующих на территории субъекта Российской Федерации, на предмет наличия в них коррупциогенных факторов (антикоррупционная проверка законодательства);

проверка соответствия региональных и муниципальных нормативных правовых актов изменениям в актах большей юридической силы (мониторинг законодательства);

поиск пробелов в правовом регулировании на региональном и муниципальном уровнях (мониторинг пробелов правового регулирования).

Система предоставляет возможность пользователю работать с информацией о выявленных незаконных положениях, содержащихся в

программе, проводить более глубокий анализ таких нормативных правовых актов с использованием сервисов и функций системы.

Оценку о правомерности информации в системе о выявленных незаконных положениях проводит прокурорский работник, осуществляющий надзор за законностью нормативных правовых актов. Система расставляет метки в нормативных правовых актах, указывая на конкретные положения (статьи, пункты, подпункты), а также выделяет нормативный правовой акт (или группу нормативных правовых актов), на соответствие которому должна быть проведена проверка. Наряду с нормативными правовыми актами, в которых системой были выявлены «подозрительные», возможно, незаконные положения, пользователь также может провести оценку нормативных актов, прошедших проверку, но, по мнению системы, не содержащих «подозрительных» незаконных положений.

Кроме выявления незаконных положений система также предоставляет пользователю информацию об отсутствии принятого нормативного правового акта, когда требование о его принятии установлено нормативным правовым актом большей юридической силы (в части анализа федеральных нормативных правовых актов) либо федеральным нормативным правовым актом (законом) субъекта (в части анализа нормативных правовых актов субъекта Российской Федерации или муниципальных правовых актов).

Вся информация в системе обновляется в автоматизированном режиме, что обеспечивает получение пользователем информации оперативно и системно.

Наряду с наличием в системе информации о выявленных незаконных положениях (или о пробеле в правовом регулировании) пользователь получает информацию об устранении ранее выявленных незаконных положений (или пробелов).

Методы, используемые при создании и сопровождении системы «Аналитик федерального (регионального) законодательства», по утверждению разработчиков, включают в частности: интеллектуальную обработку контента, составление «семантического портрета» документов; автоматизированное аннотирование; автоматизированную классификацию; отбор документов совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации; технологии связи текстов с помощью гиперссылок, а также интеллектуальный поиск документов (лексический анализ запроса; точный или неточный поиск по всему массиву документов и материалов; отбор соответствующих запросу документов и материалов; сортировку документов и материалов сообразно релевантности; отображение внутри текстов наиболее соответствующих запросу фрагментов и др.).

Получение текстов нормативных правовых актов для включения в анализ осуществляется на основе различных открытых официальных источников в сети Интернет, а также реестров правовых актов.

Все указанные источники не являются гарантией полноты представления всех принятых и действующих в конкретный момент времени нормативных правовых актов на территории конкретного субъекта Российской Федерации.

Вместе с тем программа не дает возможности самостоятельно, непосредственно пользователю загрузить и подвергнуть анализу интересующий его правовой акт. Определенные сложности возникают при освоении интерфейса программного продукта. Для мобильной работы в программе требуется предварительный длительный анализ либо проведение специальных обучающих занятий. В программе нет поиска по ситуации и поиска по прессе.

Тем не менее внедрение АИС «Правовой анализ нормативных правовых актов» играет важную роль в деятельности органов прокуратуры по надзору за законностью нормативных правовых актов. Как достоинство программы следует отметить, что она позволяет обеспечить доступ сотрудников к системе в сети Интернет, развернутой на серверах ЗАО «Кодекс» (без установки на серверы пользователей), а это экономит материальные ресурсы на закупку оборудования, а также работу сотрудников прокуратуры с любого места (как с рабочего, так и находясь в командировке или дома).

Прокурорской практике известны и другие информационные продукты, разработанные в данной сфере. Так, в прокуратуре Новгородской области с конца 2013 г. в районных и городских прокуратурах области установлен и апробируется программный продукт ООО «Консультант» информационная база справочной системы Мониторинг Новгородского законодательства.

Совершенствование и расширение внедрения существующих, создание новых компьютерных разработок объективно обусловлено потребностью, особенно при осуществлении надзора за законностью нормативных правовых актов, поскольку позволяет:

совершенствовать методику сбора, накопления и обработки сведений о вступивших в противоречие с федеральным законодательством нормативных правовых актах как федерального уровня, так и уровня субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления, и, как следствие, своевременно устранять незаконные нормативные акты;

системно и эффективно проводить сверку действующих нормативных правовых актов в связи с изменением федерального законодательства в органах государственной власти как на федеральном уровне, так и на уровне субъектов Российской Федерации, сверку актов органов местного самоуправления на предмет их соответствия федеральному законодательству;

сокращать временные затраты на сбор информации о своевременности принятия нормативных правовых актов и приведении ранее изданных нормативных правовых актов в соответствие с действующим законодательством.

На совещании по вопросу подведения итогов тестовой программы 29.01.2015 в Главном управлении по надзору за исполнением федерального законодательства Генеральной прокуратуры Российской Федерации, сотрудники Академии доложили результаты тестовой апробации программы в Академии. Внедрение и использование данной программы, после соответствующей доработки может стать хорошим инструментом при осуществлении надзора за законностью нормативных правовых актов.

Таким образом, применение современных технологий позволит значительно повысить эффективность прокурорского надзора за законностью правовых актов.

Органам прокуратуры целесообразно использовать консультационные услуги разработчиков подобных программ, при этом активно привлекать органы государственной власти и местного самоуправления к участию в процессе внедрения современных технологий по обеспечению законности нормативных правовых актов.

Список цитированных источников

1. Евдокимов В.Б. Проблемы обеспечения единства правового пространства в Российской Федерации и пути их решения / Взаимодействие органов прокуратуры и органов юстиции в обеспечении единства правового пространства Российской Федерации: материалы круглого стола / под общ. ред. Ф.М. Кобзарева. Акад. Ген. прокуратуры РФ. Москва, 2014. С. 3-10.

2. Игонина Н.А. Участие прокуратуры в правотворческой деятельности и надзор за законностью правовых актов как действенные механизмы обеспечения единства правового пространства // Взаимодействие органов прокуратуры и органов юстиции в обеспечении единства правового пространства Российской Федерации: материалы круглого стола / под общ. ред. Ф.М. Кобзарева; Акад. Ген. прокуратуры РФ. Москва, 2014. С. 67-78

3. Какителашвили М.М., Щукина Н.В. Меры прокурорского реагирования по обеспечению единства правового пространства Российской Федерации // Взаимодействие органов прокуратуры и органов юстиции в обеспечении единства правового пространства Российской Федерации: материалы круглого стола / под общ. ред. Ф.М. Кобзарева; Акад. Ген. прокуратуры РФ, 2014. С. 126 - 136.

4. Капинус О.С. Прокурорский надзор за исполнением законов: состояние и перспективы развития // Законность. – 2013. – № 7. С. 3 - 9.

5. Кебеков Т. Внедрение информационных технологий в организацию прокурорского надзора // Законность. – 2010. – № 11. С. 13 - 14.

6. Тимофеев С.В. Новые технологии для осуществления прокурорского надзора // Законность. – 2011. – № 5. С. 37 - 38.

7. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // СЗ РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6228.

8. Федеральный закон от 17.07.2009 № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» // СЗ РФ. 2009. № 29. Ст. 3609.

Дата поступления статьи – 30.08.2015.

Статья посвящена вопросам прокурорского надзора за законностью

правовых актов. Анализируется состояние законности в данной сфере и работа органов прокуратуры. В ходе проведенного исследования делается вывод об основных причинах появления незаконных правовых актов. На основе прокурорской практики, автором высказываются предложения направленные на повышение эффективности деятельности российской прокуратуры по обеспечению законности и единства правового пространства.

The article is devoted to questions of public prosecutor's supervision of validity of legal acts. The validity status in this sphere and operation of organs of prosecutor's office is analyzed. During the conducted research the conclusion about basic reasons of appearance of illegitimate legal acts is drawn. On the basis of public prosecutor's practice, the author speaks about the sentences directed on increasing the efficiency of activities of the Russian prosecutor's office for law enforcement and unities of legal space.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ С ИНСТИТУТАМИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ

Протасевич А.В., Игнатюк А.З.

Коррупция является одним из наиболее опасных общественных явлений, представляющих угрозу государственной и общественной безопасности. Коррупция ослабляет государство, подрывает перспективы экономического развития, снижает эффективность человеческого потенциала [3, с. 115].

На Генеральную прокуратуру Республики Беларусь возложена ответственность за организацию борьбы с коррупцией и координацию деятельности в данной сфере всех государственных органов и организаций, институтов гражданского общества.

Координировать, в соответствии со Словарем русского языка С.И. Ожегова под редакцией Н.Ю. Шведовой, значит согласовывать, устанавливать целесообразные соотношения между какими-либо действиями, явлениями [12, с. 512]. Обращаясь к определению этимологии слова «взаимодействие», отметим, что, по мнению составителей Большого толкового словаря, взаимодействие – это взаимная связь между предметами в действии, а также согласованное действие между «кем-, чем-либо» [2, с. 216]. Составители юридического энциклопедического словаря определяют взаимодействие как процесс непосредственного или опосредствованного влияния объектов (субъектов) друг на друга, порождающий их взаимообусловленность и связь [8].

Таким образом, опираясь на изложенное выше, необходимо отметить, что принципиальной существенной разницы между терминами «взаимодействие» и «координация», с учетом только этимологии данных слов, не существует. Как под координацией, так и под взаимодействием, как

правило, понимается согласование, приведение в соответствие, установление взаимосвязи между действиями, предметами, людьми, движениями и т.п.

В уголовном процессе и криминалистике под взаимодействием традиционно понимают предусмотренную законом, другими подзаконными актами согласованную деятельность разных звеньев одной или нескольких организационных систем, направленных на достижение общей цели с наименьшими расходами сил, средств и времени [5, с. 26].

Хорошо отлаженное взаимодействие позволяет более рационально, эффективно использовать имеющиеся силы и средства как органов публичной власти, институтов гражданского общества, так и органов прокуратуры, т.е. при меньших затратах труда и материальных ресурсов добиваться лучших результатов, избегать дублирования в работе, повышать профессиональный уровень работников, достигать большей открытости, доверительности и уважения между ними, готовности оказывать помощь друг другу, серьезно пополнять информационную базу данных органов. Только совместными усилиями всех без исключения органов и общественности можно добиться ощутимых успехов в деле укрепления законности.

О необходимости взаимодействия государственных органов с институтами гражданского общества в сфере противодействия коррупции говорится в международных документах. Так, в Конвенции Организации Объединенных Наций «Против коррупции» (заключена в г. Нью-Йорке 31.10.2003 г.) [7] (далее – Конвенция), участницей которой с 2004 года является Республика Беларусь [11], этому аспекту посвящена отдельная, 13 статья – «Участие общества», в соответствии с которой «каждое государство-участник принимает надлежащие меры, в пределах своих возможностей и в соответствии с основополагающими принципами своего внутреннего законодательства для содействия активному участию отдельных лиц и групп за пределами публичного сектора, таких как гражданское общество, неправительственные организации и организации, функционирующие на базе общин, в предупреждении коррупции и борьбе с ней и для углубления понимания обществом факта существования, причин и опасного характера коррупции, а также создаваемых ею угроз».

Механизмы участия общества в противодействии коррупции в Конвенции рекомендовано реализовывать путем:

- а) усиления прозрачности и содействие вовлечению населения в процессы принятия решений;
- б) обеспечения для населения эффективного доступа к информации;
- в) проведения мероприятий по информированию населения, способствующих созданию атмосферы нетерпимости в отношении коррупции, а также осуществление программ публичного образования, включая учебные программы в школах и университетах;
- г) поощрения и защиты свободы поиска, получения, опубликования и распространения информации о коррупции [7].

Кроме того, Конвенция предусматривает, что государства-участники обеспечивают доступ своих граждан к органам, специализирующимся на борьбе с коррупцией, для «представления им сообщений, в том числе анонимно, о любых случаях, которые могут рассматриваться в качестве представляющих собой какое-либо из преступлений, признанных таковыми в соответствии с настоящей Конвенцией».

Международно-правовые нормы, касающиеся участия институтов гражданского общества в противодействии коррупции, были имплементированы в современное белорусское законодательство.

Во исполнение поручений Президента Республики Беларусь Генеральной прокуратурой Республики Беларусь разработан и Национальным собранием Республики Беларусь принят Закон Республики Беларусь от 15.07.2015 г. № 305-З «О борьбе с коррупцией», который вступит в силу в январе 2016 г., содержится отдельная статья регламентирующая деятельность граждан Республики Беларусь, организаций, в том числе общественных объединений, при осуществлении общественного контроля в сфере борьбы с коррупцией.

Так, согласно ст. 46 Закона Республики Беларусь от 15.07.2015 г. № 305-З «О борьбе с коррупцией», общественный контроль в сфере борьбы с коррупцией осуществляется гражданами Республики Беларусь, организациями, в том числе общественными объединениями, в порядке, определенном законодательными актами, постановлениями Совета Министров Республики Беларусь.

Часть вторая статьи 46 данного Закона, устанавливает, что деятельность граждан Республики Беларусь, организаций, в том числе общественных объединений, при осуществлении общественного контроля в сфере борьбы с коррупцией может осуществляться в следующих формах:

- 1) участие в разработке и всенародном (общественном) обсуждении проектов нормативных правовых актов в сфере борьбы с коррупцией;
- 2) участие в деятельности созданных в государственных органах и организациях комиссий по противодействию коррупции;
- 3) иные формы такого участия, предусмотренные законодательными актами.

Деятельность представителей общественных объединений при осуществлении общественного контроля в сфере борьбы с коррупцией наряду с формами, предусмотренными частью второй статьи 46 Закона Республики Беларусь от 15.07.2015 г. № 305-З «О борьбе с коррупцией», может осуществляться в следующих формах:

- 1) проведение общественной экспертизы проектов нормативных правовых актов в сфере борьбы с коррупцией и направление соответствующих заключений в государственные органы, осуществляющие борьбу с коррупцией;
- 2) участие в заседаниях коллегий государственных органов, осуществляющих борьбу с коррупцией, координационных совещаний по борьбе с преступностью и коррупцией с правом совещательного голоса;

3) участие в подготовке проектов нормативных правовых актов, решений органов исполнительной власти и иных документов, затрагивающих права и законные интересы граждан и организаций;

4) участие в проведении социологических опросов по вопросам противодействия коррупции [9].

Реализация мер общественного контроля начата уже в стадии принятия указанного Закона. В 2014 году проведено широкое общественное обсуждение проекта Закона, в результате которого учтены отдельные замечания и предложения, поступившие от граждан, государственных и общественных организаций.

Институты гражданского общества, в том числе профсоюзные организации и политические партии, другие общественные объединения и средства массовой информации, должны играть важную роль в разработке и реализации антикоррупционной политики государства, а также в контроле за ее реализацией.

Большое значение могут приобрести сведения институтов гражданского общества о сферах и правоотношениях, подверженных коррупции и требующих повышенного внимания со стороны государства, предложения об исключении норм коррупционного характера из нормативных правовых актов либо необходимости нормативного урегулирования определенных правоотношений в сферах повышенного коррупционного риска, рекомендации по совершенствованию практики предупреждения, выявления и пресечения коррупции и т.д.

Важным аспектом в противодействии коррупции остается правовое просвещение населения. В соответствии со статьей 5 Закона Республики Беларусь от 15.07.2015 г. № 305-З «О борьбе с коррупцией» основной мерой борьбы с коррупцией является проведения мероприятий по информированию населения, способствующих созданию атмосферы нетерпимости в отношении коррупции (антикоррупционное образование и воспитание) [9]. Реализация данной меры связана с повышением уровня правовой культуры, что достигается осуществлением правового просвещения.

По нашему мнению, гражданские институты являются мощным антикоррупционным ресурсом, который нельзя недооценивать органам власти. Именно институты гражданского общества, способны обеспечить поступление достоверной информации о реальной эффективности государственной антикоррупционной политики, поддержание механизма обратной связи между властью и обществом, очищение власти от компрометирующих ее чиновников и содействовать формированию нетерпимого отношения к коррупционным проявлениям.

По мнению Г.А. Василевича, институты гражданского общества могут принимать активное участие в антикоррупционном образовании и воспитании, доводить до общественности имеющуюся информацию о проводимых в государстве антикоррупционных мероприятиях, способах поведения в коррупционно-рискованных ситуациях, защиты своих прав и

законных интересов от коррупционных посягательств, ориентировать граждан на оказание содействия правоохранительным органам в борьбе с коррупцией [13].

Правовое просвещение можно определить как целенаправленную деятельность государства, а также общественных структур, средств массовой информации, трудовых коллективов по формированию высокого правосознания и правовой культуры граждан.

Антикоррупционная направленность правового просвещения основана:

- на повышении в обществе, в целом, позитивного отношения к праву и его соблюдению;
- на повышении уровня правовых знаний, в том числе, о коррупционных формах поведения и мерах по их предотвращению;
- на формировании у государственных служащих и у граждан представления о мерах юридической ответственности, которые могут применяться в случае совершения коррупционных правонарушений.

По мнению российского ученого И.А. Калиты, основными формами реализации правового антикоррупционного просвещения являются:

- антикоррупционное образование, т. е. формирование нетерпимости к коррупционному поведению в рамках обучающих программ школьного, высшего, послевузовского и дополнительного образования;
- антикоррупционная пропаганда, прежде всего через СМИ, в том числе с использованием социальной рекламы;
- проведение органами государственной власти и местного самоуправления различных мероприятий (слушаний, совещаний, семинаров, конференций и др.) антикоррупционной направленности [6, с. 125].

Целью антикоррупционного просвещения является воспитание ценностных установок и развитие способностей, необходимых для формирования у молодых людей гражданской позиции в отношении коррупции, формирование негативного отношения к коррупционным проявлениям.

Антикоррупционная пропаганда также важное условие противодействия коррупции. Она включает в себя проведение мероприятий по организации антикоррупционного образования, направленных на формирование антикоррупционного мировоззрения.

К задачам антикоррупционного воспитания и пропаганды относятся ознакомление граждан с сутью, причинами, последствиями коррупции, поощрение нетерпимости к проявлениям коррупции, демонстрирование возможности борьбы с коррупцией.

Основной результат антикоррупционного просвещения видится в подготовке человека, способного выполнять властные полномочия или взаимодействовать с представителями властных структур на правовой основе, избегая подкупа, взяточничества и других неправомерных действий.

Подводя общий итог рассматриваемому нами вопросу, можно сказать, что сотрудничество институтов гражданского общества с органами

прокуратуры в сфере противодействия коррупции в Республике Беларусь, несомненно, принесет положительные результаты. Практика активного диалога прокуратуры и гражданских структур уже сполна доказала способность выработки совместных продуктивных решений на основе консолидации усилий государства и общества. Эту традицию необходимо сохранять и развивать.

Список цитированных источников

1. Аснатин, В.В. Взаимодействие органов государственной власти с институтами гражданского общества в сфере противодействия коррупции (результаты конкретно-социологического исследования) / В.В. Аснатин, И.В. Стороженко, В.П. Санатин // Мониторинг правоприменения. – 2012. – № 4. – С. 12-24.
2. Большой толковый словарь русского языка: около 60 000 слов / Д.Н. Ушаков [и др.]; под ред. Д.Н. Ушакова. – Москва: АСТ: Астрель, 2009. – 1268 с.
3. Василевич, Г.В. Сочетание мер правового и общественного воздействия – важнейший фактор противодействия коррупции / Г.А. Василевич // Проблемы управления. – 2014. – № 3. – С. 115-120.
4. Гончарова, Г.В. Поговорим об изменениях законодательства о борьбе с коррупцией / Г.В. Гончарова // Промышленно-торговое право. – 2015. – № 2. – С. 43-51.
5. Звирбуль, В.К. Деятельность прокуратуры по предупреждению преступности: научные основы / В.К. Звирбуль. – Москва: Юридическая литература, 1971. – 165 с.
6. Калита, И.А. Деятельность органов прокуратуры по противодействию коррупции: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.11 / И.А. Калита; [Место защиты: Московский гуманитарный университет]. – Москва, 2013. – 218 с.
7. Конвенция Организации Объединенных Наций «Против коррупции» (Заключена в г. Нью-Йорке 31.10.2003 г.) // Консультант Плюс: Беларусь. [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Национальный центр правовой информации Республики Беларусь. – Минск, 2015.
8. Косолапов, Н.А. Юридический словарь / Н.А. Косолапов // [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа: <http://enc-dic.com/legal/Vzaimodejstvie-2588.html>. – Дата доступа: 01.09.2015 г.
9. О борьбе с коррупцией: Закон Республики Беларусь, 15 июля 2015 г., № 305-З // Консультант Плюс: Беларусь. [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Национальный центр правовой информации Республики Беларусь. – Минск, 2015.
10. О борьбе с коррупцией: Закон Республики Беларусь, 20 июля 2006 г., № 165-З: в ред. Законов Республики Беларусь от 22.12.2011 г., № 332-З // Консультант Плюс: Беларусь. [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Национальный центр правовой информации Республики Беларусь. – Минск, 2015.
11. О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции: Закон Республики Беларусь, 25 ноября 2004 г., № 344-З: в ред. от 20.06.2008 г. // Консультант Плюс: Беларусь. [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Национальный центр правовой информации Республики Беларусь. – Минск, 2015.
12. Ожегов, С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова; под общ. ред. Н.Ю. Шведовой. – Москва: Русский язык, 1985. – 797 с.
13. Промышленные ассоциации Беларуси подключатся к борьбе с коррупцией // [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа: <http://www.prokuratura.gov.by/main.aspx?guid=24528#doc>. – Дата доступа: 04.09.2015 г.

Дата поступления статьи – 15.09.2015.

Во исполнение поручений Президента Республики Беларусь Генеральной прокуратурой Республики Беларусь разработан и Национальным собранием Республики Беларусь принят Закон Республики Беларусь от 15.07.2015 г. № 305-3 «О борьбе с коррупцией», который вступит в силу в январе 2016 г.

В Законе Республики Беларусь от 15.07.2015 г. № 305-3 «О борьбе с коррупцией» сохранены основные антикоррупционные нормы Закона Республики Беларусь от 20 июля 2006 г. № 165-3 «О борьбе с коррупцией», и действовавший до него Закон Республики Беларусь от 26 июня 1997 г. № 47-3 «О мерах борьбы с организованной преступностью и коррупцией», доказавшие свою эффективность. Основные изменения в Законе Республики Беларусь от 15.07.2015 г. № 305-3 «О борьбе с коррупцией» направлены на внедрение профилактических механизмов, минимизирующих мотивацию совершения коррупционных деяний и исключающих предпосылки для коррупционного поведения.

Законом предусмотрено введение в систему мер по борьбе с коррупцией общественного контроля, формами которого являются участие граждан и общественных объединений в разработке проектов и обсуждении нормативных правовых актов в сфере борьбы с коррупцией, в деятельности созданных в государственных органах и организациях комиссий по противодействию коррупции, заседаниях коллегий государственных органов, проведении социологических опросов.

В статье рассматриваются перспективные и отвечающие современным реалиям развития антикоррупционной политики Республики Беларусь направления взаимодействия институтов гражданского общества и прокуратуры в сфере противодействия коррупции.

Pursuant to the instructions of the President of the Republic of Belarus, the General Prosecutor's office developed the law and the National Assembly adopted this law of the Republic of Belarus from 15.07.2015 No. 305-3 "On combating corruption", which will enter into force in January 2016.

In the Law of the Republic of Belarus from 15.07.2015 No. 305-3 "On combating corruption" there are saved the main anti-corruption norms of the Law of the Republic of Belarus from July 20, 2006 No. 165-3 "On combating corruption", and predating the Law of the Republic of Belarus of 26 June 1997 No. 47-3 "On measures against organized crime and corruption" that have proven effective. The main changes in the Law of the Republic of Belarus from 15.07.2015 No. 305-3 "On combating corruption" are aimed at the implementation of preventive mechanisms that minimize the motivation of committing acts of corruption and exclusionary conditions for corrupt behaviour.

The law provides for the introduction of the system of measures for combating corruption of public control, the forms of which are participation of citizens and public associations in the drafting and discussion of normative legal acts in the sphere of combating corruption as well as activities of state bodies and organizations of the commissions to combat corruption, and the meetings of the boards of state bodies carrying out opinion polls.

The article discusses a promising and responsive to modern realities of the development of anti-corruption policy of the Republic of Belarus areas of cooperation of civil society institutions and prosecutors in the sphere of combating corruption.

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ УЧАСТИЯ ПРОКУРОРА В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

Скобелев В.П.

Участие в гражданском процессе является для прокурора одним из важнейших механизмов реализации его надзорных полномочий. В этой связи качество регламентации вопросов участия прокурора в рассмотрении гражданских дел – оснований и порядка вступления, процессуального статуса и т.д. – оказывает самое непосредственное влияние на способность и результативность выполнения прокуратурой стоящих перед ней задач. Вместе с тем в обозначенной области правового регулирования имеется еще изрядное количество пробелов, неточностей и противоречий.

Согласно ст. 80 ГПК «права и порядок деятельности прокурора в гражданском судопроизводстве определяются настоящим Кодексом и иными законодательными актами Республики Беларусь». Прежде всего, данная норма не совсем точна в том плане, что не упоминает об обязанностях прокурора, каковые у него в гражданском процессе, несомненно, имеются. Так, о наличии у прокурора определенных обязанностей говорится уже в самой главе 10 ГПК: в ч.1 ст. 82, ст. 83 и ч.1 ст. 84 (в этой связи следует отметить, что наименование ст. 84 «Процессуальные права прокурора» неполно отражает ее содержание). Помимо этого, обязанности прокурора предусмотрены и в других структурных частях Кодекса – это обязанность представлять доказательства (ст. 20 ГПК), своевременно принимать меры к устранению любых нарушений закона (ч.2 ст. 23 ГПК), добросовестно пользоваться принадлежащими процессуальными правами (ч.2 ст. 56 ГПК), соблюдать порядок в судебном заседании и беспрекословно подчиняться распоряжениям председательствующего (ч.2 ст. 271 ГПК) и др. Поэтому текст ст. 80 ГПК и наименование ст. 84 ГПК следует дополнить термином «обязанности». Но в таком случае словосочетание «порядок деятельности», используемое в ст. 80 ГПК, будет являться излишним и его нужно будет исключить, поскольку порядок деятельности любого субъекта процесса определяется именно через закрепление его процессуальных прав и обязанностей.

Далее, по смыслу ст. 80 ГПК статус прокурора в гражданском процессе может регулироваться только законодательными актами. Однако буквально уже несколькими статьями ниже законодатель сам себе противоречит, указывая, что участие прокурора в разбирательстве гражданских дел обязательно «в иных случаях, предусмотренных настоящим Кодексом и другими *актами законодательства*» (п.2 ч.1 ст. 83 ГПК). Такая оговорка законодателя, полагаем, отнюдь не случайна. Ведь на уровне законодательных актов далеко не всегда возможно регламентировать все нюансы того или иного вопроса. Поэтому упоминания об отдельных

аспектах участия прокурора в гражданском процессе нередко встречаются и в подзаконных актах.

Например, это могут быть нормативные правовые акты республиканских органов государственного управления. Так, в свое время постановлением Государственного комитета пограничных войск Республики Беларусь от 26 января 2006 г. №4 «О порядке возмещения расходов за обучение» (в настоящее время оно уже признано утратившим силу) было предусмотрено, что денежные средства за обучение военнослужащих подлежат взысканию по иску прокурора по надзору за законностью на Государственной границе и в пограничных войсках Республики Беларусь.

Достаточно часто нормы об участии прокурора в рассмотрении гражданских дел встречаются в постановлениях Пленума Верховного Суда Республики Беларусь. В качестве примера можно сослаться на п.3 постановления от 29 июня 2006 г. №4 «О практике рассмотрения судами заявлений в порядке приказного производства» (прокурор вправе подать заявление о возбуждении приказного производства); п.6, 16 постановления от 25 июня 2009 г. №4 «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству» (разъяснены некоторые вопросы привлечения прокурора в процесс, а также его участия в подготовке дела) и др.

Наконец, важнейшие моменты, связанные с процессуальной деятельностью прокурора, определены в приказе Генерального прокурора Республики Беларусь от 27 марта 2009 г. №27 «Об организации надзора за соответствием закону судебных постановлений по гражданским делам» (далее – приказ №27). Официально приказ №27 не является нормативным правовым актом, поскольку не был опубликован соответствующим образом и до сих пор не зарегистрирован в Национальном реестре правовых актов Республики Беларусь. Однако отсюда еще не следует, что источником регулирования деятельности прокурора в гражданском процессе как общее правило следует признавать правовые акты, не являющиеся нормативными. По нашему мнению, как раз наоборот – приказу №27 и любым иным аналогичным приказам Генерального прокурора Республики Беларусь более правильно придать статус нормативных правовых актов. Ведь подобные приказы в полной мере обладают всеми признаками нормативных правовых актов – содержат общеобязательные правила поведения, которые рассчитаны на неопределенный круг лиц (в первую очередь – на всех прокурорских работников) и неоднократное применение. Более того, ч.11 ст. 2 Закона Республики Беларусь от 10 января 2000 г. №361-З «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» прямо называет акты Генерального прокурора Республики Беларусь в качестве одной из разновидностей нормативных правовых актов. В этой связи можно только недоумевать, почему в реальности приказы Генерального прокурора до сих пор не имеют соответствующего их юридической природе статуса. Кстати, придание им такого статуса помогло бы решить еще одну серьезную проблему – обеспечить бóльшую доступность подобных приказов для всех заинтересованных лиц (преподавателей, научных работников, обычных

граждан и т.д.), поскольку в настоящее время, не являясь работником прокуратуры, узнать о существовании приказов Генерального прокурора, не говоря уже о том, чтобы ознакомиться с их содержанием, представляется весьма проблематичным.

Нужно заметить, что вопрос об уровне нормативного регулирования деятельности прокурора в гражданском процессе является частью более широкой проблемы – о круге источников гражданского процессуального права, определяемых ст. 2 ГПК, в целом (в принципе, ввиду присутствия в Кодексе данной нормы ст. 80 ГПК не кажется такой уж необходимой и от нее вполне безболезненно можно было бы отказаться). Как мы уже писали, ст. 2 ГПК неоправданно сужает круг таких источников, ограничивая его сугубо законодательными актами [1]. По нашему мнению, источниками гражданского процессуального права вообще и правил о процессуальной деятельности прокурора в частности могут являться любые нормативные правовые акты, т.е. законодательство, а не только законодательные акты, и данный момент требует непосредственного отражения как в ст. 2 ГПК, так и в ст. 80 ГПК. При этом на уровне законодательных актов должны регулироваться наиболее важные, существенные, принципиальные вопросы гражданского судопроизводства, а в подзаконных актах – лишь его отдельные особенности и нюансы. В этой связи полагаем, что по вопросу участия прокурора в гражданском процессе целесообразно принять специальное постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь, подобно тому, как это имеет место в хозяйственном процессе – мы имеем в виду продолжающее действовать постановление Пленума Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь от 28 октября 2005 г. №22 «Об участии прокурора в хозяйственном судопроизводстве». В предлагаемом нами постановлении можно было бы разъяснить те аспекты процессуальной деятельности прокурора, которые не нашли прямого закрепления в ГПК.

Целый ряд замечаний вызывает содержание ч.1 ст. 81 ГПК. В данной норме говорится о защите прокурором интересов (прав) Республики Беларусь и ее административно-территориальных единиц, в то время как более предпочтительно было бы вести речь о защите прокурором *государственных интересов*. Во-первых, четко определить, чьи интересы защищаются в конкретном деле – Республики Беларусь или ее административно-территориальной единицы – возможно лишь по имущественным спорам, когда объектом конфликта выступает имущество, находящееся соответственно в республиканской или коммунальной собственности. В остальных же случаях предъявления прокурором иска в государственных интересах (например, о ликвидации профсоюза, деятельность которого противоречит законодательным актам) провести такое разграничение достаточно сложно. Во-вторых, как известно, Республика Беларусь и ее административно-территориальные единицы всегда действуют через свои компетентные органы, соответственно предъявление иска в защиту интересов Республики Беларусь или ее административно-территориальной единицы потребует выявления такого

компетентного органа, что, однако, не всегда возможно. Например, такой орган невозможно определить по искам о признании недействительным брака (или сделки), предъявленного прокурором к обоим супругам (обеим сторонам сделки). В-третьих, предлагаемый нами термин позволяет отразить присутствие в соответствующем деле заинтересованности населения, т.к. государственные интересы – это в известной мере и интересы граждан государства. В-четвертых, о защите именно государственных интересов (а не интересов Республики Беларусь или ее административно-территориальных единиц) как одной из задач прокуратуры говорится в п.1 ст. 4 Закона Республики Беларусь от 8 мая 2007 г. №220-3 «О прокуратуре Республики Беларусь» (далее Закон №220-3).

Часть 1 ст. 81 ГПК не упоминает также об общественных интересах, хотя защита таких интересов согласно п.1 ст. 4 Закона №220-3 тоже входит в задачи прокуратуры. Так, о защите общественных интересов можно говорить в случае оспаривания прокурором в судебном порядке решений различных органов и организаций, затрагивающих более-менее значительную часть населения (о размещении экологически вредных производств, об уплотнении городской застройки и т.п.).

Вообще государственные и общественные (или, как еще говорят, публичные) интересы можно определить как неперсонифицированные интересы, т.е. такие, в которых невозможно выявить конкретного выгодоприобретателя, выгодоприобретателем здесь выступает государство или общество в целом [2, с. 137-138]. Это интересы, связанные с такими ценностями, как законность, правопорядок, конституционный строй, социальный мир и спокойствие, экологическая безопасность и т.п. Особенностью защиты подобных интересов в судебном порядке является то, что здесь очень проблематично определить и обеспечить участие в деле надлежащего истца. Именно это обстоятельство имел в виду В.Н. Щеглов, когда говорил, что по искам прокурора возможны процессы без истца [3, с. 104]. Поэтому полагаем необходимым предусмотреть в ст. 82 ГПК правило о том, что если по иску прокурора в защиту государственных или общественных интересов определить истца не представляется возможным, то тогда права и обязанности истца в деле осуществляет прокурор. В этой связи весьма показательно, что в зарубежном гражданском процессе допускается выполнение прокурором функции стороны, в частности, ответчика, когда иск направлен против государства, но определить компетентный государственный орган, который можно было бы привлечь в качестве ответчика, не удалось [4, с. 31].

Согласно ч.1 ст. 81 ГПК прокурор имеет право обратиться в суд также «если это необходимо для защиты прав и охраняемых законом интересов ... юридических лиц и граждан», другими словами, данная норма предоставляет прокурору по сути неограниченные возможности по защите интересов названных субъектов. Совсем иначе этот вопрос регламентирован в п.4 ст. 27 Закона №220-3, который допускает обращение прокурора в суд лишь «в случаях, предусмотренных законодательными актами». Тем не

менее, поскольку ГПК как раз и является законодательным актом, содержащая в п.4 ст.27 Закона №220-3 ограничительная оговорка фактически теряет всякий смысл (но даже если бы эта оговорка была иного содержания, она все равно бы не сыграла никакой роли, т.к. кодексы обладают большей юридической силой по отношению к законам).

Подобное регулирование нельзя признать правильным. Во-первых, прокуроры просто физически не способны обеспечить предъявление исков во всех случаях, когда «это необходимо для защиты прав и охраняемых законом интересов ... юридических лиц и граждан». Во-вторых, это превращает прокуроров в бесплатных адвокатов для любых истцов. В-третьих, норма ч.1 ст.81 ГПК не отражает фактически сложившегося положения вещей в данной сфере. Так, п.1.1 -1.3 приказа №27 ориентируют прокуроров на предъявление исков лишь в интересах Республики Беларусь, ее административно-территориальных единиц, государственных юридических лиц, а также граждан, которые не могут самостоятельно защитить свои права. Поэтому на практике прокуроры обращаются в суд только в указанных случаях, предъявление ими исков в защиту каких-либо иных субъектов расценивается как нарушение должностных обязанностей и даже как коррупционное проявление. Но если в реальности возможности прокуроров по предъявлению исков ограничены, зачем тогда декларировать на законодательном уровне обратное?

Нужно заметить, что изначально ч.1 ст.81 ГПК регламентировала полномочия прокуроров по предъявлению исков почти точно таким же образом, как это сейчас делает приказ №27, разница заключалась лишь в том, что ч.1 ст.81 ГПК оговаривала возможность обращения прокурора в суд еще и в интересах юридических лиц негосударственной формы собственности, если они были лишены возможности сделать это самостоятельно (на тот момент ч.1 ст.81 ГПК фактически воспроизводила положения п.6 ч.2 ст.22 Закона Республики Беларусь от 29 января 1993 г. №2139-ХІІ «О Прокуратуре Республики Беларусь»). При этом Кодекс предусматривал негативные последствия предъявления прокурором иска в интересах гражданина или негосударственной организации, не лишенных возможности самостоятельно защищать свои права (п.5 ч.1 ст.165, п.7 ст.246 ГПК). Однако позднее Законом Республики Беларусь от 30 декабря 2002 г. №171-З часть 1 ст.81 ГПК была изложена в новой (современной) редакции, а п.5 ч.1 ст.165 и п.7 ст.246 ГПК – из Кодекса исключены. Сделано это было, вероятнее всего, для того, чтобы решить проблему судебной защиты прокурором своих общенадзорных протестов: суды, исходя из предписаний ч.1 ст.81 ГПК, не принимали к рассмотрению обращений прокуроров о защите общенадзорных протестов (а необходимость в их судебной защите возникала потому, что протест был отклонен или не рассмотрен), если сам протест изначально приносился в интересах субъекта, не лишенного возможности лично защищать свои интересы [5, с.299-302]. Однако на наш взгляд, для решения указанной проблемы не было необходимости корректировать нормы ГПК. Ведь

обращение прокурора в суд за защитой общенадзорного протеста осуществляется в том числе и в государственных интересах, поскольку нерассмотрение или отклонение протеста девальвирует значение прокуратуры как государственного органа, осуществляющего высший надзор за законностью.

Так какие же тогда интересы прокуроры могут и должны защищать в судебном порядке? На наш взгляд, прежде всего государственные и общественные (в той их интерпретации, о которой мы писали выше), потому что в силу деперсонифицированного характера данных интересов очень сложно найти какого-либо конкретного «выгодоприобретателя», который принял бы на себя все заботы по их защите. Что же касается интересов конкретных граждан и организаций, то они должны защищаться прокурором в судебном порядке только в том случае, если соответствующее лицо не имеет возможности сделать это самостоятельно. Данное требование, полагаем, в полной мере должно распространяться и на юридических лиц государственной формы собственности, поскольку в настоящее время государственные организации практически по любому поводу обращаются к прокурорам с просьбами о предъявлении исков, а последние такие просьбы всегда удовлетворяют, считая предъявление иска в таких ситуациях (и на это, кстати, прямо указывает п.1.3 приказа №27) своей важнейшей служебной обязанностью.

Указанное положение вещей противоречит ч.2 ст. 13 Конституции Республики Беларусь, гарантирующей равную защиту всех форм собственности: как видим, государственная собственность пользуется преимуществом в плане обеспеченности ее юридическими механизмами защиты, поскольку прокуратура превратилась для государственных организаций в своеобразную, причем бесплатную, юридическую службу. Нарушает оно и принцип равенства сторон в процессе (ч.1 ст. 115 Конституции Республики Беларусь ст. 19 ГПК): государственные юридические лица получает в лице прокурора фактически бесплатного высококвалифицированного адвоката, и тем самым оказываются в суде в несравненно более выгодном положении, нежели их противники. Наконец, это ведет к перегруженности органов прокуратуры работой, причем той, которую с равным успехом могли бы выполнить и сами юрисконсульты государственных организаций. Ведь как показывает практика, за помощью к прокурорам обращаются самые разнообразные юридические лица государственной формы собственности, в том числе очень крупные и весьма успешные, и не так уж редко с просьбами о взыскании с контрагентов совсем незначительных денежных сумм.

Что касается критериев невозможности самостоятельной защиты лицом своих интересов, то они, на наш взгляд, должны быть определены нормативно – в ГПК или на уровне постановления Пленума Верховного Суда. Для юридических лиц такими критериями могут быть, очевидно, лишь тяжелое финансовое положение и антикорпоративная (т.е. во вред интересам организации) позиция руководящих органов юридического лица. Для

физических лиц перечень подобных критериев, думается, должен быть открытым и включать в себя, в частности: затруднительное материальное положение, недееспособность, несовершеннолетние, преклонный возраст, тяжелую болезнь, нахождение на территории другого государства и т.п.

Если сформулированная нами идея об условиях предъявления прокурором иска будет реализована, это потребует возвращения в ГПК ранее исключенных из него норм п.5 ч.1 ст. 165 и п.7 ст. 246.

Таким образом, проведенное исследование позволило сделать следующие выводы:

ст. 80 ГПК и наименование ст. 84 ГПК следует дополнить термином «обязанности», помимо этого, в ст. 80 ГПК словосочетание «порядок деятельности» нужно исключить, а слова «законодательными актами» заменить на «актами законодательства»;

приказу №27 и иным аналогичным приказам Генерального прокурора Республики Беларусь следует придать статус нормативных правовых актов;

прокуроры должны иметь безусловное право на обращение в суд в защиту государственных и общественных интересов (в той их интерпретации, о которой мы писали выше), а в защиту интересов конкретных граждан и организаций, в том числе государственной формы собственности, – только если они не имеет возможности сделать это самостоятельно;

следует нормативно определить критерии невозможности самостоятельной защиты лицом своих интересов, а также последствия нарушения этих критериев прокурором;

в ст. 82 ГПК необходимо предусмотреть правило о том, что если по иску прокурора в защиту государственных или общественных интересов определить истца не представляется возможным, то тогда все права и обязанности истца в деле осуществляет прокурор.

Список цитированных источников

1. Скобелев, В.П. Легальный перечень источников гражданского процессуального права требует расширения / В.П. Скобелев // Правовое обеспечение инновационного развития экономики Республики Беларусь: материалы Междунар. науч.-практ. конф., 21-22 окт. 2010 г., Минск / редкол.: И. Н. Колядко (гл. ред.) [и др.]. – Минск: Позитив-центр, 2010. – С. 391-394.

2. Решетникова, И.В. Гражданское право и гражданский процесс в современной России / И.В. Решетникова, В.В. Янков. – М.: Норма, 1999. – 312 с.

3. Щеглов, В.Н. Субъекты судебного гражданского процесса / В.Н. Щеглов. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1979. – 130 с.

4. Пучинский, В.К. Участники буржуазного гражданского процесса (Англия, США, Франция): учеб. пособие / В.К. Пучинский. – М.: Изд-во Ун-та дружбы народов, 1991. – 48 с.

5. Сенько, А.С. Проблемы правовой регламентации общенadzорного протеста и сопутствующих ему прав прокурора / А.С. Сенько // Право и демократия: сб. науч. тр. / Бел. гос. ун-т; редкол.: В.Н. Бибило (отв. ред.) и др. – Минск: БГУ, 2003. – Вып. 14. – С. 293-306.

Дата поступления статьи – 15.09.2015.

В статье рассматриваются некоторые аспекты участия прокурора в гражданском судопроизводстве, в частности, условия предъявления иска в чужих интересах, понятие государственных и общественных интересов и др. На этой основе в статье сделаны рекомендации по совершенствованию законодательства.

The article discusses some aspects of the participation of the prosecutor in civil proceedings, in particular, the conditions of bringing an action in foreign interests, the concept of state and public interests, and others. On this basis, the article made recommendations to improve the legislation.

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

ВІДЗАПІС ЯК ОБ'ЄКТ КРИМІНАЛІСТЫЧНЫХ ДАСЛЕДАВАННЯЎ

Гучок А.Я.

Істотнае зніжэнне кошту відеазапісваючых прылад і іх магчымасці, а таксама невялікія памеры відэаапаратуры адкрываюць перспектывы больш актыўнага выкарыстання відэатэхнікі як у галіне праваахоўнай дзейнасці, напрыклад, пры правядзенні следчых дзеянняў і аператыўна-вышуковых мерапрыемстваў, так і ў бытавых умовах.

Сёння ў криміналістыцы прапанаваны шэраг новых падыходаў выкарыстання тэхнічных сродкаў відэазапісу.

Да ліку найболей актуальных і перспектывных напрамкаў выкарыстання тэхнічных сродкаў відэазапісу падчас правядзення следчых дзеянняў можна аднесці:

стацыянарную ўстаноўку ў кабінетах следчых і супрацоўнікаў органаў дзяржавы відэакамер з мэтай фіксацыі ў вызначаным законам парадку працэсуальных дзеянняў;

выкарыстанне відэаздымкі дзвюма, а пры неабходнасці і большай колькасцю кампактных камер, пры фіксацыі следчых дзеянняў з павышанай актыўнасцю ўдзельнікаў па-за памяшканнямі органа папярэдняга расследавання. Пры гэтым адной камерай упаўнаважаным суб'ектам выконваецца відэазапіс следчага дзеяння па вядомых і шырока распаўсюджаных правілах, з выкарыстаннем традыцыйных прыёмаў і спосабаў і з выкананнем усіх працэсуальных нормаў. Іншая камера кампактных памераў, якая прымацоўваецца да адзення ўдзельніка следчага дзеяння, выконвае функцыю відэарэгістратара бесперапынна, на працягу ходу ўсяго следчага дзеяння, што пры адлюстраванні дадзенага факту ў пратаколе не супярэчыць дзеючаму заканадаўству. Такая камера фіксуе прастору, якая знаходзіцца непасрэдна перад суб'ектам, на якім яна замацавана. Яе прызначэнне – фіксацыя працы канкрэтных спецыялістаў на месцы правядзення следчага дзеяння з мэтай наступнага кантролю яе якасці, фіксацыя працы і асаблівасцяў паводзін іншых удзельнікаў і адлюстраванне ходу і вынікаў дадзенага следчага дзеяння з іншых, у адносінах да асноўнай камеры, кропак здымкі. Гэта забяспечвае магчымасць дэталёва зафіксаваць працу, напрыклад, спецыяліста-криміналіста па выяўленні, фіксацыі, папярэдняму даследаванню слядоў, судова-медыцынскага эксперта падчас агляду трупа на месцы здарэння і інш.

Выкладзенае ў значнай ступені можа паўплываць на фарміраванне падыходаў да ўдасканалення спосабаў фіксацыі ходу і вынікаў следчых дзеянняў, пытанні іх арганізацыі і тактыкі правядзення, запатрабаваць

унясення шэрагу змяненняў у крымінальна-працэсуальны закон і запатрабаваць распрацоўкі метадых вывучэння атрыманых у рамках крымінальнага працэсу відэаграм. У перспектыве выкарыстанне такіх спосабаў відэазапісу можа паставіць пытанне аб скасаванні інстытута панятых у існуючым выглядзе.

У крыміналістыцы прапанаваны таксама новыя падыходы да аператыўнай відэаздымкі масавых мерапрыемстваў з дапамогай выкарыстання спецыяльных двухаб'ектыўных відэакамер. Адзін з аб'ектываў такой прылады павінен уяўляць сабою шырокавугольную аптычную сістэму, якая дазваляе фіксаваць прастору з максімальным ахопам агульным альбо сярэднім планам. Адначасова з работай першага аб'ектыва другі дазваляе здымаць участкі, у якіх праяўляецца найбольшая актыўнасць удзельнікаў адпаведных мерапрыемстваў. Запіс можа ажыццяўляцца на адзін носьбіт і кантралявацца ў відашукальніку камеры з выкарыстаннем эфекту "карцінка ў карціцы". Прагляд зафіксаваных відэаграм ажыццяўляецца аналагічным чынам.

Досыць цікавымі ў якасці аб'ектаў крыміналістычнага даследавання з'яўляюцца відэазапісы (аэравідэаздымка), якія могуць быць атрыманы з дапамогай выкарыстання малых беспілотных лятальных апаратаў, у тым ліку і авіямадэляў. Характэрна, што выкарыстанне дадзенага спосабу фіксацыі інфармацыі ў побыце ўжо паспела атрымаць шырокае распаўсюджванне на фоне таго, што праваахоўныя органы праяўляюць кансерватыўнасць у дачыненні да такога роду тэхналогій. Аэравідэаздымка планавым маштабным метадам з дапамогай беспілотных лятальных апаратаў можа эфектыўна выкарыстоўвацца падчас выяўлення слядоў учыненых злачынстваў па справах аб незаконным паляванні, рыбнай лоўлі і незаконнай парубцы дрэў і кустоў, падчас правядзенні аглядаў месцаў здарэння, напрыклад, дарожна-транспартных здарэнняў з мэтай максімальна хуткай фіксацыі слядоў і вызвалення праезнай часткі ад пашкоджаных транспартных сродкаў, як дадатковы спосаб пры працэсаванні ўчасткаў мясцовасці з мэтай пошуку слядоў здзейшаных злачынстваў і інш.

Шырокае выкарыстанне стацыянарна ўстаноўленых відэакамер назірання, аўтамабільных відэарэгістратараў, магчымасць ажыццяўлення відэазапісу з дапамогай тэлефонаў мабільнай сувязі і іншых тэхнічных прылад дазваляюць фіксаваць розныя падзеі і з'явы атачальнай рэчаіснасці. У іх ліку нярэдка аказваюцца факты, якія патрабуюць прававой ацэнкі. Такія відэазапісы могуць распаўсюджвацца ў сетцы Інтэрнэт, што разам з прававой ацэнкай зафіксаваных на іх фактаў цягне за сабой неабходнасць устанаўлення асоб, якія ажыццяўлялі відэаздымку, месца і час правядзення відэафіксацыі, а таксама асоб, якія апынуліся ў поле зроку відэакамер.

Мы мяркуем, што частка з названых вышэй відэазапісаў у сітуацыях выканання і афармлення іх ва ўстаноўленым законам парадку можа разглядацца як дакументы і іх далейшае даследаванне павінна ажыццяўляцца на аснове вядомых метадалагічных падыходаў працы з такога роду аб'ектамі.

Р.А. Шумак звяртае ўвагу на тое, што ў сучасных умовах дакументы займаюць усе больш маштабныя пазіцыі, з'яўляюцца асноўнымі доказамі па крымінальных справах. Аднак пры гэтым падкрэсліваецца, што варта абавязкова ўлічваць і зваротную тэндэнцыю – нарастаючая з году ў год колькасць злачынстваў, якія здзяйсняюцца з выкарыстаннем дакументаў у большай частцы ў якасці сродкаў дасягнення злачыннага выніку [1, с. 293]. На жаль, гэта неабходна разглядаць як агульнае правіла, якое дзейнічае ў стаўленні да ўсіх без выключэння відаў дакументаў.

Такім чынам, неабходна ўлічваць і яшчэ адну групу відэазапісаў, а менавіта тых, якія выкарыстоўваюцца падчас злачыннай дзейнасці ў якасці сродкаў здзяйснення злачынстваў ці прадметаў злачынства. Гэта могуць быць відэазапісы, якія змяшчаюць звесткі кампраметуючага характару пра пэўных асобаў і выкарыстоўваюцца з мэтай іх шантажу, напрыклад, у ходзе здзяйснення вымагальніцтва, парнаграфічныя матэрыялы, якія здымаюцца і распаўсюджваюцца, матэрыялы экстрэмісцкага характару і інш.

Далучэнне такіх відэазапісаў да матэрыялаў крымінальнай справы ў адпаведнасці з крымінальна-працэсуальным законам дазваляе таксама разглядаць іх як дакументы.

Методыкі даследавання традыцыйных дакументаў (пісьмовых актаў, афіцыйных пасведчанняў асобы, архіўных дакументаў) распрацаваны ў крыміналістыцы на дастаткова высокім узроўні. Даследаванне відэазапісаў як дакументаў з'яўляецца адносна новым напрамкам крыміналістычнай дзейнасці, які патрабуе актыўнай увагі ў частцы распрацоўкі эфектыўных методаў працы з імі на ўсіх этапах (выяўленне, фіксацыя, адабранне, захаванне і даследаванне).

Пры гэтым можна выкарыстоўваць вопыт алгарытмізацыі дзейнасці па даследаванні традыцыйных дакументаў у крыміналістыцы, з улікам якога вывучэнне відэафанаграм павінна ўключаць:

- даследаванне носьбіта інфармацыі;

- устаанаўленне выканаўца відэазапісу;

- даследаванне інфармацыйнага зместу відэазапісу, устаанаўленне яе сувязі з рэальнымі фактамі, з'явамі і працэсамі, зафіксаванымі падчас здымкі;

- усталяванне асоб, якія зафіксаваны на відэазапісах.

Пры правядзенні даследавання відэазапісаў, якія выконваліся па-за крымінальным працэсам, мае значэнне дакладнае ўстаанаўленне крыніц, з якіх атрыманы гэтыя дакументы, спосаб іх вырабу, носьбіты, на якія яны запісаны, час і месца правядзення відэаздымкі, звесткі пра аператара і іншых асоб, якія прымалі ўдзел у відэаздымцы, а таксама магчымасці назапашвання (збору) такіх дакументаў.

Аб'ектамі крыміналістычнага даследавання відэазапісы становяцца, калі яны:

- здабыты праваахоўнымі органамі ва ўсталяваным законам парадку;

- добраахвотна перададзены праваахоўным органам службовымі асобамі арганізацый і грамадзянамі;

атрыманы праваахоўнымі organамі падчас правядзення адпаведных аператыўна-вышуковых мерапрыемстваў і следчых дзеянняў.

Можна вылучыць некалькі вўдаў крыміналістычнага даследавання відэазапісаў:

папярэдняе даследаванне, якое накіравана на ўстанаўленне вонкавых прыкмет аб'екта-носьбіта, праглядзе зафіксаванай на ім інфармацыі;

папярэдняе даследаванне з выкарыстаннем аналітычных метадаў, накіраваных на выяўленне праблемных момантаў, фрагментаў, якія патрабуюць павышанай увагі, з пастаноўкай пытанняў, якія патрабуюць высвятлення падчас экспертных даследаванняў;

экспертнае даследаванне – правядзенне судовай відэафанаскапічнай экспертызы.

Папярэдняе крыміналістычнае даследаванне дакументаў складаецца, галоўным чынам, з вывучэння змястоўнай часткі дакументаў, устанаўленні іх адносін да падзеі, якая расследуецца, а таксама ў выяўленні прыкмет падробак з мэтай вызначэння неабходнасці далейшых экспертных даследаванняў.

Пры даследаванні дакументаў неабходна ўлічваць, што відэазапісы могуць падвяргацца двум відам падробкі: частковай і поўнай.

Частковая падробка дакументаў складаецца ў змене зместу відэадакумента наступнымі спосабамі:

выдаленне часткі інфармацыі з наступным перазапісам;

выдаленне часткі відэазапісу з наступным запісам на яе месца інфармацыі іншага ўтрымання;

дадатак відэазапісу раней ня знятымі сюжэтамі.

Поўная падробка дакументаў складаецца ў запісе пэўнага сюжэту, змест якога не адпавядае рэчаіснасці. Да такіх падробак могуць быць аднесены відэазапісы асоб, якія выдаюць сябе не за тых, кім з'яўляюцца насамрэч, відэазапісы спецыяльна падрыхтаваных сюжэтаў пра розныя падзеі, якія рэальна не адбываліся і інш.

Пры даследаванні відэадакументаў вырашаюцца наступныя задачы:

1) устанаўленне спосабу вырабу відэадакумента ці яго асобных фрагментаў;

2) выяўленне наяўных у відэадакументах змен;

3) аднаўленне пашкоджаных відэадакументаў;

4) аднаўленне першапачатковага ўтрымання відэадакументаў;

5) устанаўленне тэхнічных сродкаў, якія выкарыстоўваліся для выраба дакументаў.

Для паспяховага вырашэння гэтых задач неабходна выконваць шэраг правілаў:

1) месцазнаходжанне выяўленага відэадакумента павінна быць зафіксавана ў пратаколе адпаведнага следчага дзеяння;

2) пры неабходнасці з іншага носьбіта відэаінфармацыі павінны быць адабраны сляды паху і пальцаў рук;

3) пры выяўленні відэаносьбітаў інфармацыі з імі можна працаваць толькі ў пальчатках;

4) у матэрыялах крымінальнай справы відэадакументы павінны змяшчацца толькі ў спецыяльных упакоўках, якія не дапускаюць механічных пашкоджанняў і размагнічвання, а таксама ўздзеяння прамых выпраменьванняў (сонца, ультрафіялет і інш.).

Адным з найбольш важных этапаў работы з відэадакументамі з'яўляецца агляд. Адрозніваюць два віды агляду дакументаў у крыміналістыцы:

1) агляд як прыём, спосаб збірання дакументаў;

2) агляд як метада папярэдняга даследавання.

Падчас правядзення агляду месца здарэння ці ператрусу асноўная задача выявіць відэаносьбіты, якія ўяўляюць цікавасць для следства.

На наступным этапе праводзіцца агляд як метада папярэдняга даследавання. Гэта самастойнае следчае дзеянне. Аб'ектамі даследавання пры гэтым з'яўляюцца відэадакументы. Агляд праводзіцца ў тры этапы:

1) даследаванне знешніх прыкмет з ужываннем тэхнічных сродкаў;

2) вывучэнне зместу дакумента;

3) працэсуальнае афармленне вынікаў агляду.

Даследаванне зместу відэазапісаў пачынаецца з іх прагляду і праслухоўвання. Адзначаецца наяўнасць абрываў, перапынкаў запісу, зашумленасць і разборлівасць гукавой інфармацыі, выразнасць малюнка і інш.

Пры папярэднім даследаванні відэадакументаў можа прымяняцца любая крыміналістычная тэхніка неразбуральнага характару. Да прызначэння і пачатку вытворчасці экспертызы відэаносьбіт павінен заставацца ў першапачатковым стане. Яго агляд заканчваецца працэсуальным афармленнем – складаннем пратаколу. У пратаколе падрабязна апісваецца ход агляду і даследавання, спосабы і прыёмы агляду, выкарыстаныя тэхнічныя сродкі і атрыманыя вынікі.

Улічваючы высокую інфарматыўнасць відэазапісаў, неабходна звярнуць увагу на магчымасці судова-відэафонаскапічнай экспертызы. Яе прадмет уключае фактычныя дадзеныя, якія вызначаюцца на аснове спецыяльных ведаў пры правядзенні даследаванняў сродкаў запісу, магнітных стужак (іншых носьбітаў) і акустычнай інфармацыі, запісанай на іх.

У якасці аб'ектаў судова-відэафонаскапічнай экспертызы разглядаюцца:

тэхнічны аспект відэамалюнка (якасць малюнка, сістэма і фармат запісу і г. д.);

запісаная гукавая інфармацыя;

тэхнічныя сродкі магнітнага запісу (відэамагнітафоны, відэакамеры і інш.);

носьбіты інфармацыі.

Для правядзення судова-відэафонаскапічнай экспертызы эксперту павінны быць прадстаўлены:

арыгінал відэафанаграмы (копія, як правіла, не дазваляе ўсталяваць, ці падвяргаўся запіс кампутарнай апрацоўцы і мантажу);

узоры відэазапісаў, атрыманыя для правядзення параўнальных даследаванняў;

тэхнічныя сродкі відэазапісу [2, с. 63] .

Да правядзення судова-відэафонаскапічных даследаванняў відэаапаратура, якая перадаецца экспертам, не павінна эксплуатавацца, рэгулявацца, рамантавацца. Недапушчальна аднаўленне відэаносьбітаў і іх прагляд.

Падчас экспертных судова-відэафонаграфічных даследаванняў могуць вырашацца ідэнтыфікацыйныя, дыягнастычныя і класіфікацыйныя задачы. Да ідэнтыфікацыйных задач аднесены ідэнтыфікацыя асобы па вуснай гаворцы, ідэнтыфікацыя відэаапаратуры. Пры ідэнтыфікацыі асобы па прыкметах вуснай гаворкі эксперту прадстаўляюцца ўзоры для параўнальных даследаванняў у выглядзе фанаграм з запісам гаворкі цікавых асобаў. Эксперыментальныя ўзоры запісваюцца з удзелам спецыяліста ў ідэальных умовах (поўная цішыня) і ва ўмовах максімальна набліжаных да тых, у якіх ажыццяўляўся доследны запіс.

Падчас рашэння дыягнастычных і класіфікацыйных задач ажыццяўляецца ўстанаўленне групавой прыналежнасці апаратуры і матэрыялаў відэафанаграм, вызначэнне крыніц розных гукаў, выяўленне змен у відэафанаграме.

Усталяванне асоб па прыкметах знешнасці не ўваходзіць у кампетэнцыю экспертаў, якія праводзяць судова-відэафонаскапічную экспертызу, і патрабуе ў неабходных выпадках правядзення судова-партрэтнай экспертызы.

Прапанаваныя рэкамендацыі дазваляюць забяспечыць паўнату вывучэння відэазапісаў, якія сталі аб'ектам даследавання на папярэднім следстве, павялічыць эфектыўнасць і якасць работы з крыміналістычна значнай інфармацыяй, зафіксаванай на адпаведных відэаграмах.

Список цитированных источников

1. Шумак, Г.А. Формы и методы аналитической работы следователя с документами хозяйственного учета при расследовании экономических преступлений / Г.А. Шумак // Право и демократия : межвуз. сб. науч. тр. / Белорус. гос. ун-т. – Минск, 2005. – Вып. 16. – С. 293–302.

2. Современные возможности судебных экспертиз: метод. Пособие для экспертов, следователей и судей / Л.Д. Беяева [и др.]; науч. ред. Ю.Г. Корухов. – М.: Триада-Х, 2000. – 262 с.

Дата поступления статьи – 15.09.2015.

У артыкуле аналізуюцца праблемы правядзення сістэмнага даследавання відэазапісаў, як носьбітаў крыміналістычна значнай інфармацыі. Пры гэтым разгледжаны некаторыя новыя віды і спосабы фіксацыі інфармацыі з дапамогай відэазапісваючых прылад, якія яшчэ не атрымалы шырокага распаўсюду ў крыміналістыцы. Мяркуецца, што поўната і ўсебаковасць вывучэння відэазапісаў можа быць забяспечана выкарыстаннем алгарытмаў даследавання, якія арыентуюць на пазнанне як носьбітаў інфармацыі (матэрыяльных аб'ектаў), так і на пазнанне зместу адлюстраванай на іх інфармацыі. У дачыненні да шэрагу сітуацый прапануецца разглядаць відэазапіс як дакумент, што дазваляе выкарыстоўваць падчас працы з ім падыходы, уласцівыя для даследавання такіх аб'ектаў у крыміналістыцы.

The article analyzes the problems of system research videos as bearers of criminalistical important information. Here we consider some new types and methods of recording information using a video recorder, which are not yet widely used in criminalistics. It is expected that the completeness and comprehensiveness of the study of these videos can be achieved through the use of algorithms research, focusing on the knowledge of carriers of information (material objects), and the cognition of the content of the information reflected on them. With regard to a number of situations we are invited to consider video as a document that allows to use approaches inherent to the study of such objects in criminology in the process of working with videos.

В статье анализируются проблемы проведения системного исследования видеозаписей как носителей криминалистически значимой информации. При этом рассмотрены некоторые новые виды и способы фиксации информации с помощью видеозаписывающих устройств, еще не получившие широкого распространения в криминалистике. Предполагается, что полнота и всесторонность изучения видеозаписей может быть обеспечена посредством использования алгоритмов исследования, ориентирующих на познание как носителей информации (материальных объектов), так и на познание содержания отраженной на них информации. Применительно к ряду ситуаций предлагается рассматривать видеозапись как документ, что позволяет использовать в процессе работы с ним подходы, свойственные для исследования таких объектов в криминалистике.

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ НАЗНАЧЕНИЯ ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Ковган Ж.И.

Экономика является одной из значимых сфер деятельности любой страны, от уровня развития которой зависит благосостояние ее народа. По мере изменений, происходящих в экономике, могут появляться и препятствия, тормозящие процессы ее становления. Одним из них являются экономические правонарушения: несоблюдение правил проведения закупок товаров (работ, услуг); нарушение очередности осуществления платежей;

незаконная экономическая несостоятельность (банкротство) и т. д. При выявлении и расследовании указанных деяний правоохранительным и судебным органам для ответа на возникающие вопросы приходится прибегать к помощи экспертов, имеющих специальные знания в области экономики. В таких ситуациях выяснить определенные обстоятельства можно путем проведения финансово-экономической экспертизы, которая в соответствии со ст. 228 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (УПК) не является обязательной, при этом законодательством не регламентированы основания ее назначения. В этой связи на практике правоохранительными и судебными органами могут допускаться различного рода ошибки. Для определения проблемных вопросов, связанных с назначением финансово-экономической экспертизы, в 2014 г. был проведен опрос 21 эксперта, имеющего допуск на производство экономических экспертиз и работающего в управлении экономических экспертиз главного управления технических экспертиз Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь (ГКСЭ), результаты которого будут освещены далее.

Одной из задач, стоящих перед органами уголовного преследования, является правильный выбор методов и определение средств расследования, среди которых и возможность проведения финансово-экономической экспертизы. Одни авторы – А.А.Чувилев, М. Похис, Р.С. Белкин, Г. Мудьюгин, Х. Рооп, Ю.Н. Белозеров – допускают назначение экспертизы до возбуждения уголовного дела при необходимости или в определенных случаях. По мнению других, в частности В.Д. Арсеньева, В.И. Шиканова, В.М. Савицкого, назначение экспертиз до возбуждения уголовного дела позволяет проводить любые следственные действия на рассматриваемом этапе уголовного преследования, в результате чего может произойти «постепенная эрозия процесса всех досудебных стадий» [1, с. 311]. Вместе с тем, несмотря на то что ст. 226 УПК предусматривает возможность назначения большинства экспертиз до возбуждения уголовного дела, это, как правило, не приводит к нежелательным результатам.

По нашему мнению, целесообразным представляется назначать производство экспертизы лишь в случаях, когда имеются на то существенные основания вне зависимости от стадии уголовного процесса. Это утверждение касается экспертиз, которые не связаны с применением мер процессуального принуждения в отношении физических лиц или не «направлены на собирание доказательств для установления обстоятельств, входящих в предмет доказывания по уголовному делу» [2, с. 645].

В тоже время, по мнению Г.В. Акифьевой, не следует назначать экономические экспертизы до возбуждения уголовного дела, поскольку «во-первых, еще недостаточно ясно обозначен механизм совершения преступного деяния; во-вторых, не все меры приняты к полному предоставлению объектов исследования (документов); в-третьих, не проведены мероприятия по «отсеиванию» объектов, не относящихся к решению требуемых задач» [3, с. 19–20]. Видится, что назначение

финансово-экономической экспертизы до возбуждения уголовного дела может привести к увеличению как количества вопросов, подлежащих исследованию, так и учащению случаев назначения дополнительных экспертиз. Однако в отдельных случаях (например, при исследовании вопросов установления наличия (отсутствия) признаков уголовно наказуемой экономической несостоятельности (банкротства)) без проведения данного вида экспертизы невозможно возбудить уголовное дело.

Нельзя не упомянуть о том, что иногда финансово-экономические экспертизы назначаются в случае отсутствия возможности сбора всех необходимых документов для дачи экспертом обоснованного вывода или «для разрешения тех же самых вопросов», уже изученных ревизором (проверяющим), «только с тем, чтобы избежать претензий в том, что не проведена судебная экспертиза» [4, с. 12]. Часть опрошенных (4,8 %) отметили, что вопросы, указанные в постановлениях (определениях) о производстве финансово-экономической экспертизы носили справочный характер. Данный факт свидетельствует об искажении сущности названной экспертизы, «которая нередко используется как своеобразный и совершенно ненужный метод закрепления ... доказательств по делу, не оспариваемых» участниками уголовного процесса и «зачастую не вызывающих сомнения у самих» органов уголовного преследования [5, с. 78].

Таким образом, финансово-экономическая экспертиза может назначаться как до, так и после возбуждения уголовного дела, если: выявленные с помощью финансово-экономической экспертизы факты помогут разрешить дело; для их установления необходимы специальные знания в области экономики; в деле нет доказательств, которые позволяют определить наличие (отсутствие) интересующих фактов без проведения экспертизы и их нельзя заменить чем-либо иным (например, привлечением соответствующего специалиста).

В правоохранительной практике важное значение имеет выбор способа исследования вопросов экономического характера. Для этих целей могут использоваться как финансово-экономические экспертизы, так и ревизии (проверки), что соответствует ч. 3 ст. 227 УПК, согласно которому заключения ведомственных инспекций, акты ревизий, консультации специалистов, имеющиеся в уголовном деле, не исключают возможности назначения экспертизы по тем же вопросам [6].

Порядок назначения и проведения финансово-экономической экспертизы определен УПК, в то время как в отношении ревизий (проверок) в нем нет указаний. Следовательно, они представляют собой непроцессуальную форму использования специальных знаний. С их помощью осуществляется контроль финансово-хозяйственной деятельности субъектов хозяйствования [7]. Необходимо также отметить, что финансово-экономическая экспертиза назначается органами уголовного преследования и суда с целью оказания им содействия в изучении и интерпретации отдельных фактов, подлежащих доказыванию. Ревизии (проверки) проводятся согласно установленному графику проверок (плановые), по

поручению государственных органов и в иных случаях (внеплановые). Цель ревизий (проверок) – выявление нарушений требований законодательства с последующим пресечением и устранением негативных последствий.

Согласно ранее действовавшей Инструкции об особенностях проведения экономической экспертизы в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Республики Беларусь от 14 ноября 2006 г. № 303 финансово-экономическая экспертиза, как правило, назначалась после проведения ревизий (проверок) финансово-хозяйственной деятельности хозяйствующего субъекта, в случаях, условно объединенных в три группы: отсутствия согласованности между результатами проведенных проверок (ревизий) и иными материалами дела или выводами нескольких проверок; наличия сомнений в правильности произведенных экономических расчетов проверяющими (ревизорами), возникающих по следующим причинам: не принятия в расчет оправдательных документов, предъявленных материально ответственными или другими лицами; использования при проведении исследования методик не соответствующих требованиям законодательства и т. д.; наличия в материалах дела заключений экспертов других специальностей, которые вызывают необходимость сопоставить их с материалами проверки [8]. Считаем, что данные основания для назначения рассматриваемой экспертизы применимы и сегодня, так как вышеназванный нормативный правовой акт утратил силу в связи реорганизацией Государственного экспертно-криминалистического центра Министерства внутренних дел Республики Беларусь и созданием ГКСЭ, объединившего в себе все экспертные и соответствующие научно-исследовательские и учебные учреждения [9, 10].

Однако ряд авторов, в частности Г.А. Шумак, полагают, что перечисленные обстоятельства нельзя признать достаточным основанием для назначения экспертизы. Согласно его точке зрения, если считать их таковыми, то назначение экспертизы будет зависеть «не от действительной необходимости и возможности разрешения тех или иных вопросов по делу с помощью специальных знаний, а от формальных моментов». Таким образом «приведенные обстоятельства являются именно поводами, а не основаниями для назначения экспертизы» [6, с. 77], при наличии которых необходимо для начала оценить целесообразность производства экспертизы и только потом ее назначать.

В свою очередь, ревизия (проверка) проводится по ряду более широких вопросов по следующим основаниям: при наличии сведений о нарушении законодательства субъектом хозяйствования; использовании субъектом хозяйствования различных форм государственной поддержки; существенном ухудшении показателей деятельности банков или небанковских кредитно-финансовых организаций; проверке вопросов, связанных с правильностью исчисления налогов и т. д. Перечень задач, которые можно решить с помощью финансово-экономической экспертизы уже, чем у ревизий (проверок). Так, например финансово-экономическая экспертиза не решает вопросы, связанные с налогообложением,

установлением размера ущерба, вреда и прочее. Кроме того эксперт изучает только те материалы, которые представлены ему органом, назначившим проведение экспертизы, и он не вправе самостоятельно собирать их для исследования (ч. 3 ст. 61 УПК). Данные ограничения не касаются ревизоров (проверяющих). Однако в отличие от экспертов последние не изучают материалы дела (показания свидетелей, обвиняемых и т. д.).

В отношении используемых как экспертами, так и ревизорами, методов исследования необходимо отметить их схожесть с той разницей, что только вторые могут прибегать к проведению фактической проверки.

Таким образом, финансово-экономическая экспертиза и ревизия (проверка) – разные категории, по причине чего выбор наиболее целесообразной формы использования специальных знаний в каждом конкретном случае должен осуществляться в индивидуальном порядке. При этом вопрос об их назначении необходимо решать только после изучения всех имеющихся в деле (материалах) доказательств.

Анкетный опрос экспертов, проводящих финансово-экономические экспертизы, показал, что 42,9 % респондентов считают, что при назначении проведения экономической экспертизы ее род был определен не верно. С целью исправления указанных ошибок эксперты во вводной части своих заключений указывали на этот факт и обозначали наименование экспертизы, которая фактически была проведена. Большая часть опрошенных экспертов (95,2 %) указали, что на разрешение финансово-экономических экспертиз ставились вопросы, выходящие за пределы компетенции эксперта. В основном они касались налогообложения или носили правовой характер. Кроме того более половины респондентов (66,7 %) отметило, что вопросы были неконкретными, нечеткими и имеющими двоякое толкование, 4,8 % – носили справочный характер. В зависимости от вида перечисленных ошибок экспертами, как правило, направлялись ходатайства о привлечении к производству экспертизы лиц, обладающих специальными знаниями в других сферах деятельности (например, работников налоговых органов) [11, с. 99–100], или выполнялись корректировки вопросов по согласованию с органом, назначившим ее проведение, или делались выводы об отсутствии возможности ответа на поставленные вопросы. Все это приводило к увеличению сроков нахождения материалов дела (проверок) в производстве, что отрицательно сказывалось на процессе расследования.

В специальной литературе для правильной формулировки вопросов органам уголовного преследования при назначении финансово-экономической экспертизы рекомендуется обращаться за консультацией к экспертам [12, с. 71]. Однако на практике это нередко приводит к тому, что на последних перекладываются не свойственные им функции. Например, предлагается решить вопрос о том, какую информацию можно получить на основании исследования имеющихся документов. Эксперту это сделать достаточно сложно, так как он не располагает всей информацией о совершенном деянии, а, следовательно, и не может достоверно определить,

какие обстоятельства необходимо уточнить путем назначения финансово-экономической экспертизы.

Необходимо также отметить, что согласно данным, которыми мы располагаем, на экспертизу предоставлялись документы в количестве, недостаточном для проведения полноценного исследования по поставленным вопросам: не за каждый подлежащий изучению период; не содержали в себе дополнительную (поясняющую) информацию по возникающим вопросам; были не пригодны для исследования по причине их ветхости и т. д. [11, с. 98–101]. В таких ситуациях эксперты, как правило, заявляли ходатайства о предоставлении дополнительных материалов, ответы на которые в отдельных случаях поступали в несколько приемов [11, с. 98]. Среди опрошенных респондентов 66,7 % отмечают, что присылаемые материалы дела были не пронумерованы и не подшиты, не систематизированы и не сгруппированы по назначению в хронологическом порядке. Следует отметить, что систематизация и упорядочение бухгалтерских и финансовых документов не относится к задачам финансово-экономической экспертизы, а выполнение данных действий приводит к усложнению работы эксперта и затрате излишнего времени на поиск необходимой информации.

На основании вышеизложенного представляется целесообразным сделать следующий вывод: нецелесообразность назначения; неправильное определение вида экспертизы, некорректность формулировки вопросов, несоблюдение порядка подготовки и предоставления направляемых на экспертизу материалов – все это отрицательно сказывается на возможностях и сроках проводимых исследований.

Результаты опроса сотрудников органов уголовного преследования показывают, что ошибки назначения финансово-экономической экспертизы в основном связаны с тем, что на законодательном уровне не урегулированы различные аспекты ее сущности. Кроме того следует повышать уровень профессиональной подготовки сотрудников правоохранительных органов путем проведения совместных семинаров, круглых столов по проблемным вопросам, направление на курсы повышения квалификации в соответствующие учреждения.

Следует, активизировать взаимодействие между органом, назначающим производство экспертизы, и экспертными учреждениями, предполагающее тесное сотрудничество названных субъектов в процессе подготовки, назначения и проведения экспертизы, ее оценке и использования при этом каждым из них в пределах своей компетенции соответствующих методов для решения стоящих перед ними задач уголовного процесса. Способы взаимодействия могут проводиться в двух формах процессуальной (ознакомление эксперта с материалами, относящимися к предмету экспертизы, его участие в производстве следственных и других процессуальных действий и т. д.) и непроцессуальной (получение правоохранительными и судебными органами

консультаций, которые носят ориентировочный характер и не являются источниками доказательств).

Взаимодействие, в свою очередь, должно осуществляться с учетом соблюдения ряда принципов. Первый принцип – разграничение компетенции и обязанностей – предполагает, что каждый должен четко представлять круг своих прав и обязанностей. Второй – надлежащее исполнение своих обязанностей – предусматривает со стороны правоохранительных и судебных органов: добросовестную подготовку материалов для экспертного исследования, исполнение ходатайств эксперта, оценку экспертного заключения с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а в совокупности с другими доказательствами – достаточность для окончания предварительного расследования и разрешения уголовного дела в судебном разбирательстве; получение консультаций по проблемным вопросам и т. д.; со стороны эксперта – дача заключения как по поставленным вопросам, так и по входящим в его компетенцию обстоятельствам, выявленным при производстве экспертизы; заключение должно быть объективным и обоснованным; заявление при необходимости ходатайств и т. д. Третий принцип – правильное понимание теоретических аспектов финансово-экономической экспертизы – предполагает грамотную постановку целей, задач (вопросов), ее предмета и объекта, применяемых методик и методов.

Список цитированных источников

1. Белкин, А.Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве: монография / А.Р. Белкин. – М.: Норма, 2007. – 528 с.
2. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Республики Беларусь / Н.И. Андрейчик [и др.]; под науч. ред. М.А. Шостака; Акад. МВД Респ. Беларусь. – Минск: Акад. МВД, 2014. – 1230 с.
3. Акифьева, Г.В. Новеллы в уголовном процессе и порядок использования специальных экономических знаний в расследовании преступлений / Г.В. Акифьева // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2014. – Ч. II, № 2 (40). – С. 18–20.
4. Данилова, Н.А. Теоретические и прикладные аспекты правоприменения в уголовном судопроизводстве / Н.А. Данилова, Т.Г. Николаева // Вестн. Калининградского фил.СПб ун-та МВД России. – 2014. – № 4 (38). – С. 9–13.
5. Шумак, Г.А. Бухгалтерский анализ как метод расследования преступлений / Г.А. Шумак. – Минск: Университетское, 1998. – 91 с.
6. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь: принят Палатой представителей 24 июня 1999 г.; одоб. Советом Респ. Беларусь 30 июня 1999 г.; текст Кодекса по состоянию на 14 апр. 2015 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.
7. О совершенствовании контрольной (надзорной) деятельности в Республике Беларусь: Указ Президента Респ. Беларусь, 16 окт. 2009 г, № 510 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.
8. Инструкция об особенностях проведения экономической экспертизы в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Республики

Беларусь: постановление М-ва внутр. дел Респ. Беларусь от 14 нояб. 2006 г. № 303: в ред. от 02.02.2010 г. // Консультант Плюс: Законодательство. Беларусь [Электронный ресурс]. – Минск, 2013.

9. *Вопросы государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь: Указ Президента Респ. Беларусь, 1 июля 2013 г., № 292* // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.

10. *Об образовании Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь: Указ Президента Респ. Беларусь, 22 апр. 2013 г., № 202* // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.

11. Станкевич, А.А. О причинах направления ходатайств экспертами при производстве судебно-экономических экспертиз. О материалах, необходимых к предоставлению эксперту для решения типовых задач / А.А. Станкевич [и др.] // Информационные письма о причинах направления ходатайств экспертами при производстве судебных экспертиз (для следователей, судей, экспертов) / И.Г. Дода [и др.]; под общ. ред. А.С. Рубиса. – Минск, 2008. – С. 96–120.

12. Арзуманян, Т.М. Бухгалтерская экспертиза при расследовании и судебном разбирательстве уголовных дел / Т.М. Арзуманян, В.Г. Танасевич. – М.: Юрид. лит., 1975. – 120 с.

Дата поступления статьи – 15.07.2015.

При определении необходимости в проведении финансово-экономической экспертизы, выборе вида исследования, формулировке вопросов, подготовке и предоставлении материалов иногда имеют место недочёты, допускаемые органами уголовного преследования и судом.

На основании опроса экспертов, имеющих допуск на проведение экономических экспертиз и работающих в управлении экономических экспертиз главного управления технических экспертиз Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь, автор рассматривает данный факт, анализирует по отдельным проблемам мнения ученых.

Таким образом, поскольку обозначенные в статье недочеты в назначении финансово-экономических экспертиз отрицательно влияют на сроки производства и качество экспертных заключений, по итогам проведенного исследования сформулированы пути решения выявленных проблемных моментов.

When determining the need to conduct financial and economic expertise, selecting the type of research, the formulation of questions, preparation and delivery of materials sometimes there are shortcomings, allowed the prosecution authorities and the courts.

Based on a survey of experts having access to carry out economic examinations and working in the management of economic examinations of the main management and technical expertise of the State Committee of the Republic of Belarus forensic examinations, the author considers the fact, analyzes of specific issues the views of scientists.

Thus, as indicated in Article flaws in the appointment of the financial and economic expertise adversely it affects the timing of production and the quality of expert reports on the results of the study are formulated solutions to the identified problematic issues.

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА ПРОЕКТОВ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ (НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ)

Федончук М.В.

В настоящее время продолжается поиск наиболее эффективных методов и средств борьбы с преступностью, остаются актуальными вопросы разработки и совершенствования системы мер по ее предупреждению. К мерам, направленным на предупреждение преступности, в том числе относятся: совершенствование законодательства, формирование системно согласованного правового регулирования, прогнозирование негативных последствий принятия (издания) нормативных правовых актов, повышение качества законотворческой деятельности.

В целях обеспечения эффективного влияния нормативных правовых актов на предупреждение преступности в Республике Беларусь государственным учреждением «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь» проводится криминологическая экспертиза проектов нормативных правовых актов (нормативных правовых актов).

Анализ научной литературы по проблемным вопросам криминологической экспертизы свидетельствует как о многозначности самого термина «криминологическая экспертиза», так и о разноплановых подходах к ее сущности и назначению, целям и задачам, предмету и объекту, субъектам и методике проведения и т.д.

Так, А.И. Долгова под криминологической экспертизой понимает исследование и оценку специалистами-криминологами соответствия документов научно обоснованным требованиям борьбы с преступностью, определение допустимости их принятия или изменения, или реализации с позиции возможного воздействия на преступность, определяющие ее обстоятельства, а также на состояние борьбы с преступностью [1, с. 436].

В.А. Плешаков указывает, что криминологическая экспертиза представляет собой изучение, анализ, оценку экономических, социальных, культурно-воспитательных и иных мероприятий, включаемых в решения, с целью определения их возможного влияния на преступность, ее причинный комплекс, социальные последствия и другие криминологически значимые факторы [2, с. 160].

С.Г. Дзиконская отмечает, что сфера криминологической экспертизы охватывает четыре концептуальных направления: экспертиза законопроектов (антикоррупционная, гендерная, виктимологическая); экспертиза криминогенных последствий принятия нормативных актов (архитектурно-криминологическая, криминолого-виктимологическая) и криминологическая экспертиза личности субъекта преступления, мотивации (как внутренней причины) и ситуации (как внешней причины) преступления (судебно-криминологическая); экспертиза на предмет криминогенности и

криминальных рисков бизнес-планов, финансово-экономических, инвестиционных и иных коммерческих проектов (криминологическо-экономическая) [3, с. 49].

В Республике Беларусь криминологическая экспертиза проектов нормативных правовых актов (нормативных правовых актов) проводится в соответствии с Положением о порядке проведения криминологической экспертизы, утвержденным Указом Президента Республики Беларусь от 29 мая 2007 г. № 244 «О криминологической экспертизе» (далее – Положение о порядке проведения криминологической экспертизы), Методическими рекомендациями по проведению криминологической экспертизы проектов правовых актов (правовых актов), утвержденными приказом Генерального прокурора Республики Беларусь от 13 декабря 2011 г. № 46 (далее – Методические рекомендации) и иными нормативными правовыми актами.

В соответствии с пунктом 2 Положения о порядке проведения криминологической экспертизы криминологическая экспертиза – исследование содержания проекта правового акта (правового акта) в целях выявления в нем норм, применение которых может повлечь (повлечло) возникновение криминогенных последствий в различных сферах общественных отношений (далее – возникновение рисков криминогенного характера) [4].

Криминологическая экспертиза проводится также для подготовки обоснованных предложений об устранении выявленных в проектах правовых актов (правовых актах) недостатков, способствующих возникновению таких рисков, и формирования системно согласованного правового регулирования, исключающего возникновение рисков криминогенного характера [5].

Согласно пункту 12 Положения о порядке проведения криминологической экспертизы основным критерием оценки проекта правового акта (правового акта) при проведении криминологической экспертизы является возможность возникновения рисков криминогенного характера в процессе применения правового акта, в том числе обусловленных его социальной неадаптированностью, неоднозначностью его норм, неполнотой правового регулирования соответствующей сферы общественных отношений [4].

Для оценки проектов нормативных правовых актов (нормативных правовых актов), а также для понимания сущности и назначения криминологической экспертизы ключевым является понятие «риски криминогенного характера», закрепленное в пункте 2 Методических рекомендаций, в соответствии с которым риски криминогенного характера – деструктивные факторы правового свойства, заключенные в нормах права и обусловленные их социальной неадаптированностью, противоречивостью, неопределенностью, вследствие чего в процессе их реализации (соблюдения, исполнения, использования и применения) создаются объективные предпосылки (условия) и мотивация допустимого или возможного

отклонения от правомерного поведения независимо от того, является или не является такое отклонение уголовно наказуемым деянием.

В Методических рекомендациях раскрывается сущность недостатков проектов нормативных правовых актов (нормативных правовых актов), способствующих возникновению рисков криминогенного характера, которые могут быть связаны с:

- бессистемностью и противоречивостью методов и форм правового регулирования;

- неопределенностью объектно-предметного и субъектного составов правовых отношений, условий и оснований их возникновения, изменения и прекращения;

- неопределенностью и разбалансированностью интересов субъектов правовых отношений, их прав и обязанностей, а также порядка их реализации и исполнения;

- отсутствием социальных, экономических и организационно-правовых механизмов обеспечения реализации правового акта, а также отсутствием контроля за исполнением его норм;

- отсутствием установленной ответственности, неопределенностью оснований и порядка ее применения либо несоответствием такой ответственности, оснований и порядка ее применения общественной опасности правонарушения [5].

Кроме того, при проведении криминологической экспертизы учитываются и иные недостатки нормативных правовых актов и их проектов, которые могут обуславливать возможность возникновения рисков криминогенного характера.

Возможность возникновения рисков криминогенного характера выявляется на основе установления взаимосвязи между наличием в проекте нормативного правового акта (нормативном правовом акте) недостатков с соответствующими социальными факторами, обуславливающими во взаимодействии объективную допустимость и мотивацию противоправного поведения или злоупотребления правом (полномочиями, правоохраняемыми интересами) в процессе реализации его норм[5].

Осуществление любых экспертных исследований требует использования специальных знаний и методов, наличия методики и критериев оценки материалов, представленных на экспертизу.

Проведение криминологической экспертизы невозможно без использования широкого спектра знаний в области общей теории права, конституционного права, криминологии, уголовного права, гражданского права, административного права, финансового, банковского и налогового права, жилищного и трудового права, уголовного и гражданского процесса и т.д., а также целого комплекса различных методов. Так, при проведении криминологических экспертиз используются системный, структурно-функциональный, сравнительно-правовой, историко-правовой, формально-юридический методы, а также методы социально-правового моделирования, экспертных оценок, обобщения статистических данных и

правоприменительной практики, иные общенаучные и специальные методы. Перечень конкретных методов, необходимых для проведения экспертизы, последовательность их использования определяются специалистом, который проводит экспертизу.

Представляется, что эффективное проведение криминологической экспертизы достигается путем комплексного подхода к ее проведению, основанного на использовании совокупности уголовно-правовых знаний о признаках преступления и их содержании, признаках составов преступлений и их юридической конструкции; криминологических знаний о преступном поведении и личности преступников, причинах и условиях, способствующих совершению конкретных преступлений; криминалистических знаниях о средствах совершения преступлений, способах их совершения и сокрытия, следах преступной деятельности, связях между всеми элементами структуры преступления и др., а также иных знаний в зависимости от отрасли (отраслей) законодательства, к которым относится проект нормативного правового акта (нормативный правовой акт).

В научной литературе также делается акцент на необходимость комплексного подхода к проведению криминологической экспертизы, в том числе с использованием криминалистических знаний.

Так, В.Н. Кудрявцев и В.Е. Эминов подчеркивают, что криминологическая экспертиза должна быть результатом постоянного творческого взаимодействия представителей криминологии, уголовного права, уголовного процесса, криминалистики, уголовно-исполнительного права с привлечением необходимых специалистов из других научных отраслей (социологов, экономистов, психологов и др.) [6].

Е.Р. Россинская указывает, что криминалистика в соответствии со своим предметом может служить обосновывающим знанием для антикоррупционной экспертизы, целью которой является установление в нормативном правовом акте или проекте нормативного правового акта коррупциогенных факторов [7, с. 110]. Этот тезис автор обосновывает тем, что криминалистика изучает закономерности механизма преступления, возникновения информации о преступлении и его участниках, закономерностях собирания, исследования, оценки и использования доказательств и основанных на познании этих закономерностей специальных методах и средствах судебного исследования и предотвращения преступлений [8, с. 41].

Необходимо отметить, что использование специальных знаний и методов криминалистики при проведении криминологической экспертизы проектов нормативных правовых актов (нормативных правовых актов) позволяет осуществлять их криминалистическую оценку.

По нашему мнению, криминалистическая оценка проектов нормативных правовых актов (нормативных правовых актов) представляет собой прогнозирование последствий принятия (издания) нормативных правовых актов, а также реализации уже принятых (изданных) нормативных правовых актов в аспекте построения перспективных моделей возможных

преступлений с представлением информации о наиболее вероятных способах их совершения и типичных следовых картинах, что позволит обеспечить разработку методик выявления, раскрытия и расследования таких преступлений. Объектами криминалистической оценки могут являться не только проекты нормативных правовых актов (нормативные правовые акты), но и сопроводительные материалы к ним.

Необходимость криминалистической оценки проектов нормативных правовых актов (нормативных правовых актов) обусловлена тем, что нормативные правовые акты и их проекты являются информационной основой для конструирования теоретических моделей преступлений, преступных схем, которые могут быть реализованы в объективной действительности.

Криминалистическая оценка проектов нормативных правовых актов (нормативных правовых актов) может осуществляться на основе использования специальных криминалистических знаний: а) о средствах совершения преступлений; б) о способах совершения и сокрытия преступлений; в) о следах, которые остаются в результате совершения преступлений, о методах их обнаружения, способах фиксации, направлениях исследования, способах их изъятия; г) о связях между всеми элементами структуры преступления; а также специальных методов криминалистики (криминалистический анализ, криминалистическое распознавание, криминалистическое моделирование, криминалистическое прогнозирование).

Содержательная сторона криминалистической оценки, осуществляемой при проведении криминологической экспертизы, может быть представлена следующими взаимосвязанными этапами:

- криминалистический анализ проекта нормативного правового акта (нормативного правового акта) и сопроводительных материалов к нему;
- криминалистическое распознавание признаков конкретного состава преступления (группы преступлений);
- криминалистическое моделирование преступлений, отдельных элементов его структуры, их признаков, внешних связей и отражений;
- криминалистическое прогнозирование возможности появления новых общественно опасных деяний, ранее неизвестных способов совершения и сокрытия преступлений, форм противодействия раскрытию и расследованию преступлений.

Необходимость комплексного подхода (уголовно-правового, криминологического и криминалистического) к оценке проектов нормативных правовых актов (нормативных правовых актов) при проведении криминологической экспертизы позволяет выделить определенные критерии, в соответствии с которыми может осуществляться такая оценка.

Критерии представляют собой перечень взаимосвязанных вопросов и обстоятельств, которые необходимо выяснить при проведении криминологической экспертизы. К ним относятся:

1) создаст ли нормативный правовой акт в случае его принятия (издания) (создает ли нормативный правовой акт) условия, способствующие совершению каких-либо противоправных действий;

2) создают ли нормы нормативного правового акта или его проекта предпосылки совершения уголовно наказуемых деяний в общем, а также отдельных групп (видов) преступлений, конкретного преступления в частности;

3) возможность репрезентации и прогнозирования: субъекта (субъектов), который может совершить или совершает преступление (преступления); объекта (объектов) преступного посягательства; средств совершения преступлений; предмета (предметов) преступного посягательства; предмета преступления, а также связей между ними;

4) имеются ли в проекте нормативного правового акта (нормативном правовом акте) предпосылки для реализации преступных схем;

5) возможность прогнозирования различных способов совершения и сокрытия преступлений; следов преступной деятельности.

Подводя итог, отметим, что, несмотря на дискуссионность предлагаемого понятия, криминалистическая оценка проектов нормативных правовых актов (нормативных правовых актов) при проведении криминологической экспертизы и выявлении в них норм, применение которых может повлечь (повлекло) возникновение рисков криминогенного характера позволяет: 1) наиболее полно и глубоко оценить последствия реализации норм нормативных правовых актов и их проектов, в которых были выявлены недостатки, способствующие возникновению рисков криминогенного характера; 2) моделировать преступные схемы, строить информационные модели конкретных составов преступлений; 3) выявлять, анализировать причины и условия, способствующие совершению преступлений; 4) прогнозировать возможность появления новых способов и средств совершения преступлений, сокрытия следов преступлений; 5) предвидеть необходимость разработки новых методик выявления и расследования преступлений, установления лиц, их совершивших, методик выявления следов преступной деятельности, сохранения и фиксации следовой информации; 6) осуществлять профилактику преступлений путем устранения в нормативных правовых актах и их проектах недостатков, способствующих возникновению рисков криминогенного характера.

Кроме того, совершенствование криминалистического прогнозирования и дальнейшее развитие его теории, активное использование криминалистического прогнозирования в правотворческой и правоприменительной практике позволят оптимизировать имеющиеся методы и формы борьбы с преступностью.

Список цитированных источников

1. Долгова, А.И. Криминологические оценки организованной преступности и коррупции, правовые баталии и национальная безопасность / А.И. Долгова. – М.: Рос. криминолог. ассоциация, 2011. – 668 с.
2. Криминология: учебник / А.Ф. Агапов [и др.]; под ред. В.Д. Малкова. – М.: ЗАО «Юстицинформ», 2004. – 527 с.
3. Дзиковская, С.Г. Современное состояние криминологической экспертизы в России / С.Г. Дзиковская // Рос. следователь. – 2012. – № 23. – С. 48-50.
4. О криминологической экспертизе: Указ Президента Респ. Беларусь, 29 мая 2007 г., № 244: в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 24.01.2014 № 49 // КонсультантПлюс: Беларусь / Технология Проф. [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2015.
5. Об утверждении Методических рекомендаций по проведению криминологической экспертизы проектов правовых актов (правовых актов): приказ Генерального прокурора Респ. Беларусь, 13 дек. 2011 г., № 46.
6. Кудрявцев, В.Н., Эминов, В.Е. Криминология и проблемы криминализации / В.Н. Кудрявцев, В.Е. Эминов // СПС «КонсультантПлюс: Версия Проф» [Электронный ресурс]. – М., 2015.
7. Россинская, Е.Р. Генезис новых родов судебных и антикоррупционных экспертиз и их роль в выявлении, расследовании и предупреждении преступлений / Е.Р. Россинская // Вестн. криминалистики. – 2012. – Вып. 3 (43). – С. 107-113.
8. Криминалистика / Т.В. Аверьянова [и др.]; под общ. ред. Р.С. Белкина. – М.: Норма, 2007. – 994 с.

Дата поступления статьи – 15.09.2015.

В статье рассматриваются научные подходы к определению криминологической экспертизы, ее сущности и назначению; раскрывается содержание криминологической экспертизы; выдвигается тезис о необходимости использования специальных знаний и методов криминалистики при проведении криминологической экспертизы проектов нормативных правовых актов (нормативных правовых актов), позволяющих осуществлять криминалистическую оценку проектов нормативных правовых актов (нормативных правовых актов); описываются этапы, критерии и возможности криминалистической оценки проектов нормативных правовых актов (нормативных правовых актов).

This article deals with scientific approaches to the definition of criminological expertise, its essence and purpose. It also describes the content of criminological expertise as well as the thesis of the need for special knowledge and methods of criminalistics in conducting criminological expertise of normative legal acts and their draft that allow for criminalistics assessment of normative legal acts and their draft. It describes the stages, the criteria and the possibility of criminalistics assessment of normative legal acts and their draft.

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ БОРЬБЫ С ПРАВОНАРУШЕНИЯМИ

УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕТОДОВ РАССЛЕДОВАНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: ПРАКТИКА В ЕС И США

Тимченко А.В.

Благоприятное состояние окружающей среды является источником экономического обогащения государства и духовного развития нации. В современных условиях технический прогресс общества и государства, темпы деградации природных объектов привели к нарушению экосистем, возрастанию заболеваний населения, смертности и ухудшению генофонда нации [1, с. 3]. В Украине экологические преступления обладают значительным уровнем латентности, в связи с чем они не находят своего адекватного отображения в официальной статистике [2, с. 4]. Необходимым условием обеспечения экологической безопасности государства является эффективное предупреждение и расследование правонарушений против окружающей среды. Усовершенствования процедуры борьбы с экологическими преступлениями связано с анализом мировой практики в этой сфере. Стремление европейских стран к сотрудничеству в области экологической безопасности влечет необходимость внедрение мировых стандартов и требований в национальные правовые системы.

Проблематика борьбы с экологическими преступлениями и вопросы усовершенствования процедуры расследования освещены в работах практиков и ученых США и Европы: Антонио Вечера, Патриции В. Давис, Криса Диге, Линды С. Като, Дары Линот, Марка А. Кохена, Майкла М. Охара, Маршала Силвербергера, Деборы Л. Харис и многих других. Анализ исследований данных авторов позволяет судить о функционировании органов расследования экологических преступлений в Европе и США, статистике их раскрытия, санкциях уголовных статей за совершение данной категорий правонарушений.

В соответствии с законодательством ЕС преступления против окружающей среды определяются как деяния (подразумевается действие или бездействие), которые нарушают экологическое законодательство и наносят вред или создают опасность окружающей среде либо здоровью человека, а также включают правонарушения, посягающие на природные ресурсы (фауна и флора) [3, р. 6].

Практика деятельности полицейских структур США свидетельствует о том, что квалифицированно расследовать экологические правонарушения способны лишь специально подготовленные кадры, при этом не загруженные задачей предупреждения и борьбы со всеми другими правонарушениями. С данными работниками проводятся регулярные тренинги в области усовершенствования техники расследования экологических преступлений [4, с. 143]. В США актуально положение о том,

что в борьбе с экологическими преступлениями необходимо владеть комплексом специальных знаний и профессиональным опытом с целью повышения эффективности их расследования и предупреждения.

Анализируя модели расследования экологических преступлений в странах ЕС региона Балтийского моря, можно выделить следующее: экологические преступления расследуются полицейскими подразделениями и прокуратурой общей направленности (Дания, Финляндия); экологические преступления расследуются специализированными подразделениями полиции и прокуратуры (Германия, Норвегия, Швеция); специальные органы осуществляют предварительное расследование до передачи уголовного дела в полицию и прокуратуру (Эстония, Латвия, Польша) [5, р. 3].

Очевидным является положение о том, что сотрудник правоохранительных органов общей направленности не может эффективно расследовать преступления, которым присущи свои специфические особенности. Следовательно, который в своей деятельности в основном сталкивается с кражами и грабежами, будет проблематично провести эффективное досудебное следствие по уголовному делу, например, в связи с массовой гибелью рыбы в реке или загрязнением моря нефтью. Кроме этого, при квалификации экологических преступлений, необходимо анализировать нормы, как уголовного, так и экологического права, а в некоторых случаях и международного права (если преступления затрагивают интересы двух и более стран). Следователь, который специализируется на расследовании именно экологических преступлений, в силу своего опыта, владеет нормативной базой, специальными знаниями в данной сфере и ориентируется в специфике расследования. Например, следователь, расследующий преступления в области загрязнения водной среды, должен владеть знаниями в сфере: экологии, метрологии, экологического права, правил судоходства, а также ориентироваться в специфике проведения расследования преступлений данной категории [6, с. 45].

Анализируя эффективность взаимодействия правоохранительных органов в борьбе с экологическими преступлениями, уместно привести позитивный пример Ирландии и США. В Ирландии правоохранительные органы осуществляют расследование экологических преступлений путем взаимодействия и координации совместных действий, они включают в себя: полицию, департамент по охране окружающей среды, органы местного самоуправления [7, р. 188]. В США расследование экологических преступлений также предусматривает взаимодействие разных служб: агентства по охране окружающей среды, береговой охраны, ФБР [8, р. 7,8]. Кроме того, эти органы информируют прессу о количестве совершенных экологических преступлений, а также о количестве лиц, привлеченных к ответственности за их совершение [8, р. 10].

Взаимодействие полиции, а также других органов исполнительной власти и местного самоуправления в борьбе с экологическими преступлениями в США и Ирландии свидетельствует об актуальности

данного вопроса в этих странах. Координация усилий государственных служб в одном русле позволяет эффективно собрать доказательную базу и всесторонне провести расследование, а также повысить объективность проведенного досудебного следствия.

Анализируя законодательство США и ЕС, необходимо отметить, что санкции за совершения экологических преступлений выражаются как в значительных суммах штрафов, так и наказаниях в виде лишения свободы.

За совершения преступлений против окружающей среды уголовное законодательство США предусматривает следующие санкции: за незначительные преступления – штрафы; за преступления средней тяжести и тяжкие – наказание в виде лишения свободы от 3 до 5 лет; за особо тяжкие преступления – лишение свободы на срок до 15 лет [9, р. 143]. Кроме этого, руководители предприятий США несут уголовную ответственность за незаконные действия своих подчиненных, вне зависимости, принимали они участие в преступной деятельности или нет [10, р.1066,1067]. О значительных штрафах за совершение экологических преступлений свидетельствует судебная практика прошлых лет в Нью-Йорке (период 2003-2007 годы): при возбуждении 590 уголовных дел штрафные санкции в денежном эквиваленте составили несколько миллионов долларов [11, р. 4].

Законодательство ЕС включает нормативно-правовые акты в сфере охраны окружающей среды (директивы), которые общеобязательны для исполнения государствами – членами ЕС и за нарушения которых предусмотрены штрафные санкции [12, р. 185,186]. Органы ЕС полномочны устанавливать требования к воздушному и морскому транспорту с целью предотвращения загрязнений окружающей среды [13, р. 12,13].

Французское законодательство предусматривает уголовную ответственность за несчастные случаи, приведшие к загрязнению окружающей среды, и которые были результатом грубой неосторожности. Санкции данных статей предусматривают наказания в виде штрафов и определенных сроков лишения свободы [14, р. 12].

Практика США и ЕС свидетельствует о жёсткой позиции по отношению к правонарушителям в области загрязнения окружающей среды. В Украине некоторые нормы уголовного законодательства, устанавливающие санкции по экологическим преступлениям, достаточно «лояльны» по отношению к преступникам. Так, например, ст. 243 Уголовного кодекса Украины (далее – УК) «Загрязнение моря» предусматривает максимальное наказание в виде лишения свободы до 3 лет [15]. Данное положение вещей не соответствует опасности деяния, так как диспозиция статьи предусматривает негативный результат преступного деяния в виде гибели (угрозы гибели) живых организмов, создания угрозы жизни и здоровью людей, что уже, по сути, обладает значительной общественной опасностью.

С целью повышения эффективности борьбы с экологическими преступлениями, представляется необходимым установление более суровых наказаний за совершения правонарушений данной категории, которые

должны выражаться как в увеличении сумм штрафов, так и реальных сроков лишения свободы.

Анализируя уголовное законодательство Украины, следует отметить необходимость конкретизации некоторых его норм с целью устранения коллизий в процессе квалификации преступных деяний. Например, в приведенной ч. 1 ст. 243 УК «Загрязнение моря» законодатель указал объективную сторону преступления как загрязнение моря вследствие нарушения специальных правил сброса или захоронения вредных веществ. В данном случае под нарушением специальных правил понимается нарушение законодательства Украины (например, строительство объектов без соответствующего разрешения органов власти), сбросом является любое попадание вредных веществ с судна, а захоронением – их складирование и накопление в ёмкостях [16, с. 146]. Но как же тогда квалифицировать загрязнение моря из-за стихийных бедствий или аварий, которые были следствием ошибочных действий или бездействия соответствующих должностных лиц. Подобным примером является катастрофа в Керченском проливе, где из-за сильного шторма затонули десятки судов, в том числе и российский танкер «Волгонефть», чем было вызвано сильное загрязнение морской среды [17]. В соответствии с международным морским правом аварией является: столкновение судов, посадка на мель, иной инцидент на борту судна либо вне его [18, с. 192]. Таким образом, одной из причин катастрофы в Керченском проливе является преступное бездействие, а именно: капитаном порта не были приняты чрезвычайные меры по отходу кораблей в безопасное место, в условиях прогнозируемого резкого изменения метеорологической обстановки [19, с. 3].

Практика стран ЕС и США, свидетельствует об огромном значении, которое уделяется в этих странах проблеме борьбы с экологическими преступлениями. С целью повышения эффективности и объективности проведения досудебного следствия по экологическим преступлениям расследованием должны заниматься специализированные органы. Данные силовые органы с целью повышения эффективности борьбы с преступлениями против окружающей среды в процессе реализации своей деятельности должны сотрудничать и взаимодействовать с органами исполнительной власти и местного самоуправления. Санкции за совершение экологических преступлений должны адекватно отображать тяжесть совершенного преступного деяния. Таким образом, назрела необходимость уточнения норм УК с целью закрепление ответственности за действия (бездействие) должностных лиц, которые привели к негативным экологическим последствиям и были следствием стихийных бедствий, аварий или других инцидентов.

Список использованных источников

1. Книженко, С. О. Криміналістична характеристика та основні положення розслідування екологічних злочинів [Текст] : автореф. дис. на здобуття наук, ступеня

канд. юрид. наук : спец. 12.00.09 «Кримінальний процес та криміналістика, судова експертиза» / С. О. Книженко. – Харків, 2006. – 19 с.].

2. Туровець, Ю. М. Початковий етап розслідування злочинів проти довкілля [Текст] : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. юрид. наук : спец. 12.00.09 «Кримінальний процес та криміналістика, судова експертиза» / Ю. М. Туровець – Ірпінськ. – 2012. – 19 с.

3. EnviCrimeNet - Intelligence Project on Environmental Crime - Preliminary Report on Environmental Crime in Europe from General Secretariat of the Council to Standing Committee on operational cooperation on internal security DOC (17201/14, 16815/14) – Brussels, 5 December 2014 – p. 28.

4. Улітіна, О. А. Аналіз міжнародного досвіду діяльності суб'єктів, уповноважених здійснювати охорону довкілля [Текст] / О. А. Улітіна // Науковий вісник Національного університету біоресурсів і природокористування України. – 2014. – Вип. 197. – Ч. 3. – С. 141-148.

5. Manual on Prosecuting Environmental Crime in the Baltic Sea Egon – Manual on prosecuting environmental crime in the baltic sea region. – Date of last edit: 6 December 2013. – 95 p.

6. Тимченко О. В. Спеціальні знання слідчого при розслідуванні злочинів, пов'язаних з забрудненнями морського середовища [Текст] / О. В. Тимченко, І. В. Дмитриченко // Науково-аналітичний журнал «Митна справа». – Львів, 2015. – №3 (99), ч. 2, к. 2. – с. 43-47.

7. J. Dara Lynott The detection and prosecution of environmental crime / J. Dara Lynott // Judicial Studies Institute Journal – 2008. – №1. – p. 185-208.

8. Dighe, K Environmental Justice in the Context of Environmental Crimes / Kris Dighe, Lana Pettus // United States Attorneys' BULLETIN - 2011. – N. 4 V. 59 – P. 3-15

9. Michal M. O'Hear Sentencing the green-collar offender: punishment, culpability, and environmental crime / Michal M. O'Hear // The journal of criminal law & criminology. – Northwestern University, School of law, 2004. – Vol. 95, No. 1 – p. 133-275.

10. Mark A. Cohen, Environmental Crime and Punishment: Legal/Economic Theory and Empirical Evidence on Enforcement of Federal Environmental Statutes / Mark A. Cohen // 82 J. Crim. L. & Criminology – 1992. – Vol. 82 – Art. 14 – p. 1056-1107.

11. James J. Periconi The State of Environmental Crimes Prosecutions in New York / James J. Periconi // Published in Natural Resources & Environment – 2009. – Vol. 23, No. 3, – P. 1-5.

12. J. Dara Lynott The detection and prosecution of environmental crime / J. Dara Lynott // Judicial Studies Institute Journal – 2008. – №1. – p. 185-208.

13. Proshanto K. Mukherjee The Status of International and Regional Conventions relating to Ship Source Marine Pollution in States in the Baltic Region / Proshanto K. Mukherjee Abhinayan Basu // Baltic Sea Region programme 2007-2003 Part-financed by the European Union (European regional Development Fund). – 2011. – 27 p.

14. Joan Baucells Liados Possibilities and Limits of environmental criminal protection / Joan Baucells Liados Benoit Petit // Revistapara el Analisis del derecho in Dred. – 2013. – №3. – p. 1-16.

15. Кримінальний кодекс України [Електронний ресурс] / Верховна Рада України. — Офіц. вид. — Голос України від 19.06.2001 №107 — Режим доступу : <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/2341-14>

16. Кримінальне право. Особлива частина / О.С. Стеблинська. - К. : Ін-т крим.-викон. служби, 2014. - 358 с.

17. Подводные-технические работы на танкере Волгонефть - 139 завершены [Электронный ресурс] / режим доступа http://taxhelp.ru/new/view_article.php?article_id=14903 (дата обращения 20.02.2010).

18. Ермолина, М. А. Морской аварийный случай, связанный с загрязнением, в международном морском праве [Текст] / М. А. Ермолина // Российский юридический журнал. – 2009 – №3. – с. 91-94.

19. Ермолина, М. А. Международно-правовые стандарты чрезвычайных действий при защите мирового океана от аварийного загрязнения судов [Текст] / автореф. дис. на соискания науч. степени канд. юрид. наук : спец 12.00.11 – «Международное право» / М. А. Ермолина – С. Петербург, 2010. – 24 с.].

Дата поступления статьи – 15.09.2015.

Аннотация: в статье рассмотрена практика борьбы с преступлениями против окружающей среды в странах ЕС и США, проведен анализ механизмов расследования экологических правонарушений, взаимодействия органов государственной власти, а также санкций за нарушения уголовного законодательства в данных странах. Проанализированы некоторые аспекты применения украинского уголовного законодательства в области экологических преступлений в сравнении с практикой ЕС и США. Предложены возможные пути внедрения мирового опыта в сфере расследований преступлений против окружающей среды в национальные правовые системы.

Abstract: The article deals with the practice of struggle against environmental crimes in the EU and the United States. It analyzed the procedure of investigation of environmental offenses, interaction of public authorities as well as criminal sanctions for violations of the criminal norms in these countries. Some aspects of Ukrainian criminal legislation on environmental crime were analyzed in comparison with the practice of the EU and the United States. Possible ways of introduction of international experience in the area of investigations of crimes against the environment in the national legal system were proposed.

**НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЕ РАЗРАБОТКИ НАУЧНО-
ПРАКТИЧЕСКОГО ЦЕНТРА ПРОБЛЕМ УКРЕПЛЕНИЯ ЗАКОННОСТИ И
ПРАВОПОРЯДКА ГЕНЕРАЛЬНОЙ ПРОКУРАТУРЫ РЕСПУБЛИКИ
БЕЛАРУСЬ**

**ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА
ЗАКОННОСТЬЮ СОЕДИНЕНИЯ И ВЫДЕЛЕНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ***

Солтанович А.В.

Общие положения

В предмет прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания и предварительного следствия в стадии предварительного расследования, помимо множества иных вопросов, входит проверка законности соединения и выделения уголовных дел. На первый взгляд, соединение и выделение уголовных дел являются формальными процессуальными действиями органов уголовного преследования по выполнению соответствующих предписаний Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК) и не требуют особого внимания надзирающего прокурора. Однако это далеко не так. Соединение и выделение уголовных дел служит правильному определению объема следственного производства, что является необходимым для проведения быстрого, полного и всестороннего исследования обстоятельств уголовного дела. Необоснованное соединение или разделение уголовных дел может затруднить расследование преступлений, помешать установлению всех виновных в совершении преступления лиц.

По общему правилу, соединение или выделение уголовных дел является правом, а не обязанностью органа уголовного преследования. Это означает, что соответствующие постановления, посредством которых реализуется данное право, как и все другие решения по материалам и уголовным делам, должны быть не только законными, но и обоснованными и мотивированными.

Обоснованность постановлений о соединении или выделении уголовных дел означает, что они должны выноситься на основе всесторонне, полно и объективно исследованных материалов уголовного дела; мотивированность указанных решений выражается в том, что они должны базироваться исключительно на имеющихся фактических данных. Данные требования следует рассматривать как гарантии законности решения. Иными словами, постановление о соединении (выделении) уголовных дел является законным, если оно соответствует требованиям материального и процессуального закона, вынесено в установленном УПК порядке и является

* Публикуется в виде методических рекомендаций для прокурорских работников, следователей, органов дознания.

обоснованным и мотивированным. Требование мотивированности к постановлению повышает ответственность должностного лица или органа, его вынесшего, и служит гарантией от формального подхода к принятию решения. Кроме этого, мотивированность постановлений делает их убедительными для всех заинтересованных лиц. Однако, в отличие от УПК Российской Федерации, где в ч. 4 ст. 7 прямо закреплено, что определения суда, постановления судьи, прокурора, следователя, дознавателя должны быть законными, обоснованными и мотивированными, в белорусском уголовно-процессуальном законодательстве эти требования вытекают из различных статей УПК (например, из ст.ст. 8, 102, 350).

С учетом того, что прокурор не только осуществляет надзор за законностью соединения и выделения уголовных дел и в соответствии с п. 5 ч. 5 ст. 34 УПК отменяет незаконные и необоснованные постановления нижестоящего прокурора, начальника следственного подразделения, следователя, органа дознания и лица, производящего дознание, но и в предусмотренных законом случаях самостоятельно принимает по данным вопросам решения, он должен четко представлять и разрешать возникающие на практике проблемы.

Соединение уголовных дел

По общему правилу, по каждому факту совершения преступления должно возбуждаться уголовное дело, которое расследуется в отдельном производстве (ч. 1 ст. 27 УПК). Однако уголовно-процессуальным законом из данного правила предусмотрены исключения, дающие возможность соединения отдельных, обладающих определенными признаками, уголовных дел в одном производстве. При этом необходимо учитывать, что обоснованность объединения дел должна ставиться в зависимость от того, в какой связи находятся между собой преступления, дела о которых можно соединить в одно производство (однородные, связанные единством намерения, групповое преступление и самостоятельное преступление одного из соучастников и т.п.), какова сложность расследования этих дел, где совершены преступления и где находится большинство свидетелей и потерпевших по этим делам, в каком объеме проведено предварительное следствие, имеются ли, и в каком количестве, общие источники доказательств, возможно ли более рационально при раздельном расследовании и дальнейшем рассмотрении дел установить имеющие значение по ним обстоятельства. Анализ данных моментов позволит следователю и прокурору сделать вывод о том, будет или не будет способствовать наиболее успешному решению задач уголовного процесса соединение дел. Положительный вывод должен влечь решение об объединении дел, отрицательный – о их расследовании в раздельных производствах. В связи с этим можно сделать вывод о том, что перечень предусмотренных ст. 164 УПК оснований для соединения уголовных дел не является исчерпывающим, и, как правильно отмечается в специальной

литературе, уголовные дела могут быть соединены в одном производстве и в других случаях.

1. Соединение уголовных дел по обвинению или подозрению нескольких лиц в совершении в соучастии одного или нескольких преступлений

По общему правилу, уголовное дело должно возбуждаться по факту преступления. В отдельных случаях, исходя из вида преступления, в постановлении о возбуждении уголовного дела указывается лицо, его совершившее (ч. 1 ст. 175 УПК), которое приобретает статус подозреваемого, однако здесь также указывается на факт совершения преступного деяния. Если на момент возбуждения уголовного дела о групповом преступлении уже известны соучастники, то они также указываются в данном постановлении. В случаях, когда в ходе расследования дела по одному и тому же преступлению будет установлен еще один соучастник (соучастники), возбуждать дополнительно уголовное дело (дела) не требуется. Поэтому соединение уголовных дел по рассматриваемому основанию может иметь место, во-первых, когда дела, по сути ошибочно, возбуждались различными органами уголовного преследования против конкретных лиц, совершивших одно преступление, во-вторых, когда дела возбуждались по каждому преступному факту, а затем выяснилось, что эти преступления совершены в соучастии. Здесь также в отношении соучастников уголовные дела не возбуждаются, а они признаются, при наличии к тому оснований, подозреваемыми, которым впоследствии предъявляется обвинение. При этом всем соучастникам должен быть вменен в вину соответствующий квалифицирующий признак.

Обязательным условием соединения дел является то, что каждый из соучастников должен фигурировать либо в качестве подозреваемого, либо в качестве обвиняемого.

2. Соединение уголовных дел по обвинению или подозрению одного лица в совершении нескольких преступлений

Соединение дел по данному основанию – достаточно распространенное явление в практике органов уголовного преследования. Это объясняется, прежде всего, тем, что в данном случае наиболее явственно реализуется требование процессуальной экономии, т.е. без соединения уголовных дел по каждому из них необходимо было бы провести ряд одинаковых процессуальных и следственных действий, например, сделать запросы по представлению характеризующих подозреваемого (обвиняемого) материалов; при наличии данных о том, что лицо находится на учете в психоневрологическом диспансере, назначить по каждому делу психиатрическую экспертизу и т.п.

При принятии решения о соединении уголовных дел по обвинению или подозрению одного лица в совершении нескольких преступлений

необходимо учитывать положения Главы 7 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) «Множественность преступлений». Так, если при повторности преступлений (ст. 41 УК) их раздельное расследование отрицательно отразится, в основном, на реализации принципа процессуальной экономии, то при совокупности преступлений (ст. 42 УК), помимо этого, могут возникнуть проблемы с правильной квалификацией содеянного. Это может иметь место, например, при расследовании убийств с квалифицирующими признаками, предусмотренными п.п. 4, 7, 8, 12, 13 ч. 2 ст. 139 УК, когда в качестве последних выступают совершенные виновным иные преступления (реальная совокупность преступлений), либо при совершении путем одного деяния нескольких самостоятельных преступлений, например, путем подрыва автомобиля совершается акт терроризма в отношении государственного или общественного деятеля (ст. 359 УК) и одновременно убийство членов его семьи (ст. 139 УК) (идеальная совокупность преступлений).

3. Соединение уголовных дел по обвинению или подозрению в заранее не обещанном укрывательстве преступлений или в недонесении о них

При анализе правомерности соединения уголовных дел по обвинению или подозрению в заранее не обещанном укрывательстве преступлений или в недонесении о них необходимо исходить из того, что уголовная ответственность за укрывательство предусмотрена только в отношении тяжких или особо тяжких преступлений (ст. 405 УК); ответственность за недонесение наступает в отношении тяжких или особо тяжких преступлений, когда они готовятся, либо в отношении особо тяжких преступлений, когда они совершены (ст. 406 УК). Следовательно, прежде всего, должна быть оценена законность возбуждения уголовного дела об укрывательстве или недонесении в отношении тех преступлений, в связи с которыми совершены данные деяния. Это возможно при точной квалификации, что позволяет отнести преступления в соответствии со ст. 12 УК к категории тяжких или особо тяжких. Так как такая квалификация дается в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого (как исключение, при вовлечении лица в процесс в качестве подозреваемого путем вынесения об этом постановления), то уголовные дела о заранее не обещанном укрывательстве преступлений или о недонесении о них могут быть соединены в одном производстве только с теми делами, по которым фигурируют данные участники процесса.

4. Соединение уголовных дел, возбужденных по факту исчезновения лица, и об общественно опасном деянии, предусмотренном уголовным законом, связанном с исчезновением данного лица

Исчезновение лица, если в течение десяти суток с момента подачи заявления оперативно-розыскными мероприятиями, проведенными в этот

срок, установить местонахождение лица не представилось возможным, является самостоятельным основанием для возбуждения уголовного дела (п. 2 ст. 167 УПК). В постановлении о возбуждении уголовного дела по факту исчезновения лица статья УК не указывается (ч. 3 ст. 175 УПК). Если в ходе расследования такого уголовного дела выяснится, что, во-первых, в отношении лица до его исчезновения было совершено преступление (преступления), и, во-вторых, между ними существует причинно-следственная связь, например, лицу угрожали убийством, причинением тяжких телесных повреждений или уничтожением имущества (ст. 186 УК); требовали передачи имущества или права на имущество либо совершения каких-либо действий имущественного характера под угрозой применения насилия к потерпевшему или его близким, уничтожения или повреждения их имущества, распространения клеветнических или оглашения иных сведений, которые они желают сохранить в тайне (вымогательство) (ст. 208 УК); принуждали к совершению сделки или к отказу от ее совершения (ст. 246 УК) и т.д., что вынудило его покинуть свое место жительства, не поставив в известность родственников, друзей, знакомых, то уголовное дело о таком преступлении соединяется с делом, возбужденном по факту исчезновения лица. В противном случае (например, уже после исчезновения лица из его дома было похищено имущество) уголовные дела расследуются в отдельных производствах.

Если при расследовании дела в связи с исчезновением лица обнаруживается его труп с признаками убийства, причинения тяжких телесных повреждений, повлекших смерть, либо будет установлено, что в отношении такого лица совершено иное преступление, то возбужденное по факту преступного деяния уголовное дело соединяется в одном производстве с уголовным делом об исчезновении лица.

5. Соединение уголовных дел в случаях, когда лица, подлежащие привлечению в качестве обвиняемых (подозреваемых), не установлены, но имеются достаточные основания полагать, что несколько преступлений совершены одним лицом или группой лиц

Соединение дел по данному основанию может иметь место в тех случаях, когда анализ способов и орудий, места и времени, а также иных обстоятельств совершения преступлений позволяет с достаточной степенью уверенности предположить, что все они совершены одним и тем же лицом (лицами). Речь здесь идет, прежде всего, о так называемых серийных преступлениях (убийствах, изнасилованиях, разбойных нападениях, кражах и др.). Соединение возбужденных по каждому преступному эпизоду дел в одно производство создает больше предпосылок для установления виновного лица (лиц).

Если в ходе расследования дела будет установлено отсутствие связи между отдельными преступлениями, дело (дела) в соответствии с ч. 2 ст. 165 УПК выделяется в отдельное производство.

Выделение уголовного дела

В уголовном процессе допускается не только соединение, но и выделение из одного дела нового уголовного дела или даже нескольких уголовных дел. Это делается для того, чтобы определенные обстоятельства, возникающие при расследовании одних эпизодов преступной деятельности, не влекли за собой затягивание предварительного расследования по другим вмененным преступлениям. Выделение уголовного дела допускается также с целью ограничения влияния одних участников уголовного процесса на других, которое может иметь место при совместном расследовании и последующем судебном рассмотрении уголовного дела. Основания для выделения уголовного дела конкретизированы в ч.ч. 1, 2, 3, 5 ст. 165 УПК. Данный перечень является исчерпывающим. Нельзя вновь не указать на то, что ч. 1 ст. 27 УПК содержит категорическое предписание о том, что орган уголовного преследования в пределах своей компетенции обязан возбудить уголовное дело в каждом случае обнаружения признаков преступления. Это означает, что по каждому факту преступного деяния (при отсутствии отдельных обстоятельств, предусмотренных ст. 29 УПК) должно возбуждаться самостоятельное уголовное дело путем вынесения соответствующего постановления. При наличии предусмотренных ст. 164 УПК оснований такие дела могут соединяться в одном производстве.

Это может иметь место при совершении, хотя и предусмотренных одной статьей Уголовного кодекса Республики Беларусь и взаимосвязанных между собой, вместе с тем, самостоятельных преступлений. Следовательно, по каждому из них должно было возбуждаться отдельное уголовное дело. Учитывая, что данные преступления являются однородными, связанными единством намерения (например, одновременно одно лицо сбывает, а другое приобретает психотропное вещество), дела по ним допустимо как соединять в одном производстве, так и впоследствии, с учетом положений ст. 165 УПК, выделять одно из них в отдельное производство. Нарушением в приведенном примере будет вынесение постановления о выделении уголовного дела по одному из преступлений при отсутствии постановления о возбуждении по нему уголовного дела.

1. Выделение уголовного дела в отношении отдельных обвиняемых по уголовным делам по обвинению нескольких лиц в случаях, указанных в пунктах 1 - 4 части 1 статьи 246 УПК.

Несмотря на то, что в п. 1 ч. 1 ст. 165 УПК, который носит отсылочный характер, речь идет о выделении уголовного дела в отношении отдельных обвиняемых, однако в соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 246 УПК предварительное расследование приостанавливается за неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого. Следовательно, уголовное дело может быть выделено в отдельное производство и в

отношении неустановленного лица, участвовавшего в совершении преступления совместно с привлеченными в качестве обвиняемых лицами. Кроме этого, выделение уголовного дела по основаниям, предусмотренным п. 1 ч. 1 ст. 165 УПК, фактически является не правом, а обязанностью органа уголовного преследования, т.к. без выделения дела в отношении неустановленного лица, скрывшегося обвиняемого или при установлении у него временного психического расстройства или иного заболевания, препятствующих его участию в производстве процессуальных действий, а также при отсутствии реальной возможности участия обвиняемого в производстве по уголовному делу, дело в отношении других соучастников не может быть направлено в суд.

При осуществлении надзора за законностью выделения уголовного дела по рассматриваемым основаниям необходимо помнить также о требованиях ч.ч. 4 и 5 ст. 246 УПК, т.е. при выделении дела в случаях, указанных п.п. 1 и 2 ч. 1 указанной статьи, по нему должны истечь сроки производства. Это означает, что по времени выделение дела и приостановление производства по нему практически совпадают. В случаях, предусмотренных п.п. 3 и 4 ч. 1 ст. 246 УПК, дело может быть выделено в отдельное производство и до окончания срока предварительного следствия, в т. ч. продленного, установленного ст. 190 УПК. При этом следователь обязан выполнить все необходимые и возможные в конкретной ситуации следственные и процессуальные действия.

2. Выделение уголовного дела в отношении несовершеннолетнего обвиняемого, привлеченного к уголовной ответственности вместе с совершеннолетними обвиняемыми.

Выделение уголовного дела в отношении несовершеннолетнего обвиняемого является гарантией прав последнего и направлено на возможно максимальную изоляцию несовершеннолетнего в ходе предварительного расследования и в судебном заседании от отрицательного влияния взрослых, участвовавших совместно с ним в совершении преступления.

Как правило, уголовное дело в отношении несовершеннолетнего необходимо выделять в отдельное производство во всех случаях, когда он совершил преступление, не представляющее большой общественной опасности или менее тяжкое; является пособником преступления либо участвовал в совершении только отдельных эпизодов преступной деятельности, организованной совершеннолетними; привлечен в качестве обвиняемого за заранее не обещанное укрывательство особо тяжких преступлений, совершенных взрослыми лицами; признан невменяемым и по делу требуется осуществить производство по применению принудительных мер медицинского характера.

Вместе с тем, надзирающему прокурору необходимо иметь в виду, что выделение уголовного дела в отношении несовершеннолетнего, руководствуясь исключительно формальным основанием, предусмотренным

п. 2 ч. 1 ст. 165 УПК, не является обоснованным. Как правильно указывается в специальной литературе, если формально, руководствуясь интересами защиты несовершеннолетнего, разъединить уголовные дела, несовершеннолетнему придется труднее. Он будет два раза принимать участие в суде: по своему делу – в качестве обвиняемого и по делу взрослого обвиняемого – как свидетель. Кроме этого, по большинству таких дел в отношении взрослого соучастника должен решаться вопрос о привлечении его в качестве обвиняемого по ст. 172 УК – за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления. При этом требуется проведение дополнительных допросов, очных ставок с участием несовершеннолетнего обвиняемого. Безосновательное разделение уголовного дела создает дополнительную нагрузку для следственного аппарата, может отрицательно сказаться на всесторонности, полноте и объективности исследования обстоятельств уголовного дела. О том, что выделение в отдельное производство уголовного дела в отношении несовершеннолетнего обвиняемого нельзя рассматривать как императивное требование и что законность такого решения необходимо оценивать с позиции его обоснованности, дополнительно свидетельствуют положения ст. 431 УПК, предусматривающей, что, во-первых, уголовное дело в отношении несовершеннолетнего, участвовавшего в совершении преступления вместе со взрослыми, может быть выделено в отдельное производство в ходе предварительного следствия, если это не создаст препятствий для всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств уголовного дела, а, во-вторых, к несовершеннолетнему обвиняемому, привлеченному по одному уголовному делу со взрослыми, применяются правила главы 45 УПК.

3. Выделение уголовного дела в отношении обвиняемого, заявившего ходатайство об освобождении его от уголовной ответственности по основаниям, предусмотренным статьей 88-1 Уголовного кодекса Республики Беларусь.

В соответствии с п. 3 ч. 1 ст. 165 УПК орган уголовного преследования вправе выделить из уголовного дела в отдельное производство другое уголовное дело в отношении обвиняемого, заявившего ходатайство об освобождении его от уголовной ответственности по основаниям, предусмотренным статьей 88-1 УК. При этом выделение допускается при условии, что это не отразится на всесторонности, полноте и объективности исследования обстоятельств уголовного дела в судебном заседании. Обвиняемый может заявить ходатайство на любом этапе производства предварительного следствия по уголовному делу после привлечения его в качестве обвиняемого, а также во время ознакомления с уголовным делом после окончания предварительного следствия и нахождения дела у прокурора или его заместителя после передачи им дела следователем для направления в суд.

Согласно ч. 5 ст. 257 УПК по окончании ознакомления обвиняемого, его законного представителя и защитника с уголовным делом следователь обязан выяснить у них, заявляют ли они ходатайства и о чем именно, а также заявлено ли обвиняемым ходатайство об освобождении его от уголовной ответственности по основаниям, предусмотренным статьей 88-1 УК.

В случае сообщения одним из обвиняемых, его защитником либо законным представителем о заявлении ходатайства на имя Президента Республики Беларусь об освобождении от уголовной ответственности на стадии ознакомления с материалами уголовного дела, при отсутствии идентичных ходатайств остальных обвиняемых, производство по уголовному делу должно быть возобновлено для рассмотрения вопроса о применении п. 3 ч. 1 ст. 165 УПК.

На стадии изучения прокурором уголовного дела, поступившего в порядке ст. 262 УПК, оно подлежит возврату для производства дополнительно предварительного расследования с целью рассмотрения вопроса о выделении в отдельное производство дела в отношении обвиняемого, заявившего ходатайство. Самостоятельно выделить уголовное дело прокурор не вправе, т.к. данное полномочие не предусмотрено ст. 264 УПК.

Порядок рассмотрения ходатайств об освобождении от уголовной ответственности установлен Положением о порядке осуществления в Республике Беларусь помилования осужденных, освобождения от уголовной ответственности лиц, способствовавших раскрытию и устранению последствий преступлений, утвержденным Указом Президента Республики Беларусь от 03.12.1994 № 250 (далее – Положение). Для рассмотрения вопроса об освобождении от уголовной ответственности по ст. 88-1 УК обвиняемый должен обращаться не к следователю или прокурору, в том числе при завершении ознакомления с материалами уголовного дела, а в Администрацию Президента Республики Беларусь с ходатайством на имя Главы государства. В том случае, если обвиняемый, заявивший ходатайство, не выполнил условия освобождения, предусмотренные ч. 1 п. 25 Положения, в частности, им не возмещен причиненный ущерб, прокурор либо его заместитель не вправе направить уголовное дело в суд до рассмотрения ходатайства Президентом Республики Беларусь. Заявление обвиняемым ходатайства на имя Главы государства не подразумевает освобождение прокурора или его заместителя от обязанности в срок не более пяти суток, а по сложным и многоэпизодным уголовным делам – не более пятнадцати суток, по поступившему уголовному делу, при наличии на то оснований, принять решение в соответствии с п. 2 или 3 ч. 1 ст. 264 УПК. Приостановление предварительного расследования на основании п. 5 ч. 1 ст. 246 УПК в связи с заявлением обвиняемым ходатайства о применении ст. 88-1 УК не допускается.

4. Выделение уголовного дела в отношении подозреваемого (обвиняемого), с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве.

Пунктом 4 ч. 1 ст. 165 УПК установлено право следователя выделять уголовное дело в отношении подозреваемого (обвиняемого), с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве. При этом следует иметь в виду, что подать ходатайство может и подозреваемый, т.е. даже с момента возбуждения в отношении его дела. Но на момент заключения соглашения о сотрудничестве обвинение д. б. предъявлено, так как в ч. 4 ст. 486-6 УПК, хотя и указано текстуально, что «в ходатайстве...подозреваемый (обвиняемый) заявляет о признании своей вины в совершении преступления», позиция защиты должна быть выражена однозначно: согласие с обвинением, исходя из наличия самостоятельных функции уголовного преследования и функции обвинения. Поэтому фактически уголовное дело выделяется в отношении обвиняемого. Кроме этого, оно выделяется именно следователем, т.к. в случае заявления подозреваемым ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве в период производства дознания уголовное дело вместе с ходатайством о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве незамедлительно передается следователю для производства дальнейшего расследования (ч. 5 ст. 468-6 УПК).

Данное право может быть реализовано следователем при условии обязательного соблюдения требования ч. 4 ст. 165 УПК о том, что выделение уголовного дела допускается при условии, что это существенно не отразится на всесторонности, полноте и объективности исследования обстоятельств уголовного дела в судебном заседании.

Поэтому надзирающий прокурор, оценивая обоснованность выделения уголовного дела, должен руководствоваться следующими соображениями (с учетом опыта Российской Федерации, где нормы о досудебном соглашении о сотрудничестве введены в УПК Федеральным Законом от 29.06.2009 г.).

Выделение уголовного дела может объясняться заботой о безопасности обвиняемого; использование приговора как преюдиции в отношении других соучастников, не заключивших такое соглашение; стремлением в отдельных случаях улучшить статистические показатели (направление в суд большего количества дел).

Однако здесь необходимо учитывать, что довод об обеспечении безопасности не всегда выглядит убедительно, ведь все равно заключивший соглашение вызывается для дачи показаний. Поэтому важны применяемые меры защиты. Да и не по всем делам есть основания всерьез опасаться посягательства.

Расследование же дела в одном производстве имеет значительно больше преимуществ: 1) искусственное разделение всегда несет угрозу для полноты и объективности (в Российской Федерации известен случай, когда

из одного дела было выделено 8 дел); 2) судье труднее при раздельном рассмотрении проверить выполнение обязательств; 3) судье легче убедиться в фиктивности соглашения. (Справочно: В США в аналогичной ситуации вначале рассматривается дело в отношении тех соучастников, которые не изъявили желание сотрудничать. Но здесь нельзя смешивать еще одну форму – это сделка о признании вины, т.е. когда обвиняемый признает какие-то эпизоды, а по другим, более шатким, обвинение снимается, а наказание существенно уменьшается).

В Российской Федерации Постановлением Пленума Верховного Суда от 28.06.2012 г. предписано выделять уголовное дело в отношении обвиняемого, заключившего соглашение о сотрудничестве, в отдельное производство. Однако практика показывает, что остается множество неразрешенных проблем, к которым относятся: необходимость проведения как минимум двух полноценных судебных разбирательств; упоминавшаяся преюдиция, которая может отрицательно сказаться на реализации принципа состязательности по основному делу; солидарная ответственность соучастников при разрешении гражданского иска (так, при рассмотрении дела, в котором фигурировало пять соучастников, два из которых заключили соглашения о сотрудничестве, суд обязал последних полностью возместить ущерб в несколько миллионов российских рублей); в каком качестве необходимо допрашивать заключившего соглашение о сотрудничестве по «основному делу»: как свидетеля или как обвиняемого (последнее все-таки предпочтительнее); как поступать, если следователь или прокурор убедились, что обвиняемый не выполнил условия соглашения, а процедуры расторжения не предусмотрено.

С учетом изложенного, следует сделать вывод, что заключение соглашения о сотрудничестве не может выступать безусловным основанием для выделения уголовного дела в отношении заключившего его лица, однако для последнего должны быть сохранены все правовые льготы.

5. Выделение уголовного дела по делам о нескольких преступлениях с учетом мест совершения отдельных преступлений, сложности и трудоемкости предварительного расследования.

Часть 3 ст. 165 УПК содержит два основания для выделения дела: 1) совершение преступлений обвиняемым в нескольких местах; 2) сложность и трудоемкость предварительного расследования. Следует отметить, что данные основания могут иметься в наличии одновременно.

Выделение уголовного дела по первому основанию преследует цель минимизировать затраты, прежде всего, по его рассмотрению судом с учетом территориальной подсудности (ст. 271 УПК). Поэтому, говоря о совершении преступлений в нескольких местах, под последними следует понимать не просто населенные пункты, а различные административно-территориальные единицы (район, город, область). Выделение дела в связи со сложностью и трудоемкостью предварительного расследования

преследует цель сконцентрировать усилия на доказывании вины соучастников или исследовании иных преступных эпизодов. Поэтому надзирающий прокурор должен исходить из того, что согласие с его стороны на выделение дела будет обоснованным при условии, что в отношении конкретного обвиняемого по отдельным обвинениям собраны достаточные доказательства для направления дела в суд. Поэтому содержащееся в ч. 3 ст. 165 УПК предписание следователю принять меры по окончанию производства по такому выделенному делу следует рассматривать, по общему правилу, как выполнение требований ст.ст. 255 – 262 УПК. Согласие прокурора на выделение уголовного дела должно быть выражено в форме резолюции за его подписью на соответствующем постановлении, вынесенном следователем.

Что же касается выделения уголовного дела по рассматриваемым основаниям непосредственно прокурором, то это может иметь место только в случае, если прокурор лично его расследует либо возглавляет следственную группу (п.п. 3 и 4 ч. 5 ст. 34 УПК).

При осуществлении расследования заместителем или помощником прокурора выделение уголовного дела может иметь место либо с согласия прокурора, либо при даче последним указания о выделении дела на основании п. 6 ч. 5 ст. 34 УПК.

6. Выделение уголовного дела о ставшем известным в ходе предварительного расследования преступлении, совершенном другим лицом.

Закрепленная в ч. 5 ст. 165 УПК норма носит императивный характер, т.е. обязывает орган уголовного преследования выделить уголовное дело о ставшем известным в ходе предварительного расследования преступлении, совершенном другим лицом. Здесь надо иметь в виду, что речь идет об обнаружении нового, не связанного с расследованием уголовного дела, преступления, при этом совершенном не подозреваемым или обвиняемым по данному делу. Орган уголовного преследования в таком случае возбуждает уголовное дело либо в отношении конкретного лица (при наличии соответствующих данных), либо по факту преступления. Поэтому правомерность выделения уголовного дела оценивается прокурором исходя из законности его возбуждения, т.е. наличия повода (поводом здесь будет являться непосредственное обнаружение органом уголовного преследования преступления) и достаточных данных, указывающих на признаки преступления. Следовательно, отмена прокурором постановления о возбуждении уголовного дела должна влечь и отмену постановления о его выделении. В данной ситуации в рамках основного уголовного дела может быть проведена дополнительная проверка о ставшем известным в ходе предварительного расследования преступлении, совершенном другим лицом, либо в соответствии с ч. 6 ст. 165 УПК из данного уголовного дела выделяются материалы, что представляется более предпочтительным.

Список цитированных источников

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь : Кодекс Респ. Беларусь, 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобрен Советом Респ. 24 июня 1999 г. // Консультант Плюс : Беларусь. Технология Проф [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2015.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь, 16 июля 1999 г. // Ведомости Национального Собрания Республики Беларусь. – 1999. – № 28-29. – Ст. 433.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, 18 декабря 2001 г. // Консультант Плюс. Технология Проф [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2015.
4. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н.Ф. Ахраменко [и др.] ; под общ. Ред. А.В. Баркова, В.М. Хомича. – Минск : ГИУСТ БГУ, 2007. – 1007 с.
5. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Республики Беларусь / Н.И. Андрейчик [и др.] под науч. ред. М.А. Шостака ; учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Акад. МВД, 2014. – 1230, [2] с.
6. Новиков С.А. Досудебное соглашение о сотрудничестве как основание для выделения уголовного дела // Российский следователь. – 2012. – № 21.
7. Рязанцев В.А. Выделение уголовного дела в отношении несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого), привлеченного к уголовной ответственности вместе с совершеннолетними // Российский следователь. – 2013. – № 9.
8. Тетюев С.В. Производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних. Учеб. Пособие / Под ред. А.В. Кудрявцевой. – М.: Издательство «Юрлитинформ», 2007. – 192 с.
9. Чашин, А.Н. Досудебное производство в уголовном процессе : учебное пособие / А.Н. Чашин. – М. : Дело и Сервис, 2013. – 336 с.

НАШИ АВТОРЫ

Аккулев Аблайхан Шынтемирович – доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Евразийского гуманитарного института, кандидат юридических наук, докторант ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь».

Бородулькина Екатерина Сергеевна – младший научный сотрудник отдела исследований в области правоохранительной деятельности и осуществления правосудия Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь.

Бурый Виталий Евгеньевич – заместитель начальника факультета милиции по учебной работе УО «Могилевский институт МВД Республики Беларусь», кандидат юридических наук.

Винокуров Александр Юрьевич – и.о. проректора Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор.

Гавриленко Антон Владимирович – ассистент кафедры теории и истории права Белорусского государственного экономического университета.

Глухова Олеся Викторовна – заместитель декана юридического факультета по учебной работе, старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин УО «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина».

Гучок Александр Евгеньевич – заместитель директора ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», доктор юридических наук, доцент.

Дехтярев Евгений Валентинович – старший преподаватель кафедры уголовного права и криминалистики УО «Полоцкий государственный университет», кандидат юридических наук.

Дубко Михаил Анатольевич – ведущий инспектор управления правового обеспечения центрального аппарата Следственного комитета Республики Беларусь.

Зайцева Людмила Львовна – заведующий кафедрой прокурорской деятельности Института переподготовки и повышения квалификации судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Игнатюк Андрей Здиславович – доцент кафедры конституционного и административного права Академии управления при Президенте Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

Какителешвили Михаил Михайлович – ведущий научный сотрудник НИИ Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук.

Карабанова Елена Николаевна – заведующий отделом НИИ Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук.

Катушонок Ольга Валерьевна – старший преподаватель кафедры уголовного права и криминалистики УО «Полоцкий государственный университет».

Ковган Жанна Ивановна – старший экономист Департамента финансов и тыла МВД Республики Беларусь.

Кузьменкова Светлана Валерьевна – адъюнкт Академии МВД Республики Беларусь.

Куница Егор Владимирович – главный специалист ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь».

Купrienko Ирина Михайловна – преподаватель кафедры уголовно-исполнительного права уголовно-исполнительного факультета Академии МВД Республики Беларусь.

Лосев Владимир Владимирович – доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин УО «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина», кандидат юридических наук, доцент.

Маратаев Николай Валентинович – судья Гомельского областного суда.

Марчук Василий Васильевич – начальник отдела ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент.

Нефедов Сергей Николаевич – заведующий научно-исследовательской лабораторией методического сопровождения судебно-экспертной деятельности ГУ «Научно-практический центр Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь», кандидат технических наук, доцент.

Новик Олег Олегович – старший преподаватель кафедры уголовного права и уголовного процесса юридического факультета УО «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».

Протасевич Алексей Викторович – магистрант УО «Государственный институт управления и социальных технологий Белорусского государственного университета»

Русецкий Олег Валерьевич – начальник отдела ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», кандидат юридических наук.

Савчук Татьяна Анатольевна – доцент кафедры конституционного и административного права Академии управления при Президенте Республики Беларусь, кандидат юридических наук.

Семьянов Артем Сергеевич – преподаватель кафедры конституционного и административного права Академии управления при Президенте Республики Беларусь.

Сенько Анатолий Степнович – начальник отдела ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент.

Скалкович Марина Александровна – заведующий сектором по уголовным делам Брестского областного суда.

Скобелев Владимир Петрович – доцент кафедры гражданского процесса и трудового права юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Солтанович Андрей Владимирович – начальник отдела ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент.

Суховаров Константин Сергеевич – преподаватель кафедры уголовно-исполнительного права уголовно-исполнительного факультета УО Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук.

Тимченко Александр Викторович – эксперт Научно-исследовательского экспертно-криминалистического центра при УМВД Украины в Николаевской области

Топорикова Ольга Олеговна – начальник отдела ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь».

Федончук Маргарита Владимировна – главный специалист ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь».

Хомич Владимир Михайлович – директор ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Республики Беларусь.

Шакель Надежда Валентиновна – заместитель начальника организационно-инспекторского управления главного управления координации служебной деятельности центрального аппарата Государственного комитета судебных экспертиз, кандидат юридических наук.

Швед Надежда Александровна – главный специалист ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», кандидат юридических наук.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ СТАТЕЙ

Объем материалов научной статьи, представленной к опубликованию, должен составлять не менее 14 000 и не более 20 000 печатных знаков, включая пробелы между словами, знаки препинания, цифры и т.д. Материалы научных статей должны быть напечатаны на русском языке в редакторе Microsoft Word, шрифтом Times New Roman, 14 пт, межстрочный интервал 1,5, абзацный отступ 1,25 и включать следующие элементы:

Фамилию и инициалы автора (авторов) статьи, ее название.

Основную часть, включающую графики и другой иллюстративный материал (при их наличии).

Список цитированных источников.

Фамилия и инициалы автора (авторов) и название статьи набираются полужирным шрифтом по центру строки без переноса и без отступа. Название статьи должно отражать основную идею выполненного исследования, быть по возможности кратким, содержать ключевые слова.

Основная часть статьи должна содержать описание методики, объектов исследования и подробно освещать содержание исследований, проведенных автором (авторами). Полученные результаты должны быть сформулированы с точки зрения их научной новизны и сопоставлены с соответствующими известными данными. Цитированные источники приводятся по тексту в квадратных скобках и нумеруются согласно порядку цитирования.

Список цитированных источников оформляется по правилам, указанным в Инструкции по оформлению диссертации, автореферата и публикаций по теме диссертации. Список располагается в конце текста и набирается шрифтом Times New Roman размером 12 пт.

Дополнительно представляемые материалы. Вместе со статьей автором (авторами) должны быть представлены:

аннотация на **русском и английском** языках (100–150 слов), которую необходимо изложить так, чтобы она была пригодна для опубликования в аннотациях к журналам отдельно от статьи;

сведения об авторе (авторах) статьи: фамилия, имя и отчество, место работы, должность, ученая степень, звание, контактные данные (телефон, адрес, e-mail);

рецензия доктора или кандидата юридических наук для авторов, не имеющих ученой степени.

Научное издание

Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции

Сборник научных трудов

Основан в 2009 году

Выпуск 8

Ответственный за выпуск А.В. Солтанович

Подписано в печать 21.12.2015. Формат 60×84/16. Бумага офсетная. Ризография.

Усл. печ. л. 24,76. Уч.-изд. л. 18,18. Тираж 100 экз. Заказ 377.

Отпечатано с оригинал-макета заказчика в типографии

Республиканского института профессионального образования.

Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,

распространителя печатных изданий № 1/245 от 27.03.2014.

Ул. К. Либкнехта, 32, 220004, Минск. Тел.: 226 41 00, 200 43 88.

